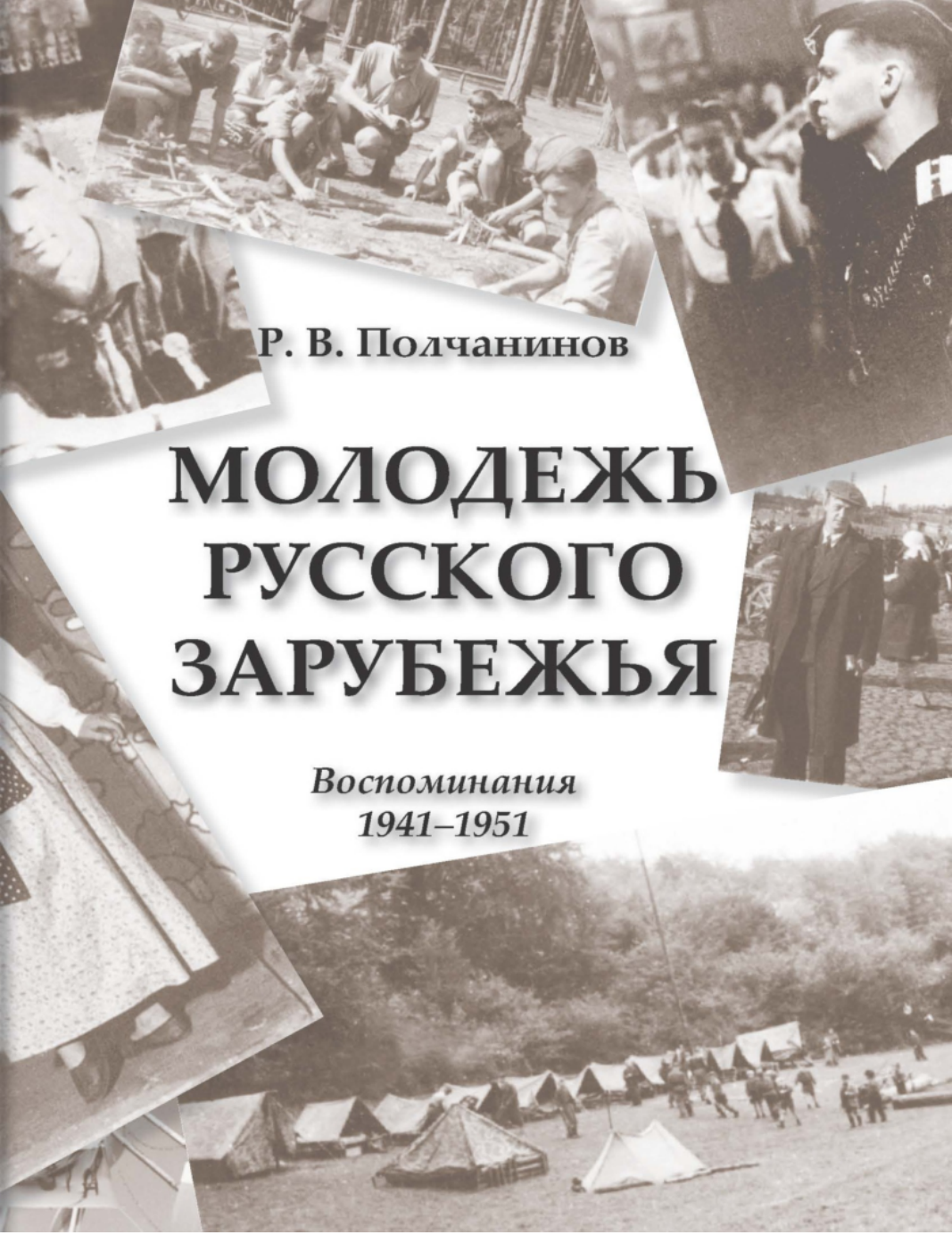


Р. В. Полчанинов

МОЛОДЕЖЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Воспоминания
1941–1951

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ о жизни и делах молодежи Русского Зарубежья в Европе в годы Второй мировой войны, а также накануне войны и после нее: личные воспоминания, подкрепленные множеством документальных ссылок. Книга интересна историкам молодежных движений, особенно русского скаутизма-разведчества и Народно-Трудового Союза, историкам Русского Зарубежья, историкам Второй мировой войны, а также широкому кругу читателей, желающих узнать, чем жила русская молодежь по другую сторону фронта войны 1941-1945 гг. Издано при участии Posev-Frankfurt/Main.

- Р. В. Полчанинов
  -
  - Предисловие
  - 1. После исхода белых армий
  - 2. «Новое поколение» в преддверии войны
  - 3. Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии
  - 4. Скауты-разведчики в Югославии уходят в подполье
  - 5. В Хорватии
  - 6. В Баня-Луке
  - 7. Русский православный приход в Сараеве
  - 8. Подпольный журнал «Ярославна»
  - 9. С рабочими в Берлин
  - 10. Берлин
  - 11. Берлин 1942 г. – V Курс для руководителей
  - 12. В Варшаве
  - 13. В Варшаву «по зеленой дорожке»
  - 14. Варшава
  - 15. Лагерь в Свидере
  - 16. Псков
  - 17. Псковское содружество молодежи при православной миссии
  - 18. Псковские староверы
  - 19. Как псковичи помогали своим пленным
  - 20. Propaganda Abteilung Nord
  - 21. Гвардейский маршевой батальон РОА в Пскове
  - 22. НТС в Пскове
  - 23. НТС в Гатчине и на Псковщине
  - 24. Рига
  - 25. Рукописный журнал «Перезвоны»
  - 26. Журнал НОРМ «Вперед»

- 27. Русская фирма «Эрбауер»
- 28. Русская фирма «Эрбауер»
- 29. Русская фирма «Эрбауер»
- 30. Конец скаутской подпольной работы
- 31. Нидерзахсверфен при американцах
- 32. От UNRRA до IRO
- 33. Выдачи
- 34. Основание ДиПи лагеря в Менхегофе
- 35. Менхегоф и соседние лагеря
- 36. Менхегоф – церковная жизнь
- 37. Менхегофский культпросвет
- 38. «Посев» и литература НТС в 1945–1948 гг
- 39. ОРЮР в Менхегофе и окрестных лагерях
- 40. Разведческое издательство в Менхегофе
- 41. Разведческая почта в Менхегофе
- 42. Дом «Милосердный Самарянин» и съезд руководителей юных разведчиков в 1945 г
- 43. РСХД и дружина «Севастополь» ОРЮР
- 44. Мартино, Темномеров, Бобровский и Пантюхов
- 45. Конференция ОРЮР в Менхегофе
- 46. День памяти Верных
- 47. Монтаж «Трагедия России»
- 48. Шлейсгеймская дружина и первый слет ОРЮР в 1949 г
- 49. Калмыки и ОРЮР
- 50. Суворовские торжества
- 51. World's YMCA–YWCA
- 52. Возрождение ХСМЛ в Германии в 1948–1951 гг
- 53. ИМКА в Менхенгофе
- 54. ИМКА в Шлейсгейме-Фельдмохинге
- 55. Война и книжный вопрос
- 56. YMCA и русские книги для военнопленных
- 57. Книжный бум в 1945–1948 гг
- 58. Денежная реформа 1948 г. в Германии
- 59. Русское Сокольство в Германии
- 60. Ордовский-Танаевский, ОРЮР и ИМКА в Шлейсгейме-Фельдмохинге 1947–1949 гг
- 61. Жан-Джон Моннэ и ДиПи скауты
- 62. VII Всемирное скаутское джембори Бад-Ишл (Австрия)
- 63. Когда мы вернемся в Россию
- Коротко об авторе
- Список сокращений

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131

- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175

- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219

- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263

- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

Р. В. Полчанинов
Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951

Ростислав Владимирович Полчанинов портрет работы О. Изместьевой 1938 г.

Предисловие

Эта книга – не история, а только воспоминания о том, чему я был свидетелем или в чем участвовал в 1941–1951 гг. Книга рассчитана как на историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся данным периодом. В книге я стремлюсь, не касаясь всем известных событий, сосредоточить внимание на малоизвестных или вовсе неизвестных фактах. Некоторые главы уже печатались в периодических изданиях с целью более широкой читательской критики и исправления возможных ошибок, а некоторые публикуются впервые. В сборе материалов мне помогали друзья, которых я с благодарностью упоминаю в примечаниях к каждой главе.

Благодарю мою дочь Людмилу Ростиславовну Селинскую и внука Георгия Федоровича Селинского за работу по обеспечению моей книги необходимыми фотографиями

В книге идет речь о русской молодежи, связанной и не связанной с НТСНП – Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения, ныне НТС, или просто Союзом.

Книга основана не только на том, что сохранила память, но и на дневнике моей жены Валентины Петровны (ур. Наумовой), который она вела с середины 1944 г., на моих записях того времени и на сохранившихся документах. В конце каждой главы даны соответствующие примечания.

Введением к воспоминаниям служат главы «После исхода белых армий» и «НТС в преддверии войны». Дальнейшие главы отражают путь моего следования – из Хорватии в Берлин, потом в Варшаву, в Псков, Ригу и обратно в Германию, в беженские лагеря. Как бы послесловием к повествованию о 1941–1951 годах служит последняя глава, которая доводит рассказ до наших дней.

Хоть я и не был свидетелем разведческой (скаутской) работы в Варшаве в 1940–1941 гг., считаю нужным сказать о ней, так как С. Л. Войцеховский в своих воспоминаниях упоминает о ней только вскользь, и без этого будет трудно понять дальнейшие события в Варшаве.

О РОА (Русской освободительной армии) и воинских формированиях из добровольцев или бывших советских пленных, воевавших на стороне немцев, о рабочих «остовцах» и о насильственных выдачах советских подданных приведены только отдельные, малоизвестные факты.

Автор надеется, что и историки и любители мемуарной литературы найдут в этой книге что-то стоящее и интересное.

1. После исхода белых армий

С белыми армиями в 1920-х годах за границей оказались и три дореволюционные молодежные организации: сокола, скауты и «Маяк».

Первое сокольское гимнастическое общество в России было основано чехами в 1870 г. в Мирогощи (Волынь)[1], а первое подобное русское гимнастическое общество – в Петербурге в 1879 г.[2], но оно тогда не получило разрешения называться сокольским. Только в 1907 г. правительство разрешило гимнастическому обществу в Тифлисе (ныне Тбилиси) носить такое название[3].

В 1903 г. был утвержден устав общества «Маяк», или «С.-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития», хотя уже в 1900 г. американец Дж. Стокс пожертвовал 50 000 рублей на деятельность этого комитета[4]. Дж. Стокс был членом YMCA – Young Men's Christian Association, по-русски ХСМЛ – Христианского Союза Молодых Людей. «Маяк» могли посещать *«лица мужского пола не моложе 17 лет»*, а целью деятельности «Маяка» было *«давать молодым людям полезные знания, доставлять им добрых друзей и создавать для них приятную обстановку, охранять их от влияния городских соблазнов»*[5].

В 1909 г. штабс-капитан О. И. Пантюхов положил начало разведческому скаутскому движению в России. Он следовал основателю мирового скаутского движения британскому генералу Роберту Баден-Пауэллу, автору книги Scouting for Boys, в русском переводе «Юный Разведчик».

У скаутов большинство членов были детьми и подростками, и только на руководительских должностях были лица 17 лет и старше. У соколов же все члены должны были быть не моложе 18 лет, но при сокольских обществах велась работа с «детьми» до 12 лет и «подростками» (12–18 лет)[6].

В годы Гражданской войны русские сокола с оружием в руках боролись с большевизмом, скауты помогали в тылах, а YMCA на деньги заграничных центров продолжала работу, начатую «Маяком» в Петербурге.

Русские скауты в 1918 г., после провозглашения независимости Латвии и Эстонии (о Финляндии у меня нет сведений), оставаясь на своих местах, оказались за границей. Они не были эмигрантами, но были антикоммунистами и болели душой за Россию. Первый эмигрантский скаутский отряд был основан в 1919 г. в Турции на о. Проти (ныне Кинали-Ада)[7]. В

1920 г., во время эвакуации Крыма, скауты создавали на кораблях «плавучие отряды» для помощи команде и пассажирам.

В конце 1919 г. или начале 1920 г. в Константинополе (ныне Стамбуле) на деньги YMCA был создан «Маяк», который, кроме всего прочего, выдавал скромные жалования скаутским руководителям за их работу с детьми и подростками. Более широкую деятельность проводила YMCA в Эстонии и Маньчжурии. В 1923 г. при помощи YMCA на съезде в Пшерове (Чехословакия) было создано РСХД – Русское Студенческое Христианское Движение для *«объединения верующей молодежи, служения Православной Церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных и неверующих»*[8].

В 1920 г. в Праге образовалась инициативная группа для основания «Русского Сокола»[9]. Сокольская работа состояла из обязательных занятий гимнастикой для всех членов до 26 лет под руководством начальника или начальницы[10] и культурно-просветительной деятельности под руководством воспитателя.

Кроме этих трех дореволюционных организаций, по всему русскому рассеянию возникали студенческие союзы и союзы или кружки молодежи.

В 1924 г. на шахтах Перника, в Софии и Шумене в Болгарии возникли кружки молодежи[11]. Примерно тогда же подобные кружки появились и в Югославии. В журнале «Наше будущее. Вестник Союза Русской Национальной Молодежи в Королевстве СХС» (Белград, 1926, № 1) цели Союза были определены так:

«1. Объединение молодежи для создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее былого могущества и величия.

2. Укрепление и распространение русского национально-государственного мышления, стремящегося к восстановлению России на ее вековых устоях – главенства Православия, Монархии и Народности, и посильное активное участие в русском национальном движении, не предрешающем на чужбине форм государственного устройства России, но стремящегося к освобождению ее от коммунистического ига»[12].

Подобные же цели преследовали и сокола, и скауты, и большинство кружков молодежи, что и привело их к решению объединиться в НСРМ – Национальный Союз Русской Молодежи, впоследствии Национально-Трудовой Союз (НТС), НСНП и НТСНП.

В 1920–1930-х годах многие организации, желавшие подчеркнуть свою готовность к служению России и русскому народу, включали в свое название слово «национальный», придавая этому слову положительный смысл, в

противоположность коммунистическому интернационализму. Будучи зачастую в душе монархистами, т. е. желая восстановить в России монархию, молодежь в то же время заявляла о своем «непредрешенчестве», т. е. о нежелании «предрешать на чужбине форму государственного строя России».

«Непредрешенчество» было характерной чертой как Белого движения в России, так и основанного генералом Врангелем в 1924 г. в Зарубежье РОВС – Русского общевоинского союза. Многие деятели НСРМ сражались в Гражданскую войну в рядах белых армий и потом стали членами РОВС. В силу этого РОВС видел в НСРМ свою смену, и в первые годы в журнале «Часовой» была постоянная страница НСРМ. Благодаря близости к РОВС первый съезд представителей национально мыслящей молодежи (с 1 по 5 июля 1930 г.) был устроен именно в помещении Русского офицерского собрания в Белграде[13].

На первом съезде, на котором состоялось объединение союзов русской национальной молодежи в Югославии, Болгарии, Франции и Чехословакии, в составе делегаций участвовали, среди прочих, Ф. И. Бострем и М. А. Павлов[14]. Первый известен как скаутский деятель из Франции, а второй – как сокольский деятель из Болгарии.

И скауты и сокола были заинтересованы в борьбе с денационализацией молодежи и надо полагать, что именно они предложили включить борьбу с денационализацией в третий пункт «Ближайших заданий», принятых съездом.

В начале 1920-х годов сокольство успело выработать некоторые программы просветительной работы с молодежью старше 18 лет, тогда как в НОРС – Национальной Организацией Русских Скаутов вопрос создания программ работы с молодежью старше 17 лет был впервые поднят только в 1924 г., после того как Баден-Пауэлл выпустил книгу Rovering to Success (Странствование к успеху), в которой говорилось о работе с молодежью старше 17 лет[15]. Сотрудничество скаутов с НТСНП в поисках программ для старших скаутов было одобрено с самого начала Старшим русским скаутом (Ст.р.ск.) О. И. Пантюховым. В своем приказе № 272 от 05.05.1934 он писал: *«Газета Нац. Союза Нов. Поколения “За Россию” любезно предоставляет в каждом номере место для статей и заметок русских скаутов-разведчиков. Советую выписывать эту газету во все отряды старых разведчиков».* В другом приказе он рекомендовал теснейшую связь между разведчиками и группами Союза – так как всякое сотрудничество всегда приносило большую пользу обеим сторонам[16]. Сохранилось также и письмо О. И. Пантюхова в Исполнительное бюро Союза:

«Давно хотел написать Вам, чтобы выразить Вам свое уважение и еще раз сказать Вам, что цели наши одни и те же. Уверен вполне, что Вы одинакового со мной мнения о необходимости взаимной поддержки. Это уже и было отчасти проведено в жизнь: лет пять-шесть тому назад я горячо рекомендовал Союз в своих обращениях и письмах к руководителям русских скаутов-разведчиков. Результатом было развитие работы Союза на Дальнем Востоке, где очень многие из руководителей и старых разведчиков взялись за работу в Союзе и заняли руководящие роли. В других странах то же… Нам надо еще много работать, чтобы создать чисто русское движение молодежи, влив свое (но талантливое и веселое) в увлекательную систему скаутизма… И надо иметь в виду, что у младшего возраста скаутов другие потребности, чем у юноши 16 лет и выше. За всякие добрые, конкретные советы или проекты, если бы таковые были, мы были бы в высшей степени признательны, и я просил бы их прислать мне…»[17].

О. И. Пантюхов упоминает в своем письме, что на Дальнем Востоке (Китай и Маньчжурия) руководители скаутов-разведчиков создавали звенья и отделения Союза, а В. Монтвилов пишет, что в Бресте (Польша) в 1932 г. *«возникла небольшая (человек 20) группа НСНП. Организаторами и руководителями НСНП в Бресте стали скауты»*[18].

Надо сказать, что НПП – национально-политическая подготовка, за разработку которой сразу же взялись члены Союза, была именно тем, что помогло сокольским воспитателям сделать сокольские доклады более привлекательными, а скаутским руководителям предложить увлекательную программу для скаутов старше 17 лет. Из курса НПП молодежь узнавала, откуда появился коммунизм (начиная с «Утопии» Томаса Мора, 1516 г., до «Коммунистического манифеста» Карла Маркса, 1848 г.), знакомилась с критикой его теории и практики в СССР и с противостоящими ему идеями солидаризма. Все это, а равно и история антикоммунистической борьбы и «основы национального мировоззрения», были изложены в так называемых «Зеленых романах», ставших настольными книгами для многих. Ни в гимназиях, ни в университетах содержание НПП не изучалось, за исключением основ социализма, которые все же проходили на юридических факультетах.

После окончания войны (1945 г.) много говорилось о влиянии НТС на ОРЮР (Организацию Российских Юных Разведчиков), но почему-то забывалось, что в 1930-х гг. скаутские руководители, и не только в Польше и на Дальнем Востоке, были и создателями и руководителями НТС, принимали участие в выработке программ

НПП, и трудно сказать, кто на кого оказывал больше влияния.

Союзная газета «За Россию», печатая в 1930-х гг. статьи о скаутах-разведчиках, не отказывала в печатании статей и о соколах, и о НОВ – Национальной Организации Витязей. Среди сокольских руководителей, кроме упомянутого М. А. Павлова, членами Союза был проф. Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), первый староста (глава) Союза Русского Сокольства за границей, староста русских соколов в Латвии – Николай Николаевич Лишин (1893–1941), начальник соколов в Режице Евгений Кашкин и почти все сокольские руководители в Латвии. В Шанхае в 1932 г. выходил журнал «Смена», с подзаголовком «Орган Дальневосточного отдела Национального Союза Нового Поколения и гимнастического общества «Русский Сокол»[19]. В НТС состояли бывший начальник НОВ Андрей Дмитриевич Шмеман (1921–2008) и парижские витязи о. Кирилл Фотиев (1928–1990) и Михаил Викторович Славинский (р. 1925). Из пражских витязей при РСХД членами НТС были возглавлявший организацию в 1933–1936 гг. д-р Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944), начальник Пражской дружины в 1936–1941 гг. Владимир Яромирович Горачек (1916–1981) и сменивший его в 1941 г. на этой должности Сергей Алексеевич Тарасов (1917–1982). Все трое были арестованы гестапо в 1941, но через пять месяцев освобождены. С. Тарасов вскоре нелегально пробрался в Смоленск, а Михаил Яромирович Горачек в Минск. Из пражских витязей членами НТС были и Сергей Иванович Бевад (1918–1944), и Владимир Густавович Конява-Фишер (погиб в 1939 г. при попытке перехода советской границы). Из руководителей НОРР – Национальной Организации Русских Разведчиков, во главе которой стоял полковник Павел Николаевич Богданович (1883–1973), мы знаем Михаила Леонидовича Ольгского (1912–1998), Константина Петровича Григорович-Барского, Игоря Брусникина и Олега Николаевича Минаева (р. 1919). Сам Богданович в начале 1930-х гг. вступил в Союз, но, как это вскоре выяснилось, только для того, чтобы членами Союза пополнить свои руководительские кадры. Вскоре он стал требовать, чтобы Союз прекратил печатать статьи о скаутах-разведчиках в газете «За Россию». Ему в этом было отказано, и Богданович тогда покинул ряды Союза.

Из скаутов-разведчиков, вступивших в Союз, следует упомянуть представителя Союза в Маньчжурии Константина Алексеевича Алексеева (1912–1995), Алексея Николаевича Князева (1905–1993), начальника Инструкторской части НОРС-Р (Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков) Александра Михайловича Шатерника (1902–1945), старшего скаутмастера ОРЮР Бориса Борисовича Мартино (1917–1962),

председателя Союза в 1996–2008 гг. Бориса Сергеевича Пушкарева (р. 1929), известного поэта Владимира Львовича Гальского (1908–1961), Малика Ибрагимовича Мулича (1917–1980), Игоря Николаевича Шмитова (1922–1982), Всеволода Владимировича Селивановского (1925–1988) и многих других, чьи имена ежегодно поминаются в День памяти Верных. По подсчетам на начало 1950-х годов примерно 2/3 руководителей ОРЮР состояли в НТС.

2. «Новое поколение» в преддверии войны

В Мюнхене, 30 сентября 1938 г., премьер-министры Невилл Чемберлен (Великобритания) и Эдуар Даладье (Франция) отдали Гитлеру пограничные районы Чехословакии (Судеты), а 15 марта 1939 г. нацисты вторглись в Чехию и взяли ее под свой «протекторат». Венгрия с боями захватила Карпатскую Украину (Подкарпатскую Русь), объявившую в тот самый день свою независимость, и прозванную поэтому «республикой одного дня». Венгрия отхватила что-то и от Словакии, которая также объявила свою независимость. Это было фактически началом Второй мировой войны, а не 1 сентября 1939 г., когда Германия, заключив союз с СССР, напала на Польшу, и нацисты показали всему миру, чего стоит их антикоммунизм.

В тревожном 1938 г. Германский отдел НТСНП «ввиду невозможности самостоятельной и независимой работы» решил самораспуститься, чтобы избежать запрета властями. Германию покинули его руководители С. А. Субботин и В. А. Нерсесиан. Последний позже участвовал во французском движении Сопротивления[20]. После присоединения Австрии к Германии самораспустился и Австрийский отдел.

В Албании, неожиданно захваченной 7 апреля 1939 г. фашистской Италией, НТСНП не успел самоликвидироваться и был запрещен[21].

В том же 1939 г. Союз подвергся разгрому в захваченной Красной армией Восточной Польше. Членам Союза была дана инструкция не оставаться на местах, а уходить либо вглубь СССР, либо на Запад. Те, кто замешкался, были репрессированы. Так, был расстрелян брат ушедшего на Запад Сергея Николаевича Падюкова Аркадий.

В Прибалтике формально не было отделов НТСНП, но власти знали об их существовании. По требованию СССР еще в марте 1938 г. в Эстонии было арестовано пять членов Союза: Б. Агеев, В. Булдаков, А. Тенсон, С. Ходоровский и Р. Чернявский, отправлявших из Эстонии союзную литературу в СССР. Все они, кроме А. Тенсона, в 1940 г., после присоединения Эстонии к СССР, не смогли покинуть страну и погибли. В Нарве был арестован и в 1941 г. в Ленинграде расстрелян Л. Д. Матвеев, а К. Луга был арестован и погиб в концлагере. Это только несколько известных имен из большого числа погибших.

В Латвии среди членов НТСНП были не меньшие потери.

Известно о расстреле в Риге Николая Николаевича Лишина, возглавлявшего Русское Сокольство, и членов правления общества «Русский Сокол» в Режице (по-латышски – Резекне) Бориса Харитонова и Николая Васильевича Яковлева. В тюрьме скончался член Русского Студенческого Православного Единения Владимир Владимирович Ассур (1883–1941) и ходивший «на ту сторону» Владимир Юркевич[22]. Расстреляны были руководитель Двинской (Даугавпилс) группы Всеволод Васильевич Елистратов (1913–1941) и активисты той же группы Борис Юрьевич Голубев (1916–1941), Александр Антонович Линдыш (1910–1941) и Иван Иванович Назаров (1910–1941)[23]. О потерях в Литве сведений нет. Нехватка данных о потерях в Прибалтике объясняется подпольным характером всей работы НТСНП там. Формально в Прибалтике не было ни Союза, ни его членов, и о принадлежности отдельных лиц к НТСНП зачастую другие его члены не знали.

В Чехословакии НТСНП был по требованию Советского Союза формально закрыт еще в 1936 г., но после немецкой оккупации гестапо арестовало пять наиболее активных членов Союза 14 апреля 1941 г. на общем собрании Клуба молодежи в Праге. В сентябре 1941 г. они были освобождены[24].

Франция и Великобритания, хоть и объявили 3 сентября 1939 г. войну Германии, но ничем не помогли своему польскому союзнику. Победив Польшу, Германия все свои силы бросила на Францию, которой пришлось заключить с ней перемирие. О вспыхнувшей войне между Германией и западными союзниками в газете «За Родину» (№ 90 от 1 октября 1939 г.) было сказано: *«Создавшаяся к настоящему моменту международная обстановка диктует нам: члены Союза выполняют на местах свои обязательства по отношению к странам, их приютившим. Весь же Союз, в целом, в современном вооруженном конфликте занимает позицию бескомпромиссного нейтралитета».*

В СССР очень скоро обратили внимание на деятельность созданного в 1930 г. Союза. Под давлением большевиков болгарские власти летом 1934 г. запретили дальнейшее издание в Болгарии газеты НСНП «За Россию». Начиная с № 31 она хоть и печаталась в Софии, но без указания места издания, а вскоре начала выходить в Белграде (Югославия). СССР и тут не оставил ее без внимания. Осенью 1937 г. югославские власти отправили В. М. Байдалакова из Белграда в своего рода ссылку в Сараево и закрыли газету «За Россию». Она стала выходить под названием «За Новую Россию», в 1939 г. снова должна была сменить название на «За Родину», чтобы в 1940 г. вернуться к старому названию «За Россию». Наконец, газета в 1941 г. была

окончательно закрыта, но Союз стал выпускать журнал «Огни. Орган русской воли»[25].

Все это стало возможным после убийства в Марселе 9 октября 1934 г. короля Александра, когда началось медленное сближение Югославии с СССР. Посольство Чехословакии в Югославии представляло интересы СССР, а в СССР – Югославии.

В 1936 г. в Софии стала выходить газета братьев Солоневичей «Голос России». Про советскую власть Борис Солоневич писал: «*Все ждут гибели этой власти и жаждут войны*»[26].

Русская эмиграция, в общем, разделяла такую точку зрения. Симпатии делились между Германией, Францией и Японией. От них ожидали начала военных действий. Один только Союз утверждал, что надо полагаться не на иностранную интервенцию, а на русские силы внутри СССР. На открытом собрании в Белграде 22 февраля 1939 г. В. М. Байдалаков сказал: *«А что, если в какой-то сумасшедший день вы прочтете в газете о восстании Н-ского военного округа, и что некий комкор Сидорчук сверг кровавую власть и повел страну к возрождению и славе? Что, разве мы не пойдем вместе с ним служить России?»* и закончил словами: *«У русской совести может быть только один ответ – ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом»*[27].

Когда началась война Германии против Польши и ее союзников, Югославия, которая была настроена против Германии и Италии, соблюдала строгий нейтралитет. Газеты печатали без комментариев военные сводки и западных союзников и Германии.

Весной 1940 г. цены на продовольствие в Югославии начали расти. Это было неприятно, но все понимали, что лучше платить дороже, чем воевать. Даже когда Италия напала на Грецию, мало кто в Югославии отдавал себе отчет, что они теперь на очереди. Люди думали, что война пройдет мимо, не затронув Югославию.

И греки, и итальянцы, показавшие себя плохо в Первую мировую войну, были предметом насмешек и анекдотов. Запомнился мне один. По горной дороге в мотоциклете с прицепом едут итальянские разведчики. У Италии была военная техника на должной высоте. Вдруг, за поворотом, появляется пешая греческая разведка. И одни и другие поднимают руки вверх. Секунды кажутся минутами. Наконец итальянцы заявляют грекам, что они все же были первыми, поднявшими руки вверх.

Но на самом деле греки сражались доблестно, когда итальянцы из Албании на них напали 12 октября 1940 г. Они не только прогнали нападавших, но и захватили 14 ноября спорную приграничную полосу с городом Корча. Германия решила помочь своему неудачливому союзнику и привлекла Румынию к

Тройственному пакту Берлин–Рим–Токио. Румыния присоединилась 23 ноября 1940 г., а 1 марта 1941 г. присоединилась и Болгария. Обе страны согласились разместить на своей территории немецкие войска. В граничащую с Грецией Болгарию Германия послала 17 дивизий, но для обеспечения фланга предложила и Югославии примкнуть к Тройственному пакту. У Югославии не было выхода, и регенты при малолетнем короле Петре II подписали 25 марта 1941 г. пакт о присоединении. Англичане, обещавшие послать войска на помощь Греции, склонили генерала Душана Симовича устроить переворот, обещав и ему военную помощь. Генерал Симович 27 марта арестовал регентов, провозгласил малолетнего короля Петра II полновластным главой страны, но не отказался от присоединения к Тройственному пакту.

Новая власть устроила повсеместные демонстрации с одинаковыми лозунгами: «Боље рат него пакт!» (лучше война, чем пакт!) и «Боље гроб него роб!» (лучше гроб, чем быть рабом!).

«В Белграде возле памятника князю Михаилу было разгромлено германское туристическое бюро и сожжен германский флаг. А в соборной церкви был отслужен молебен о благополучии короля, вступившего в управление государством. В числе дипломатического корпуса присутствовал германский посланник фон Херен, автомобиль которого во время возвращения из собора был оплеван толпой и забросан грязью… Посланник не принял извинений правительства, и было дано распоряжение германским и итальянским подданным возвращаться на родину»[28].

Правительство генерала Симовича, отдавая себе отчет о неминуемости войны с Германией, начало к войне готовиться, но старалось это делать незаметно. Мобилизация не была объявлена, но кое-кого из офицеров запаса призывали в армию.

Одним из таких был мой сараевский знакомый Алексей Павлович Мальчевский (1910–1991). Он выпустил в 1979 г. книгу своих воспоминаний. Там он написал, как в конце марта его призвали явиться в полк, стоявший в Сараеве, как он собрал свой «саркофаг», как в шутку офицеры называли свои походные сундуки, и явился в казармы, но своего полка уже не застал, и пришлось потерять немало времени, пока, наконец, удалось выяснить его местонахождение[29]. Это было 1 апреля 1941 г. Война еще не началась. А когда началась война, то *«полное отсутствие распоряжений и никакой связи со штабами дивизий или армий. Какие-то обрывочные телефонные разговоры неизвестно с кем»*[30].

13 апреля был получен приказ отбить у хорватских усташей (участников восстания) узловую железнодорожную станцию

Славонски Брод на линии Белград – Загреб. Для А. Мальчевского это было первое и последнее сражение. Станция была взята, взятые хорватами в плен сербы-офицеры освобождены, а что дальше? А дальше было решено бросить оружие, идти в Сараево и разойтись по домам. Большинство солдат и офицеров были из Сараева и его окрестностей.

Германия в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напала рано утром в воскресенье 6 апреля 1941 г. на Югославию. Югославия объявила Белград открытым городом, но это не помешало немцам подвергнуть город разрушительной бомбардировке.

Volkischer Beobachter. Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Grossdeutschlands (боевая газета национал-социалистического движения Великогермании) вышла 7 апреля под заголовком: «Немецкие солдаты ответили предателям». Под «предателями» подразумевались народы Югославии и их правительство.

По-видимому, король Петр, югославское правительство, британское посольство и, возможно, еще кто-нибудь, сразу покинули Белград и остановились в Пале – курортном городке около Сараева. 14 апреля король Петр II из Никшича (Черногория) вылетел через Афины в Лондон, а на следующий день за ним последовали генерал Симович и югославское правительство. Война была молниеносной, и 17 апреля Югославская армия капитулировала, не оказав немцам и их союзникам серьезного сопротивления. Одни сдались в плен, другие разбежались по домам, а кое-кто ушел в горы продолжать борьбу. Это были монархисты – четники (от слова «че'та» – отряд), с генералом Дража Михайловичем во главе, которые 8 мая неожиданно столкнулись с немецким патрулем, а уже 10 мая осуществили заранее подготовленное нападение на немецкий пост[31]. Коммунисты в то время были еще союзниками Гитлера и начали свои партизанские действия лишь после его нападения на СССР.

3. Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии

Русские студенты появились в Загребском университете в конце 1920 г. вскоре после эвакуации Крыма. Это были солдаты и офицеры белой армии ген. П. Н. Врангеля. Были в их числе и военные инвалиды, говорят, даже один инвалид-генерал. В 1921 г. в Загребе училось 80 русских студентов[32], а в 1922 г. – уже более 500 человек.

В. Лавров в своих воспоминаниях[33] писал, что Загребский университет был знаменит тем, что на 50–70 процентов был заполнен этими русскими бывшими военными, у которых «*обмундировка была совсем не первой свежести, видела она и окопную грязь, лежанье в цепях на грязно размокших полях, а у некоторых даже – в пятнах плохо отмытой крови*». Студенты, ходившие в своих военных формах, поскольку другой одежды у них не было, получили прозвище «кузнечики».

В. Лавров писал, что «кузнечики» получали от югославского правительства около 500 динаров стипендии и жили в русском студенческом доме – бывшей казарме. Этот дом на окраине Загреба – Кунишчак – был в австро-венгерское время венгерской военной тюрьмой, о чем свидетельствовали решетки на окнах. Военное ведомство отдало его русским студентам бесплатно, а за кровать, свет и отопление, как пишет В. Лавров, у студентов вычитали из стипендии по 30 динаров.

В этом двухэтажном доме было 8 больших комнат, где жили по 20–22 студента, и еще на каждом этаже по 6–7 маленьких комнат, в которых жили по 4 студентки. *«В подвалах казармы появился,* – пишет В. Лавров, – *деревянный прекрасно сделанный пол, стены красились и расписывались фресками, возникла маленькая сцена с прекрасным занавесом, откуда-то появилось пианино; создался уютный студенческий клуб с двумя залами; в одной была постоянная столовая, в другой устраивались вечера»*. Далее автор пишет: *«По субботам подвал изображал “роскошный бальный зал”. В зале со сценой расставлялись стулья и скамьи, занавес взвивался, и на сцене выступали певицы и певцы, куплетисты и рассказчики, декламаторы и пианисты, игравшие и классические и собственные произведения».* После спектакля начинались танцы. Далее В. Лавров писал, что у студентов *«были выборные старосты: и на каждом отделении, и на каждом факультете, и даже в группе постоянных студенческих статистов городского театра»*. Был у студентов и свой «Союз русских

студентов в Загребе».

Первоначально профессора не могли поверить, что люди, воевавшие три–пять лет и отвыкшие от учения, смогут слушать лекции на малопонятном языке и сдать потом зачеты. Оказалось, что белые воины были не только их самыми старательными учениками, но и успешно справившимися с зачетами.

«Кузнечики» пришли и ушли. На их места в университете и в русском студенческом доме пришли другие, окончившие кадетские корпуса или загребскую Русскую реальную гимназию. Главным образом из студентов 26 декабря 1924 г. в Загребе было основано общество «Русский Сокол». Основанию общества «Русский Сокол» в Загребе способствовало другое событие.

В августе 1924 г. в Загребе состоялся югославянский сокольский слет. В город съехались несколько тысяч участников, в том числе и группа русских соколов и соколок. Были шествия по городу, массовые гимнастические выступления на стадионе. К тому же в Загребе одновременно состоялся и III Краевой съезд Русского Сокольства в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославия). Югославянские сокола предоставили русским гимнастический зал и помещение для собраний, так как общество «Русский Сокол» с первого дня своего существования было секцией Союза Соколов Королевства СХС. Оно имело полную автономию, но пользовалось всеми его льготами, включая бесплатные железнодорожные билеты и бесплатную деловую почту.

Главой общества «Русский Сокол» в Загребе (по сокольской терминологии «старостой») был избран Сигизмунд Сигизмундович Жеромский (25.12.1881, С.-Петербург – ?). В 1934 г. старостой стал Иван Алексеевич Поляков, затем Борис Яковлевич Мальцев, а после него Федор Федорович Вяткин (24.02.1902, Пирей, Греция – 21.5.1967, Киль, Германия), служивший в годы Гражданской войны в I Лейб-гвардии артиллерийской бригаде. В 1945 г. был арестован советскими органами и приговорен к смертной казни, которая была ему заменена 15 годами принудительных работ. После отбытия срока смог выехать к брату в Германию.

Интересна сокольская свадьба в Загребе, описанная в «Сокольской газете» (№ 32, 1938): *«Старший руководитель детского отдела бр.* (брат – сокола и соколки считаются братьями и сестрами. – *Р. П.*) *Роман Владимирович Ренненкампф 28.II с.г. сочетался браком с дочерью б. российского консула в Загребе Георгия Юльевича Ферхмина, Татьяной Георгиевной. Обряд венчания совершил Владыка Досифей. Жених венчался в сокольской форме, старший шафер – староста бр. Вяткин и шафера бр. бр.*

Греков и Егоров были тоже в сокольской форме. Жениха благословила с. (сестра) *М. Вяткина вместе с его отцом Владимиром Романовичем. Много членов о-ва, сок. подростков и детей пришло в церковь поздравить новобрачных. Сестре Ренненкампф сок. подростком Ольгой Шишовой был передан букет цветов, перевитый русской нац. лентой от имени о-ва».*

В Сплите в 1927 г. было основано общество «Русский Сокол», просуществовавшее до 1928 г. В Осеке сокольское общество было основано в 1934 г. Старостой был избран Д. А. Марченко, заместителями старосты Остерман и Савельев, начальницей Маноцкова (в 1938 г. де-Боде), начальником (в 1938 г.) Кудинов, воспитателем Зельтман. Общество просуществовало до 1941 г.

Сокольство было задумано как массовая спортивная организация. Действительными членами могли быть только лица старше 18 лет, которые до 27 лет должны были посещать гимнастические занятия. Занятия с детьми и подростками были задуманы как подготовка сокольской смены. Должное внимание уделялось также патриотической и культурной деятельности.

Спорт и гимнастика привлекали молодежь в сокольские ряды, но не всех и не везде. Поэтому летом 1924 г. на руднике Перник (Болгария) нашлась группа молодежи, которая, кроме «поддержания и охранения культурных и национальных ценностей и сохранения русского национального лица», поставила себе целью и «действенное объединение для борьбы за освобождение родины». Сперва группа назвалось Кружком, но в 1927 г., после появления подобных кружков в других городах Болгарии и их объединения, был создан НСРМ.

Осенью 1924 г., независимо от начала деятельности «Кружка» в Болгарии, в Белграде (Королевство СХС) был создан СРНМ – Союз Русской Национальной Молодежи, который ставил перед собой подобные же цели. Отделения Союза вскоре появились и в других городах королевства, в том числе и в Загребе. Председателем Загребского отделения Союза стал Михаил Николаевич Хлопин (14.04.1907, С.-Петербург – ?), сыгравший впоследствии значительную роль в создании НСНП.

Идеи НСРМ (Болгария) и СРНМ (Югославия) были подхвачены русской молодежью в других странах. Центральные правления этих союзов выпустили 1 сентября 1928 г. совместное воззвание, предлагающее созвать в Белграде съезд молодежи с целью объединения молодежных организаций в единый союз.

Для подготовки съезда в Сен-Жюльене (Франция) 27 июня 1930 г. состоялась конференция, созванная «Антикоммунистической лигой» (Лигой Обера), на которой встретились представители русской молодежи из Болгарии,

Латвии, Франции, Чехословакии и Югославии. Приехавшие договорились о проведении учредительного съезда Национального Союза Русской Молодежи, который и состоялся в Белграде с 1 по 5 июля того же года.

На втором съезде в Белграде 25 декабря 1931 г., кроме упомянутых, были представители Бельгии, Польши и Литвы, но не было представителя Латвии. На этом съезде было принято новое название – Национальный Союз Нового Поколения, и был принят общий устав, вводивший единую структуру для всех отделов. Доклад по уставу был сделан председателем Загребского отделения М. Н. Хлопиным.

Если загребские русские сокола собирались в югославянском Сокольском доме, то помещение для собраний НСРМ было получено в Русском студенческом доме на Кунищаке. Там в большой комнате на 20 человек проживали два бывших студента – члена НТСНП: поэт Павел Николаевич Зеленский (1904–1978), подписывавшийся псевдонимом МЭП (Молодой эмигрантский поэт) и поэт Михаил Николаевич Залесский (1905–1979). В издательстве НТС «Посев» в 1981 г. вышел сборник стихов Залесского «Златоцвет».

У Зеленского сборника стихов нет, но его песни «В былом источник вдохновенья» на мотив песни 5-го гусарского Александрийского полка и «Мы поколенье…» на его собственный мотив печатались с нотами во всех НТСовских «Календарях памятках».

Кроме двух кроватей для постоянных жильцов, в комнате было еще две кровати для гостей. В 1936 г. мне пришлось там ночевать и затем не раз там бывать, вплоть до моего отъезда из Загреба в январе 1942 г., когда НТС формально уже перестал существовать.

Последним председателем Загребского отделения НТС был Георгий Яковлевич Киверов (1896, Россия – 15.08.1976, Мюнхен), поручик артиллерии, инженер-архитектор и художник, окончивший Загребский университет. В 1946 г. он основал в Гамбурге художественную школу, занимался иконописью и преподавал иконопись в школе. Одно время работал в Аддис-Абебе (Эфиопия), но из-за климата вернулся в Германию.

В апреле 1941 г., после создания НДХ – Независимой Державы Хорватии, все организации, существовавшие до войны, были распущены. Особо строгие меры были приняты по отношению к соколам.

Татьяна Витальевна Рыбкина прислала мне текст приказа полиции города Загреба от 22 декабря 1941 г. бывшим членам Югославянского Сокола, в том числе и русским соколам,

следующего содержания:

«Члены бывшего Югославянского Сокола на территории города Загреба призываются сдать свои сокольские формы или части форм в течение не более восьми дней полицейскому управлению города Загреба (ул. Джорджичева, 2, 1-й этаж) в служебное время от 8 до 13 часов. О сдаче формы будут выдаваться официальные подтверждения. Предупреждается, что за сдачей форм будет вестись строжайшее наблюдение, и против тех, кто не сдаст форму или ее части, будут приняты строжайшие меры, вплоть до отправки в концентрационный лагерь, а в случае задержки или возражений передачи – военно-полевому суду» (перевод наш. – *Р. П.*)[34]. Подобные приказы, вероятно, отдавались и в других городах.

Т. В. Рыбкина прислала мне и копию письма Исполнительного бюро НТС от 15.07.1941 министру иностранных дел НДХ за подписью главного секретаря исполнительного бюро Михаила Александровича Георгиевского (1888–1950) и председателя отделения в Загребе Георгия Яковлевича Киверова. В письме выражалась просьба молчаливого разрешения и одобрения всей деятельности Союза, включая согласие на поддержку стараний Союза основать Хорватско-русское общество, и на разрешение М. А. Георгиевскому переехать из Земуна в Загреб, с правом на выезд за границу и возвращение в НДХ. В письме подчеркивалось, что это письмо и все предыдущие шаги делаются с ведома и согласия представителя русской эмиграции в НДХ господина Г. Ферхмина. Не добившись положительных результатов, НТС оказался на нелегальном положении. М. А. Георгиевский остался в Земуне, а Г. Я. Киверов в 1942 г. уехал из Хорватии на работы в Германию для дальнейшего продвижения на оккупированную немцами территорию СССР.

В декабре 1941 г. в Загребе была открыта выставка «Борьба объединенной Европы на Востоке» (Borba Udružene Europe na Istoku). Когда я приехал в Загреб для дальнейшего следования в Германию, члены НТС посоветовали мне посетить эту выставку, чтобы не иметь никаких иллюзий насчет целей, которые преследуют нацисты. Война велась не ради уничтожения коммунизма, а для захвата территорий. Выставка была одновременно и антикоммунистической, и антисемитской, и антирусской.

Считая, что русским эмигрантам в тяжелые годы войны надо быть вместе с русским народом, группа загребских членов НТС заключила осенью 1941 г. договор с одной немецкой фирмой, работавшей около Киева. С этой группой произошел вскоре у немцев скандал. Нескольким молодым членам НТС вместо

канцелярской работы хотели выдать винтовки и послать их охранять лагерь военнопленных, работавших на пригласившую их фирму. Все отказались и потребовали соблюдения договора. Как хорватским подданным это им удалось, но этот случай и то, что члены НТС быстро нашли общий язык с местным населением, способствовали тому, что немцы распорядились русских эмигрантов с любым подданством не нанимать на работу на оккупированную территорию СССР.

После этого у членов НТС не было другого выхода, как ехать в Германию якобы на работу, а затем бежать с работы и нелегально пробираться на оккупированную немцами или румынами территорию СССР.

В границах Хорватии 1941–1944 гг., кроме отделения НТС в Загребе, оказались отделения в Сараеве (председатель Доне), Баня-Луке, Тузле (председатель поэт Александр Николаевич Неймирок) и Земуне.

За годы войны Хорватию покинули почти все члены НТС. Оставшийся в Загребе Ф. Ф. Косарш был арестован в июле 1945 г., обвинен в том, что с 1937 г. являлся одним из руководителей НТСНП и приговорен к смертной казни. Известно, что несколько пожилых членов НТС, оставшихся по разным причинам в Сараеве, были арестованы и отправлены в СССР, в том числе и председатель отделения, гвардейский офицер Доне, который, отбыв 15 лет в концлагере, скончался в СССР в доме для заключенных-инвалидов в Потьме.

Главный секретарь Исполнительного бюро и фактический руководитель НТСНП в 1930-е гг. М. А. Георгиевский (МАГ), пытавшийся накануне войны наладить связь с членами НТСНП в США, был в Земуне в октябре 1944 г. арестован партизанами Тито и передан органам советской госбезопасности. На Лубянке он подвергался допросам и шесть лет спустя, 12 сентября 1950 г., был расстрелян.

Для описания деятельности НСРМ, СРНМ и НТС была частично использована книга «Ранние годы» Л. Рара и В. Оболенского («Посев», 2003), а также материалы, присланные Т. В. Рыбкиной, за что автор выражает ей особую благодарность.

4. Скауты-разведчики в Югославии уходят в подполье Апрель–июнь 1941 г

Германия в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напала рано утром в воскресенье 6 апреля 1941 г. на Югославию. Слава (Святослав Владимирович) Пелипец (1916–1946), который незадолго до войны был призван в армию, отбывал воинскую повинность в Школе артиллерийских офицеров запаса. В артиллерию он попал потому, что, будучи агрономом, должен был знать уход за лошадьми, а югославянская артиллерия вся была на конской тяге. Вместе со школой Слава был послан защищать Сараево на какие-то несуществующие позиции. Ни он, ни его начальство не знали, куда им идти, и блуждали по горам, пока не наткнулись на немцев и не сдались в плен. Немцы пленных повели на сборный пункт в Сараево. Славе удалось бежать в прилегавшие к городу леса, хорошо ему знакомые по разведческим походам.

В предрассветном тумане, сбросив с себя форму, босиком, в одном белье, он перешел вброд реку Миляцку и почти сразу оказался дома. Из-за апрельского холода и ледяной воды Слава сильно простудился, и когда немцы, под угрозой расстрела, потребовали, чтобы все бежавшие из плена или разбежавшиеся из воинских частей добровольно явились в плен, Слава решил никуда не идти, а дома у матери лечиться от простуды. Положение Славы было опасным. Он боялся выходить днем на улицу, чтобы его кто-нибудь не узнал и не донес, а вечером не мог выходить из-за полицейского часа. Сперва немцы установили полицейский час в 8 часов вечера, но затем перенесли его на 9 вечера.

Югославия капитулировала, не успев провести всеобщую мобилизацию. Так, Борис Мартино, хоть и был офицером запаса, не был призван, и решил, что незачем добровольно являться в плен. Чтобы не попасть случайно в облаву, Борис тоже первые дни отсиживался дома. Только я, со своим студенческим удостоверением, мог ходить свободно по улицам, так как всем было известно, что студентов в армию не брали. Таким образом, я оказался свидетелем шествия военнопленных, которых вели почти без конвоя на вокзал для отправки в Германию. Зрелище было тяжелым. Впереди шли два или три генерала, за ними полковники, младшие офицеры и солдаты. У многих, но не у всех,

в руках были небольшие деревянные сундучки с вещами. Несмотря на угрозу расстрела, многие в плен не явились, и мне кажется, немцы их и не искали.

В Сараеве не было местного радио, и немцы свои распоряжения давали через объявления. Темы были разные, но все кончались одинаково: за неповиновение – расстрел. Были и менее кровожадные объявления, например, с изображением немецких бумажных денег и монет, которые стали обязательными к приему по принудительному курсу – 20 динаров за 1 марку.

Югославская полиция обеспечивала порядок в городе, но были и немецкие полевые жандармы. У югославских полицейских, в знак капитуляции, были белые повязки на рукавах.

Мне стало ясно, что ни о каком скаутском походе в день св. Георгия не могло быть и речи. Единственно, что можно было бы сделать, так это собрать ребят на молебен в церкви. Батюшка был доволен таким решением. До войны православный день св. Георгия 6 мая был выходным. Войска, школы и югославские скауты до зари уходили в горы. Таков был обычай, и делалось это в память тех сербских четников, которые в день св. Георгия все годы турецкого ига собирались в лесах, чтобы оказывать вооруженное сопротивление туркам. Сербы ежегодно соблюдали этот обычай и уходили в горы до зари, а за ними не спеша шли и мы, русские скауты-разведчики, и хорваты, и даже мусульмане.

В Сараеве в 1941 г. день св. Георгия был рабочим, но так как школы были закрыты, то в церкви собралась вся дружина, кое-кто из родителей, да и кое-кто из сербов.

Власть в Хорватии немцы сразу передали усташам – самой зверской из всех профашистских партий, которые уже 10 апреля 1941 г. провозгласили в Загребе Независимую Державу Хорватию. Независимость эта была относительной, так как Хорватия была разделена на две зоны оккупации – немецкую и итальянскую.

Во главе усташей стоял Анте Павелич (1889–1959), который в 1915–1929 гг. был секретарем хорватской партии Права и с 1927 по 1929 г. членом Народной скупштины (парламента Королевства СХС)[35]. По моим сведениям, после роспуска парламента в 1929 г. он пытался поднять неудавшееся восстание в Лике, после чего уехал в Австрию, а потом в Италию, устроив для усташей тренировочный лагерь в Янка Пуста (Венгрия). Он прибыл в Хорватию в обозе итальянско-германских войск и объявил себя главой страны – по-главником.

7 июня было объявлено о присоединении Боснии и Герцеговины к НДХ. В Сараеве появились усташи, приехавшие из эмиграции, и к ним потянулись далеко не лучшие из местных

католиков и мусульман. В Боснии и Герцеговине большинство принадлежало сербам[36], даже среди католиков, которые считали себя хорватами, было немало потомков боснийских сербов, насильственно переведенных в католичество в 1450-х гг. Хорваты в Боснии и Герцеговине были в меньшинстве, и усташи решили объявить всех мусульман хорватами мусульманской веры. Большинство мусульман считало себя сербами по происхождению, и у них было свое культурно-просветительное общество «Гайрет», но были и такие, кто считал себя хорватами мусульманской веры. У них было свое небольшое культурно-просветительное общество.

Получив власть в НДХ, усташи принялись за физическое истребление сербов. Считается, что из 1890 тысяч сербов, оказавшихся в 1941 г. в НДХ, 700 тысяч было убито, а 240 тысяч насильно переведено в католичество. По данным «Илустроване политике» от 11 июля 1989 г. из 350 сербских православных епископов, священников и монахов 219 человек было замучено и убито. Сараевского настоятеля русского православного прихода усташи не тронули потому, что уже 14 мая МВД НДХ распорядилось не трогать православных священников черногорцев, македонцев, болгар, румын, украинцев и русских и освободить из концлагерей с возвращением имущества тех, кто был арестован в первые недели усташского произвола.

Православным было запрещено называться «православными». Их стали официально называть греко-восточниками, и для них, включая и русских, был введен особо строгий полицейский час – не 9 часов вечера, а 5 часов дня. Пойманных расстреливали на месте. Сербы стали уходить в горы к четникам-монархистам. Коммунистические партизаны только после 22 июня стали готовиться к восстанию, которое вспыхнуло в Боснии и Герцеговине 27 июля.

Итальянцы старались защитить мирное сербское население, а немцы поначалу не мешали усташам расправляться с сербами. Только когда немцы столкнулись с партизанщиной, они стали одних сербов вывозить на работы в Германию, а других отправлять в Сербию как беженцев. При этом немцам приходилось охранять беженцев от усташей. Позже стали известны случаи, когда в защиту безоружных сербских беженцев в бой с усташами вступали казаки или части Русского корпуса[37].

С присоединением Боснии и Герцеговины к Хорватии в НДХ оказались, кроме Загребского и Сараевского русских отрядов скаутов-разведчиков и отряда в Баня-Луке (просуществовавшего под руководством Георгия Львовича Лукина (р. 1922) с августа 1941 по сентябрь 1942), также и одиночки в Осеке, Суне,

Карловце, Сплите, Славонском Броде, Варцар-Вакуфе, Яйце, Турбе и Земуне.

Малика Мулича война застала в Белграде, и немцы разрешили ему, как хорвату мусульманской веры, вернуться в Сараево. Перед этим у Мулича была встреча с Максимом Владимировичем Агаповым-Таганским (1890–1973), который просил сообщить Борису Борисовичу Мартино, что он передает ему свою должность начальника ИЧ – Инструкторской части НОРС-Р, так как в силу обстоятельств не может ее исполнять. Мы решили не прекращать разведческой работы, а уйти в подполье, а Мартино, став начальником ИЧ, решил возглавить эту работу. В связи с этим НДХ стала на короткое время центром подпольной разведческой работы в Европе.

ИЧ, конечно, можно было рассматривать как Главную квартиру НОРС-Р, но этого нигде не было сказано. Вернее, О. И. Пантюхов в приказе № 257 от 31.07.32 обещал «выслать дополнительно» Положение о правах и обязанностях начальника ИЧ, но, кажется, так этого и не сделал. Первым начальником ИЧ был Борис Иванович Цыновский (1902–1941), вторым – Александр Михайлович Шатерник. Оба, поработав некоторое время, отказались, и тогда был назначен Агапов.

Мартино не был помощником Агапова, а был только сотрудником и редактором «Вестника инструкторской части». Его работа состояла в сборе заметок о жизни и работе русских скаутов в разных странах и рассылке «Вестника…».

В Сараеве я работал в главной канцелярии «Югочелика», предприятия, которое вскоре было переименовано в «Хрватски рудници и талионице» (Хорватские рудники и литейные заводы). Рудников было несколько в разных местах, а в Зенице были сталелитейные заводы. Немцы приходили и не только забирали со складов гвозди, проволоку и профильное железо, но и заказывали все, что только мы могли для них сделать. Немцы за все расплачивались своими оккупационными марками, которые имели хождение наряду с местными динарами. Как потом оказалось, это было грабежом. Немцы платили деньгами, которые правительство Хорватии должно было потом, собрав у населения, уничтожить, не получив от немцев ничего взамен.

Настроение у служащих, как сербов, так и хорватов, было подавленным. О продолжении учения в Белградском университете не могло быть и речи, а мне оставался последний экзамен, который я должен был сдавать летом. Я решил перевестись в Загребский университет и попросил у моего шефа Црнича отпуск. Он с полным безразличием предложил мне написать необходимые бумаги и дать ему на подпись. В бумагах

надо было сказать, что я получил на работе отпуск для поездки в Загреб для оформления записи в университете и для дел, связанных с этим. Без подобного документа я бы не мог получить в полиции разрешения на пользование железной дорогой.

Я двинулся в путь 17 мая и решил использовать поездку для восстановления связи с Загребским отрядом, где кроме двух звеньев разведчиков и звена старших разведчиц была еще и стая волчат и пчелок (мальчиков и девочек 7–10 лет) и для посещения одиночек. Вместо того чтобы поехать прямо в Загреб, я поехал сперва в Яйце, где у нас была группа одиночек.

Разгром Югославии болезненно воспринимался русской эмиграцией, и хотя в продолжительность германско-советской дружбы никто не верил, у всех было подавленное настроение. Родителям я сказал, что, конечно, ни о каком лагере не может быть и речи, что я сейчас еду в Загреб, где надеюсь узнать немного больше о том, что теперь будет с русскими в Хорватии. Я старался поднять дух, говорил о необходимости не терять связи и о том, что надо во что бы то ни стало сохранить нашу разведческую организацию, конечно, под новым названием и не в том виде, в каком она существовала до войны.

Если мы в Сараеве чувствовали себя отрезанными от всего мира, то в маленьком боснийском городке Яйце подобное чувство ощущалось еще сильней. Мальчик и девочка 12–13 лет делились со мной своими военными переживаниями. Война так быстро прокатилась через их город, что они не успели ее по-настоящему осознать. Жизнь входила в нормальную колею, и все были целиком заняты починкой военных разрушений.

Поговорив с одиночками и их родителями, я двинулся дальше в Мрконич-Град, которому хорваты вскоре вернули его старое имя – Варцар-Вакуф. Там жила Таня Балабанова, вожак банялукского звена «Василек». Раньше из Яйце в Мрконич-Град можно было проехать автобусом, но оказалось, что он больше не ходит. Вместо него, да и то не в Мрконич-Град, а в какой-то городок поблизости, можно было проехать в телеге. Я решил, что это хоть и не лучший, но все же выход из положения, и занял место.

Почему телега не шла до самого Мрконич-Града, я узнал уже от спутников. Оказалось, что Мрконич-Град находится в зоне итальянской оккупации, в то время как Сараево и Яйце были в немецкой зоне. Для перехода границы между зонами нужно было какое-то специальное разрешение. Его у меня не было, но я решил планов не менять, а положиться на авось. Дело было не в молодости и легкомыслии, а в отсутствии ощущения, что настали иные времена.

Дорогу преграждал шлагбаум, около которого была будка с берсальерами. Я показал им немецкий пропуск и они, сказав что-то по-итальянски, позволили мне идти дальше. Тогда я вынул фотоаппарат и жестом попросил их встать перед их будкой, перед которой они из камушков сложили знак фашистов, нацистскую свастику и сделали по-итальянски надпись «ось Рим–Берлин». Мы поулыбались друг другу, и я пошел своей дорогой. Ни они, ни я еще толком не знали, что такое война. Подумать только, что они пропустили человека с фотоаппаратом, не зная, ни кто он, ни зачем и куда он идет. Они говорили только по-итальянски, а я по-итальянски говорить не умел. Вскоре я оказался в Мрконич-Граде у Балабановых. Мать Тани была сербкой, говорившей по-русски. Долго я не задерживался, так как телега в Баня-Луку шла по расписанию, и я не смел опоздать. Разговор был примерно таким же, как и в Яйце.

Я прошел мимо берсальеров, помахав им бумажкой, но тут же меня встретили немцы. Я им показал немецкий пропуск, а они спросили меня, как я оказался в итальянской зоне. Я им сказал, что у меня были неотложные семейные дела. Разговор затягивался, и я им наконец сказал, что мне негде ночевать и что пусть они меня либо арестуют, либо отпустят в Баня-Луку. Немцы решили меня отпустить, обругав итальянцев крепкими сербскими словами, которые они уже успели выучить, за то, что у них царит беспорядок. А в Мрконич-Граде мне говорили, что итальянцы хорошие люди и что они не позволяют хорватам-усташам обижать мирное сербское население.

В Баня-Луке я поделился новостями с некоторыми из родителей, от которых узнал, что хорваты, воспользовавшись тем, что во время бомбардировки бомба слегка повредила православный собор, приказали его разрушить. На следующий день я пошел посмотреть на рабочих, которые кирками ломают стены собора, и не удержался, чтобы не сфотографировать. Сделал я это из-за угла, оглядевшись перед этим по сторонам.

В Загребском университете были со мной не очень ласковы. Меня стали стыдить, что я из хорватской Боснии ездил в университет к сербам. Я стал оправдываться, что в Загреб надо было ездить с пересадкой в Славонском Броде, а в Белград было ближе, дешевле и без пересадки.

Служащий, рассматривая мои документы, и увидя, что я «рус», сказал: «Все понятно, греко-восточник и тянулся к своим “влахам” (оскорбительная кличка для православных-сербов), впрочем, пишите молбу (прошение), а мы там посмотрим».

29 мая меня приняли в университет с условием предъявить свидетельство о рождении и аттестат зрелости. В Загребе я

пробыл примерно десять дней. У меня было много разговоров со старшими о будущей работе. Я предложил оформить работу с детьми под названием «Национална младеж руске колоние», скрывать связь с разведческой организацией и делать вид, что вся работа ограничивается только Загребом и не преследует никаких особых целей.

Предъявив разрешение на поездку из Сараева в Загреб и обратно, я вместо билета в Сараево взял билет до Осека, хотя он мне и не был по пути. Нечто подобное можно было сделать только в мае 1941 г., до начала партизанщины. Людям тогда казалось, что после военного урагана все постепенно возвращается к более или менее нормальной жизни.

Последний раз я был в Осеке осенью 1940 г. Тогда я основал там два звена: «Амурский тигр» из младших ребят и звено (не помню названия) из старших. Младшее звено собиралось регулярно, а старшее распалось после отъезда вожака в Суню. Поэтому я пошел прямо к «Амурским тиграм» и нашел их в полном смятении. Устроив сбор звена, я узнал, что ребята, как только пришли немцы, сожгли звеновой флажок, литературу и все, что могло свидетельствовать о том, что они были когда-то разведчиками. Я им сказал, что «не так страшен черт, как его малюют», рассказал, что и как мы делаем в Сараеве и Загребе, что, конечно, лагеря в этом году мы не сможем устроить, но что в будущем году его обязательно устроим.

У ребят разгорелись глаза, все стали оживленно говорить, и тут-то Овсянников, помощник вожака, сказал, что он ни «Третий разряд», ни песенник, ни наши журналы не сжег, а спрятал в тюфяк.

Я сказал, что прятать ничего не надо. Тот, кто что-то прячет, тем самым признает, что делает что-то недозволенное. Надо только разведческую литературу держать подальше от чужих глаз, а в случае чего признаться, что до войны состоял в разведческой организации, которой теперь больше нет, а журналы остались, и в этом нет ничего плохого. Я похвалил Овсянникова, а он так растрогался, что сказал, что не изменил бы разведчеству, даже если бы ему дали сто динаров.

– Ну а за двести? – спросил я его.

– Даже за четыреста не изменил бы! Это было сказано наивно и по-детски, но зато от всей души.

Вечером собрались родители. Я, как приехавший из Загреба, рассказал обо всех новостях, о новых условиях для разведческой работы и добавил, что если они хотят сохранить организацию для своих детей, то должны будут оформить все это как работу в рамках Русской колонии.

Путешествовать по Хорватии было непросто. Не прошло и двух месяцев после капитуляции Югославии, повсюду были следы разрушений. Многие мосты были разрушены, и через реки приходилось переходить по каким-то досточкам, долго ждать поездов и пересаживаться из одного состава в другой. Приходилось много ходить пешком, недосыпать и недоедать.

5. В Хорватии
22 июня 1941 г. – 26 января 1942 г

В воскресенье 22 июня 1941 г. мы решили пойти на целый день на гору Требевич. День обещал быть хорошим, и мы, соблюдая правила конспирации, двумя группами в штатском, конечно, без малышей, а только старшие, двинулись в путь. Встречались мы на опушке леса, где росли из одного корня сразу три березки. Березы в Сараеве встречались редко. Мы их давно полюбили, принимая их как какой-то символ России.

Я жил на улице короля Твртка в доме № 3, и он был местом встречи для Игоря Москаленко и Клавдия Цыганова, которые жили на той же улице, и Бори Мартино, который жил недалеко от нас и которому мой дом был по пути.

Подъем на Требевич начинался сразу же, на другой стороне реки Миляцки. Город лепился по нижним склонам горы. Вместо тротуаров у крутых улиц были ступеньки, и в трехэтажные дома можно было входить с улицы на любой этаж. В одном из таких домов жил хорошо знакомый всем нам, друг нашей семьи, русский немец Евгений Иванович Гердт. Когда мы проходили мимо его дома, нас увидела из окна вся заплаканная его жена Мария Иосифовна, которая обратилась к нам:

– Дети, война началась! – И снова заплакала.

Мы переглянулись. В Европе война давно идет, и уже успела зацепить и разрушить Югославию. В чем дело, подумали мы, и в один голос спросили:

– Какая война?

– Настоящая война, – сказал появившийся в дверях Евгений Иванович. По радио сообщили, что сегодня, на рассвете, Германия напала на СССР, что Красная армия разбита и что Верховное командование обещает молниеносно закончить поход на Восток. Но я этому не верю, – добавил Евгений Иванович, – я слишком хорошо знаю Россию и русский народ.

Мы же, наоборот, обрадовались. Мы стали говорить, что вот сейчас, когда народ получит оружие в руки, он свергнет ненавистное ему советское правительство, и что война даст толчок к национальной революции, о чем неоднократно и много говорили братья Солоневичи[38].

Гердт только качал головой и повторял: «Эх, дети, дети». Да, он знал всех нас с раннего детства. Это он давал русской школе рождественские подарки для нас, мальчиков.

Мы простились и пошли дальше в гору. Настроение у нас

было приподнятое. Мы с жаром обсуждали последнюю новость, взволновавшую и обрадовавшую нас. Мы одинаково надеялись, что наконец-то пришло время национальной революции. Споров не было.

У березок нас уже ждал Жорж (Георгий Алексеевич, р. 1922) Богатырев и с ним две или три разведчицы. Мы немножко углубились в лес, чтобы нас не было видно с дороги, и, сложив всю взятую с собой еду вместе, как это у нас было принято, немножко подкрепились. Наша новость, конечно, всех поразила. О том, что освобождение России от коммунизма дело только времени, никто не сомневался. Всем было ясно, что теперь наше место в России с русским народом. Вопрос был только, как нам туда попасть и что нам там делать. Все были согласны, что вместо пионерии мы вернем разведчество. Говорилось о том, что разведчество не смеет быть монопольным, каким была пионерская организация, что, конечно, надо будет возродить и сокольство, и что в России ребят хватит на всех.

Не сговариваясь, кто-то затянул песню:

Слыхали ль вы про тот народ,
Что славой, славою живет,
И что пойдет он смело в бой,
Чтоб защитить свой край родной…

Добровольческие и дореволюционные песни сменились советскими. Мы их пели потому, что наших песен в Советском Союзе не знают, а чтобы нас приняли как своих, нам надо было петь вместе, а значит, советские песни, потому что ничто как песня не сближает поющих.

Долго оставаться в лесу мы не могли. Для нас, православных, или греко-восточников, как нас назвали усташи, был особо строгий полицейский час. Уже в пять часов вечера все мы должны были быть дома. Примерно в три часа мы двинулись в обратный путь. Жоржу и девушкам было дальше, чем нам, а мы, оказавшись задолго до полицейского часа в городе, решили еще зайти к Славе Пелипцу.

Выйдя из леса на дорогу и проходя мимо ресторана в доме лесника, мы услышали пьяных усташей, которые с подъемом пели:

Стои гора Требевич,
На ней седи Павелич.
Пие вино, пече яньце,
Коле србиянце…

(Стоит гора Требевич,
На ней сидит Павелич.
Пьет вино, жарит ягнят,
Режет сербов…)

Эта пьяная песня вернула нас к реальной жизни и к ужасу, царившему вокруг нас. Бодрое настроение сменилось очень даже грустным. Мы начали рассказывать друг другу о судьбе наших сербских друзей и знакомых. Мы никак не могли понять, как можно арестовывать и даже убивать невинных людей только потому, что они сербы.

Слава Пелипец уже давно выздоровел, но отсиживался дома. Как всегда, он был рад нам, а в этот день особенно, так как у него было радио, и он уже знал о начавшейся войне против СССР, и ему хотелось поделиться с нами мыслями и планами. Он сказал, что ему надоел его домашний арест и что он надеется с помощью НТСНП оказаться на освобожденной от большевиков земле. Падение большевизма, как мы понимали, должно было привести к ликвидации колхозов, и тут-то Слава надеялся применить свои знания агронома на пользу русского крестьянства, которое наконец-то освободится от колхозного рабства.

До войны в воскресные дни на Требевиче было полно народу, а теперь Требевич был пуст. По Требевичу гуляли немцы и усташи со своими барышнями да случайные горожане.

До 22 июня четники занимались главным образом саботажем на железных дорогах, а 27 июля в Хорватии восстание подняли коммунистические партизаны, назвавшиеся так в отличие от монархистов-четников. Все железные дороги в Боснии и Герцеговине были узкоколейными (76 см ширины) и проходили по лесистой и гористой трудноохраняемой местности. Особенно опасной для немцев была дорога из Сараева в Белград, проходившая вдоль крутых обрывов над рекой Дриной. Поезда, падавшие вниз, разбивались в щепки. К тому же на 400 км пути приходилось более ста туннелей. Дорога на юг, вдоль реки Неретвы, была не менее опасной. Вскоре обе эти дороги были выведены из строя. Когда же дорога на север была тоже захвачена повстанцами, то Сараево оказалось в полном окружении. Хорватская регулярная армия, называвшаяся домобранцами, храбростью не отличалась. В столкновениях с более сильным противником домобранцы сразу сдавались, зная, что в плену им плохо не будет. Многие переходили на сторону четников или партизан. Не желавших переходить в ряды четников или

партизан, людей более пожилых и семейных, заставляли работать. С работы было легко бежать, и такие беглецы, возвращаясь в строй и рассказывая о хорошем отношении к пленным, разлагали таким образом хорватскую армию изнутри.

За несколько дней до присоединения Боснии и Герцеговины к НДХ меня и всех прочих православных уволили с работы в Югочелике, переименованном усташами, как я уже писал, в «Хорватские рудники и литейные заводы». Это было сделано по закону «Об исправлении несправедливостей». В моем удостоверении сказано, что 4 июня я зарегистрировался как безработный и уже 11 июня получил первое пособие – 90 динаров.

Эти 90 динаров были меньше трети моего жалования, но зато, как безработный, я имел право на бесплатный проезд по железной дороге, если найду себе работу в другом городе. Зарахович, отец наших разведческих руководителей Нади и Вовы, занимал крупный пост в одной загребской фирме и прислал мне приглашение обсудить возможность получения работы. Такое письмо фирму ни к чему не обязывало, но для меня было основанием получить разрешение на поездку и бесплатный билет. Я получил и одно и другое, но не мог выехать из Сараева, так как город был окружен. Пришлось ждать, пока немцы с хорватами не прорвут окружение и не восстановят движение.

Слава Пелипец и рад бы был уехать из Сараева, но, пока мы были в окружении, должен был отсиживаться дома. У него было радио, и оно ему скрашивало жизнь. Однажды, поздно вечером, в поисках интересного, он вдруг услышал передачу по-русски, да не какую-нибудь, а НТСовскую. НТСНП призывал бойцов Красной армии повернуть штыки против своего главного врага и положить конец советской власти. Излагалась вкратце союзная программа, в которой говорилось о ликвидации колхозов и о многом другом. Слава схватил бумагу и карандаш и начал записывать. Впечатление было, что передача ведется с русской земли. Слава был сильно взволнован и только ждал прихода к нему кого-нибудь из нас. Нас эта новость взволновала не меньше, чем Славу. О том, что НТС уже действует на родной земле, стало достоянием многих русских сараевцев, в первую очередь, конечно, членов Союза.

Передачи как неожиданно начались, так же неожиданно и прекратились. Мы поняли, что немцы тому виной. Мы знали, что нацисты против НТСНП, и история с союзными передачами только подтвердила, что нам с ними не по пути.

Спустя много лет совершенно случайно я узнал от проф. Михаила Заречняка, что это он и его жена Галина Васильевна, в

те годы молодые члены отделения НТСНП в Братиславе, с начала войны в 12 часов ночи вещали против советского строя по радио Братиславы. Галина Васильевна была знакома со словацким заместителем министра пропаганды и от него получила разрешение на ведение передач. Радио «Москва» обозвало членов Союза «продажными пищалками», а немцы, которые тоже были недовольны русским голосом в эфире, через 6 дней прекратили передачи, сказав, что через каких-нибудь 6 недель они возьмут Москву, и в помощи НТСНП не нуждаются.

Связь Сараева с Загребом была восстановлена, и я уже 9 июля снова посетил Загребский университет, сдал нужные документы, что и было отмечено в моем студенческом удостоверении. Вскоре в Загреб уехали и Слава Пелипец, и Жорж Богатырев.

Если моя поездка в Загреб в мае 1941 г., а значит, до 22 июня, была трудной, но спокойной, то в июле все выглядело иначе. На станции в Сараеве, при покупке билета, служащий внимательно проверил мое разрешение на поездку, потребовал удостоверение личности и внимательно сверил меня с фотографией в документе. Поезд тоже выглядел иначе. Перед паровозом была платформа, переделанная в бронированный и ощетинившийся пулеметами вагон, а перед бронированным вагоном – открытая платформа, груженная камнями, чтобы в случае взрыва мины ни броневагон, ни паровоз не пострадали. Я ехал первым поездом из Сараева в Славонский Брод после прорыва блокады, и потому броневагон был украшен цветами. Я, с разрешения солдат, сфотографировал броневагон себе на память. Ехали мы мимо разрушенных и сожженных железнодорожных станций и множества крестьян, день и ночь охранявших железнодорожное полотно. Обстановка была напряженной, и я решил не рисковать, никого по дороге не посещать, а ехать прямо в Загреб.

В моем студенческом удостоверении сказано, что я 9 июля удовлетворил требования, а значит, получил право сдавать осенью экзамен. Это был бы мой последний экзамен, от которого зависело, получу я диплом или нет.

Настроения русских в Загребе в июле отличались от настроений в мае. Если в мае настроение было подавленным, то после 22 июня появились какие-то надежды. Уже 15 июля НТС обратился к министру иностранных дел НДХ с письмом, в котором было сказано, что НТС ставит себе целью подготовить русскую эмиграцию к новой политической жизни в освобожденной России и одновременно укрепить братские, дружеские отношения между хорватским и русским народами, что НТС не партия, а политическое движение, и что НТС просит у

правительства НДХ защиты и поддержки в виде «молчаливого разрешения и одобрения деятельности Союза, в том числе в создании Хорватско-русского общества, которое бы имело целью продвижение общих интересов хорватского и русского народов», а также разрешение переезда главного секретаря Исполнительного бюро проф. Михаила Александровича Георгиевского (?–1950) в столицу НДХ Загреб. Письмо было подписано Георгиевским и председателем Загребского отделения Союза инж. Г. Я. Киверовым.

Переезд М. А. Георгиевского в Загреб не состоялся, но ни он, ни Киверов арестованы не были. За их деятельностью усташи, конечно, следили, что и вынудило Киверова при первой возможности покинуть Хорватию.

Осенью 1941 г. одна немецкая фирма объявила среди русских эмигрантов набор чертежников и переводчиков для своего отделения под Киевом. В эту группу записались Игорь (Николаевич) Шмитов (1922–1982) с отчимом и матерью. Они, как и почти все прочие, были членами НТС. О своих впечатлениях Игорь написал в статье «За чертополохом», которая была напечатана в загребском подпольном разведческом журнале «Ярославна» (1942. № 6, июнь).

Название статьи заимствовано у бывшего донского атамана Петра Николаевича Краснова (1869–1947), ставшего в эмиграции известным писателем. В своем фантастическом романе «За чертополохом» он рассказал, как после эпидемии чумы у Запада прервались все связи с СССР, граница заросла чертополохом, и никто, кроме одного молодого эмигранта, не решался проникнуть в зачумленную страну. Выражение «за чертополохом» стало в 1930-е гг. в эмиграции весьма ходким. Шмитов писал:

«Еще не улеглись впечатления от мировых великанов городов, от Вены и Берлина, а уж скорый поезд мчался с маленькой кучкой русских, полных неясных надежд, унося их к рубежу их родины. От времени до времени бесконечный горизонт заполняется березовой рощей или сосновым лесочком с болотцем. Чувствуется приближение к русской земле, но на станциях слышна польская речь. С каждым поворотом колеса мы все ближе и ближе к чертополоху, отгородившему нас от истины. По ту сторону много загадочного, нового и непонятного. У всех одна мысль – где же граница? Наконец, мы подъезжаем к маленькой станции, ничем не отличающейся от предыдущих. У поезда давка, и бабы продают яблоки. Рубеж. Преграда снята, и мы вступаем на землю наших предков. Больше мы не эмигранты. Все взволнованы и опьянены происходящим. Все счастливы, хотя и сознают, что впереди будет много горя, много тяжелых минут. Но… что вообще может

чувствовать человек, мечтавший двадцать лет исполнения его желаний? В поезде маленькое торжество. Разливается заранее приготовленная наливка, и все друг друга поздравляют, как на Пасху, с новым для нас воскресением Родины. "За светлое будущее! За новую жизнь! За новую национальную Россию!"» (приводится с сокращениями).

Позднее Шмитов писал, в какие ужасные условия попали эмигранты. Сам он заболел туберкулезом и уехал в Вену лечиться. Там поступил на архитектурный факультет, специализируясь в средневековом искусстве под руководством проф. Голей.

В биографическом очерке о своей матери Зинаиде Михайловне Полуян (1902–1952) Шмитов писал в разведческом журнале «Опыт» (1972. № 59, июнь):

«Узнав о решении своего мужа и сына ехать в оккупированную часть России, она энергично добивается полулегального разрешения сопровождать их. Польско-русскую границу она переезжает, переодевшись в мужскую одежду. Контроль на границе не замечает и пропускает ее вместе с другими. Жизнь в голодной, оккупированной немцами России представляла собой мучение и физическое, и моральное. Разбитый авиацией и артиллерией и заброшенный колхоз «Глубокая долина» явился первым пристанищем полуголодных и для лютой зимы 1941–1942 гг. полураздетых пришельцев. В конюшни этого колхоза немцы согнали измученных голодом "презренных унтерменшей" – военнопленных, взятых в Киевском окружении. Каждый второй из них умирал, остальные находились между жизнью и смертью от голода и истощения и косивших болезней: тифа, дизентерии, цинги. Немцы боялись входить в эти рассадники эпидемий и, не имея сил, не желая заниматься пленными, оставляли их без всякой медицинской помощи умирать на соломе в полуизоляторах, полулазаретах, среди вшей. <…> Зинаиде Михайловне пришлось потратить много усилий, чтобы добиться разрешения организовать санитарные пункты и лазареты в лагерях военнопленных. Но немцы отказались дать какой-либо санитарный материал или медицинский персонал, даже из местных. На шесть основанных Зинаидой Михайловной лазаретов только в одном оказался военный врач, а в другом фельдшер. <…> Кроме отсутствия медицинского персонала, сказывалось полное отсутствие продуктов. По воскресеньям запрягались сани, и в сопровождении сына или мужа Зинаида Михайловна отправлялась в села, где она на сельских сходках или у церкви обращалась к крестьянам, прося пожертвовать продукты своим пленным. Нередко с полными санями возвращалась она назад».

Зинаида Михайловна тоже заболела туберкулезом, но не желала покидать родину и русских людей, только после истечения контракта она с мужем в конце 1943 г. уехала к сыну в Вену.

Осенью 1941 г. та же фирма набирала переводчиков и чертежников в Белграде. И там тоже записались почти только члены НТС. Пока шел набор, пока транспорт прибыл в Берлин, там, в Берлине, стало известно о скандале с русскими из Хорватии, и немцы решили отказаться от услуг русских эмигрантов. Всем было выплачено трехмесячное жалование за расторжение договора и предложено через биржу труда найти себе работу в Германии.

Приняв на себя должность начальника ИЧ, Мартино не сразу смог приступить к исполнению взятых на себя обязанностей. Если почта внутри Хорватии работала нормально, то из «независимой» Хорватии за границу, кроме как в Германию, никуда нельзя было писать. Да и если можно бы было, то нельзя было забывать, что все письма за границу проверялись военной цензурой. Только 1 ноября 1941 г. Мартино обратился с письмом «Всем руководителям», которое потом считалось приказом № 1 по ИЧ. В этом письме было сказано:

«1. Скм. (скаутмастер) *М. В. Агапов стечением обстоятельств принужден отойти на время от работы и передал должность нач-ка Инструкторской части и нач-ка отдела мне.*

2. Согласно новому положению, Югославский отдел расформировываю.

3. Ввиду того, что всякая связь с Америкой прервана, а о деятельности заместителя Ст. рус. скаута В. Н. Колюбакина на Европу ничего не известно, по слухам же он не в состоянии таковую вести, присваиваю себе до момента восстановления связи со Ст. рус. скаутом обязанность его заместителя на Европу, сочетая ее с должностью нач-ка Инструкторской части.

4. Назначаю ски. (скаутинструктора) *Олега Полякова и.д.* (исполняющим должность) *нач-ка Сербского отдела, пскм.* (помощника скаутмастера) *Ростислава Полчанинова нач-ком Хорватского отдела, Бориса Кирюшина – представителем НОРС-Р на Черногорию <…>.*

11. Требую от всех совершенной осторожности, бдительности и неутомимости. НОРС-Р официально нет, но она живет в наших сердцах и доживет до победы на Родине.

Будь готов! За Россию! Скм. Б. Мартино».

С этим приказом я поехал в Загреб держать экзамен в университете, а на обратном пути посетил отряд в Баня-Луке, основанный незадолго до того Юрой (Георгием Львовичем)

Лукиным.

Мне удалось в декабре, в связи с необходимостью выписаться из Белградского университета, еще раз посетить одиночек в Хорватии. На этот раз в Славонском Броде, Осеке и Земуне. В Белграде у меня была встреча с новым начальником Сербского отдела Всеволодом Владимировичем Селивановским (1925–1988), которому я передал письмо «Всем руководителям» и узнал о том, что назначенный начальником Сербского отдела Олег Сергеевич Поляков (1922–1989) отбыл в Германию, передав свою должность Селивановскому, ставшему в свои 16 лет самым молодым в истории разведчества начальником отдела. Селивановский мне подробно описал положение русских в Сербии и как там идет разведческая работа.

Улучшение отношения к православным русским в усташко-католической Хорватии после 22 июня имело и свою отрицательную сторону. Если православных сербов не брали в хорватскую армию, то нас, русских, могли бы взять. Мартино был офицером запаса, и его могли призвать в любой момент. Ко мне Бог был милостив, меня на экзамене в университете провалили, и у меня сохранилась законная отсрочка, но надолго ли?

За меня и за других русских, потерявших работу, хлопотал новый председатель Русской колонии капитан царской армии Владимир Иванович Огнев. В фирме «Хорватские рудники и литейные заводы» кроме меня было еще двое русских, которых уволили вместе с сербами только за то, что мы православные. В нас, как старых служащих, знавших работу, фирма, конечно, нуждалась, и со временем я оказался на старом месте, за своим столом с кучей рапортов, которые надо было внести в картотеку склада гвоздей и проволки, которой я заведовал. За месяц моего отсутствия накопилось столько бумаг, что я пришел в ужас.

– Неужели, если бы я не вернулся, то никто бы картотеки не вел? – сказал я моему соседу, который вел картотеку профильного железа.

– Так мы не сомневались, что вы вернетесь.

– Да, но как я теперь с этим справлюсь?

– А зачем вам стараться для немцев? И кому теперь нужны наши картотеки? Немцы ничего у нас не спрашивают, а просто идут на склад и забирают все, что там найдут. Если рабочие крадут гвозди и проволку, то не у нас и не у фирмы, а у немцев.

– Чем больше у нас будет беспорядка в картотеках, тем будет лучше для всех нас. Я, во всяком случае, стараюсь побольше запутать все наши дела так, чтобы не только немцы, но и сам черт не разобрался. Берите с меня пример.

В новых условиях нам надо было вести торговлю по-новому.

Когда приходили немцы, то разговор был коротким. Я им говорил, что из-за военного положения я не отвечаю за точность данных моей картотеки, и советовал ехать на склад и там оформлять заказ. Мы оформляли только счета, по которым немцы платили, не торгуясь.

С местными торговцами дела делались иначе. Помню, как к нам приехал агент от фабрики мыла за гвоздями и железными лентами для упаковки ящиков с мылом. Разговор был такой: привезите нам мыло для стирки, а мы вам дадим гвозди и железо. Конечно, не даром, но зато по твердым ценам.

Я привык к желтому твердому мылу, а это было недостаточно просушенным, белым и мягким. Я не скрыл своего удивления. «Младичу (молодой человек), – сказали мне, – привыкайте к войне».

Я начал привыкать и чуть не каждый день носил домой то мыло, то постное масло, то мясо, то муку или крупу. Получал я это не даром, но зато платил по твердым ценам. В магазинах по карточкам давали тоже по твердым ценам, но в зависимости от того, что было на складах. Никто не мог сказать, чего нам и сколько полагается. На карточках были одни буквы, и надо было следить по объявлениям, что и когда по ним будут давать.

Фабрика железа оказалась в военное время делом хлебным.

В конце 1941 г. немцы начали набор в Германию рабочих из Хорватии и для этого открыли свою биржу труда, но почему-то только в Загребе. На работу в Германию могли ехать только невоеннообязанные (по возрасту) и бесподданные. Хотя все мы были подданными, но получить удостоверение от Русского комитета, что мы русские бесподанные, не представляло труда. Мартино и я так и сделали. Мы предложили это же сделать и Игорю Москаленко и Клавдию Цыганову, которым вскоре должно было бы исполниться 20–21 год и которых тоже могли вскоре призвать в хорватскую армию. Оба решили ехать с нами вместе в Загреб и дальше в Германию, а там, если Бог поможет, то и в Россию. В Загребе к нам примкнул Жорж Богатырев, а Мулич решил поступить в университет.

Покидая Хорватию в январе 1942 г., Мартино обратился снова с полным чувств письмом к руководителям. Вот отрывок из этого письма:

«Да, была вера в правду и будущее. Но вера еще не действие. Любовью. Да, безграничной любовью вот уже десятилетиями собираются дети в лагерях, у елок, воспитываются для России, часто при равнодушии – и даже противлении недостойных русского имени родителей. Но любовью одной не могли бы мы бороться в подполье и в сетях интриганов. И дело молодых, девиз “За

Россию!”, новое слово руководителей победило лишь тогда, когда они твердо решили ни в коем случае не уходить, не бросать дела».

До войны в Сараеве была дружина скаутов-разведчиков, но начальник стаи волчат куда-то уехал, и пришлось прекратить работу с малышами. Работу с остальными я, уезжая в Германию, поручил местному мусульманину Эшрефу Смайовичу, который еще до войны стал русским разведчиком. Он ее оформил как работу с детьми при русской колонии. Так же поступить я посоветовал и Вове Зараховичу, которого я назначил начальником Хорватского отдела, а его сестру Надю – секретарем отдела. Надо было скрывать не саму работу с детьми, а ее разведческое содержание, скрывать, что организация продолжает существовать и что мы сохраняем прежние связи. Для посторонних все должно было выглядеть невинно, «на лужайке детский крик» и не более.

Целью всей подпольной разведческой работы было, с одной стороны, сохранение руководительских кадров, а с другой стороны, подготовка новых руководителей. Работа с детьми была нужна сама по себе, и это признавали все, включая и хорватских пронацистских усташей. Но работа с детьми нужна была и для сохранения организации как таковой, чтобы руководители оставались в организации и не искали себе иного применения сил. В общерусском зарубежном плане тоже нужна была хоть какая-то организация молодежи, чтобы в случае надобности иметь готовые и проверенные кадры.

6. В Баня-Луке 1941–1945 гг

В январе 1940 г. я посетил Баня-Луку, основал там звено разведчиц «Василек» и назначил вожаком Таню Балабанову. Звено работало до отъезда Тани к родителям в Мрконич-Град на летние каникулы. С осени 1940 г. сборы возобновились, но прервались в апреле 1941 из-за начала войны. Таня снова уехала в Мрконич-Град.

В августе 1941 г. в Баня-Луку приехал Юра Лукин, который до этого был вожаком звена в Мостаре. Он договорился с председателем Русской колонии Евгением Владимировичем Антоневичем о работе с молодежью. Согласно моей инструкции, работа должна была вестись под названием «Русская национальная молодежь при Русской колонии», но Юра Лукин предпочел название НОРМ – Национальная Организация Русской Молодежи, под которым уже велась работа в Германии.

Профашистская хорватская партия усташей, придя к власти, создала обязательную организацию – Усташка младеж. С ней правление Русской колонии договорилось, что русские не должны быть членами Усташкой младежи, но должны будут состоять в НОРМ и участвовать в хорватской «радной службе» (службе труда). Была также достигнута договоренность, что мальчики будут работать у русского предпринимателя, а девочки – в библиотеке русской колонии и убирать два раза в неделю помещение. Помещением была одноэтажная пристройка – большая комната и две небольших. Находилось оно в центре города, недалеко от железнодорожной станции. Кроме Русской колонии, до войны там помещались общества «Русская матица» и «Русский Сокол», основанное, кажется, в 1936 г. и запрещенное усташами в апреле 1941 г. С августа 1941 г. там велась работа НОРМ, единственной русской организации, разрешенной усташами, не считая Русской колонии, которая была и общественной организацией и в то же время правительственным учреждением по русским делам.

В НОРМ была строгая дисциплина. Родителям тех, кто пропускал сборы, посылали повестки с напоминанием, что «Ввиду того, что Ваш … обязан состоять в НОРМ, то, следовательно, должен принимать участие в жизни и работе этой организации. <…> НОРМ должна оповещать штаб «Усташкой младежи» о тех, кто не принимает участия в работе, и исключать таких членов из своих рядов. Во избежание этого нежелательного явления просим

Вас принять меры…». Русской молодежи приходилось принимать участие в парадах 10 апреля по случаю провозглашения Независимой Державы Хорватии, но этим, кажется, ее обязательства перед властью ограничивались. Власти не очень интересовались, что делают русские, зная, что они антикоммунисты и помогать партизанам не будут.

Все это было внешней стороной работы. Но была и внутренняя. Подпольный отряд имени св. Владимира был разделен на звенья разведчиц – «Василек» и разведчиков «Иван Сусанин» (старшие) и «Рысь» (младшие), вожаком последнего был Саша Александрович. Проходились разряды, в 1942 г. с 5 по 13 августа был даже устроен лагерь в Гайгеровом Гаю («гай» по-русски – роща), в 3–4 км на северо-запад от Баня-Луки.

В лагере были палатки, в которых спали разведчики. Разведчицы ночевали дома, но весь день проводили в лагере. На них была кухня. Печь была примитивной. Был прорыт небольшой ров, на который была положена железная решетка. На нее ставился небольшой котел для варки густого супа, который был и первым, и вторым блюдом. На последнем костре всем лагерникам прожигалась на галстуках дырочка веткой от костра.

В ноябре 1941 г. мне удалось посетить Баня-Луку. Юра Лукин устроил сбор отряда. К сожалению, я не смог тогда встретиться с Сергеем Антоновым, моим бывшим одиночкой из Куманова, который был там начальником или одним из главных руководителей местной скаутской дружины. Осенью 1938 г. он переехал в Белград учиться в университете, где тоже показал себя хорошим руководителем. Оказавшись в 1941 г. в Баня-Луке и будучи призванным в хорватскую армию, он находил время принимать участие в работе отряда и вместе со своим младшим братом Бобом быть душой всей разведческой работы.

Звено «Василек» выпустило в 1942 г. первый, и, увы, единственный номер журнала «Василек», отпечатанный на шапирографе в 9 экземплярах с красивой, сделанной от руки обложкой. Были и другие звеновые журналы, которые тоже печатались на шапирографе: «Иван Сусанин», который выходил с 1941 г., и «Рысь».

С. С. Антоновым разведческая работа продолжалась и после отъезда Ю. Лукина в сентябре 1942 г. в Германию. Продолжали выходить звеновые журналы «Иван Сусанин» (сохранился № 5 (17) за март 1943 г.) и «Рысь» (сохранились № 3 и 4 за февраль 1943 г.). Председатель колонии поручил руководить молодежью Виталию Макаровичу Рыбкину (1897–1973), который разведческую работу не запрещал, но и не поощрял.

Работа продолжалась до прихода в город красных партизан в

ночь с 22 на 23 апреля 1945 г. После прихода коммунистов к власти начались аресты русских. Е. В. Антоневич и В. М. Рыбкин были арестованы и приговорены к двум годам тюремного заключения. О русской общественной работе при коммунистах не могло быть и речи.

Благодарю за помощь в работе над этой статьей Александра Александровича и Татьяну Рыбкину (в замужестве Пушкадия).

7. Русский православный приход в Сараеве

До 5 сентября 1929 г., пока в Сараеве находился Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, русские сараевцы могли посещать корпусную домовую церковь, но после отъезда корпуса в Белую Церковь перед ними встал вопрос создания собственного прихода.

Русский церковный быт отличался от сербского. Мы, русские, например, после всенощной в Великий четверг шли домой с горящими свечами, вызывая недоумение у жителей города любого вероисповедания; Светлую Заутреню служили не утром, как было принято у сербов, а в полночь, и русские песнопения отличались от сербских. Рождественские и некоторые другие обычаи тоже отличались от сербских.

К нашей великой радости, в Сараево в городскую больницу был назначен протоиерей Алексей Крыжко (1885–1976), о чем вскоре стало известно русским сараевцам. Как мне помнится, уже в 1932 г. был создан русский приход, который для богослужений снял помещение бывшей мастерской на улице Деспича, 6. По данным переписи 1931 г. в Сараеве проживало 616 русских, но в приход записалось не более ста семей, а на богослужениях обычно присутствовало 60– 70 человек.

Про русских можно было сказать, что они были не только лояльны, но и искренно преданы Югославии, особенно королю Александру. После его трагической гибели в церкви на пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами – св. Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр, и св. Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии, и вензелями. В 1941 г., когда Босния и Герцеговина были присоединены к Независимой Державе Хорватии, югославянский герб и вензель короля Александра были скрыты за широкой траурной черной тесьмой.

Усташи закрыли все православные храмы Сараева, убили почти всех священников, включая и престарелого Петра – митрополита Дабро-Босанского, а сараевский православный собор передали специально для этого приехавшему униатскому священнику. В Сараеве до войны было 15–20 семей украинцев-галичан, и к ним раз в месяц приезжал униатский священник – отец Биляк. Так как униатское богослужение мало чем

отличалось от православного, то многие сербы не считали за грех ходить на богослужение к «усташскому попу». Большинство сербов и не знало, что «усташский поп», как они его называли, не православный, а униат.

Ни русской церкви, ни русского священника усташи не тронули, так как было соответствующее распоряжение. Слышал, что о. Алексей ходил в лес к четникам совершать богослужения, исповедовать и причащать борцов против нацистов и усташей. Четники были в основном сербы-монархисты, хотя в их четах можно было встретить и мусульман, и даже хорватов-католиков.

Протоиерей Алексей как до войны, так и во время войны молился о «христолюбивом воинстве нашем», и ни Гитлера, ни главу усташей Павелича не поминал, да и подобных молитв не было. Никто из власть имущих за это к о. Алексею не придирался. Положение изменилось после того, как 3 апреля 1942 г. указом «поглавника» Анте Павелича была разрешена Хорватская автокефальная православная церковь. По требованию властей в православных церквах, во время великого входа, стали читать следующую молитву: «О пресветлог Великоименитог Државног Поглавника Нашега Господина Анту сое всею палатую его да поменит Господ Бог во Царствии Своем…» Настоятель русской церкви не входил в состав Хорватской автокефальной церкви и не считал себя обязанным возносить подобную молитву.

У о. Алексея Крыжко были какие-то личные трения с настоятелем православного хорватского прихода в Сараеве о. Б. Поповичем, который 3 июля 1943 г. обратился к коменданту города с жалобой на о. Алексея:

«Этот приход имеет сведения о том, что в русской православной домовой церкви в Сараеве во время богослужения не оказывается почет молитвой главе государства и митрополиту Хорватской православной церкви, как это предвидено циркуляром Хорватской православной митрополии № 55/43, которая полностью относится на русскую домовую церковь в Сараеве, по той причине, что она на территории НДХ и не имеет экстерриториального права, потому что не относится к категории дипломатических домовых церквей при посольстве. Кроме того, упомянутая домовая церковь не совершает богослужений на государственные праздники, тогда как во время б. Югославии отдавала почести молитвами и королю, и Патриарху сербскому, а после создания НДХ и до сегодняшнего дня не сняла государственный герб, который находился под черной повязкой на иконе в честь короля Александра I Карагеоргиевича. На основании вышесказанного этот приход просит запретить всем военнослужащим в Сараеве вход в русскую домовую церковь как

церковь, которая не соблюдает законов НДХ, и о вышесказанном прошу уведомить приход» (перевод с хорв. наш. – *Р. П.*).

19 июля 1943 г. герб Югославии был удален из русской домовой церкви, но это не остановило Владимира Нащекина снова обратиться с жалобой к хорватским властям на о. Алексея Крыжко. В. Нащекин был одним из тех редких русских, кто вступил в организацию усташей и сделал там карьеру.

В начале октября 1943 г. о. Алексею Крыжко было сообщено, что он должен во время богослужений поминать и поглавника, и хорватского митрополита. Неизвестно, подчинился ли он этому требованию или нет, но известно, что совершал и дальше богослужения[39].

Из русских сараевцев в Германию уехали считаные единицы. Большинство было уверено, что после высадки союзнических сил в Италии на очереди будет Югославия. Там было все готово: и вооруженная поддержка населения, и аэродромы, и пилоты, знакомые с местностью, не раз летавшие вывозить раненых и снабжать оружием партизан. Никто не думал, что Рузвельт вместо легко осуществимого десанта в Югославию пошлет на верную смерть тысячи своих солдат штурмовать неприступный Атлантический вал.

Кроме того, многие боялись ехать в Германию из-за бомбардировок союзниками поездов и железнодорожных станций. К тому же немцы в августе 1944 г. разрешили уезжавшим брать с собой только ручной багаж. Моя мать, покинувшая Сараево в это время, написала мне: «Почти все знакомые против моей поездки и говорят, что это безумие». В том же письме она писала, как русский летчик, служивший в хорватской авиации, поехал за женой и сыном в Сараево, как его поезд налетел на мину, как все его вещи пропали, а он, получив ранения, был отправлен в госпиталь. Кроме того, покинуть Сараево было не так просто. Моя мать должна была получить сперва разрешение из Берлина, а затем хорватский паспорт с немецкой визой из Загреба.

По свидетельству Эшрефа Смайовича, местного мусульманина, члена Сараевской дружины русских скаутов-разведчиков, в начале 1946 (или 1947) г. группа русских эмигрантов была арестована по требованию СССР и передана в Белграде представителям советской власти. Все арестованные были отправлены в СССР. По моим сведениям, в эту группу входили только члены НТС и старшие офицерские чины белой армии, в том числе председатель отделения НТС в Сараеве Доне (кажется, Александр), скончавшийся после отбытия срока в пересыльном лагере Потьма; член НТС Борис Иванович Мартино (скончавшийся в пути), бывший в 1930-х годах председателем

Русской колонии и отделения РОВС генерал Запольский, военный юрист, правовед Николай Иванович Чарторыжский; председатель отделения Союза военных инвалидов Буяченко; специалист по борьбе с комарами Скворцов, арестованный как нужный специалист и работавший по специальности, будучи заключенным, в Средней Азии; полковник Александр Красильников, служивший, как мне говорили, в царское время в тайной полиции; директор британского рудника пирита и серебра Сергей Арефьев и другие.

Богослужения в русской церкви в Сараеве продолжались и после прихода коммунистов, но уже при меньшем количестве молящихся. В алтаре прислуживали братья Невструевы – Володя (р. 1931) и Жорж (р. 1933), а также Миша Жуков, а у свечного ящика стояла Оля Огнева.

Русская церковь была закрыта только после ареста настоятеля о. Алексея, вскоре после конфликта между Тито и Сталиным, а ее имущество было передано сербским церковным властям. Киот с иконами св. кн. Александра Невского и св. Николая был передан русской церкви в Белграде, где и находится поныне.

Был уничтожен и русский участок на военном кладбище. По одним сведениям, коммунисты решили расширить городскую больницу за счет военного кладбища, но В. С. Невструев писал в письме от 30 октября 2001 г., что на месте военного кладбища было построено два здания, в одном из которых разместился строительно-архитектурный факультет. Так или иначе, но русским было предложено перенести останки родных и знакомых далеко за черту города. Слышал, что там, в отдельной могиле, был похоронен директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Б. В. Адамович, в другой, братской, могиле – кадеты, и в третьей, тоже братской, все прочие русские. Скромный памятник на далекой загородной поляне указывал на место погребения «русской семьи». После этого русских стали хоронить на новом кладбище «Баре», где хоронили всех сараевцев, невзирая на национальную или религиозную принадлежность.

Сперва на русских в Югославии, в том числе и на о. Алексея Крыжко, оказывался нажим, чтобы они принимали советское подданство, а затем, после исключения Югославии в 1948 г. из Коминформа, его, регентшу К. П. Комад, прислужника Петра Соколова, Владимира Огнева, отца Оли, стоявшей в церкви у свечного ящика, и еще ряд других арестовали, обвинили в шпионаже в пользу СССР и устроили в ноябре–декабре 1949 г. громкий показательный Сараевский процесс. Протоиерей Алексей Крыжко получил 11 с половиной лет принудительного труда, К. П. Комад – 3 года, П. Соколов – 4 года, бывший капитан царской

армии и председатель Русской колонии в годы войны В. Огнев – 6 лет, инженер Анатолий Поляков – 10 лет, медик Василий Кострюков – 5 лет, служащий Советского информбюро Илия Жеребков – 6 лет, студент-юрист Вадим Геслер – 5 лет и студент-юрист Георгий Ольшевский – 4 года. С группой русских судили и местного жителя Арсения Боремовича. Он был осужден на 20 лет. Судебное дело против белградского настоятеля о. Владислава Неклюдова было прекращено, так как несчастный якобы повесился в камере в ночь с 29 на 30 ноября. Что о. Владислав был священником, в газетах не было сказано, а о. Алексей был назван *«бывшим священником в штабе царской и Деникинской белой армии»*[40].

В «Новом русском слове» от 3 февраля 1956 г. говорилось: *«Прошлой осенью в Югославию приехала первая партия советских туристов. Среди других был в этой группе и молодой инженер-химик из Ленинграда. Узнав, что его отец, протоиерей Алексей Крышк*о (надо Крыжко. – *Р. П.*), *осужден на Сараевском процессе на 12 лет, и не имея возможности повидаться с ним, Крышко обратился к советскому посольству в Белграде с просьбой предпринять соответствующие шаги и убедить югославские власти вернуть ему отца, которого он хочет взять с собой в Ленинград. Вмешательство его не осталось без последствий. По указаниям из Москвы советское посольство обратилось к Югославии с просьбой передать советскому правительству всех советских граждан, находящихся в югославянских тюрьмах и лагерях. Посольство полагало, что советские граждане, о которых оно просило, будут амнистированы и выпущены на свободу, т. е. что их коснется та большая политическая амнистия, которая была дана 29 ноября 1955 г. в связи с десятилетием Югославянской Республики. Но никто выпущен не был. И только 12 января группа эта была выслана в Советский Союз»*[41]. С этой группой в СССР уехал и о. Алексей Крыжко, который получил небольшой приход под Ленинградом. Он переписывался со своими бывшими прихожанами, и в 1976 г. от него были получены последние письма.

Вопрос об отношении Югославии к русским эмигрантам обсуждался на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1949 г. Советский министр иностранных дел А. Я. Вышинский обвинил Югославию в том, что она относится к местным русским плохо не из-за того, что они «белоэмигранты», а из-за того, что ныне они искренние приверженцы дружбы с СССР. Однако советский дипломат не смог ответить на реплику: почему в таком случае его правительство не желает этих граждан репатриировать из Югославии[42].

Считаю своим долгом поблагодарить Алексея Борисовича Арсеньева, Георгия Алексеевича Богатырева, Анну Николаевну Григорьеву (ур. Вдовкину), ее супруга Юрия Григорьева, Владимира Сергеевича Невструева и Татьяну Витальевну Рыбкину-Пушкадия за помощь в работе над этой статьей.

8. Подпольный журнал «Ярославна»

Сотрудничая с Михаилом Васильевичем Шатовым (наст. Петром Васильевичем Каштановым, 1920–1980) в составлении его библиографии Half a Century of Russian Serials 1917–1968 (Полвека российской периодики), я сообщил ему и о журнале «Ярославна». Он поместил ссылку на него в том III – в отдел Дополнений[43]. Эта информация стала известна Иоанну Николаевичу Качаки (р. 1939), составителю «Библиографии русских беженцев в королевстве С.Х.С. (Югославии) 1920–1945 гг.», а от него проф. Загребского университета И. Лукшич, которая включила это название в свою статью о русской эмигрантской периодике.

В это время скаутмастер Александр Карлович Таурке (р. 1934), разбирая архив покойного Б. Мартино, нашел № 4–5 от 1 августа 1942 г. и № 6 без указания даты и прислал мне ксерокопии этих единственных сохранившихся экземпляров. Я послал их проф. И. Лукшич и постараюсь ответить на ее вопросы относительно этого журнала.

Покидая Хорватию, я договорился с Надей Зарахович, что она будет издавать для Хорватии орган связи подпольной организации разведчиков под названием «Ярославна. Mjesecnik za rusku zensku mladez Izdanje nacionalne mladezi ruske kolonije». Я ей сказал, что все должно выглядеть невинно, как литературные упражнения девочек, хроника их жизни и сообщения с мест под видом «писем в редакцию». Распространять журнал следовало среди существующих отрядов в Сараеве и Баня-Луке и одиночек в Осеке, Суне, Карловце, Сплите, Славонском Броде, Варцар-Вакуфе (ныне Мрконичград), Яйце, Турбе и Земуне и в чужие руки не давать.

Уезжая в Германию, я передал должность начальника Хорватского отдела Володе Зараховичу, но, зная, что он не очень любит писать письма, секретарем отдела назначил его сестру Надю. Оба эти назначения я не смог тогда провести через приказ, как это делалось до войны, но, приехав в Берлин, я объявил об этом в приказе № 4 по ИЧ от 11 февраля 1942 г.

Во главе подпольной организации стоял скм. Борис Борисович Мартино, которому должность начальника ИЧ, соответствовавшую должности начальника Главной квартиры организации, передал скм. Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890–1973). С Мартино мы вместе покинули Хорватию 26 января 1942 г., но он, приехав в Берлин, через несколько дней передал эту должность мне, двинувшись дальше в Россию, для

чего ему пришлось нелегально перейти польскую границу около Ченстоховы.

Надо полагать, что первый номер «Ярославны» вышел в апреле 1942 г., так как в подзаголовке было ясно сказано, что журнал – ежемесячный. В № 4–5 в материале «От редакции» Надя Зарахович сообщила, что благодаря другу разведчиков Александру Леонидовичу Дирину журнал стал печататься литографским способом и что тираж журнала «повысился пока на 50 экземпляров, следующий номер – на 100». Мне известно, что первые номера печатались на шапирографе лиловым цветом в количестве около 30 экземпляров.

Журнал писался от руки специальными химическими чернилами. В том, что проф. И. Лукшич не нашла его ни в одной библиотеке послевоенной Югославии, нет ничего удивительного. Несмотря на невинный подзаголовок, он был не столько ежемесячником молодежи Русской колонии, сколько органом связи подпольных разведчиков.

В статье «От редакции» упомянутого № 4–5 на первой же странице так прямо и сказано: «друг разведчиков». Попадись номер в руки усташей или гестапо, у Владимира Зараховича бы сразу спросили, о каких «разведчиках» речь? Впрочем, ответ бы нашли на следующей странице приказа № 8, в котором он как начальник Хорватского отдела НОРР (Пантюхова) в параграфе 3 сообщает «о перемене названий чинов»: «помощник скаутмастера – руководитель» и «скаутмастер – старший руководитель».

Подробности же о деятельности НОРР даны на последней странице в отделе «Вести». «*В Варшаве успешно работают старшие руководители Борис Мартино и Слава Полчанинов. Готовятся к летнему лагерю». «В Берлине работает Олег Поляков».*

«*Словакия. Развивается работа разведчиц, которых до этого года почти не было».*

«Россия <…> Игорь прислал доклад, который поместим в “Ярославне”».

«Баня-Лука. Разведчики устроились вместо хорватской «Radni Službu» на работу к русскому инженеру».

«Земун. Образована группа разведчиков и разведчиц; вожак Юрий Моисеев» и, чтобы не затруднять его поисков, дан его адрес.

Одним словом, Бог хранил наших горе-конспираторов, никто не донес, и журнал продолжал выходить.

Сохранился и № 6, в котором на первой странице из приказа № 9 по Хорватскому отделу НОРР можно было узнать, что отряд св. Владимира в Баня-Луке временно «распускается», а на последней странице в отделе «Вести» сказано и о причине –

отъезде в Берлин *«быв. начальника Банялуцкого отряда младшего руководителя Георгия Лукина»*. Далее в приказе говорится, что *«старший руководитель Малик Мулич назначается по собственному желанию руководителем при отряде разведчиков имени Петра Великого»*. Что это загребский отряд, в приказе не сказано, но это было всем известно.

В отделе «Вести» сказано также, что *«загребские разведчики легализировались под именем "Национальная молодежь русской колонии"»* и что в Сараеве *«вожак Эшреф Смаевич устраивает легализацию сараевцев и начинает работу с разведчиками»*. Интересно отметить, что в то время как до войны в работе с югославянскими скаутами принимали участие два русских руководителя – Агапов и Сергей Склевицкий, в годы войны во главе обоих русских разведческих отрядов в Хорватии стояли боснийские мусульмане – Мулич и Смаевич.

В № 6 «Ярославны» был напечатан и репортаж Игоря Шмитова о поездке в оккупированную Россию, о котором шла речь в главе 5.

9. С рабочими в Берлин Февраль 1942 г

На бирже труда в Загребе после поверхностного медицинского осмотра Борис Мартино, Жорж Богатырев, Игорь Москаленко, Клавдий Цыганов и я попали в отдел, где проверялись документы и подписывались контракты. Там, кроме нескольких местных немцев, сидел и один хорват, следивший за тем, чтобы хорватские военнообязанные не уезжали на работы в Германию. Конечно, он сразу обратил внимание на нас и стал внимательно рассматривать наши свеженькие удостоверения, выданные русским комитетом. Из них явствовало, что все мы русские бесподанные. Хорват попросил предъявить еще какие-нибудь доказательства, что мы без подданства, но немец вмешался и велел ему не придираться. Не обращая внимания на протесты хорвата, он стал спрашивать о нашей профессии. Москаленко показал диплом электрика, полученный в технической школе, и ему предложили на выбор работу в нескольких фирмах в Мюнхене, Лейпциге и других городах, но он сказал, что хочет получить работу в Берлине и только в Берлине. Немец сказал, что в таком случае надо будет подписать контракт с берлинской биржей труда, которая может предложить менее выгодные условия работы. Москаленко ответил, что это неважно, и подписал контракт с берлинской биржей труда. Его примеру последовали все мы. Нас даже не спросили, кто мы по специальности. Подписав контракты и сдав по две фотографии, мы получили специальные рабочие паспорта и приказ явиться на биржу 26 января утром.

На улице перед биржей труда прохаживались немецкие солдаты и предлагали купить у них немецкие марки. Это было незаконно, но никто не мешал подобному обмену. Все мы, к обоюдному удовольствию, купили какое-то количество марок.

Из Загреба мы выехали в тот же день вечером. После того как Германия присоединила к себе Марибор (по-немецки Marburg) и восточную часть Словении, хорватско-германским пограничным пунктом стал Зидани-Мост (Steinbruck), примерно километрах в 50 к северу от Загреба. У нас, рабочих, едущих в Германию, проверки багажа и документов не было. НТС этим пользовался, и каждому из нас поручили провезти в Германию какое-то количество «Зеленых романов» – пособий по НПП, названных так из-за зеленых обложек.

Когда мы приехали в Марбург, нас выгрузили и отправили

ночевать в огромное помещение, служившее раньше складом. Там мы переночевали на нарах, а утром 27 января, после вполне приличного завтрака, весь транспорт повели в барак, где нас заставили раздеться, а одежду сдать в чистку от вшей (Entlausung). Немцы страшно боялись, чтобы приезжие не завезли в Германию этих насекомых, но энтлаузунгу подвергались только приезжающие с востока. Каждому в пригоршню налили немного жидкого мыла и отправили под душ. Помывшись наспех, мы прошли в большую комнату, где нам пришлось обсыхать (полотенец у нас с собой не было) и ждать, пока весь транспорт не пройдет через энтлаузунг. Скамеек не было, и нам пришлось все время стоять. Мой костюм, когда я его получил назад, превратился в тряпку. На штанах была дырка от крючка, на который был повешен мой костюм. Гребешок, который я забыл вынуть из кармана и передать вместе с кожаным поясом и другими вещами, превратился в бесформенную массу. Мне было стыдно смотреть на самого себя, и то, что все прочие мои вещи я получил в порядке, было мне слабым утешением. Нам поставили на руку печать в знак того, что мы очистились от вшей.

После этого мы выслушали длинные и подробные наставления о том, как мы в Германии должны добросовестно работать и не думать о побеге ни сейчас из транспорта, ни потом. За побег нам грозили концлагерем и советовали не рисковать. Меня это удивило. Ведь все, ехавшие с нами в Германию на работу, записывались добровольно. Так зачем же им было бежать из транспорта? Это было как-то непонятно, но через несколько дней все стало ясно.

Среди записавшихся на работы в Германию было немало контрабандистов. Так как осмотра багажа не было, то они могли провезти в Германию все, что угодно, и без всякой пошлины. К тому же ехали они бесплатно, да еще их и бесплатно кормили. Не знаю, на каком черном рынке они потом все это продавали и как возвращались с купленными товарами обратно в Хорватию, но из их разговоров между собой можно было легко догадаться, что они не в первый раз едут в Германию якобы как рабочие.

Ехали мы в пассажирских вагонах. У каждого вагона был свой немец, следивший за порядком. Это были пожилые и добродушные люди. Наш немец охотно разговаривал с нами, говорившими по-немецки, а таких среди рабочих было немного.

Ехали мы медленно. Нас все время то отцепляли, то прицепляли к каким-то товарно-пассажирским поездам. Делалось это на каких-то сортировочных станциях. Мы проехали мимо Вены и, вместо того, чтобы ехать прямо через Прагу в Берлин, поехали в объезд Чехии. Немцы думали, что славянам-хорватам в

славянской Чехии было бы легче бежать, чем проезжая через чисто немецкие земли, но наши соседи по вагону добродушно посмеивались над немецкой догадливостью, говоря, что им надо в Лейпциг и что Чехия их совсем не интересует. Чем дальше в Германию, тем чаще были случаи побегов. Сопровождавший нас немец сообщал нам о «потерявшихся», наивно сочувствуя этим «бедным» людям, не говорящим по-немецки, без продовольственных карточек и т. д. Он радовался, что в его вагоне все благополучно и все на местах.

Наконец мы прибыли в Лейпциг. Меня поразили размеры и устройство вокзала. По сравнению с Белградом или Загребом он был огромным. Первый раз за всю дорогу мы обедали не в вагонах, на ходу, а в столовой на станции. Наш транспорт должен был здесь долго стоять. После обеда Мартино и я с разрешения сопровождавшего немца вышли на вокзальную площадь. Тут же была остановка трамвая с надписью «Евреям и полякам запрещено пользоваться трамваем». С этого началось наше знакомство с Германией. Дальше площади мы решили не идти и вскоре вернулись в вагон.

Наш немец встретил нас с очень озабоченным видом. Он нас сразу спросил, не видали ли мы людей из нашего вагона. Оказалось, что человек десять после обеда не вернулось обратно в вагон.

Чтобы утешить немца мы сказали, что не пошли ли они по ошибке за теми, кому следовало оставаться в Лейпциге. «Вы правы, – ответил он, – пойду, позвоню в приемный пункт».

Люди исчезли. Немец помрачнел и стал неразговорчивым.

Так мы 2 февраля, на седьмой день нашего пути, обросшие и усталые, прибыли вечером в Берлин. Всех нас построили по четыре, и мы стали ждать приказа идти дальше. Мимо нас шли люди с багажом из других вагонов нашего поезда. Борис вышел из строя, и, затерявшись в толпе, исчез. Я последовал его примеру. У всех у нас был адрес НОРМ и мы знали, как туда ехать (S-Bahn до Potsdammer Platz, а там пересесть на U-Bahn и ехать до Nollendorf Platz). Но наши спутники то ли побоялись, то ли не смогли последовать нашему примеру.

НОРМ занимал помещение по Elssholzstrasse, 3, бывшее раньше магазином. С улицы был вход прямо в большую комнату, за которой находилась вторая поменьше, откуда по коридорчику можно было пройти в маленькое помещение кухни и в канцелярию. Когда я вошел в большую комнату, я увидел здоровенных парней в черных косоворотках с широкими солдатскими погонами на плечах, сидевших вокруг стола. Я спросил, где Олег Поляков, и кто-то его вызвал. Парни не

обратили никакого внимания на сцену встречи друзей и не полюбопытствовали, откуда я приехал. Олег провел меня через вторую комнату, в которой был сбор отряда девочек, в канцелярию. Там уже были Мартино и Ваня (Иван Александрович) Мелких, начальник Берлинского НОРМ. Мелких знал от Полякова о нашем приезде и возлагал большие надежды на нашу помощь в работе с молодежью. Все трое обрадовались моему прибытию, и мы какое-то время ждали, не появится ли еще кто-нибудь. Видя, что никого больше нет, Мелких пошел достать для нас продовольственные карточки. Жить в Германии без карточек было бы немыслимо, а у немцев карточки были под строгим контролем.

Проиграв Первую мировую войну, немцы старательно изучали все бытовые подробности, и в этом отношении были хорошо подготовлены к новой войне. В первый день войны определенные люди вскрыли конверты с инструкциями. Все магазины были закрыты, и был составлен список товаров, которые уже на следующий день продавались только по карточкам. В первый же день все жители Германии получили временные продовольственные карточки. Все цены были заморожены, и вся жизнь была поставлена под контроль.

В НОРМ уже было несколько квартирантов, и Мелких как хозяин помещения, получавший для всех карточки, без труда получил их для нас как для новоприезжих. Мы должны были только на следующий день отметиться в полиции. Нам надо было заполнить бланк, указать прежний адрес в Сараево и наш новый берлинский адрес. Мы предъявили наши хорватские рабочие паспорта и получили печать, что мы прописаны по Elssholzstrasse, 3.

Мартино обещал дать Мелких свою рукопись «Звеновая система», предложив ее издать для нужд НОРМ, а я предложил заняться с одиночками. И к одному и к другому предложению Мелких проявил большой интерес. Он как раз недавно получил письмо от Жени Праутина из присоединенного к Германии Эльзаса, на которое еще не успел ответить, и рад был поручить переписку с Праутиным мне. Женя стал потом моим первым одиночкой в Германии.

Как только Мелких и прочие НОРМовцы разошлись, оставшиеся стали устраиваться на ночлег. Из подвала вытащили матрацы, заложили в печь брикеты угля (в Югославии таких я не видал), и вскоре все погрузились в сон. Постоянным жителям надо было вставать пораньше и ехать на работу.

На следующий день Борис и я, отметившись в полиции, поехали к Байдалакову поговорить о возможностях продвижения

в Россию. Байдалаков сказал, что уже идет подготовка нелегальной отправки Бориса в Варшаву и что он через неделю сможет двинуться дальше, а мне посоветовал найти себе работу и ждать очереди.

Богатырев, Москаленко и Цыганов, как только устроились с работой и местом жительства, прибыли в НОРМ узнать о нас. Борису не надо было устраиваться на работу, так как до отправки дальше оставались считаные дни, а денег на питание и транспорт у него было достаточно. Он предложил мне, прежде чем наниматься на работу, погулять немного с ним и посмотреть Берлин. Я согласился, и мы, как знатные туристы, ходили по музеям и осматривали достопримечательности города. Мы также написали письма нашим мамам и пошли на почту. Олег Поляков объяснил, как это делается. Надо было нести на почту письмо в незаклеенном виде и предъявить удостоверение личности. Служащий сверял имя отправителя с паспортом и проверял содержимое.

Так, например, было запрещено посылать в письмах почтовые марки. В Первую мировую войну шпионы широко пользовались марками как кодом. Нельзя было и самому клеить марки на конверт, так как под марками можно было написать секретное сообщение. Против симпатических, то есть невидимых, чернил немцы придумали такой химический состав, который их сразу обнаруживал. Цензоры по каждому письму проводили кисточкой диагональные полосы, от которых ни одну тайнопись нельзя было скрыть. Каждое письмо проверялось двумя, а то и более цензорами, и каждый ставил на письмо свой номер. Говорят, что получателей подозрительных писем вызывали в гестапо, где их подробно расспрашивали о содержании письма. Для того чтобы письма легче проходили цензуру, мы в начале письма всегда писали несколько комплиментов в адрес немцев, запрещенную литературу, будь то НТСовскую или разведческую, мы называли семенами или семечками, и еще было одно общее правило: верить только тому, что написано ниже даты. Например, после чего-то, написанного специально, чтобы цензуру навести на ложный след, ставилось число и фраза: «продолжаю письмо, начатое вчера…».

Также, по совету Олега, я пошел 10 февраля к Доверенному по русским делам (Russische Vertrauenstelle) для получения соответствующего удостоверения. Девушка, выписывавшая мне удостоверение, увидев, где я живу, спросила, не остановился ли я в НОРМ. Я подтвердил, и она меня похвалила. Оказывается, что в Фертрауенштелле всем, подходящим по возрасту, давали адрес НОРМ и советовали вступить в эту организацию. Молодежь,

приезжавшая в Берлин на работу, находила себе в НОРМ друзей и свою русскую компанию, а в Фертрауенштелле – защиту от возможных недоразумений.

Помню, был у меня такой случай. Стоял я с кем-то на трамвайной остановке и говорил по-русски. Стоявший около нас немец с улыбкой спросил нас, на каком это мы языке говорим, и, узнав, что мы говорим по-русски, поспешил к ближайшему полицейскому. Обратно он вернулся с полицейским и без улыбки. Полицейский вежливо попросил нас предъявить документы. Мы ему дали наши коричневые удостоверения русского Фертрауенштелле. Он посмотрел на них, сверил нас с фотографиями и, взяв под козырек, сказал: «Спасибо, все в порядке».

Бдительный немец крикнул полицейскому вдогонку: «Но ведь они – русские…», но полицейский не обратил на это внимания. Мой спутник объяснил, что немцы следят, чтобы рабочие из СССР носили полагающиеся нашивки «ост», ограничивающие их в правах, но мы, эмигранты, «остами» не считались и не должны были носить эти нашивки.

«Остам», например, было запрещено ходить в театры, в кино и на другие развлечения. В некоторых городах не разрешали «остам» пользоваться трамваями, а в других разрешалось ездить только на площадках.

10. Берлин
Февраль–апрель 1942 г

В 1920 г. в Берлине была основана дружина русских скаутов, запрещенная нацистами через полгода после их прихода к власти, точнее – 17 июня 1933 г., одновременно с запрещением и немецких скаутских организаций, так или иначе связанных с Бойскаутским интернациональным бюро в Лондоне. Остались только католические и протестантские следопыты (Pfadfinder), не имевшие связей с зарубежным скаутизмом. Русские скауты, начальником которых был Владимир Сергеевич Слепян, немедленно переименовались в витязей, но не вошли в подчинение парижскому центру Национальной Организации Витязей, так как подчинение зарубежным центрам было запрещено. Они не порывали со своим скаутским прошлым и в ромбовидном знаке витязей – белый крест с сине-красной каймой – в середине креста носили маленькую лилию.

В своих летних лагерях витязи поднимали только русский флаг, но после лагеря в 1937 г. нацисты потребовали от них подчиниться командованию нацистской организации Гитлеровской молодежи (Hitlerjugend) и поднимать ее флаг со свастикой вместе с русским. Витязи это делать отказались и объявили о самоликвидации. В ноябре 1937 г. у супругов Пиотровских в Берлин-Шенеберге был устроен последний сбор, на который все витязи пришли в формах.

Отказ подчиниться нацистам и поднимать флаг со свастикой не мог понравиться властям, но никто арестован не был. Наоборот, летом 1938 г. гитлерюгенды пригласили к себе бывших витязей в гости на две недели в их лагерь, предложив явиться в форме, как было сказано, «если она у них сохранилась». Лагерь был устроен на тысячу человек около Франкфурта-на-Одере. Группа витязей прибыла под руководством Эльбрехта Туганова (эстонского подданного и, кажется, мусульманина) и была встречена очень радушно[44].

Русские гости присутствовали как наблюдатели на детских маневрах, закончившихся штурмом, в котором половина лагерников штурмовала укрепление, а вторая половина оборонялась. Гитлерюгенды дрались отчаянно, и скорая помощь не бездействовала.

Приглашение бывших витязей в лагерь гитлерюгендов было пробным шаром. Увидев, что витязи сохранили свою форму, нацисты поняли, что витязи готовы продолжать свою работу

нелегально. Это послужило толчком к созданию в 1939 г. НОРМ, которая должна была поставить русскую молодежь под контроль нацистов. С первого дня НОРМ была в ведении гитлерюгендов, а возглавил ее Сергей фон Таборицкий, женатый на немке, доверенное лицо нацистов. Он работал как заместитель руководителя (Stellvertretender Leiter) Доверенного по русским делам. Формально руководителем числился генерал Василий Бискупский (?–1945), но фактически все было в руках Таборицкого.

На моем удостоверении № 12714 от 10 февраля 1942 г. стоит подпись не ген. Бискупского, а его заместителя, причем подпись не собственноручная, а печать факсимиле. Раз удостоверение не подписывалось собственноручно, то логичнее было бы ставить печать начальника, а не его заместителя. Но нацисты любили символику, и это должно было подчеркивать, кому они в действительности доверяют.

Генерал Бискупский имел немалые заслуги перед Гитлером. Говорили, что в 1923 г. у него на квартире в Мюнхене скрывался какое-то время Гитлер после своего неудачного восстания. Но это не спасло генерала от неприятностей. Он *«был заключен в тюрьму и месяца два просидел по обвинению в заговоре с целью покушения на жизнь вождя. Впоследствии Бискупский был назначен Гитлером комиссаром над русскими беженцами и взял себе в помощники Фабрициуса»*[45]. Фабрициус был представителем провозгласившего себя императором Кирилла Владимировича. Сам Бискупский своего монархизма не скрывал.

Фертрауенштелле была создана в 1936 г.[46], и надо полагать, что нацисты вскоре заменили Фабрициуса своим человеком – Таборицким, оставив Бискупского во главе комитета только для видимости. Бискупский в последние годы войны болел, редко появлялся в канцелярии и умер, как мне говорили, в Мюнхене 18 июня 1945 г.

С. В. Таборицкий и П. Н. Шабельский-Борк принадлежали к ультраправому крылу эмиграции и пытались убить Милюкова. 28 марта 1922 г. в Берлине состоялась лекция П. Н. Милюкова. «*… как только был объявлен перерыв, <…> несколько человек бросилось вперед, двое из них что-то выкрикивали, и вдруг блеснул выстрел. <…> Каминка и Набоков бросились к стрелявшему. Набоков схватил его за руку, тот сопротивлялся, и оба упали на пол. В этот момент подбежал другой, тоже выстрелил и, высвободив своего товарища, бросился с ним к выходу. <…> Набоков был убит наповал. Выстрел сделан был в упор в спину*»[47]. *«Таборицкий и Шабельский-Борк были приговорены к 12 годам тюрьмы, но в 1927 г. помилованы решением прусского*

Министерства юстиции»[48].

Возглавив формально НОРМ, Таборицкому нужен был человек, который фактически бы вел всю работу с молодежью, для чего у него не было ни знаний, ни опыта, ни времени. Таборицкий знал, что Иван Александрович Мелких, не будучи немецким подданным, пошел добровольно на рабочую службу (Arbetdienst), которая заменяла немцам службу в армии в годы до введения всеобщей воинской повинности. В его глазах это было знаком лояльности к Германии, и потому выбор Таборицкого остановился на Мелких, человеке умном, энергичном и амбициозном, который согласился быть у Таборицкого начальником штаба берлинского НОРМ.

Мелких рассказывал мне, как он, будучи на арбайтдинст, маршировал вместе с немцами с лопатой вместо винтовки на плече. Как инженер, он ничего не копал, но работал простым рабочим на строительстве, и это, по его словам, было ему вторым университетом, где он научился понимать рабочих и отношения между людьми.

Мелких был женат на певице Ирине, урожденной Правосудович, с которой развелся в 1943 г. Они оба были когда-то русскими скаутами. За свою работу ни Мелких, ни его жена жалования не получали. В обязанности Мелких входило раз в месяц являться к Таборицкому в Фертрауенштелле с докладом о делах НОРМ и получать от Фертрауенштелле деньги на помещение, освещение, отопление, телефон и канцелярские расходы.

Таборицкий никогда не посещал НОРМ и в дела молодежи не вмешивался. Он писал начальству гитлеровской молодежи отчеты и иногда выступал как глава НОРМ на страницах берлинской газеты «Новое слово». Ваня и Ирина Мелких с самого начала старались, чтобы НОРМ не был похож на витязей. Витязи носили форму синего цвета и рубашки, заправлявшиеся в штаны или юбки. Мелких придумал для НОРМ черные косоворотки навыпуск с широкими солдатскими погонами. Первое время членами НОРМ была только русская берлинская молодежь старше 16 лет. Потом, когда в Берлин стала приезжать на работу молодежь сперва из Франции, а потом и из других стран, началось деление на «старых» и «новых» берлинцев. Чем больше русской молодежи приезжало в Германию на работы, тем больше становилось в НОРМ «новых» берлинцев. И Ваня, и Ирина Мелких встречали всех «новых» берлинцев радушно и старались им всячески помогать. Они также старались найти себе среди «новых» сотрудников и помощников.

Первым из «новых» берлинцев, предложившим помощь, был

Утехин. Во Франции он был руководителем разведчиков НОРР (организация Богдановича). Это он предложил Ване Мелких для знака НОРМ взять ополченский крест с надписью справа «НОРМ» и слева «1939», на манер такого же знака НОРР, у которого были даты 1682– 1932. Ему была поручена работа с младшими – учениками русско-немецкой гимназии. Свой отряд Утехин хотел назвать разведческим, а Ване хотелось назвать ребят ушкуйниками. Обе стороны пошли на уступки, и отряд был назван «Ушкуйным войском разведчиков». Мелких назначил Утехина «дружинным атаманом». Атаман стал соответствовать руководителю у разведчиков, и в НОРМ появились младшие атаманы, атаманы и старшие атаманы. Утехин занимался с ушкуйниками-разведчиками строем и разучиванием песен, причем песни разучивались в строю под маршировку на месте. Ушкуйное войско разведчиков охватывало примерно 40–50 человек.

В работе со старшими Ване и Ирине Мелких помогали члены НТС, приехавшие из Чехии и Франции. Одним из сотрудников и советников Вани был приехавший из Праги начальник витязей в Чехии д-р Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944), которого Ваня и «старые» берлинцы хорошо знали, так как он бывал у них в гостях со своими витязями из Праги и Брно. Он был одним из руководителей подпольного НТС, который, чтобы не сотрудничать с нацистами, и в Германии, и в Чехии вынужден был официально самоликвидироваться. Нацисты, конечно за ним следили, и в июне 1944 д-р Сергеев был арестован, отправлен в концлагерь Заксенхаузен, где и погиб в июле того же года.

Сергеев начал работу с взрослыми людьми 25–40 лет, которых все больше и больше стало прибывать на работу в Берлин. Для них он стал устраивать доклады, приглашая докладчиков из НТС: Владимира Дмитриевича Поремского (1909–1997) и Серафима Павловича Рождественского (1903–1992) из Франции и «старого» берлинца Романа Николаевича Редлиха (1911–2003). Все трое были замечательными докладчиками. На их доклады приходило человек 60, как членов НОРМ, так и посторонних.

После конфликта группы членов НТС из Югославии с немцами под Киевом, через Берлин на оккупированную территорию направлялась в конце 1941 г. вторая группа, куда входил Олег Сергеевич Поляков (1922–1989). В Берлине группа была уволена с работы. Всем было уплачено возмещение за нарушение контракта и предложено устраиваться на работу в Германии. Поляков нашел работу в Берлине и устроился на жительство в НОРМ. Ему была поручена работа с младшими, т. е.

с Ушкуйным войском разведчиков, а Утехин взялся за работу со старшими, которых было человек двадцать. Сборы кончались песнями, среди которых самой популярной была песня «Шумел, горел пожар московский…», в которой Наполеон задавал себе вопрос: «Зачем я шел к тебе, Россия? Европу б всю держал в руке». Удивительно, что никто не донес. Не было доносов и на рассказчиков антинацистских анекдотов.

Одновременно, независимо от Берлина, стали возникать единицы НОРМ в городах Вартегау (присоединенная к Германии часть Польши). В Лицманштадте (Лодзь) работала Ирина де-Лазари, в Катовицах и Сосновицах – Ольга Хростицкая, член НТС, бывшая начальница отряда разведчиц в Белграде, в Торне (Торунь) – Васильев, в Позене (Познань) – член НТС Сергей Голубев. Витязи в Чешско-Моравском протекторате после арестов в 1941 г. решили, во избежание новых неприятностей, переименоваться в НОРМ. Зная о НОРМ из газет и от Сергеева, Мелких решил объединить все единицы НОРМ в одну организацию и возглавить в Берлине Центральный штаб НОРМ. Таборицкий не возражал, гитлерюгендское начальство тоже, но группы НОРМ в провинции не проявляли никакого желания идти к кому-то в подчинение.

Сергеев заверил Мелких, что витязи Центральный штаб формально признают и будут давать отчеты, но при условии полного невмешательства в их внутренние дела. Это было выгодно и одной и другой стороне. Сложнее было с НОРМ в Вартегау. К счастью, во главе НОРМ в Катовицах-Сосновицах стояла Ольга Хростицкая, работавшая с разведчицами в Югославии, знавшая и Полякова, и меня. С нее и было решено начать. Я ей написал письмо и дальнейшие переговоры поручил Полякову.

Перед своим отъездом из Берлина Мартино посетил 11 февраля НОРМ, чтобы попрощаться с Мелких и передать мне должность начальника ИЧ. Тут же был написан приказ № 3, подписанный Мартино, в котором было сказано: *«Ввиду того, что мой отъезд из Берлина вызовет временный перерыв связи в Инструкторской части, назначаю своим заместителем до восстановления нормальной связи старшего руководителя Р. В. Полчанинова»*. Тут же был составлен и мой приказ № 4, в котором я сообщил о распоряжении О. И. Пантюхова о переименовании НОРС-Р – Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков в НОРР – Национальную Организацию Российских Разведчиков.

Как потом стало известно, Мартино перешел нелегально, по пояс в снегу, границу Генерал-губернаторства (оккупированной

части Польши) около Ченстоховы и прибыл в Варшаву.

Все это совпало с началом моих переговоров с Мелких и Сергеевым об объединении подпольных разведчиков с витязями в Праге и Брно и с Ушкуйным войском разведчиков НОРМ. Чтобы показать нашу готовность оказать помощь НОРМ, в последнем параграфе моего приказа № 4 было сказано: *«Предписывается всем руководителям на местах поддерживать работу НОРМ и по возможности организовывать единицы НОРМ там, где их до сих пор не было».*

Переговоры шли весь февраль и закончились в марте 1942 г. Была достигнута договоренность о вхождении двух дружин витязей в Праге и Брно в подпольную организацию разведчиков с условием, что название «витязь» сохранится для старшей ветви организации. Об этом было сказано в приказе № 9 по ИЧ от 1 января 1943 г. в параграфе 5: *«Ушкуйникам, давшим Торжественное обещание* (ТО) *ушкуйников, присваивается наименование ушкуйников-витязей».* Вторым условием было сохранение памяти о погибших витязях в организации разведчиков. Это условие, начиная с сентября 1946 г. в лагере «Памяти Верных», сохраняется и поныне в ОРЮР. Третьим условием было сохранение знака витязей – белого креста на фоне сине-красного ромба на лилии как знака для старшей ветви организации. Это условие было выполнено приказом № 15 по ОРЮР от 20 ноября 1947 г., параграф 7 которого гласил: *«Утверждаю знак старшего разведчества: на квадратном суконном поле зеленого цвета (сторона 5 см) по диагонали вышитая серебряная лилия со знаком Пражской дружины витязей посередине».*

Мелких я обещал полную поддержку его плана создания под его руководством Центрального штаба НОРМ в Берлине, а он согласился включить НОРМ в подпольную организацию разведчиков и быть прикрытием подпольной работы разведчиков. В завершение я предложил Мелких и Сергееву стать членами ИЧ подпольной разведческой организации. Обо всем этом, приехав в Варшаву, я доложил Мартино, передавая ему должность начальника ИЧ. По ряду причин, в том числе болезни Мартино, передача дел ИЧ Евгению Евгениевичу Поздееву (1916–1994) и мой отъезд в Псков, назначение Мелких и Сергеева в состав ИЧ не были проведены через приказ, но об этом знали те, кому это следовало знать.

В феврале 1942 г., вскоре после моего приезда в Берлин, Мелких поручил мне работу с одиночками, передав мне полученное им недавно письмо от Жени Праутина из Альгрингена (присоединенная к Германии Лотарингия), который

состоял до войны в НОРС-Р, узнав из газеты «Новое слово» адрес Берлинского НОРМ, решил вступить в связь.

В штаб Отделения одиночек Мелких назначил Жоржа Богатырева из Сараева, Володю Быкадорова из Парижа, Милу Малышевскую из Белграда и старую берлинку Аллу Погорелову. Для них я решил провести КДВ – курс для вожаков. Когда я курсантам сказал, что курс будет называться КДВ, то сразу поднялся хохот. Оказывается, самый известный берлинский универмаг назывался тоже КДВ. Я не смутился, а курсанты сперва посмеялись, а потом привыкли.

Теорию мы связывали с практикой. Кроме Праутина в Альгрингене, в Марбурге (до 1941 г. югославском Мариборе) жили одиночки – брат и сестра, дети югославянского летчика, которые в начале войны из приграничного города Марибора переехали в Сараево и там вступили в нашу дружину. Вот им мы и написали наши первые письма.

Затем мы обратились во все приходы Германской епархии с просьбой сообщить о русских детях, которых можно было бы привлечь в НОРМ. Помню, что не все настоятели ответили, а и те, которые ответили, ничего утешительного сообщить нам не могли. Только из Дрездена пришел ответ, что там проживает молодой человек Скалон, бывший ранее русским скаутом. Жорж Богатырев вошел с ним в связь и даже поехал в Дрезден, чтобы лично познакомиться. В Дрездене было довольно много русских, и можно было бы собрать детей, но у Богатырева это с первого раза не получилось, и я решил сам поехать и попробовать. Встреча была интересной. Скалон показал мне скаутский звеновой флажок, который он сохранил, вспоминал скаутские лагеря, но начинать работу с детьми в Дрездене категорически отказался.

Пока Мартино ожидал отправки на восток, мы с ним, как знатные туристы, осматривали Берлин, но после его отъезда я решил поискать себе работу. Все было недорого, цены были твердые, но запас марок, купленных в Загребе, подходил к концу.

Незадолго до нашего приезда на Берлин был небольшой налет союзной авиации. Несколько домов пострадало, но не сильно. Мы ходили посмотреть, и никаких следов разрушений не обнаружили. Мусор был убран, стекла вставлены. Пострадавшие немедленно получили талоны на покупку новых вещей. Мы ходили посмотреть на главный берлинский универмаг – КаДеВе. Огромное, многоэтажное здание, ломившееся от товаров. Там было все, но только по талонам. Помещение НОРМ было в берлинском районе Шенеберг. Там, недалеко от НОРМ, была синагога, и около нее можно было встретить пожилых евреев со звездами на пальто. В других местах евреи нам не встречались.

Их без особого шума вывозили из Берлина в гетто восточноевропейских городов, например, в Ригу. В Берлине гетто не было, и евреи жили в тех же домах, где и немцы, но у них на входных дверях были наклеены звезды. Говорилось, что их вывозят на работы. Оно вначале так и было. Убийства жителей гетто начались только летом 1942 г.

В русской начальной школе в Сараеве для мальчиков были уроки переплета, и я решил в Германии стать переплетчиком. На вопрос о профессии в Фертрауенштелле я ответил, что я переплетчик, и мне так и записали в моем удостоверении. Я решил поискать работу недалеко от места жительства. В ресторане, где за обед, включая чаевые, с меня взяли 1 марку и 15 пфеннигов, я еще, по совету Полякова, оставил на столе 10 пфеннигов и, взяв телефонную книгу «по профессиям» и план Берлина, выписал адреса ближайших переплетных.

На следующий день, рано утром, я пошел в ближайшую мастерскую и предложил свои услуги. Хозяин спросил у меня бумаги. Я ему показал рабочий паспорт и удостоверение, где было черным по белому сказано, что я по профессии переплетчик, но хозяину этого было мало. Он попросил меня показать ему мою рабочую книжку (Arbeitsbuch). Я показал ему мое удостоверение служащего Югочелика, написанное только по-сербскохорватски. Оно было внушительным, с фотографией и многими печатями, но непонятным для немца-хозяина. Он повертел его в руках и спросил, почему ничего нет по-немецки. Я объяснил, что хоть удостоверение и было выдано во время войны, в 1940 году, но в Югославии тогда еще не думали, что страна будет вскоре оккупирована немцами, и потому не предусмотрели перевода на немецкий язык. Хозяин улыбнулся, и сказал, что берет меня на пробу.

Он дал мне пачку портретов на меловой бумаге и указал на гору книг на полу. Надо было приклеивать по портрету автора на каждую книгу. Я взял первую книгу и портрет, смазал его клеем и приклеил. Хозяин молча смотрел на меня, и когда я взялся за следующую, то спросил:

– Кто тебя учил так работать? Вот как надо. Он взял всю пачку портретов, выровнял их и одним мазком смазал их все клеем. Потом взял десяток книг и стал быстро приклеивать один портрет за другим. У него все прямо летело.

Потом он показал мне, как сшивать книги проволокой на специальной машине, и был искренно удивлен, узнав, что у меня нет гладилки (маленькой тонкой костяной дощечки), которая у настоящего переплетчика всегда в кармане. Он понял, с кем имеет дело, улыбнулся и подарил мне гладилку. Когда наступил

обеденный перерыв, он сказал мне: Дорогой мой, я возьму тебя на работу и буду платить 66 пфеннигов в час. Согласен?

Я знал, что столько получает начинающий (вспомогательный) рабочий (Hilfsarbeiter), и сказал – «нет, я хочу 99 пфеннигов», а это было ставкой для специалистов.

– Я не говорю, что ты не специалист и, в принципе, не возражаю против 99 пфеннигов, но ты работаешь хуже моего помощника, которому я плачу 66 пфеннигов, и если я дам тебе 99 пфеннигов, то и он потребует такую же плату для себя, а платить вам обоим по 99 пфеннигов мне будет слишком дорого.

За проработанные мною 4 часа он дал мне серебряную монету в 5 марок, и когда я вынул кошелек, чтобы дать ему сдачу, он отказался и, пожелав удачи, попрощался. Это был остроумный и добрый человек.

Отмечу, что хотя правительство незаметно изымало не только серебряные монеты, но и медную мелочь в 5 и 10 пфеннигов, заменяя их черными монетами из свинцового сплава, и серебряные, и медные монеты в начале 1942 г. все еще были в обращении.

На следующий день я снова отправился искать работу. Сперва мне отказали в нескольких местах, но потом нашелся один мастер, которому нужен был временный рабочий для переплета 3000 книг, издательницей которых была одна дама, жившая в том же доме, где была и переплетная. Хозяин спросил меня, согласен ли я на временную работу, и когда я согласился, спросил меня, сколько я хочу получать в час. Я назвал 99 пфеннигов, и он согласился взять меня на пробу, предложив сразу же надеть фартук. Я ему объяснил, что, нанимаясь в Хорватии на работу, мне обещали, что халат я получу там, где буду работать. Он извинился и стал объяснять, что у него маленькая мастерская, что он работает без помощников и не имеет лишнего халата.

В этот раз я не ударил лицом в грязь. Получив пачку портретов, я их сложил как надо и одним мазком смазал их клеем и быстро приклеил. Вчерашний урок мне пришелся на пользу. Гладилка тоже торчала у меня из кармана и свидетельствовала о моей принадлежности к переплетной профессии.

Переплетчик выполнял заказ по частям. Сотня книг была почти готова, а все прочее было еще не сброшюровано. Хозяин хотел посмотреть, как я буду брошюровать, и тут я тоже, пользуясь вчерашним опытом, сделал все как надо. Хозяин был доволен, но, прощаясь со мной, просил принести ему на следующий день немецкую рабочую книжку, так как моя из Югославии в Германии не действительна. Я сказал, что ее у меня нет.

– Разве тебе ее не дали на бирже труда?

Когда я сказал, что кроме рабочего паспорта, в котором было сказано по-немецки, что я переплетчик, у меня ничего больше нет, ему стало ясно, что я нанимаюсь к нему нелегально. Он знал, что через биржу труда он никого на временную работу не получит, и принял меня на работу. Я для него был находкой, так же как и он для меня. Платил он мне 99 пфеннигов в час без вычетов, а работал я у него с 8 утра до 5 вечера, а по субботам до двух. Как только сто книг было готово, я их в двух чемоданах тащил к издательнице на третий этаж (лифта в доме не было) и получал на чай 10 пфеннигов. Первый раз, с непривычки, я чуть было не отказался от чаевых, но быстро понял, что, назвавшись рабочим, должен себя вести по-пролетарски.

С работы домой, то есть в НОРМ, я приходил первым, минут через 20 после конца работы. Хоть мы и имели такие же продовольственные карточки, как и немцы, и в начале 1942 г. по ним давали еще вполне прилично, мы все и всегда чувствовали себя голодными. Приходя с работы, я съедал свою вечернюю порцию хлеба с мармеладом, а когда приходил Олег и другие жители НОРМ, то у меня, в самом буквальном смысле слова, начинали течь слюнки. Я не выдерживал и съедал утреннюю порцию хлеба. Но через два-три дня я нашел выход из положения и предложил всем не начинать есть, пока все не вернутся с работы.

Дело в том, что все мы были холостяками и питались в ресторанах, а там, вырезая у нас карточки, давали, конечно, меньше, чем было положено. Не раз нам было стыдно, что мы, идейная молодежь, собравшись вместе, частенько переходили, как мы говорили, на «кулинарные темы». Сперва мы говорили о том, где и что можно было достать без карточек, например, измятку (Buttermilch), картошку и еще что-то, затем, в каких ресторанах за те же карточки дают больше и, наконец, какой вкусный хлеб, сосиски или пирожные были в Югославии. Конечно, кто-нибудь из нас переводил разговор на более идейные темы, но ведь и идейные люди не обходятся без еды.

В НОРМ приходила разная молодежь из разных стран. Члены НТС приезжали в Геманию якобы на работу, чтобы двигаться дальше в Россию, а были среди молодежи и такие, которые приезжали именно работать и приходили в НОРМ, чтобы отвлечься и развлечься. Помню, как один, узнав, что я работаю до 5 часов, предложил устроить меня на вторую работу. Я, конечно, отказался. Не для того я приехал в Германию.

По тому, кто как говорил, легко было узнать, кто откуда приехал. Только члены НТС, готовясь к встрече с молодежью на

родине, следили за своим русским языком и не употребляли в разговоре иностранных слов. Впрочем, и у них это бывало. Так я, однажды, решив пристыдить ребят за употребление иностранных слов, услышал от них, что и я этим грешу: я киоск называю «трафикой», а это не по-русски. Я был потрясен. За 22 года жизни в Югославии я ни разу ни от кого не слышал слова «киоск» и думал, что «трафика» русское слово.

Зато члены НТС страдали другим. Все мы употребляли такие советские словечки, как «ребята», «отобразить», или выражения вроде «в разрез и по линии» или зощенковское «что за шум, а драки нет». От членов НТС члены НОРМ научились петь многие советские песни, зачастую не зная об их советском происхождении. Это были и «Крутыми тропинками в горы», и «Веселый ветер», и «Я на подвиг тебя провожала» и многие другие.

Русская молодежь из Франции, даже знающая русский язык, между собой говорила, как правило, по-французски. На вопрос «как дела?» отвечали по-французски – «са ва». Вначале это было забавно слышать, но потом перестало казаться смешным. «Старые» берлинцы чепуху называли по-немецки – «квач» и в виде восклицания говорили «Mensch!» (человече!). Курс для вожаков – КДВ русские из Польши называли КаДеВу и подмешивали польские словечки, чем, впрочем, страдали и эмигранты из Югославии.

Вообще, русская молодежь из разных стран представляла собой довольно пеструю картину. Началось деление на «старых» берлинцев и «новых» берлинцев, т. е. новоприезжих. Это были два разных мира. «Старые» берлинцы либо учились в русско-немецкой гимназии, либо имели интеллигентную работу, питались дома, имели связи с местным населением. «Новые» берлинцы были простыми низкооплачиваемыми рабочими и питались в ресторанах. Во главе НОРМ стояли «старые» берлинцы – Ваня и Ира Мелких, а на всех остальных руководящих местах оказались «новые» берлинцы. Некоторые «старые» берлинцы были этим недовольны, но не хотели понять, что они в этом сами виноваты. Им никто не мешал занять ту или иную руководительскую должность, но они предпочитали не руководить, а быть руководимыми.

Рождественский, работая в редакции «Нового слова», устраивал там после конца работы доклады для членов НТС и их друзей. Первое время «Новое слово» можно было купить и на оккупированной территории СССР, куда спецкором ездил Февр, писавший о своих впечатлениях под заголовком «Солнце всходит на Западе», но потом немцы ограничили распространение

«Нового слова» на Германию и Генерал-губернаторство. Редакция получала газеты, печатавшиеся на оккупированных территориях, и делала из них выдержки. На собраниях в редакции Рождественский читал те сообщения, которые почему-либо не попадали в «Новое слово», снабжая их комментариями, где между строк говорилось о том, о чем нельзя было написать. Помню одно такое сообщение об открытии маслобойного завода. Из комментариев становилось ясно, что раньше крестьяне могли использовать молоко для себя, а после открытия завода все молоко шло на масло для немецкой армии.

Когда заказ в переплетной, где я работал, был выполнен и хозяин попрощался со мной, мне надо было снова искать работу. Я ее нашел без особого труда, но хозяин послал меня на биржу труда за рабочей книжкой. Книжку я получил, но одновременно и назначение в другую переплетную, туда, где надо было в спешном порядке переплести новые телефонные книги. Долго я там не проработал, так как в апреле НТС решил послать меня в Варшаву на работу в Дом молодежи, чтобы заменить Мартино, который в мае должен был бы двинуться в Смоленск.

После моего отъезда в Варшаву начальником Отделения одиночек был назначен атаман (так в НОРМ назывались руководители) Павел Синкевич, а его помощником Володя (Владимир Исаакиевич) Быкадоров. Отделение выпускало в Берлине «Костер одиночек». Третий и, кажется, последний, номер вышел перед лагерем, который должен был бы состояться с 15 августа по 1 сентября 1944 г.

До войны издание местных журналов в Югославии было одной из форм воспитательной и образовательной работы с разведчиками. В 1941–1945 гг. в Германии, в ее границах того времени, выходили, кроме берлинского «Костра одиночек», с 1 марта 1944 г. еще «Рук-Вож» – журнал для руководителей и вожаков, в Катовицах-Сосновицах – «К родным полям», в Лицманштадте «Наш труд» и в Альгрингене сборник «Вперед» (кажется, только один номер). О журнале псковских одиночек «Перезвоны» и венском сборнике «Вперед» будет сказано далее.

11. Берлин 1942 г. – V Курс для руководителей

В 1942 г. проводился V Курс для руководителей – одновременно под общим номером в Варшаве и Берлине. Начальником КДР в Берлине был назначен Олег Сергеевич Поляков, который в 1939 г. окончил в Шуметлице (Югославия) II КДР, преподавал в 1940 г. на III КДР под Белашницей около Пазарича – Сараева (Югославия) и в 1941 г. в исключительно трудных условиях сам провел IV КДР под Смедеревом в оккупированной немцами Сербии. V КДР в Берлине был начат в середине мая и закончен 15 августа 1942 г.

В то время как все предыдущие курсы, включая и V КДР в Варшаве, проводились в летних лагерях, КДР в Берлине проводился летом, но в обстановке загородных походов. Кроме самого Полякова, инструктором на курсе был доктор Николай Митрофанович Сергеев, начальник витязей в Чехии, незадолго до этого принятый Р. Полчаниновым в подпольную НОРС-Р. Курсантами были старший звеновой НОРР Владимир Исаакович Быкадоров, Володя Кеппен, по прозвищу «Дима», недавно окончивший версальский корпус-лицей, Катя и Оля Новосельские, ученицы русско-сербской гимназии в Белграде – все курсанты вступили в подпольную НОРС-Р, откинувшую в годы войны слово «скаут».

К курсантам ставились строгие требования, и из всех курсантов окончили курс только Быкадоров и Кеппен. В воспоминаниях о КДР в «Вестнике ЗАО» (1990. № 3) Быкадоров писал:

«Несмотря на разницу в возрасте, образовании и довоенной принадлежности к разным молодежным организациям, с первого дня курса между руководителями и курсантами возникла искренняя, братская дружба. Всеми нами руководила одна, всепоглощающая мысль: бескорыстное служение нашей многострадальной родине.

На курсе пламенных, патриотических слов не произносилось. Все мы тогда и без зажигательных девизов горели, как могут гореть лишь подлинные, готовые на любую жертву патриоты. У нас всех была тайная надежда: с Божьей помощью, благополучно добраться до России, и там, на родной земле, среди своих, применить только что приобретенные знания.

Чтобы получать продовольственные карточки, а также и право на жительство в Берлине, нам нужно было работать на

фабриках не менее 56 часов в неделю.

Лекции нам читались по вечерам, после рабочего дня. Часто их прерывали воздушные налеты. По воскресеньям под руководством д-ра Сергеева мы отправлялись за город, в лес, где вдали от посторонних взглядов мы старались заняться обыкновенно проходимой в лагере практикой.

После письменной выпускной работы, прихватив с собой нескольких курсантов, окончивших КДВ – курс для вожаков, мы уехали в лес на ночевку. Доехав до последней станции электрички, мы долго бродили по незнакомому лесу в поисках удобного места для ночлега. Вдруг, неожиданно, на нас направился ослепительный луч электрического фонаря. Одновременно раздается резкий немецкий приказ – Halt!

– Попались, будь они неладны! – шепотом, сквозь зубы произносит кто-то из нас. На сей раз не миновать нам ареста! Выручил нас самый молодой, находчивый член нашей группы – вожак Коля Бельгард. Мгновенно сообразив, что из всех нас он единственный, который безукоризненно и без акцента говорит по-немецки, он вышел вперед и на вопрос – кто мы такие – ответил, что мы находимся здесь по заданию нашей молодежной организации. Цель же нашего задания: закаление воли и характера для будущей борьбы с врагами родины. О какой организации и о какой родине шла речь, наш молодой друг разъяснять не стал.

Приняв нас за Hitlerjugend, охранник проходящей через лес электрической линии высокого напряжения понимающе кивнул головой, сказав: Ah, ja, natuerlich, selbstverstaendlich! (Ах, да, конечно, само собой разумеется!). Без всяких затруднений, даже с некоторой услужливостью, пропустил он нас вглубь леса, предупредив, что нам надо держаться правее, чтобы миновать следующих сторожей».

Ни инструктора, ни окончившие курс Быкадоров и Кеппен – все четверо члены НТС, не миновали трагической судьбы. Поляков и Кеппен были схвачены смершевцами и получили по 15 лет заключения в советских лагерях, д-ра Сергеева арестовало гестапо и он погиб в концлагере, а Быкадоров тоже попал в немецкий концлагерь, но выжил.

12. В Варшаве 1940–1941 гг

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, а 17 сентября Красная армия вошла в Западную Белоруссию и Западную Украину. Варшава была взята немцами 28 сентября. И нацисты, и большевики на занятых ими территориях запретили Союз польского харцерства, в состав которого входили отряды русских скаутов.

Первый подпольный отряд русских скаутов-разведчиков был создан в Варшаве. Председатель Русского комитета в Генерал-губернаторстве Сергей Львович Войцеховский, описавший вкратце работу с молодежью в своих воспоминаниях, напечатанных сперва в журнале «Возрождение», а затем в сборнике «Эпизоды», по моей просьбе сообщил мне дополнительно некоторые подробности:

«Весной 1940 года служащим Русского комитета в Варшаве Павлом Алексеевичем Жирицким, принадлежавшим до войны в Лодзи к Союзу польского харцерства, была основана дружина русских вожатых и разведчиков, летом того же года переименованная в НОРМ – Национальную Организацию Русской Молодежи»[49]. Это было сделано из осторожности. Немцам можно было сказать, что варшавская НОРМ – это то же, что и ими самими созданная берлинская НОРМ, хотя варшавская не только не вошла в подчинение Берлину, но и вообще с Берлином не устанавливала никаких связей. По существу, дружина вожатых и разведчиков не была переименована в НОРМ, а влилась в новосозданную НОРМ, которая представляла собой клуб молодежи, возглавляемый Виктором Алексеевичем Федяем (р. 1914). В то время как Жирицкий и Екатерина Навроцкая вели с младшими разведческую работу, старшие *«встречались, вели беседы, играли в пинг-понг. Был и курс автомехаников, который вел Иван Иванович Виноградов»,* член НТС. Многие из членов НОРМ вступили в НТС, *«в эту популярную в то время организацию»*[50].

1 июля 1940 года при содействии варшавского Русского комитета состоялось открытие летнего лагеря НОРМ в Свидере под Варшавой. Накануне в варшавском православном храме Св. Троицы был отслужен молебен. Первый лагерь в Свидере был устроен на незастроенном участке, на берегу мелководной реки. Обстановка была примитивной и бедной. Участницы лагеря жили в полотняных палатках, участники – в деревянных шалашах. Столовую заменял вырытый в земле ров, на краю которого ребята

сидели, получая пищу из кухни под открытым небом. Посуду мыли в реке. Начальником лагеря и его мужского отряда был Жирицкий (1925?–1980-е гг.), его помощницей и начальницей женского отряда – Екатерина Навроцкая. Над лагерем, на мачте, развевался трехцветный русский флаг. Прикрепленный к древку флаг выносился в строю обитателей лагеря. Воскресные богослужения совершал приезжавший из Варшавы протоиерей Георгий Лотоцкий. Для этих богослужений был сооружен из веток шалаш. В августе в лагере состоялось приведение его участников и участниц к Торжественному скаутскому обещанию с вручением им скаутского значка. Скаутская эмблема – лилия – была сложена из небольших камней у подножия мачты с русским флагом[51].

Зимой 1940–1941 гг. сборы разведчиков и разведчиц НОРМ проходили в особняке графа Тышкевича на Аллее Роз, 4, предоставленном Русскому комитету владельцем особняка, женатым на падчерице вел. кн. Николая Николаевича.

Вероятно, немцы узнали о скаутском характере работы Жирицкого и Навроцкой, и Войцеховскому пришлось отстранить их от общественных дел и назначить начальником НОРМ известного своими пронацистскими взглядами Георгия Михайловича Шульгина. В своем письме Войцеховский сообщил только, что *«в июле 1941 г. состоялось открытие второго летнего лагеря НОРМ на территории усадьбы Соловьювка в Свидере, арендованной Русским комитетом. Начальником лагеря был Г. М. Шульгин, начальником мужской дружины Михаил Викторович Монтвилов (р. 1914), начальницей женской дружины – Ирина Блюмович. Начальницей созданной при лагере детской колонии была Н. А. Горбань. Для участников и участниц лагеря, включая детскую колонию, была установлена форма – белые фуфайки со щитом русских национальных цветов на груди, синие трусики. Изображение скаутской эмблемы – лилии – у подножия мачты с русским флагом было по требованию члена правления Русского комитета и руководителя НТС Александра Эмильевича Вюрглера заменено на изображение трезубца – эмблемы НТС и надписью “За Россию”»*. Это изменение привело к конфликту между Шульгиным и Вюрглером, которому Комитет поручил надзор за лагерем. Молебен при открытии лагеря был отслужен протоиереем Дмитрием Сайковичем, совершавшим затем в лагере и воскресные богослужения. Для этого беседка была превращена в постоянную часовню, заменявшую алтарь при служении литургии. *«Конфликт между Шульгиным и Вюрглером привел к ликвидации НОРМ, функции которой были приняты на себя Русским комитетом»*[52].

Из-за чего был конфликт и почему надо было ликвидировать

НОРМ, Войцеховский мне не написал. От члена НТС Монтвилова, бывшего до войны в Бресте русским скаутским руководителем, а в лагере начальником мужской дружины, мне стало известно, что из-за пронацистской пропаганды Шульгина у него с ним с самого начала были столкновения, и Монтвилов покинул лагерь, не дожидаясь конца, заявив Войцеховскому о невозможности сотрудничества с Шульгиным.

Памятным событием во втором лагере в Свидере были проводы первой группы НТС, отправлявшейся в оккупированную Россию. Задачей группы было служить квартирьерами и готовить путь следующим. Группу вел Владимир Николаевич Кашников (1922–1991), которому тогда было 19 лет. Казалось, что сбываются слова любимой скаутской песни:

> В путь-дорогу, в край родных полей
> Полетим мы сокола быстрей.
> Бурным вихрем силы молодой
> Разнесем снега страны родной…

Вюрглер присутствовал на проводах, но, вероятно, поставил перед Войцеховским вопрос ребром: либо он, либо Шульгин, и ликвидация НОРМ стала для Войцеховского удобным выходом из положения. В результате немецкий ставленник Шульгин оказался не у дел, а Вюрглер был отстранен от надзора за летними лагерями для русской молодежи.

Осенью 1941 г., вместо НОРМ, в которую входили отряд разведчиков и отряд девочек-вожатых и которая занимала целый этаж на ул. Маршалковской, 68, был создан в том же помещении Дом молодежи. Его начальником был назначен приемлемый для немцев Анатолий Викторович Шнее, директор немецкого молочного завода Agryl и немец по происхождению. Как бывший русский офицер и член НТС, он был приемлем и для Вюрглера.

Русская молодежь, посещавшая Дом молодежи, состояла в основном из учеников русского Коммерческого училища на улице Новый Свят, но были и работники разных польских и немецких предприятий. В Доме молодежи за 30 грошей русская молодежь могла получить суп с куском хлеба и стакан молока, а в воскресные дни еще и порцию творога. К скудному польскому пайку, а русские имели те же продовольственные карточки, что и поляки, это было заметной добавкой. Немцы с первого дня оккупации Польши закрыли все гимназии, в том числе и русскую, но русское Коммерческое училище не тронули.

13. В Варшаву «по зеленой дорожке»

В апреле 1942 г. у меня была встреча с председателем НТС Байдалаковым. Он сообщил мне, что Мартино в начале мая должен двинуться дальше в Россию, но для этого его надо заменить на его работе в Варшаве в Доме молодежи. Он сказал, что считает меня наиболее подходящим для этого, и спросил меня, готов ли я отправиться нелегально в Варшаву, как это говорилось в Союзе, «по зеленой дорожке». Я сразу согласился, но Байдалаков добавил, что нелегальный переход границы связан с некоторым риском, и готов ли я идти на риск. Я, конечно, сказал, что готов.

Тогда Байдалаков сказал, что риск очень небольшой, но, надеясь на лучшее, надо быть готовым и к худшему. Дорогу проторили польские контрабандисты, и у них не было ни одного провала. Как и где переходить границу, скажет мне член Союза по фамилии Мотор, проживающий в Лицманштадте (до 1939 г. – Лодзь), а он, Байдалаков, обсудит со мной, что и как говорить в случае ареста. Конечно, я не смею никого выдавать, все должен брать на себя, но должен говорить убедительно, так, чтобы немцы мне поверили.

К Байдалакову пришел я с моими документами, Байдалаков их начал рассматривать и, будто бы он следователь, задавать мне вопросы.

Первым вопросом было – кто я? Я ответил, что родился в России в 1919 г., отец белый офицер, эмигрировал в Югославию. Окончил четыре класса русской школы, затем местную гимназию (аттестат зрелости), учился заочником на юридическом факультете в Белграде, а после присоединения Сараева к Хорватии перешел в Загребский университет (студенческая книжка). Работал в канцелярии «Хорватских рудников…» (удостоверение). Когда узнал из газет, что Германии нужны рабочие, поехал в Загреб и через немецкую биржу труда прибыл в Берлин. Работал переплетчиком. Основы переплетного дела получил в русской школе.

– Почему вы бежали с работы? – задал мне вопрос Байдалаков и сразу же подсказал ответ: вы не бежали с работы, вы только хотели переменить работу. Вместо переплетчика хотели стать переводчиком. Вы, как сын белого офицера, хотели принести больше пользы делу борьбы с большевизмом. Немцам легче найти переплетчика, чем переводчика.

На вопрос, почему я решился на нелегальный переход границы, надо было бы ответить, что в Берлине не смог получить

работу переводчика, а слышал, что в Варшаве это было бы легко сделать. Для этого, если немцы захотят проверить, мне надо было действительно попробовать получить эту работу в какой-нибудь берлинской фирме. В Берлине вас переводчиком не возьмут, сказал Байдалаков, это мы знаем, но главное, что вы пробовали и можете, если надо, доказать.

Я сказал, что, действительно, вскоре после приезда в Берлин, пробовал устроиться переводчиком, но безуспешно. Вот и хорошо, сказал Байдалаков. Это звучит очень убедительно и объясняет, почему вы бросили работу. Конечно, немец сразу спросит, кто это сказал, что в Варшаве можно устроиться переводчиком? Тут надо сказать, что в НОРМ был доклад одного приехавшего переводчика, чью фамилию не помните, который сказал, что немецкие фирмы в Варшаве нуждаются в русских переводчиках. Следующим вопросом будет, а что такое НОРМ? На этот вопрос надо ответить, что это та организация, которую рекомендует молодежи русское Vertrauenstelle, т. е. комитет, которому немцы доверяют. Во главе комитета стоит Бискупский, а во главе НОРМ стоит фон Таборицкий, его помощник и заместитель, чья подпись стоит на вашем документе.

То, что вы живете в помещении НОРМ, лучше не говорить, чтобы не было лишних вопросов. Вообще запомните, ничего лишнего с собой не брать, ничего лишнего не говорить, а главное – не улыбаться. Этого следователи не любят. Надо, чтобы у немца было впечатление, что вы страшно напуганы и готовы во всем признаться.

С собой вы должны иметь две фотографии, чтобы в Варшаве вам могли сразу сделать документ. Во избежание подозрений желательно иметь с собой и побольше семейных фотографий, но ни в коем случае не фотографий друзей. Немец будет их внимательно изучать, и вам придется рассказать кто, кроме вас, на фотографиях. Лишние фотографии и документы, сказал мне Байдалаков, вы оставите у меня, и я вам их потом перешлю в Варшаву.

Потом немец спросит вас, как вы узнали, где проходит граница Генерал-губернаторства? Подробной карты у вас не должно быть. Тут вы должны сказать, что достаточно было посмотреть на любую карту, чтобы видеть, что Лицманштадт расположен ближе всего к Варшаве, и что вам ваших 20 злотых хватит на дорогу. На станции вы нашли расписание местных поездов, идущих в направлении Варшавы. Вот так вы и оказались здесь.

Следующим будет вопрос: откуда у вас польские 20 злотых? Тут надо, продолжал Байдалаков, сказать, что вы коллекционер

бумажных денег, а значит, надо будет иметь с собой небольшую коллекцию. Байдалаков спросил меня, нет ли у меня с собой каких-нибудь хорватских денег. Оказалось, что нашлась мелочь, которую я не успел перед отъездом израсходовать. Байдалаков сказал, что даст мне немного французских и чешских денег, которые я мог получить в подарок от членов НОРМ, но насчет 20 злотых, а это уже не мелочь, предложил сказать, что получил от какого-то коллекционера в обмен на хорватские деньги – куны. Вы должны сказать, что свою коллекцию бумажных денег вы оставили дома, в Хорватии, но продолжаете ее пополнять. Если вас не поймают, то вы вернете мне все эти бумажки для следующего союзника, а если попадетесь, то для следующего человека нам придется придумать другую легенду. Повторять то же самое будет рискованно.

Вас могут спросить, нет ли у вас знакомых в Варшаве, на чью помощь вы рассчитывали. Тут надо будет сказать, что знакомых у вас нет, но вы рассчитывали найти русскую церковь и там надеялись получить помощь.

Если следователь примет все сказанное за чистосердечное признание, вас могут действительно взять на работу переводчиком, а если нет, то могут отправить обратно в Берлин или даже в штрафной лагерь.

На этом инструктаж был закончен. Байдалаков снабдил меня бумажными деньгами, о которых была речь, дал мне адрес Мотора в Лицманштадте, сказал, когда я должен выехать, просил никому, кроме Олега Полякова, с которым жил вместе в НОРМ, ничего не говорить, и чтобы ехал без шапки. В приграничье в шапке нельзя было быть по той причине, что местные жители при встрече с пограничниками должны снимать перед ними шляпы, и если бы я снял шляпу, а потом попался, то был бы вопрос, кто меня этому научил. Пожав мне руку и пожелав успеха, Байдалаков добавил: «Молитесь Богу».

Купив себе в дорогу по продовольственным карточкам хлеба и колбасы, я выехал в пятницу 24 апреля вечерним поездом в Лицманштадт. У Мотора я выслушал новые инструкции, поужинал и переночевал.

Я отдал Мотору записку с его адресом, чтобы ее, не дай Боже, не нашли у меня в случае ареста, проверил все, что у меня было с собой, и обсудил дальнейшие действия.

Утром рано с одним союзником мы поехали к границе. Там мой спутник показал мне дорогу, пересекавшую границу. Я должен был в полдень, когда пограничник уйдет на обед, быстро ее перейти и скрыться на польской стороне в доме контрабандиста. Мой спутник должен был наблюдать, как я

окажусь на польской стороне, чтобы доложить потом Мотору.

Поляк-контрабандист должен будет накормить меня обедом, а вечером, когда стемнеет, показать мне дорогу на железнодорожную станцию. Моих 20 злотых должно быть достаточно на билет до Варшавы. На станции я должен буду стать в очередь вместе с поляками за билетом. Будут люди, которые получат билеты без очереди, но надо знать, что это – немцы. Лучше не пробовать брать билет без очереди и не рисковать. Чтобы не выделяться из толпы сидящих в ожидании поезда, я должен буду купить польскую газету и углубиться в чтение.

Как я потом узнал, поляк-контрабандист отказался от вознаграждения за свою помощь. Он был старым знакомым Мотора, и Мотор ему оказывал кое-какие услуги. Поляк сказал, что кто скрывается от немцев – их враг, а значит – его друг.

Мотор сказал мне, что на железнодорожную станцию ведет прямая дорога, которую мне укажет польский контрабандист. Он будет издали наблюдать, как я сяду в поезд, чтобы потом сообщить, все ли прошло благополучно.

Слава Богу, все прошло благополучно. План работал как часы. В ожидании поезда я читал польскую газету. Читать по-польски я умел и от нечего делать решил заучивать польские слова. Что делать в Варшаве, я должен был знать на память. Никаких записок не смел иметь с собой. Мотор сказал мне, что, выйдя из вокзала, я должен идти по ходу поезда и на правой стороне улицы сесть в трамвай W2. Я не понял, что значит идти по ходу поезда, но Мотор сказал, что когда приеду, все станет ясно. Так оно и было.

С полученной сдачи у меня оказалась кое-какая мелочь и я, как мне было сказано, ничего не говоря, дал кондуктору 20 грошей и проехал до последней остановки на площади Trzech Krzyży. Если бы я знал город, я бы туда мог пройти и пешком, но трамваем было проще и безопасней. Я не имел права заблудиться и, страшно подумать, попасть в руки немцев.

На этой площади стоял костел св. Александра, и в русское время (до 1918 г.) эта площадь называлась Александровской. Костел был построен Александром I, царем России и королем Польши, получившим от поляков имя «Воскресителя Польши» за то, что после падения Наполеона из наполеоновского герцогства Варшавского создал Польское королевство, с польским парламентом – сеймом, польской валютой – злоты и гроши, и польской армией, в которой остались на службе даже польские офицеры и генералы, воевавшие в армии Наполеона против России. Персональная уния полякам в 1815 году даже импонировала. В благодарность поляки собрали два миллиона

злотых и подарили их императору Александру, а он на эти деньги построил костел – как символ русско-польской дружбы. При Пилсудском про дружбу с русскими старались не вспоминать, и площадь переименовали в Площадь трех крестов. Там, перед собором, действительно стояло три креста, но не это было причиной переименования. Немцы почему-то вернули площади старое название – Alexanderplatz.

От площади вниз шла улица Ксенжеча, где жили Соловьевы, которые меня ждали и сразу же угостили завтраком – котлетой из конины. Конина мне не понравилась, но «голод не тетка», и капризничать было неуместно. Одному из сыновей, Толе или Юре, я дал две фотографии и свои данные, с которыми он пошел в Русский комитет и вернулся с моим новым удостоверением личности. Теперь я мог без риска выйти в город. С Соловьевым я поехал в канцелярию Русского комитета представиться его председателю Сергею Львовичу Войцеховскому.

Русский комитет (Russisches Nationales Komitee) с весны 1940 г. находился на Аллее Роз, 4, в особняке графа Стефана Тышкевича, но квартира Войцеховского и канцелярия находились на Вейской улице, 16. Войцеховский был со мной любезен и очень хвалил Мартино, чье место я должен был занять.

Войцеховский отлично знал, что и Мартино, и я прибыли в Варшаву нелегально, но снабдил документами и нас, и еще многих членов Союза. Он не был членом Союза, но помогал членам Союза продвигаться, как говорилось, «дальше на Восток», снабжая их необходимыми документами. Он выдавал им справки о том, что они прибыли в Варшаву в 1939 г. как беженцы при приближении Красной армии и после освобождения мест их жительства от советской власти желают вернуться к себе домой.

Благодарю варшавянку Ольгу Сергеевну Астромову (ур. Безрадецкую) за ценные советы при работе над этой главой.

14. Варшава 1942 г

С осени 1941 г. и до приезда Бориса Борисовича Мартино в Варшаву в конце февраля 1942 в Доме молодежи внешкольной работы не велось. После его приезда возобновилась работа дружины. Она состояла из отряда разведчиков, которым одно время руководил Владимир Николаевич Кашников, и отряда разведчиц под руководством Анны Давыдовской, невесты Ивана Ивановича Виноградова. После отъезда Давыдовской в Смоленск в мае 1942 г. начальницей отряда разведчиц стала Рита (Маргарита) Сагайдаковская, а ее помощницей – Таня (Татьяна Николаевна) Кашникова. Кроме того, была еще стая волчат и белочек из учеников и учениц русской начальной школы на ul. Miodowej под руководством Ирины Блюмович. «Белочки» – название для девочек до 12 лет – было придумано в Варшаве и потом распространилось по всей организации разведчиков. Кроме Блюмович, все были членами НТС, и за исключением Кашниковых в скаутской организации ранее не состояли.

Получив согласие от Шнее на создание дружины разведчиков и разведчиц, Мартино, с одной стороны, начал проводить сборы по отрядам, помогая молодым начальникам, с другой стороны, выделил группу старших, которых стал готовить на должности вожаков лагерных звеньев.

Праздник св. Георгия, покровителя разведчиков (6 мая), падал на рабочий день. В этот день кто мог, маленькими группами в штатском, поехал за город. Я был в группе, которая, проходя мимо цветочного магазина, увидела в витрине маленький букетик ландышей. У разведчиков был обычай в этот день носить в петлице цветок или хотя бы зеленый листок. Мы взяли букетик и тут же его разделили между собой. Продавец нам по-дружески подмигнул, почувствовав, что тут какая-то конспирация.

Мне, как недавно приехавшему в Варшаву, трудно было понять, куда мы поехали. Помню только, что кто-то нас уже ждал на сборном пункте и что мы еще кого-то ждали, а потом двинулись все вместе и на какой-то укромной поляне остановились, построились и Мартино, как начальник, сказал нам соответствующее слово. Потом мы перекусили, попели и двинулись в обратный путь.

Настоящее празднование с освящением знамени, небольшим представлением и прощанием с уезжавшими в Смоленск

Давыдовской и Мартино было устроено в Доме молодежи в воскресенье 10 мая. Тогда же состоялась и передача мне руководства дружиной. Передав мне официально руководство Варшавской дружиной, Мартино своим подпольным приказом по ИЧ назначил меня одновременно и начальником отдела в Генерал-губернаторстве[53].

Радостный день был омрачен случившимся у Мартино кашлем с кровью. Доктор нашел у него туберкулез, и ни о каком продвижении в Россию не могло быть больше и речи. Войцеховский, оценивший руководительские способности Мартино, оставил и его, и меня на службе в Доме молодежи. Шла подготовка к лагерю, и работы хватало на нас всех. Про Мартино Войцеховский писал, что он обладал *«необыкновенным умением привлечь сердца молодежи»* и что он *«преобразил Дом молодежи своим талантливым руководством»*[54].

В Варшаве можно было бы объясняться по-русски или по-немецки, но немецким языком я не хотел пользоваться, а русский для поляков был мало понятен. Поэтому я решил с первого же дня учиться польскому. Мартино составил мне список самых необходимых фраз, но всего он предусмотреть не мог, и в первые же дни у меня был забавный случай. Я спросил у прохожего – где такая-то улица, а он мне ответил «нех пан пуйде просто». На это я ему сказал: «пшепрашам, для пана то ест просто, а для мня не». Однако прохожий знал русский язык и объяснил мне, что польское слово «просто» в переводе будет – «прямо».

Оказалось, что еще надо знать, что польское слово «запомнить» значит – «забыть», что «искусство» по-польски будет – «штука», и т. д.

Что я заметил в первые же дни, так это набожность поляков. Проезжая в трамвае мимо костела, все мужчины, начиная с кондуктора, приподнимали шляпы. В католической Хорватии такого не было.

И еще одна вещь мне бросилась в глаза. Для немцев по Варшаве ходил специальный трамвай с номером «0», а во всех других передняя площадка и первая скамейка была Nur fuer Deutshe. «Только для немцев» в Польше были и парки, и рестораны, и магазины. Правда, поляков не лишили, как жителей оккупированного СССР, передвижения на трамваях и по железной дороге, почты, телеграфа и телефона, но все же ограничения были очень чувствительными. В ответ на унижения поляки отвечали анекдотами. Такого количества антинемецких анекдотов я нигде не слышал. Слышал я их, впрочем, не от поляков, с которыми мало общался, а от наших русских, которые, если и были на многое в обиде на поляков, то в годы оккупации

им определенно сочувствовали.

Должность начальника подпольного отдела требовала от меня расширения разведческой работы на провинцию. Я обратился к Войцеховскому с предложением привлечь в лагерь на этот раз и русских детей из провинциальных городов. Войцеховский охотно принял мое предложение и снабдил меня адресами представителей комитета в провинции и деньгами для поездок. Я посетил Краков, Ченстохову, Радом и Люблин. В Люблине мне удалось основать звено «Белый Медведь» и посетить его еще дважды до начала лагеря; в Кракове, Ченстохове и Радоме я нашел по одному человеку и записал их в одиночки. В Холме, Львове и Перемышле из-за протестов украинцев представителей Русского комитета не было, но Вюрглер дал мне адреса членов НТС. Их имена я, к сожалению, не запомнил.

Женщина в Холме до вступления в НТС была членом БРП – Братства русской правды. Она на шее носила крестик с надписью «Боже, спаси Россию» и подарила мне такой же на память. Она была украинкой, как и большинство жителей Холмщины, но, как и многие, считала себя русской. Холм был захвачен в 1939 г. советскими войсками, но только на короткое время. По договору Холм должен был быть под немецкой оккупацией. Большевики, кажется, не успели никого арестовать, во всяком случае, ее не тронули. Она познакомила меня с Машей Олесюк, из семьи, считавшей себя русской. Я пригласил ее в русский летний лагерь, но она сказала, что не может, так как если об этом узнают школьные власти, то будет скандал. Она училась в украинской школе, где велась полуподпольная работа украинских пластунов (скаутов). Она показала мне свою тетрадку, в которой рисовала знакомые мне узлы и дорожные знаки. Она показала мне журнал, издававшийся типографским способом в Львове для украинской молодежи в Генерал-губернаторстве. На обложке был мальчик с треугольным флажком, похожим на скаутские звеновые флажки, только без изображения зверя. Одним словом, под каким-то безобидным названием украинские скауты вели свою работу, как и мы, русские, только мы вели ее в более скромных масштабах. В Галиции и на Холмщине проживало несколько миллионов украинцев, и церковь и общественность поддерживали деятельность пластунов.

Маша была немножко поэтессой. Она перевела на украинский стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно…»:

І скучно і сумно, і нікому руку подати
В хвилини для щастя пропащі.
Бажання? І пощо даремне і вічно бажати?

Літа ж проминають – літа що найкращі!
Любити? Кого ж і на скільки? На рік, чі на два,
Не варто трудитись, а вічно любити не сила.

Мне очень понравился и перевод и то, что девушка любит поэзию, и особенно Лермонтова. Я записал перевод под ее диктовку. Ей было приятно, что взрослый человек заинтересовался ее творчеством, но на мое письмо она не ответила. Вероятно, не хотела связываться со «стариком», хотя мне было тогда только 23 года.

В годы польского правления на Холмщине поляки разрушили много православных церквей, а некоторые переделали в костелы. Так, в Холме был переделан в костел православный собор, который немцы вернули православным. Там служил архиепископ Илларион (Огиенко), и служил не по-церковнославянски, а по-украински. Когда кончилась литургия, хор запел украинскую молитву: «Боже Великий, Творче всесвіту, На нашу рідну землю поглянь! <…> Люд у кайданах, край у руїні, Навіть молитись ворог не дасть… Боже Великий, дай Україні Силу і славу, волю і власть».

Моя спутница потом рассказала, что многие православные, не желая посещать украинское православное богослужение, стали ходить к униатам, которые продолжали служить по-церковнославянски.

Наш член НТС в Перемышле рассказал мне, как в 1939 г. город был разделен на две части. Та часть, которая оказалась под немецкой оккупацией, была названа Deutsch Pschemisl (Немецкий Перемышль), хоть он и не был присоединен к Германии, а только входил в состав Генерал-губернаторства. Он же рассказал мне, что, когда ему выдавали советский паспорт и он сказал, что он по национальности русский, то милиционер ему по-дружески посоветовал сказать, что он украинец, чтобы не попасть «к белым медведям».

Ни в Перемышле, ни в Львове я с русской молодежью не встречался.

Одним из дел, которые поручил мне Мартино, было поддерживание связи с подпольными харцерами. Мы поехали вместе к польскому руководителю Тадеушу Квятковскому, с которым Борю Мартино познакомил Женя Поздеев. Он хоть и был русским, но до войны работал в Варшаве с харцерами и знал Квятковского по харцерской работе.

Для курса для руководителей нам надо было достать кое-какую польскую харцерскую литературу, и я отправился к

Квятковскому узнать, чем бы он мог нам помочь. Друг Тадеуш (харцеры обращаются, как принято у поляков, друг к другу в третьем лице, называя друг друга «druh» или «druhna»), дал мне адрес книжного магазина, где можно купить харцерскую литературу, и научил меня, как спросить и что отвечать хозяину. Магазин находился на маленькой улочке, выходившей на Театральную площадь. Там я должен был незаметно спросить: «Могу ли купить Harcerstwo dla chłopco'w – польский перевод Scouting for Boys)»? Продавец, конечно, скажет, что таких книг он не продает, на что я должен был ответить, что пан Тадеуш сказал, что у него такую книгу можно найти.

Я сразу поехал в указанный магазин, спросил, как мне было сказано, и получил предусмотренный ответ. Я, разумеется, сослался на пана Тадеуша, и торговец сказал мне так, чтобы никто не слышал, что такие книги он не имеет права продавать, а употребляет их для разжигания в печи огня, и чтобы я посмотрел в мусоре, может быть, там случайно найдется нужная мне книга. Я так и сделал и под щепками, дровами и мусором обнаружил растерзанный экземпляр «Харцерства для хлопцув» без первых и последних страниц. Я незаметно показал хозяину книжку и спросил: «Ile kosztuje?» (сколько стоит).

Хозяин назвал мне смехотворно низкую цену. К тому времени я уже знал варшавские порядки, что если на газете написано 20 грошей, то платить надо 2 злотых. Я дал хозяину 10 злотых, и, поблагодарив, хотел уйти, но он не отпустил меня, не дав сдачи.

Несколько дней спустя я отправился в тот же магазин в поисках книги по саперному делу и спросил книгу «Pionerka harcerska». Хозяин меня встретил так, как будто бы видит меня в первый раз. Я снова должен был упоминать пана Тадеуша, а хозяин снова мне объяснял, что он таких книг не держит и т. д. Я пошел снова к печке искать книгу в мусоре, но книги не оказалось. Там снова лежало «Харцерство для хлопцув». Я решил купить книжку, дал хозяину деньги, но сказал, что мне нужна «Пионерка харцерска». «Проше пана, – сказал хозяин, – заходите в другой раз».

Через несколько дней я снова пришел в магазин и на этот раз нашел нужную мне книгу. Pan mial szczenscie (Пану повезло), сказал мне хозяин, будто бы он не отложил эту книгу специально для меня.

Трудно поверить, но в оккупированной Варшаве в одном магазине на витрине были выставлены среди прочих мелочей и харцерские лилии, и маленькие харцерские кресты для штатского, и металлические зажимы для галстуков с лилией посередине.

Эта статья была проверена и дополнена Ольгой Сергеевной Астромовой (ур. Безрадецкой), Михаилом Викторовичем Монтвиловым и Татьяной Николаевной Юнг (ур. Кашниковой), за что им автор приносит им глубокую благодарность.

15. Лагерь в Свидере

Лагерь в Свидере в 1942 г. был устроен в той же усадьбе Соловьювка, где и предыдущий лагерь в 1941 г. Это было большое двухэтажное здание. На втором этаже жили лагерницы, а на первом были кухня, столовая и жили младшие лагерники. Этот дом, как и ряд других, был национализирован немцами, и пустовавшими дачами заведовал А. А. Соллогуб[55]. В лагере в 1942 г. были не только Варшавская дружина, но и одиночки, и дети, и молодежь, не состоящая в дружине. Это, конечно, создавало некоторые неудобства для проведения занятий с лагерниками и отрицательно влияло на дисциплину.

Начальником лагеря официально был начальник Дома молодежи Шнее, но он руководство лагерем полностью передал Мартино и не мешал проводить разведческую работу. Меня Шнее назначил начальником мужского лагеря, или, как у нас говорили, «мужлага», начальницей «женлага» была Маргарита (Рита) Сагайдаковская, а начальницей волчат и белочек И. Блюмович. С новичками проходили III разряд, с разведчиками и разведчицами, сдавшими III разряд раньше, проходили II разряд, а с некоторыми и КДВ (курс для вожаков). С более старшими – КДР (курс для руководителей). Участниками V КДР были: Маргарита (Рита) Сагайдаковская, Татьяна Кашникова (р. 1925), Любовь Любарская, Владимир Кашников, Борис Мерхель, Александра Попова и Юрий Саватюк, а инструкторами, кроме Мартино и меня, были Евгений Евгеньевич Поздеев и Шнее. Подготовка вожаков и руководителей для послевоенной работы входила в планы ушедшей в подполье организации разведчиков, возглавляемой О. И. Пантюховым.

У старших, объединенных в круг витязей «Запорожская сечь», был лагерь из четырех палаток, в которых они ночевали, с воротами с лилией, буквами «З.С.» и надписью «Будь готов». В этом лагере была общая мачта и место для лагерного костра. У волчат и белочек был свой лагерь, с одним шалашом, со своей мачтой, воротами и оградой, где они днем играли. Ночевали они в доме. Разведчицы имели за дачей одну свою палатку, без ограды, ворот и мачты. Беседка, как и в 1941 г., была превращена в часовню. По воскресеньям в лагере совершал литургию всеми любимый о. Серафим Баторевич.

Ольга Сергеевна Безрадецкая (в замужестве Астромова), которой в 1942 г. было 13 лет, так вспоминает лагерь: *«Для меня это было что-то незабываемое. Мы готовились к этому лагерю на сборах в Доме молодежи. Усердно занимались разрядами и прошли что-то вроде КДВ – курса для вожаков. В лагере мне дали звено*

«Ромашка», чем я была неимоверно горда. В комнате, где мы жили, мы сделали звеновой уголок, за который нас потом очень хвалили. В палатках жили какие-то старшие разведчики, и мы им очень завидовали. Жить в палатках казалось верхом скаутского достижения. Обожали мы ночные игры и подкрадывания, хотя и боялись темноты»[56].

Для Мартино лагерь в Свидере был шестым лагерем, которым он руководил. Он знал, что и как надо делать. Для большинства лагерников это был только второй или даже третий лагерь, но именно этот произвел на них самое сильное впечатление.

В постройке «Голливуда» (полевой уборной) для разведчиков особой надобности не было. В доме на каждом этаже было достаточно уборных, но полевая уборная, так же как и ночевка в палатках, создавала впечатление жизни в настоящем разведческом палаточном лагере. Вожаки и руководители, которые на курсах изучали лагерное дело, должны были иметь кроме теории и необходимую практику.

Для подготовки югославских руководителей М. В. Агапов-Таганский и И. А. Гарднер (1898–1984) провели в 1924 г. первый КДР под девизом БКС – «Будем как солнце!». Мартино и я окончили югославянские БКС курсы, Мартино в 1934 г., а я в 1935 г., и мы вернули русской организации все то, что было заложено в этих курсах русскими руководителями и сохранялось затем югославянскими скаутами, в том числе и юмор. Астромова в упомянутом письме писала: *«Запомнилось торжественное открытие мужского “Голливуда”. Для всех лагерников это было неожиданным и смешным происшествием. Вход в “Голливуд” преграждала веревка с нанизанными на нее кусочками газеты, употреблявшимися в те годы не только в лагере вместо туалетной бумаги. Вместо флага, по случаю открытия, были подняты чьи-то кальсоны. Мартино сказал остроумную речь, разрезал ножом веревку и скрылся за стенкой, сделанной из веток».*

В прошлых лагерях руководители годились лагерникам в отцы, к ним обращались «на Вы» и звали их по имени и отчеству. Между Мартино, мной и лагерниками не было такой разницы в годах. Вот что написала Астромова в своем письме: *«Костры были чем-то совсем новым и очень интересным. Помню, как Борис Мартино пел: “Перепетуя, глянь в окошко, как чудно при луне”. Помню, как долго, меняя интонации, повторял слова “Путник клянется”, держа нас в напряжении, чтобы вдруг закончить все простой фразой: “что никогда больше не выйдет в бурю без зонтика”. Помню “Короля Лира”, поставленного разведчиками. До сих пор не понимаю, как мы могли жечь костры при полном затемнении».*

Если бы это от нас зависело, и Мартино и я, мы бы обедали вместе с лагерниками, но в лагерях в Свидере всегда руководители ели отдельно, и мы этого не смогли изменить. А жаль. Об этом Астромова там же писала: *«Постоянно заметна была и обижала разница между начальством и нами, детьми. Все руководители сидели за отдельным столом и никогда к нам не присаживались».*

И еще одно замечание Астромовой: *«Сердила меня надпись ГУЛАГ на дверях штаба лагеря – последней в коридоре комнаты на нижнем этаже, которую я не понимала. С трепетом входили мы в эту комнату, робея перед начальством».*

«Кормили нас по тем временам, – продолжает Астромова, – *благодаря стараниям А. Шнее – прекрасно. Каждому в день полагалось яйцо. Мы, девочки, обычно просили выдать нам сырое, получали ложку сахара и в "мертвый час" сбивали гоголь-моголь. Еда в военное время была важным для детей явлением»*. Собственно говоря, «мертвый час» в лагерях был установлен для того, чтобы после обеда лагерники отдыхали. Можно было читать, но не разрешалось что-нибудь делать, даже разговаривать. За порядком следили дежурные, но в лагере было более ста человек, и за всем было трудно углядеть.

В лагере разведчиков под мачту никого не ставили, никаких выговоров перед строем не делали, а делалось так, как было в разведческих лагерях в Югославии. Провинившиеся должны были подписывать «конкордат». Этот порядок был заведен в лагере в Шуметлице (Югославия, ныне Хорватия) в 1937 г. Тогда в Югославии были ожесточенные споры насчет подписания конкордата (договора) между Югославией и Ватиканом. Это слово у всех было на слуху. «Конкордат» был кусочком бумаги, на котором провинившийся должен был расписаться и потом его «искупить». В Шуметлице чаще всего провинившихся посылали в помощь дежурным принести хворост на кухню. Я обычно обращался к провинившимся с вопросом, кто из них хочет «искупить» конкордат, не говоря, в чем будет заключаться внеочередная работа. Провинившиеся охотно откликались, над ними солагерники по-дружески подсмеивались, и это создавало у всех хорошее настроение.

В многолюдном лагере в Свидере провинившихся было больше, а мелких дел меньше. Я решил «конкордатчиков» посылать вне очереди работать на кухню. Там каждый день работало два дежурных звена, одно разведчиков, другое разведчиц. Как только собиралось достаточное количество провинившихся, я объявлял о внеочередном дежурстве. Однажды маленький Сережа Грязнов пожаловался мне, что старшие

«конкордатчики» эксплуатируют младших. Я проверил жалобу у нанятых Русским комитетом работниц кухни и, узнав, что жалоба обоснованна, в следующий раз назначил Сережу вожаком звена «конкордатчиков», пригрозив старшим последствиями, если не будут подчиняться назначенному мною вожаку.

Кухарки отозвались очень похвально о Сереже, сказав, что при нем мальчики лучше работают, чем бывало прежде. Я это учел и в следующий раз снова назначил его вожаком. На кухне был порядок, но пошли жалобы на поведение Сережи. Он стал слишком шаловливым, слишком часто попадал на кухню вне очереди и ничуть не огорчался. Наоборот, он сделал себе повязку, на которой нарисовал череп и кости, и объявил себя начальником легиона смерти. Старшие его стали бояться больше, чем меня. Я его как-то пристыдил, что он слишком часто подписывает «конкордаты», а он мне признался, что ему понравилось быть начальником и командовать старшими. Из него вышел бы хороший руководитель, если бы он не утонул в 1949 г. во время купания в Дунае.

Дима Скоробогач, который приехал в лагерь новичком и сдал в лагере III разряд, вспоминает, что наказывали не только работой вне очереди на кухне, но и оставляли без купания. Это делалось, конечно, в более серьезных случаях. Дима тогда сочинил такие слова: *«В нашем Свидере беда: / Без купания всегда, / Потому что без воды / И ни туды, и ни сюды»*[57].

Дима вспоминает, что в лагере была «революция», вернее, «День младших», и тогда он был начальником «Мужлага», а Ляля Сагайдаковская начальницей «Женлага».

В Югославии в лагерях была игра, называвшаяся «революцией». «Заговорщики» иногда готовили ее так хорошо, что некоторые ребята думали, что действительно готовится какой-то переворот. Были и листовки, и арест начальства, и суд с обвинениями, причем ребята в шутливой форме говорили начальству о том, что им в лагере не нравилось. Делалось это в лагерях, в которых было по 30–40 человек. В Свидере же было более сотни, к тому же не очень дисциплинированных. Мы с Мартино решили, что устраивать революцию слишком рискованно, и решили устроить День младших. На это решение имел влияние и наш опыт с Сережей Грязновым, который на кухне прекрасно справлялся с ролью начальника.

Из-за одного крупного нарушения дисциплины у Бориса вышел скандал, о котором Войцеховский написал в своих воспоминаниях на с. 58: *«В Свидере, к сожалению, он проявил крайнюю несдержанность с молодой участницей лагеря»*. Было расследование, но лагерники об этом не знали. После лагеря и

Мартино и я были уволены с работы в Доме молодежи, и нас предупредили, чтобы мы не вздумали под каким-нибудь видом собирать молодежь.

Я думаю, что скандал Мартино с лагерницей был поводом, а не причиной. Дело в том, что любая скаутская деятельность была нацистами запрещена, в Свидере же на лагерных воротах красовались лилия и надпись «Будь готов». Однажды в лагерь неожиданно приехала какая-то немецкая комиссия, которая не могла не заметить скаутской символики. Думаю, что это было настоящей причиной того, что в следующем году лагерь, по выражению Войцеховского, *«из скаутского стал детским»* (там же). Думаю, что все было бы иначе, если бы Войцеховский предупредил Мартино не пользоваться скаутской символикой. Это было ошибкой, и ему, вероятно, пришлось выслушать выговор от немецкого начальства. Предупреждение, чтобы мы не вздумали вести подпольную разведческую работу, подтверждает эту догадку.

Как было сказано выше, в лагере велась нормальная работа с волчатами и белочками (мальчиками и девочками 7–10 лет), со старшими были занятия по программам III и II разрядов, а также КДВ и КДР. На КДВ помню Протасова, которому я потом передал работу с одиночками, а на КДР инструкторами были, кроме Бориса и меня, Евгений Евгеньевич Поздеев и Шнее, который преподавал топографию. КДР в Свидере и КДР в Берлине, которые проводились одновременно, был дан пятый номер. Шнее так увлекся разведчеством, что вступил в организацию.

Покидая Хорватию, благо не было осмотра багажа, я взял с собой запас разведческих лилий. Перед отбытием из Берлина я их оставил у Володи (Владимира Исаакиевича) Быкадорова с просьбой одну часть отправить с оказией в Варшаву. Полученных от Быкадорова значков было немного, и мы решили заказать новые. Для этого я снова обратился к Тадеушу Квятковскому с просьбой помочь. На этот раз Тадеуш не снабдил меня адресом, а взялся сам все устроить. У меня с собой была карпато-русская лилия, у которой «улыбка» с девизом не касалась кончиков лепестков и не имела «узелка доброго дела». Я ее дал Тадеушу с просьбой прибавить węzelek (вензелек, по-польски – узелок).

Первый десяток значков оказался без «узелков», потому что мастер забыл их прибавить к лилии. Так как он выпиливал каждый значок вручную, то выход из положения был найден таким образом, что мастер оставлял вместо «узелка» под «улыбкой» узенький треугольник, заменявший забытый им «узелок». По этой детали подпольные варшавские лилии отличаются от всех других, чеканившихся до и после. Заказ

разведческих лилий, сделанных в одной подпольной польской мастерской, оплатил Шнее.

Б. Б. Мартино, выждав какое-то время, стал осторожно продолжать разведческую работу в Варшаве, но на этот раз без прикрытия Дома молодежи, что, конечно, усложняло дело. Как вспоминает Астромова, участница подпольной работы, *«собирались в лесах варшавских пригородов, как Лесьна Подкова или Миланувек, небольшими группами с формами в кульках. В лесу переодевались. Иногда встречались с проведшими такую же процедуру подпольными харцерами, делая вид, что друг друга не замечаем».* И у одной и у другой стороны были основания бояться провокации.

Оставшись без заработка, ни Борис, ни я не остались без денег на продовольствие. Помог случай. Борису дали адрес зубного врача, который оказался председателем Хорватского комитета в Варшаве. Доктор (забыл его фамилию) спросил Мартино, почему он не состоит в Хорватском комитете, что дало бы ему право получать немецкие продовольственные карточки. Немцы и хорваты, которые были их союзниками, получали в Генерал-губернаторстве двойные нормы мяса и папирос, и к тому же конфеты и водку. За водку и папиросы можно было получить более ста злотых, и на эти деньги купить все остальное. Все это продавалось в магазинах «Мейнл», чьи витрины были украшены, как вызов, всевозможными недоступными полякам и русским яствами. Мы, конечно, воспользовались этой возможностью и записались в Хорватский комитет.

Мартино остался в Варшаве до 1944 г., когда ему пришлось выехать в Германию в связи с восстанием в Варшаве, а я в начале 1943 г. при помощи НТС устроился преподавателем Закона Божья в Псковскую православную миссию.

16. Псков
1943 г

Приезд

Я приехал в Псков из Риги в марте 1943 г. При выходе из поезда я должен был показать удостоверение личности и пропуск через границу прифронтовой полосы (Operationsgebiet). У меня было все в порядке, но проверявшему показалось что-то подозрительным и он вызвал жандарма. Вызванный был в форме немецкого солдата, только немножко ниже воротничка у него на цепочке висела металлическая пластинка с надписью «фельджандарм». Он посмотрел на мое варшавское удостоверение и спросил меня, откуда я приехал. Я ответил, что из Риги.

– А где ваш паспорт? – спросил меня жандарм.

Я сказал, что кроме варшавского удостоверения у меня никаких других удостоверений нет.

Идем со мной, сказал мне жандарм и отвел меня в тюрьму. Там он и начальник тюрьмы объяснили мне, что для приезда в Псков у меня должен был быть советский паспорт, как у всех жителей Прибалтики, и объявили мне, что я не арестован, но должен буду переночевать в тюрьме, пока они не выяснят, в чем дело. На следующий день они меня отпустили.

У меня было направление к о. Георгию Бенигсену, настоятелю кладбищенской церкви св. Димитрия мироточивого в поле. Отец Георгий проживал в доме напротив кладбища в конце Петровского (в советское время Плехановского) посада. Дорога была неблизкой, а трамвая не было. Немцы не только в Пскове, но и в других оккупированных советских городах лишали население общественного транспорта, чего не делали ни в одной другой оккупированной стране. Я шел, смотрел по сторонам, слышал везде русскую речь и радовался, что я в России. Постройки городского типа вскоре прекратились и начались деревянные домики, которых я раньше нигде не видывал. Вот тут-то я впервые почувствовал себя на родине. На спине у меня был рюкзак и обе руки были заняты багажом. Я очень устал. Отец Георгий был предупрежден о моем прибытии. Он меня очень радушно встретил, сказал, что давно ждал себе помощника, накормил обедом и тут же обсудил со мной все дела. В доме, где жил о. Георгий, размещались приют, школа, Надежда Георгиевна Одинокова, которая заведовала приютом, ее сестра Зинаида и

Анна Акимова, на которой держалось все хозяйство. Поручив меня Надежде Георгиевне, о. Георгий ушел по своим делам.

Надежда Георгиевна указала мне, куда сложить вещи и где я буду ночевать. К сожалению, в доме свободной комнаты не было, и мне надо было устраиваться в городе. На следующее утро я пошел в умывалку и тут познакомился с замечательным изобретением советского времени. Проточной воды в умывалке не было, но над каждым тазом была банка с отверстием внизу, которое закрывалось клапаном, от которого спускался вниз металлический стержень. Когда приподнимался стержень, из отверстия начинала течь вода. Позавтракав, я пошел в канцелярию Псковской православной миссии, которая находилась в кремле. Мне сразу выдали необходимые бумаги и составили «заявление» для Горуправления о выделении жилплощади. В «капстранах» полагалось писать «прошение», но советское правительство в целях пропаганды делало вид, будто бы граждане – «хозяева» страны и они ничего не должны просить, а только заявлять о своих желаниях. Все это мне было известно еще в Югославии, когда я проходил НТСовский курс национально-политической подготовки.

В Горуправлении мне сразу дали ордер на комнату и «прикрепили» меня к эстонской столовой. Она находилась на втором этаже дома, где на первом этаже была аптека, что на углу Великолуцкой (в советское время – Советской) и Профсоюзной (как при немцах официально именовалась Профсоюзная, не помню). Если не ошибаюсь, то немцы переименовали улицу Ленина в Adolf Hitler Strasse, а Октябрьский проспект в Pleskauer Hauptstrasse (Плескау – по-немецки Псков), а всем другим вернули их дореволюционные названия. Псковичи старыми названиями не пользовались, а продолжали употреблять привычные советские. Почему столовая называлась эстонской, я тоже не знаю. Там столовались служащие миссии, приехавшие в Псков, за редким исключением из Латвии, и местные жители, работавшие в Горуправлении или отделе немецкой пропаганды. Возможно, что там столовались и служащие других учреждений, но знаю точно, что на служащих ветеринарной лечебницы эта привилегия не распространялась. Кормили прилично, лучше, чем в берлинских ресторанах, где мне пришлось питаться в начале 1942 г. Подавали только обеды, а на завтрак и ужин выдавали продукты.

Комнату я получил на Успенской улице (в советское время – Калинина) в доме 10, кв. 4, куда я в тот же день и перебрался. Там меня ждало еще одно изобретение советского времени – неизвестная Западу тарелка-громкоговоритель, именуемая

радиоточкой.

27 марта был моим первым днем работы. Во втором классе преподавать Новый Завет я должен был по довоенному учебнику, изданному в Риге, а в третьем классе Литургию по Церковному календарю на 1943 г., изданному Православной миссией в Пскове под редакцией о. Николая Трубецкого, но тоже напечатанному в Риге. На последней внутренней обложке календаря было объявление, что учебник Закона Божия только готовится к печати. В Дмитриевской школе было три класса. В самом младшем классе Закон Божий преподавала Зинаида Федоровна Соловская. Все ученики были окончившими начальную школу и старше 12 лет. Для немцев все дети старше 12 лет были обязаны работать, но для учеников церковных школ немцы делали исключение, и свои продовольственные карточки ученики получали в школе.

Отец Георгий представил меня и одному и другому классу, пригласил меня вечером на ужин, а сам ушел по своим многочисленным делам. Вечером меня ждала неожиданность, тронувшая меня до глубины души. Ужин был устроен по случаю моего дня Ангела. Присутствовали все обитатели дома, а также и Зинаида Федоровна и еще один преподаватель – Константин Иосифович Кравченок. Разговоры были на школьные темы. Меня спрашивали о впечатлении от учеников и говорили о том, как возникла школа и с какими трудностями ведется школьная работа.

Во всех оккупированных немцами странах, кроме Генерал-губернаторства и территории СССР, было разрешено среднее образование. В Сербии университет был закрыт, за исключением медицинского факультета. В Прибалтике высшее образование было полностью разрешено.

Если в Генерал-губернаторстве поляки были лишены среднего и высшего образования, то в остальном ограничений не было. Работали и железная дорога, и городской транспорт, и почта, и телеграф, и телефон. Советские граждане на оккупированных территориях всего этого были лишены.

Краеведение

Оказавшись в таком старинном и знаменитом городе, как Псков, мне, конечно, хотелось поскорее узнать его историю. В первый же день я приобрел путеводитель, который был предназначен для любознательных немцев, а не для русских жителей. С него началась моя краеведческая коллекция, которую я потом пополнял покупками на барахолке. Я был очень удивлен,

когда из разговоров с моими учениками выяснил, что они, живя в Пскове, почти ничего не знают об истории своего города. В советское время главной темой было хождение по Ленинским местам, а не настоящее краеведение. Говорят, что в 1930-х годах всех псковских краеведов пересажали, и их журнал «Познай свой край» прикрыли и спрятали в спецхран. Я спросил разрешения у о. Георгия устроить с учениками краеведческую прогулку по городу, но он этого мне не разрешил, сказав, что немцы следят за каждым нашим шагом, и у него, и у учителя Кравченка уже были с ними неприятности. Мы договорились, что на уроках я буду говорить только о псковских святых и о памятниках, с ними связанных. Однажды, собрав ребят в кремле, а это была территория миссии, я им, забравшись на колокольню Св. Троицкого собора, рассказал легенду о том, как св. Ольга, увидев в пасмурную погоду три луча солнца, падавших на холм у впадения Псковы в Великую, повелела на этом месте построить Свято-Троицкий собор, как св. князь Давмонт построил Давмонтов город, как шведы в 1615 г. разрушили монастырь, от которого осталась только наша Св.-Дмитриевская церковь, как Петр Великий во время Шведской войны для укрепления города велел насыпать бастионы, засыпав таким образом несколько церквей. Один из таких бастионов с засыпанной под ним церковью св. Николая был всем известен под названием Лапина горка. Для ребят я написал от руки под копирку на трех страницах путеводитель с приложением плана города, и они по нему сами совершали краеведческие походы по городу.

Однажды из Варшавы в Псков по каким-то делам приехал Борис Софронович Коверда. Он привез в подарок настоящий ладан, которого в Пскове не было, а наши батюшки употребляли вместо ладана сушеную ромашку. Меня в миссии попросили показать гостю город, что я, конечно, с удовольствием сделал. Показывал я город и члену НТС Роману Николаевичу Редлиху, преподавателю школы пропагандистов в Вустрау, приехавшему в Псков для инспекции своих учеников.

Песни оккупированного Пскова

Приехал я в Псков с хорошим запасом советских песен. В НТС знанию советских песен уделялось много внимания, так как это давало нам, эмигрантам, возможность легче найти общий язык с советскими собеседниками. Благодаря знанию советских песен мои ученики вскоре признали меня «своим человеком». Хотя меня ребята и называли «на Вы», по имени и отчеству, я всегда

чувствовал близость и взаимное доверие. Когда при первом знакомстве я услышал детскую песенку «Мы едем, едем, едем в далекие края…» я тут же ее записал. Ребятам понравилось меня чему-то учить, и они старались мне спеть что-нибудь такое, чего я не знал. Например, добавочный куплет к песне «Как много девушек хороших…»:

Трамвай ползет, как черепаха,
Кондуктор спит, как бегемот,
Вожатый лает, как собака,
Пройдите, граждане, вперед

А сам поет: Как много девушек хороших… и т. д.

Получилось смешно, я записал слова, и все были довольны. Как-то потом ребята спели мне на мотив «Тачанки» песню про подлиз:

Ты лети с дороги, парта, дверь, с дороги уходи.
В класс приходит к нам учитель, и подлизы впереди.
Эх, подлизы-расподлизы, наша гордость и краса,
Разлюбезные подлизы. Все четыре колеса.

Однажды, после урока, когда все ушли на перемену, ко мне подошла одна девочка и с видом заговорщика спросила, знаю ли я песню про кривоногого фашиста. Я, конечно, не знал, и она мне спела вполголоса пародию:

По военной дороге шел фашист кривоногий
И пол-литра к груди прижимал.
Он зашел в ресторанчик, выпил водки стаканчик.
Восемнадцатый год вспоминал.

Я спросил, какие слова идут дальше, но девочка их не знала. Потом мне спели еще одну пародию:

Не цветут ни яблони, ни груши.
Порубили немцы на дрова.
Не выходит на берег Катюша.
На работе в лагере она.

Дальше слов тоже не было. Такими же неполными оказались и две пародии на «Синий платочек». Профессор Владимир Гаевич

Тремль утверждает, что первое четверостишье было ему известно еще в Харькове. Видимо, оно, как и другие подпольные песни, распространялось при помощи листовок, хотя были варианты и разночтения местного происхождения.

Синенький скромный платочек немец мне дал постирать.
А за работу хлеба кусочек и котелок облизать.

Ребята поняли, чем меня могут удивить, и однажды одна девочка расхрабрилась и спела мне длинную антинемецкую песню на мотив «Спят курганы темные…» – «Молодые девушки немцам улыбаются…». Спела мне всю, и я спросил ее, откуда она ее знает.

– Была у меня листовка с этими словами, только я ее сожгла.

Мне тоже попалась как-то листовка со словами антинемецкой песни. Я ходил в библиотеку в поисках книг по истории Пскова. Взяв одну, я обнаружил в ней листовку, написанную печатными буквами под копирку со словами:

Уплыли вдаль волнистые туманы,
Ночное небо стало розовей.
В эту ночь собрались партизаны,
И дали клятву родине своей <…>

Как я позже узнал, автором был псковский поэт-партизан Иван Васильевич Виноградов (1918–1995). В листовке было только пять из девяти куплетов, включенных в 1995 г. в сборник «Душа и память в плену», и слова немного отличались. Во всяком случае, песня пользовалась популярностью.

17. Псковское содружество молодежи при православной миссии

В сочельник 1942 г. при Варлаамовской церкви на Запсковье Василий Васильевич Миротворский (погиб во время бомбардировки в 1944 г.) основал кружок молодежи, сперва только для совместного чтения Евангелия, а затем перешел на беседы на религиозные и национальные темы. В. В. Миротворский был «движенцем» из Печор (по-эстонски Петсери), т. е. членом РСХД.

Весной 1942 г. в Пскове были открыты три городские начальные школы, несколько платных частных и две церковные школы – Варлаамовская и Дмитриевская. В этих школах, кроме отцов-настоятелей, в первой о. Константин Шаховской и во второй о. Георгий Бенигсен (1915–1993), преподавали: В. В. Миротворский (до летних каникул 1942 г.), Константин Иосифович Кравченок (1918–1973), Раиса Ионовна Матвеева, Надежда Гаврииловна Одинокова, Зинаида Феодоровна Соловская и с марта 1943 г. автор этих строк – Ростислав Владимирович Полчанинов (р. 1919). Возможно, были и другие, но их имен нет в моих записках того времени.

Летом 1942 г. В. В. Миротворский организовал паломничество Варлаамовского кружка в Псково-Печерский монастырь. В кружке было 12 девочек 13–14 лет. Немцы дали пропуск на переходе через границу зоны военных действий (Operationsgebiet), где находился Псков, в Печоры, входившие вместе с Эстонией в состав Остланда (Эстония, Латвия, Литва и часть Белоруссии), и даже разрешение на пользование железной дорогой, но В. В. Миротворский решил совершить паломничество, как полагается, пешком, во всяком случае, в один конец.

Из Пскова вышли рано утром, чтобы пройти за один день примерно 30 километров пути до Старого Изборска (по-эстонски Vana Irboska). Там переночевали у знакомых В. В. Миротворского. Изборская крепость XIV–XV веков выглядела очень хорошо, так как была реставрирована в царствование императора Николая I, и произвела на девочек сильное впечатление. Когда-то на Псковщине и до самого Господина Великого Новгорода жило славянское племя ильменских словен, и потому девять ключей, которые недалеко от крепости бьют прямо из плитяной горы, сохранили древнее название Словенских ключей. Ключевая вода тоже понравилась девочкам, так как у воды, текущей через известняковые породы, особый приятный вкус, а псковский

плитняк – разновидность известняка, из которого построены все церкви на Псковщине. Называется он плитняком потому, что лежит плитами (пластами).

Показал В. В. Миротворский и так называемую могилу Трувора на вершине городища. Это огромная каменная плита с двумя загадочными четырехугольниками и вкопанным в землю массивным каменным крестом. Конечно, там похоронен не язычник Трувор, а кто-то другой, но такова легенда. Для девочек, учившихся в советских школах, многое, что им рассказывал Василий Васильевич о первых князьях, о св. вел. княгине Ольге, о Пскове, было откровением.

На следующий день, перевалив горку, паломники увидели знаменитый Псково-Печерский монастырь, окруженный крепостной стеной с башнями, тоже сохранившимися лучше псковских.

Ночевали псковитянки в Печорах в доме, который раньше принадлежал РСХД. Местные русские встретили их как долгожданных гостей, вкусно кормили и одарили, чем могли. Паломники вернулись в Псков из Печор по железной дороге. В России немцы прицепляли для русских к пассажирским поездам товарные вагоны с надписью на двух языках: «Für Einheimische – для здешних». Подобного унижения для жителей Прибалтики не было, и псковские девочки вернулись домой в удобных пассажирских вагонах.

В. В. Миротворский стал человеком-легендой. О нем мне рассказывали даже те, которые его лично не знали. Паломницы делили свою жизнь как бы на три части – советскую, со своими радостями, но и горестями (почти в каждой семье были репрессированные, и советская власть у девочек симпатией не пользовалась), на сказочные дни паломничества в Изборск и Печоры, и на тяжелые будни в оккупированном немцами Пскове, наступившие после их возвращения.

Василий Васильевич понравился не только девочкам, но и их мамам и бабушкам. По их совету девочки вышили ему в подарок русскую рубашку. Василий Васильевич был в восторге, поспешил к фотографу, чтобы сняться в подаренной ему рубашке, и заказал 12 фотографий, каждой девочке на память.

После отъезда В. В. Миротворского в г. Вильно, в духовную семинарию, и перевода о. Константина Шаховского в другой приход школа и кружок молодежи при храме св. Варлаама Хутынского перестали существовать, но девочки принимали участие в жизни Содружества молодежи.

Раиса Ионовна Матвеева, вдова известного общественного деятеля и председателя НТС в Нарве (Эстония) – Леонида

Дмитриевича (1912–1941), расстрелянного большевиками, тоже движенка, а также и бывшая герл-гайда (разведчица), руководила группой молодежи при соборе. Ей очень нравился общий гимн для гайд и скаутов-разведчиков – «Будь готов, разведчик, к делу честному…» и она научила ему свое звено старших, которому он тоже понравился и был принят ими как гимн их звена.

Вскоре после приезда в Псков я посетил сбор этого звена и принес показать небольшой альбом фотографий лагеря варшавской дружины в Свидере в 1942 г. Показывая альбом, я рассказывал о работе с русской молодежью в Варшаве. Расматривая фотографии, девушки говорили мне, что у них было так же.

– Где? – спросил я.

– В Артеке.

– А ты там была?

– Нет, не была.

Оказалось, что никто там не был. Сбор кончился. Мы спели «Будь готов».

– А откуда вы знаете эту песню? Ведь это наш гимн! – спросила одна девушка.

– Это ваш и наш гимн. Ведь вы поете: «Будь готов, разведчик…».

– А почему бы нам не быть разведчицами? – спросили сразу несколько девушек.

– Сейчас это еще рано, – уклончиво ответил я.

Но девушки настаивали, расспрашивая, почему «рано», почему «нельзя», и в конце концов обиделись на меня. Потом, когда мы ближе познакомились, и я смог с ними быть более откровенным, я им объяснил, что организация, которая по традиции с царского времени называется организацией разведчиков, именно как организация запрещена немцами, и поэтому надо быть во всем очень осторожным. Девушки поняли, перестали сердиться, и наши отношения стали еще более близкими. Потом я кое-кого принял в организацию. У меня дома, без свидетелей, перед маленьким русским значком-флажком, девушки давали Торжественное обещание разведчиц, и я им давал лилии со св. Георгием, которые я привез из Варшавы. В знак того, что они порывают со своим пионерским прошлым, несколько девушек отдали мне свои пионерские зажимы (в 1930-х гг. пионеры не завязывали свои галстуки узлом, а соединяли два конца специальным зажимом).

Я приехал в Псков на должность преподавателя Закона Божия в школе при кладбищенской церкви св. Димитрия. Ее открыл и в ней стал служить приехавший на Пасху 1942 г. о. Георгий

Бенигсен, организовавший сразу и приют для сирот, и школу. В приюте первое время было 137 человек, но к моему приезду осталось около 50 детей от 6 до 13 лет. Руководство приютом о. Георгий поручил Н. Г. Одиноковой – тете Наде, как ее звали дети. Покровителя приюта о. Георгий нашел в лице служащего WiKado (Wirtschaftskomando – хозяйственной команды), немца по фамилии Бруно. Он был в Первую мировую войну офицером русской армии, был большим русофилом и чем мог, помогал приюту. Он выдавал для приюта дополнительное питание, включая молоко и жиры, которые русскому населению по карточкам не полагались. По карточкам русские получали только хлеб, картошку, соль и спички.

Первое время о. Георгию помогал в школе В. В. Миротворский, а после его отъезда – З. Ф. Соловская и К. И. Кравченок, который не всегда мог приходить на занятия, так как его часто посылали по хозяйственным делам миссии в другие города Псковщины.

В первый же день о. Георгий Бенигсен, представив меня старшему классу, оставил проводить урок, а сам отправился по другим делам. По Закону Божьему в этом классе мы проходили божественную литургию, пользуясь «Церковным календарем на 1943 г.». Следующий урок оказался свободным, и меня попросили остаться с классом. Я спросил ребят, что они делали раньше на пионерских сборах, но ничего интересного от них не услышал. Я попросил их спеть мне какую-нибудь песню. Ребята пошушукались и дружно спели мне какую-то не очень веселую песню дореволюционного времени, начинавшуюся словами «Наша школа небогата», потом спели советскую детскую песню «Мы едем, едем, едем в далекие края», потом «Веселый ветер». Эту песню я знал и пел с ними вместе, но затем они умолкли. Я их спросил про замечательную пионерскую песню «Крутыми тропинками в горы». Они ее не знали и спросили, откуда она мне известна. Я рассказал, как «Радио Москва» регулярно разучивало со своими слушателями новые песни, и хотя у меня радио не было, другие потом меня научили. Оказалось, что и у ребят ни у кого радию не было. Я поинтересовался, что они пели на пионерских сборах. Ребята меня перестали стесняться и дружно, вместе со мной, спели «Тачанку». Я почувствовал, что между нами завязывалась не простая, а особая дружба «заговорщиков».

Первые месяцы в церковные школы поступило много детей старше 14 лет, чтобы избежать рабочей повинности, так как учащиеся церковных школ не брались на учет немецкой биржей труда и получали продовольственные карточки через школы. Но осенью 1942 г. биржа труда взяла на учет всех учеников старше

14 лет, и они уже не могли посещать уроки. Число учащихся в церковных школах резко сократилось.

В конце апреля 1943 г. в Псков прибыл митрополит Сергий (Воскресенский). Пасха падала на 25 апреля, и митрополит посещал в пасхальные дни псковские приходы. Посетил он и Дмитриевский приход, приют и школу. По этому случаю варлаамовцы и соборная группа молодежи устроили в помещении Дмитриевской школы спектакль. Ставилась пьеса «Лгунишки», пелись песни и декламировались стихи. Перед спектаклем в Дмитриевской церкви был молебен, а молодежь, встречая и провожая владыку, выстроилась шпалером от входа на кладбище до самого храма. В помещении школы по случаю посещения владыки был вывешен первый, и, увы, последний, номер стенгазеты Варлаамовского звена – «Возрождение». Владыка остался очень доволен работой с молодежью.

14 мая в местной газете «За Родину» была в отделе хроники напечатана небольшая заметка: *«На днях в приюте Дмитриевского прихода состоялся детский праздник, в котором приняли участие свыше 200 детей разного возраста. Здесь были дети Дмитриевского и Варлаамовского, а также и Соборного приходов.*

Праздник начался в 11 часов утра. Предварительно был отслужен краткий молебен. После перерыва, в три часа, началась художественная часть».

«Струнный квартет исполнил русские национальные песни. Были исполнены также русские танцы, и многие дети декламировали стихи.

В заключение был зажжен костер, вокруг которого детишки с особенным увлечением играли и пели».

К этому надо добавить, что «детский праздник» состоялся 6 мая в день св. Георгия – небесного покровителя организации российских разведчиков. И еще о чем умолчала немецкая газета на русском языке, что на дворе приюта была вкопана мачта, и на ней был впервые после ухода белых из Пскова в 1919 г. поднят бело-сине-красный флаг.

Русский флаг не был запрещен немцами, многие псковичи носили на костюмах бело-сине-красные значки, которые делались в Риге и свободно продавались в Пскове, но немцы не поощряли национальной символики. У флага была своя долгая и интересная история. Его хранил все советское время один прихожанин Дмитриевского прихода зашитым в матрац и передал его о. Георгию Бенигсену. Флаг был поднят о. Георгием на его собственный страх и риск, но все обошлось благополучно.

После молебна и поднятия русского флага к молодежи с коротким словом о св. Георгии обратился гость, майор РОА Иван

Семенович Боженко.

Официальной причиной «Детского праздника» было празднование дня Ангела всеми любимого и уважаемого о. Георгия, и немцы не могли догадаться, что для кого-то этот день мог иметь еще и другое значение.

Хотя в газете и было написано, что был костер, но его не было. Я должен был сложить и зажечь костер, но меня из-за какого-то пустяка задержала полиция, и о. Георгий продолжил намеченую программу без зажигания костра.

Конечно, о. Георгий знал, что его день Ангела служит прикрытием, но не возражал. Движенцы из Латвии и Эстонии тоже знали, что к чему, знал и кое-кто из ребят.

Незадолго до дня св. Георгия я провел в узком кругу курсы для вожаков. Я надеялся от отрядной системы перейти к звеновой, но это мне не вполне удалось. Все девушки были очень милые, исполнительные, но без инициативы, без амбиции и без руководительской жилки в характере.

Когда в мае 1943 г. даже дети старше 12 лет были объявлены трудообязанными, и церковные школы были в связи с этим закрыты, митрополит Сергий, высоко оценивший работу с молодежью, учредил 15 мая «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи». Начальником Стола был назначен о. Георгий Бенигсен, а я был его ближайшим сотрудником.

В книге С. И. Колотиловой и других «Псков. Очерки истории» (Лениздат, 1971) на с. 286, в связи с учреждением Стола было сказано: *«Таким образом, НТС мог активно использовать влияние Церкви не только в Пскове, но и на всей подведомственной миссии территории»* и далее: *«Среди молодежи Пскова активизировала свою деятельность профашистская белоэмигрантская организация Национально-Трудовой Союз (НТС). Многие члены управления Псковской православной миссии являлись ее активными деятелями».*

Здесь что ни слово, то ложь. Из примерно 200 работников миссии членами НТС были не больше десяти. НТС не был не только «профашистской» организацией, но был организацией антифашистской и преследуемой нацистами. Известно, что в 1942 г. в Гатчине был арестован и расстрелян один член НТС из бывших военнопленных, в 1943 г. был расстрелян руководитель НТС в Литве – Андрей Рисов, и не один, и массовые аресты членов НТС начались в мае 1944 г. в Германии.

Вечером 22 июня 1943 г., по случаю годовщины начала войны, был сильный налет советской авиации. Немецкие зенитки защищали город, особых разрушений не было, но сильно

пострадал приют. Не было ни убитых, ни раненых, но приюту пришлось переселиться в Мирожский монастырь. Школьное здание сохранилось, и там устраивались сборы кружков, пока о. Георгий Бенигсен не получил разрешения использовать второй этаж колокольни для сборов молодежи. Первый этаж был занят свечным заводом, а второй был в очень запущенном состоянии. Привести его в порядок взялась Раиса Ионовна Матвеева.

Среди школьных и внешкольных работников она выделялась своим умением и энергией, и девушки ее очень любили. В августе 1943 г. Раиса Ионовна со своими девушками привела второй этаж колокольни в человеческий вид. Эта большая комната стала местом нашей внешкольной работы и не только с бывшими школьниками, но и с более старшей молодежью. Для младших на колокольне устраивались сборы, а для старших был создан литературный кружок с чтением докладов.

С варлаамовцами я пытался выпустить второй номер «Возрождения», но он ко дню открытия, назначенному на 1 сентября, не был готов, и я выпустил стенгазету «Заря». Весь номер, кроме передовицы, состоял из газетных вырезок. Моей целью было расшевелить редакцию, что мне и удалось. Был выпущен еще то ли один, то ли два номера. Они у меня не сохранились, но сохранился последний номер «Стенгазеты Литературного кружка» от 25 января 1944 г. с критикой предыдущего номера.

О работе миссии с молодежью одна из девушек, Мира Яковлева, писала спустя много лет («Псковская правда», 1 января 1994 г.): *«Нам нужны были мудрые наставники. Мы обрели их совершенно неожиданно. Все для нас было ново. Мы научились слушать церковную службу, все вместе справляли праздники православного календаря. К нам приходило осознание того, что мы – русские, а значит, православные, какими были наши прадеды. Это было наше маленькое духовное братство. В этом братстве не было старших и младших, были просто люди опытнее, образованнее, мудрее нас. Верили ли мы тогда в Бога, сказать трудно. Но с момента соприкосновения с верой наших духовных учителей, которых мы почитали, у нас возникло и развилось понимание того, что нет* иной *истины, чем та, что заключена в Православии и нет ничего красивее Русской Православной Церкви. Это осталось на всю жизнь».* Свою небольшую статью о православной миссии Мира Яковлева закончила словами: *«Мы навсегда потеряли своих друзей и наставников. Но счастье, что братство было, что мы встретились с прекрасными людьми, что они показали нам свет».*

14 января 1944 г. Красная армия под Ленинградом перешла в

наступление. Немцы начали отступать, но от псковичей это скрывалось, пока на улицах Пскова не появились спасающиеся бегством с фронта немцы. Псковские немцы начали спокойно готовиться к эвакуации. Вывозили они все, что только можно. Даже выкапывали зарытые в землю кабели. Православная миссия получила приказ готовиться к эвакуации.

Работа Псковской миссии велась только два с половиной года, и люди сегодня удивляются, каким громадным религиозным подъемом сопровождалась ее деятельность. Даже дети, воспитанные в антирелигиозном духе, почувствовали себя православными, и это у них осталось на всю жизнь.

Приказ об эвакуации был для меня трагедией. Надо было уходить на Запад. Вероятно, такую же трагедию пережили в 1920 г. и мои родители, покидая родину. Получив увольнение с работы в миссии, я сразу же покинул Псков. Перед отъездом был у нас прощальный сбор. Я дал всем адрес проживавшего в Берлине Дейки (Андрея Николаевича) Доннера (р. 1923), которого я хорошо знал по разведческим лагерям в Югославии, сказав, что через Берлин они смогут связаться со мной, а через меня и друг с другом.

С женой и тещей мы покинули Псков 8 февраля, а на 18 февраля была назначена немцами эвакуация Православной миссии и многих других гражданских учреждений. Павел Васильевич Жадан (1901– 1975) в своей книге «Русская судьба» пишет: *«18 февраля 1944 года был первый налет советской авиации на Псков. Потом налеты продолжались, но с меньшей силой. Они причинили серьезные разрушения и парализовали жизнь города».*

Добавлю от себя, что немцы оставили город совсем без противовоздушной обороны, забрав прожектора и зенитки в Германию. Советская же авиация систематически разрушала город, не трогая, правда, Омских казарм, оставленных целыми для зимних квартир Красной армии и некоторых других зданий, которые отступавшие немцы не успели взорвать, среди них Пушкинский театр и Дом Советов, построенный в XIX веке для Псковского кадетского корпуса.

Я возвращался в Псков в мае 1944 г. за книгами, которые собирал по развалинам города для пополнения беженской библиотеки в Риге. Крепко стояли древние храмы, а деревянные дома, в том числе и домик Пушкина, развалились, как карточные домики, от воздушных волн, сопровождавших бомбовые удары. Здания на Великолуцкой улице были превращены в груды кирпичей. Уцелела только Старая почта (1795 г.) и церковь Архангела Михаила (XVI в.). С эвакуацией Пскова и ликвидацией

Псковской миссии работа с псковской молодежью не прекратилась. Но это уже другая тема.

18. Псковские староверы

Как-то зашел у нас разговор с моим начальником о. Георгием Бенигсеном о старинных сербских церковных песнопениях, о том, как сербы любили послушать наших русских композиторов, и о том, как мы, русские, не ценили сербскую церковную старину. В конце разговора о. Георгий сказал мне, что я могу послушать старинные песнопения у старообрядцев, или староверов, как они сами себя называют, в храме св. Василия на Горке.

В ближайшее же воскресенье я пошел к староверам. Старался войти так, чтобы меня не заметили. Но меня сразу заметили. У меня не было обязательных для староверов особых четок, которые они называли лестовками. У этих лестовок размещены четыре треугольника, символизирующих Св. Троицу и четырех евангелистов. Их даже надевают на руку покойникам в гробу.

Староверы были беспоповцами, и богослужение проводил благословенный на служение мирянин, называемый наставником. Иконостаса не было, но вся восточная стена храма была уставлена иконами. Был небольшой хор, но многие молитвы пелись всеми молящимися вместе. Мотивы мне были знакомы, и я пел со всеми. Это создавало не только молитвенный дух, но и дух единства всех молящихся. Крестился я по-нашему, тремя перстами, но, перекрестившись, как и все, кланялся и отводил руку в сторону. Раньше я так не делал, но потом заметил, что в Пскове в наших храмах некоторые люди тоже, перекрестившись, кланяются и отводят руку в сторону. Когда все клали земные поклоны, я делал то же, хотя в эмиграции земных поклонов не клали. У староверов кроме особых четок были еще и подручники – лоскуты войлока, которые при земных поклонах клались под руки. Я, конечно, подручника не имел, и это тоже могли сразу заметить.

На следующий день в школе я рассказал старшему классу о том, в какой я был церкви, что я видел и пережил. Мои ученики ничего не знали о староверах и слушали меня очень внимательно. Начал я с патриарха Никона и его реформ и осудил его за то, что позволил грекам без надобности менять наши церковные традиции. Конечно, начиная печатание церковных книг, их надо было исправить, но и только. Осудил я и правительство за то, что оно уничтожало старинные рукописные книги и старинные иконы. Говорил о восстаниях казаков-старообрядцев и о бегстве старообрядцев за границу ради спасения, как они считали, истинной православной веры.

Ребята к своим учителям относились хорошо, но не считали

их своими, а я для них был своим. Поэтому одна девочка моя разведчица встала и сказала мне, что я часто, начиная говорить о вере, перехожу на историю России, и вдруг задала мне вопрос, а верю ли я в Бога. Я сказал, что верю, но иногда меня мучают сомнения, и я тогда говорю: «Верую, Господи, помоги моему неверию». Девочка перекрестилась, отведя руку в сторону, как я только что им показал, и сказала: теперь и я верю в Бога – помоги моему неверию.

Все как-то затихли. Видно было, что все переживают сказанное, а я понял, что на этом надо кончить. Урок должен был скоро кончиться, и я сказал ребятам, чтобы они тихонько пошли на двор, а сам остался в классе со своим переживаниями.

Меня стало тянуть к староверам, и я иногда ходил к ним на богослужения.

Меня, конечно, заметили, и однажды после богослужения подошел ко мне человек и сказал мне: «Не старайтесь. Мы знаем, кто вы, но если вам у нас нравится, то приходите и не стесняйтесь».

Я ответил, что я не стараюсь им подражать и все, что делаю, делаю потому, что так чувствую. Пою вместе потому, что их пение знакомо мне с детства, и кладу земные поклоны потому, что считаю, что так надо. Я продолжал иногда приходить к старообрядцам, продолжал стесняться и стоять незаметно в углу, но никто больше со мной не начинал разговоров.

Только потом я узнал, что такое отношение ко мне было исключением. Обычно староверы не разрешали «никонианцам», как они нас называли, присутствовать на их богослужениях, а если и позволяли, то просили не молиться и не креститься.

Благодарю Владимира Владимировича Никонова за помощь при работе над этой статьей.

19. Как псковичи помогали своим пленным

«Россия была инициатором выработки правил по ограничению варварских средств ведения войны. Начало этому было положено Брюссельской декларацией, которую предложил Александр II в 1874 г. По инициативе Николая II в 1899 г. была созвана I Гаагская мирная конференция, где на основе Брюссельской декларации были выработаны ограничения в отношении законов и обычаев сухопутных войск. Один пункт этой декларации касался военнопленных. На II Гаагской конференции (1907) были внесены изменения и поправки, в частности, дополнявшие пункт о правах и обязанностях военнопленных»[58].

Предусматривались обмен раненых и больных пленных, переписка с родными, право не строить для врагов стратегические дороги, грузить или разгружать вооружение. Известны случаи нарушения этих правил и даже расстрела пленных за отказ. После окончания Первой мировой войны Международный Красный Крест в Женеве рассматривал тысячи жалоб бывших пленных на бесчеловечные условия жизни в плену. На основании этого опыта в 1929 г. в Женеве была принята новая конвенция об обращении с военнопленными. В новой конвенции были предусмотрены, кроме всего прочего, и удовлетворительное питание, и гигиенические условия, и оплата труда. Эту конвенцию подписали все страны, кроме Японии и Советского Союза[59].

Советское правительство считало своих пленных изменниками родины. В Уставе Красной армии было сказано: *«Ничто, в том числе и угроза смерти, не может заставить бойца Красной армии сдаться в плен»*[60].

В первые месяцы вторжения немцев и их союзников в СССР в их сводках говорилось о молниеносном продвижении вглубь страны и о сотнях тысяч советских пленных. Известно, что пленных балтийцев, западных украинцев и белорусов немцы отпускали домой или использовали для охраны лагерей. Были случаи и освобождения русских пленных, особенно если они были нужными специалистами.

С первых дней войны немецкая пропаганда твердила, что немцы освобождают народы Советского Союза от коммунизма, и были люди, которые первое время этому верили. Были случаи, когда население встречало немцев с цветами, а пленные выражали готовность бороться против коммунизма с оружием в

руках. Так было в первые месяцы войны, но бесчеловечное обращение немцев с пленными развеяло эти иллюзии. Число сдававшихся в плен резко уменьшилось.

Главное было в звериной ненависти национал-социалистов к русскому народу. Нацисты считали, что русских слишком много и их надо частично истребить. Они не понимали, что своим отношением к пленным роют себе яму. Были, конечно, и исключения. Говорили, что немецкий комендант Гдова относился к пленным по-человечески.

Моя будущая теща работала до прихода немцев в ветеринарной лечебнице (Гоголевская, 19), а с приходом немцев моя будущая жена стала там же работать переводчицей. Главным врачом был Владимир Матвеевич Григорьев, его помощником – врач Иван Гаврилович Преображенский.

Заняв Псков, немцы в считаные дни взяли все под свой контроль, в том числе и ветеринарную лечебницу, составили опись склада и следили за тем, как расходуются медикаменты. Но В. М. Григорьев предусмотрительно кое-что спрятал. Потом, когда у лечебницы была установлена связь с партизанами, заведующий лечебницей отправлял им кое-что из припрятанных лекарств. В книге «Псков. Очерки истории» С. И. Колотиловой и др. (Лениздат, 1971) в главе «Псковское подполье» говорится только о партийцах и их работе, а о том, что делали беспартийные, умалчивается. Мало того, беспартийного В. М. Григорьева, который, рискуя жизнью, снабжал партизан медикаментами, спасал пленных и принял в семью еврейскую девочку Люсю Вербицкую (в замужестве Мартысенкову), выдавая ее за свою дочь, осудили в 1951 г. по ложному доносу на 10 лет концлагеря. Правда, через четыре года он был освобожден, но, подорвав здоровье, через год скончался.

Об ужасном положении пленных знали все жители Пскова. Многие старались им помочь. С одной стороны, это было строжайше запрещено немцами, а с другой стороны, бывало, что и часовые, и их начальство смотрели на эту помощь сквозь пальцы. Моя будущая жена иногда варила суп и отвозила его в лагерь. Многие ее знакомые тоже старались из своего скудного пайка поделиться хлебом с пленными.

Были случаи освобождения пленных на поруки. Известно, что большинство врачей при приближении немцев было эвакуировано, и в связи с этим главному врачу Колобову удалось освободить несколько пленных врачей из лагеря, взяв их на поруки. На поруки можно было освободить из плена и других специалистов. Медсестра Зинаида Матвеевна Одоранская взяла на поруки пленного переводчика еврея Ефима Хейфеца,

выдававшего себя немцам за Ибрагимова, а В. М. Григорьев освободил, взяв на поруки, ветеринарного врача Николая Васильевича Лукина и ветеринарного фельдшера Ивана Ивановича Иванова. Ефима немцы расстреляли, но не как еврея, а за связь с партизанами. Мы были знакомы, и он не скрывал от меня своей настоящей фамилии. После окончания войны я сообщил через Красный Крест его родителям о судьбе их сына.

В сентябре 1941 г., на площади перед кремлем, немцы разрешили устроить базар, куда крестьяне привозили продукты, включая мясо. Ветеринары должны были проверять качество мяса и лечить немецких лошадей и собак. Русские крестьяне тоже приводили в лечебницу своих больных коров и лошадей, а иногда вызывали ветеринаров в деревню к больному скоту. Все это делалось под наблюдением немецкого ветеринара, которому моя будущая жена писала отчеты на немецком языке.

Ветеринарная лечебница организовала посильную помощь пленным. Все участвовали в этом деле. Бывало, что во двор ветеринарной лечебницы немцы приводили пленных, которые, голодные и больные, еле двигались. Ветеринары потихоньку подкармливали их и давали им лекарства, а иногда и прятали в сарайчике, принадлежавшем лечебнице. Там их прятали до вызова ветеринаров в какую-нибудь деревню. Врач или фельдшер ехали в деревню с пропуском от немцев, а в телеге или санях прятали пленных, которых потом выпускали, указывая им путь к партизанам.

Вторым способом помощи пленным была отправка немецких лошадей, как якобы неизлечимых, в лагерь пленных на убой. Вот это и показалось однажды немцам подозрительным. Всех служащих арестовали и допрашивали, но ничего не смогли узнать.

Для пленных самой страшной была зима 1941–1942 гг. За годы оккупации, по советским данным, только в лагере на Завеличье погибло 75 тыс., в Крестах – 65 тыс. и в Песках – 50 тыс. человек.

Священник Псковской православной миссии в Острове о. Алексей Ионов в своих воспоминаниях писал: *«Когда отношение немцев к русским военнопленным стало меняться – увы, это произошло только к концу войны, – я постарался вступить в контакт с военнопленными и хоть чем-нибудь помочь им. Я взял под свой протекторат небольшой лагерь под К. Там было не больше 200 человек. Все, что мы с помощью населения могли сделать – это сварить для этих несчастных дважды в неделю мало-мальски приличный обед, состоявший, конечно, из одного блюда… Но и это было уже много: смертность в лагере заметно уменьшилась. Как*

жаль, что погибли письма этих несчастных людей!»

«Добился я (о. А. Ионов. – *Р. П.*) *и разрешения совершить для военнопленных Пасхальное богослужение. Правда, оно, по требованию начальника лагеря, было совершено в храме, откуда предварительно все остальные должны были выйти; двери храма охранялись вооруженными солдатами, но, тем не мение, человек 300 военнопленных по личному желанию наполнили наш храм, и для них было совершено специальное Пасхальное богослужение. С каким волнением я его совершал. Я произнес слово, в котором убеждал их не падать духом, помнить, что их матери молятся о них. При упоминании о матерях у многих на глазах показались слезы. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения. Оделяя каждого не одним традиционным, а четырьмя-пятью яичками – их принесли накануне верующие люди, как только я объявил им о богослужении для военнопленных, – я приветствовал всех обычным: «Христос Воскресе!». И все, как один, отвечали: «Воистину Воскресе!». Это были бойцы Красной армии, попавшие в плен в 1941–1942 году».*

Воспоминания о. А. Ионова были первоначально опубликованы в журнале «По стопам Христа», Берклей (США), сентябрь 1954 – август 1955, затем отдельной брошюрой, Си-Клифф (США) 1955, в «Новом русском слове» 22 июня – 6 июля 1975, в «Православной Руси», Джорданвилл (США) 1982, в «Нашей стране», Буэнос-Айрес (Аргентина) 15 апр. 2000 (только отрывок) и в «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостях», 2002, вып. 26–27.

20. Propaganda Abteilung Nord

Первое, что мне бросилось в глаза в Пскове, были плакаты с портретом Гитлера и надписью по-русски: «Гитлер освободитель». Помню и бездарный плакат, на котором здоровенный немецкий крестьянин с огромным мешком зерна «показывал нос» тощему и ободранному русскому мужичку в лаптях. Такие плакаты, обращение с пленными, облавы и отправки людей на работу в Германию и вообще все поведение немцев сводило на нет любые усилия немецкой пропаганды.

Управление пропаганды северного участка фронта – Propaganda Abteilung Nord, или ПАН и его Отдел печати, находились в Риге на ул. Адольфа Гитлера (ранее Brivibas iela – ул. Свободы, а до 1918 г. Александровская), д. 9. Там же был и книжный склад издательства ПАН. В ведении ПАН были редакции псковской газеты «За Родину» и журнала «Новый путь». Редакции находились в Риге на ул. Рихарда Вагнера (Dzirnavu iela – Мельничная), д. 57. И газета, и журнал печатались в Риге и оттуда посылались по всей Псковщине и иной территории, оккупированной Группой армий «Север». Книги, печатавшиеся немецкой пропагандой, были без названия издательства и места издания, и, как правило, без указания года издания.

Начальником ПАН был зондерфюрер «К» (капитан) Кнот, а его заместителем д-р Бальд. Книжным издательством заведовал зондер-фюрер «Ц» (лейтенант) Гольцнер (Holzner). У него в Риге был в центре города книжный магазин на Вальню йела (Крепостная ул.)[61]. Начальником отдела печати (Gruppe «Presse») был Кressе, и был еще и нач. отдела «Активная пропаганда» зондерфюрер «К» Лазотта. В числе служащих были и говорящие по-русски латыши, и местные русские.

Присутствие немецкой пропаганды на оккупированных территориях чувствовалось на каждом шагу. В ее ведении была вся культурная жизнь, школы, библиотеки, театры, радиовещание. Всё, за исключением церковной жизни, хотя люди из отдела пропаганды зорко следили за тем, что и как делает «Православная миссия в освобожденных областях России». Таково было ее официальное название, и в нем тоже не обошлось без пропаганды.

В статье «К 60-летию освобождения Пскова», подготовленной П. Гусевым[62], сказано, что *«в конце 1941 г. немцами при городской Управе был создан так называемый “Комитет по борьбе с большевизмом”»*, который *«ставил своей целью вести борьбу с большевиками путем письменной и устной агитации, путем сбора*

средств и вещей для так называемой РОА. В этой части их задачи были однотипны с задачами, которые ставил перед собой "Русский комитет". Свои программные установки <…> они опубликовали в контрреволюционном воззвании, выпущенном ими в Пскове. Воззвание было подписано всеми членами комитета, а именно: Черепенкиным В. М., городским головой г. Пскова» и служащими городской Управы Берёзским, Боголебовым и Ивановым. На эту информацию нельзя полностью полагаться, так как в конце 1941 г. о РОА еще не было и речи, да и сам комитет, видимо, был создан псковским Отделом пропаганды только для публикации воззвания. Во всяком случае, мне о его деятельности ничего не известно.

О «Русском комитете» в статье П. Гусева сказано: *«В Пскове от имени так называемой Русской освободительной армии действовал созданный немцами "Русский комитет"»*. Мне кажется, что говорить, что он действовал, нельзя. Местный отдел пропаганды, действительно, хотел создать комитет в поддержку РОА. В комитет входили служащие отдела пропаганды Хроменко, возглавлявший псковскую контору газеты «За Родину», Блюм, возглавлявший радиоузел, старший лейтенант РОА Иван Семенович Боженко и еще несколько лиц. Среди прочего предполагалось и создание клуба молодежи. В связи с этим о. Георгий Бенигсен, как заведующий Столом молодежи при Православной миссии, и я, как его сотрудник, принимали участие в разговорах о работе с молодежью. Дальше разговоров дело не пошло, так как на создание клуба молодежи не было получено разрешения высшего немецкого начальства.

Недалеко от кремля, на Великолуцкой улице (в советское время Советская) около старинного храма Архангела Михаила (XV в.) находился «Остландский магазин прессы», который принадлежал отделу пропаганды. Там продавались газеты, журналы и книги как на немецком, так и на русском языках. В первый же день пребывания в Пскове я купил в этом магазине Kleiner illustrierter Führer durch Pleskau (Малый иллюстрированный путеводитель по Пскову) К. Заблоцкого. Путеводитель предназначался для любознательных немцев, оказавшихся почему-либо в городе. Стоил он 30 рублей (3 марки) и был напечатан на хорошей бумаге в Тарту (Юрьев, Эстония). Издание подобной книги на русском языке не входило в планы немецкой пропаганды, зато антисоветской и антисемитской литературы на русском языке было достаточно. Издавались книги немецких авторов в переводе на русский, например, повесть Ганса Августа Фовинкеля «Борьба в лесу» или сказка братьев Гримм «Еж и заяц». Был издан и роман Тургенева «Дым», который считается

его наиболее западническим произведением. В нем писатель не находит ничего содержательного в жизни русской интеллигенции, и потому своему произведению и дал название – «Дым». Из русских авторов помню книгу Лескова «Рассказы» с рассказом «Жидовская кувырколлегия», роман Краснова «Белая свитка» об антисоветских партизанах в Белоруссии в 1920-х годах, воспоминания Шаляпина «Маска и душа» и И. Солоневича «Бегство из советского ада» («Россия в концлагере»). Для школ были изданы составленные Анатолием Яковлевичем Флауме (1912–1989) учебники русского языка.

В Отделе пропаганды сидели не только враги русского народа, но и друзья. Их стараниями издавались детские книжки, и не только упомянутая сказка братьев Гримм, но и «Спящая царевна» Жуковского и сборник детских стишков о животных «Книжка-малышка» неназванных авторов. Кроме того, для детских садов и приютов Отдел пропаганды «Север» отпечатал на плотной бумаге три листа детских игрушек для вырезывания. На первом было деревенское хозяйство с избушкой, колодцем с журавлем, с домашними животными и прочим. На втором листе были Василиса Прекрасная, Иванушка-дурачок и другие картинки, относящиеся к русским сказкам, а на третьем был паровоз, трактор, две машины, гараж, а главное – два парохода. На большом пароходе с надписью «ПАН» развевался флаг гитлеровской Германии, а на другом было название «Густав», как мне сказали – имя одного из главных начальников ПАН. Эти игрушки в магазине не продавали, но я достал все три листа у «тети Нади» (Одиноковой), заведующей приютом при Св.-Дмитриевской церкви, которую немецкая пропаганда снабдила этими игрушками в достаточном количестве.

Музей, вернее то, что осталось от музея, был в ведении Einsatzstab Rosenberg – Оперативного штаба Розенберг. Он помещался в старинных Поганкиных палатах, построенных в 1667–1671 гг. богатым купцом С. И. Поганкиным на Губернаторской улице, 7 (в советское время Некрасовская). Музей в Поганкиных палатах был создан еще в царское время. В советское время там была, кроме прочего, и антирелигиозная выставка. Уже в конце лета 1941 г. он был открыт немцами для посетителей.

При немцах иконы и другие предметы, входившие в антирелигиозную выставку, составляли главную часть экспонатов. Затем в музее остались кое-какие менее ценные предметы западноевропейской и русской живописи, остатки естественно-научного собрания, которых большевики не эвакуировали, а также фарфор, привезенный немцами из дворцов

Павловска и Царского Села, и кое-что из новгородского музея. В общем, экспонатов было не так много, но само здание, с его окнами и лестницами, казалось мне каким-то сказочным. Такого я прежде нигде не видывал. Музей был открыт в рабочие дни и то только с 10 до 12 часов. Я там был несколько раз. Видал там немцев, но не помню, чтобы встречал там русских. Это и понятно. Русским в рабочее время было не до музея.

Одним из служащих музея был археолог Василий Сергеевич Пономарев (1907–1978, Марбург), бывший первым бургомистром оккупированного немцами Новгорода. Он занимался описанием музейных экспонатов и даже в военное время продолжал заниматься раскопками, о чем писалось, например, в газете «Северное слово» от 25 августа 1943 г.

В ведении музея была и библиотека, открытая немцами в начале 1943 г. в Солодёжне[63]. Немцы забрали все книги на проверку, а в библиотеку передали из спецхрана все книги, напечатанные по старому правописанию. Потом библиотека пополнялась книгами, печатавшимися Отделом пропаганды в Риге, и советскими книгами, прошедшими немецкую цензуру. Некоторые из изъятых советских книг были отправлены в Ригу или в Германию в научные библиотеки, а все прочие пошли на макулатуру. Когда я работал в Берлине переплетчиком, то в мастерской было большое количество картонок от советских книг для вторичного использования. У населения немцы советских книг не отбирали, зато советская власть, вернувшись в 1944 г. на Псковщину, потребовала от населения не только сдать все изданные немцами книги, журналы и газеты, но и содрать со стен и сдать те газеты, которые были употреблены на обои[64].

В ведении Отдела пропаганды был и радиоузел. Сколько мне известно, передачи не шли в открытый эфир, а передавались по электрической сети в радиоточки, которые можно было только включить или выключить. Начальником радиоузла был с самого начала местный немец Блюм, который в советское время был учителем. Про радиоузел среди жителей ходили многочисленные анекдоты.

Обычно вечером я включал свою радиоточку и слушал Концерт по заявкам. Диктор объявлял, что имярек пожертвовал несколько рублей на Красный Крест и просил исполнить какой-нибудь романс для своей девушки. Передача кончалась песней «Спи, моя радость, усни…». Выбрана она была не потому, что была подходящей песней «на сон грядущий», а потому, что принадлежала немецкому композитору. Для Концерта по заявкам использовались советские пластинки. Какие можно, а какие нельзя, решала немецкая пропаганда. Были и новые берлинские

пластинки, напетые военнопленными, выпущенные отделом пропаганды «Винета». В июне 1943 г., вскоре после посещения Пскова генералом А. А. Власовым, радиоузел стал ставить ежедневно пластинку «Винеты» с маршем РОА «Мы идем широкими полями…», автором которого был упомянутый А. Я. Флауме, написавший его под именем Анатолия Флорова.

Одной из важных забот Отдела пропаганды было театральное дело.

В театре имени Пушкина, который не пострадал от бомбардировки, до осени 1942 г. шли концерты как для русских, так и для немцев, но в конце года его сделали исключительно немецким солдатским театром, так же как и кинотеатр «Пограничник», а для русских был специально построен в саду Отдыха на Pleskauer Hauptstrasse (Октябрьский проспект, до 1923 г. Сергиевская улица) деревянный барак, названный официально Малым театром. Псковичи называли его Русским театром. Там в воскресенье 1 ноября 1942 г. впервые был показан какой-то немецкий фильм, а 22 декабря состоялся первый концерт. С тех пор там были эстрадные выступления местных и приезжих артистов и показ немецких фильмов. Слышал, что показывали фильм «Жид Зюс», который я видел еще в Югославии. Немецкие фильмы я не смотрел. Не для того я приехал в Псков, но русские представления старался не пропускать.

Среди приезжавших в Псков была рижская эстрадная группа под руководством Владимира Александровича Гермейера (по сцене Герин), про которую говорилось, что была образована в январе 1943 г. и гастролировала как в Пскове, так и в прифронтовой области. За февраль 1943 г. она дала свыше 50 выступлений как для гражданского населения, так и для русских и финских воинских частей, включая больных и раненых в полевых госпиталях.

Частым гостем Пскова был рижский квартет Гривского, который состоял из Льва Гривского, Владимира Неплюева, Ивана Гайжевского и Игнатия Разуваева. Про Гривского писали в газетах, что он погиб в 1945 г. в Германии во время налета на поезд, в котором артисты ехали на очередное выступление. Вместе с ними выступали еще три танцовщицы и один юморист-имитатор. В их программе, вероятно, по требованию немецкой пропаганды, всегда была надоевшая мне ария Германна из «Пиковой дамы», в которой были слова: «Так бросьте же борьбу, ловите миг удачи, пусть неудачник плачет…».

Иногда в псковском «Русском театре» выступал знаменитый народный артист РСФСР Николай Константинович Печковский (1896– 1966), солист ленинградского Кировского театра,

случайно оказавшийся в оккупации. После войны он был арестован и отправлен в концлагерь.

Кроме рижан выступал и прифронтовой театр «Свежий ветерок» под руководством В. Печорина[65].

Был в Пскове и свой «Ансамбль русских добровольцев» под управлением М. Корсунского, который псковичи называли «Ансамблем военнопленных». Он состоял из бывших военнопленных, поступивших на службу немецкой пропаганды, и к РОА отношения не имел. Этот ансамбль выступал не в советской и не в немецкой форме, а, как я потом узнал, в американской. Директором был Ф. Дудин. Он или кто-то другой из руководителей ансамбля, как я потом узнал, был русским из Югославии, попавшим к немцам в плен как офицер югославской армии и освобожденным с условием, что будет у них работать. Помню, как он удивил меня, объявив, что следующим номером будет «Белградское танго», и я услышал знакомые слова: «Как хороши вечерние зарницы…».

Из местных русских запомнился мне молодой красивый певец, любимец публики, Игорь Александрович Зарикто. Говорили, что под его руководством был создан из молодежи оркестр и танцевальный ансамбль, но я помню его как солиста.

Иногда в «Русском театре» появлялась красавица Хильда Алева, псковская эстонка, работавшая диктором на радиоузле и снабжавшая газету «За Родину» детскими сказками или стишками, подписываясь «Тетя Маня». Появлялась она всегда хорошо одетая и в сопровождении немецких офицеров. Иногда она выступала на сцене как конферансье.

Газета «За Родину» и журнал «Новый путь» выходили и после эвакуации Пскова и распространялись среди своих бывших читателей, оказавшихся в Латвии. Цена газеты была по старинке указана «50 копеек», а подписка «12 руб. в месяц», хотя в Латвии советские рубли не имели хождения. Весной 1944 г. появилась еще и новая немецко-русская газета «Russische Pressespiegel» – «Обзор русских газет». Первая и вторая страницы были немецким переводом русских статей, напечатанных на третьей и четвертой странице, причем первая русская страница с заголовком была на четвертой странице. На немецкой странице было сказано, что перевод должен служить «zur Unterrichtung der Einheitsführer űber den wesentlichsten Inhalt der russischen Presse» (для обучения руководителей соединений сущности содержания русской прессы). Отдел пропаганды должен был делать вид, что все в порядке и что германская армия непобедима. В «Обзоре» давались заметки из газеты «За Родину», из журнала «Новый Путь» и газеты «Северное слово», которая издавалась в Эстонии тем же Отделом

пропаганды «Север», но в Латвии в продажу не поступала.

Для русских в Эстонии в годы оккупации выходили газеты «Северное слово» в Таллинне и «Наше время» в Печерах. Для русских в рабочих или беженских лагерях (вернее, для эвакуированных) печатались летом 1944 г. односторонние стенгазеты «Наше время» и «Новости недели» (обе 61 × 80 см). Для последней был указан тираж 1500 экземпляров. У меня сохранились «Новости недели» № 3 от 15 мая 1944 г. с передовицей А. Андреева «Почетный труд» и статьей «Права русских в Германии», в которой говорилось: «*Новым распоряжением германских властей урегулировано положение русских рабочих, работающих в Германии: их права расширяются и приравниваются к правам немецких и других европейских рабочих, занятых в Германии…»* Это был образец немецкой лжи: в мае 1944 г. русские рабочие все еще носили значки «OST», ограничивавшие их права. Только в августе 1944 г. вместо значков «OST» были учреждены специальные нарукавные значки для русских, украинцев и белорусов, ничем не улучшившие их правового положения. Далее в номере были статьи: «Место еврею», «Сообщения со всего света», «Обзор военных действий» и др.

В Пскове в 1943 г. я купил первые два номера журнала для младшего и среднего возраста «Наш друг». Судя по рассказу Сергея Широкова «Живой груз» во втором номере, журнал, скорее всего, выходил в Смоленске, где в то время проживал С. Широков (он же Тропинин и Максимов, а настоящее его имя Сергей Сергеевич Пасхин, 1916– 1967, США). Хотя в предисловии к первому номеру и было сказано, что «редакция рассчитывает на широкую помощь учителей, родителей, писателей и общественности», адрес редакции не был указан. Интересно отметить, что хотя журнал, как я предполагаю, выходил в Смоленске (Группа пропаганды «Центр»), его можно было купить и в Пскове. Смоленск был взят Красной армией в сентябре 1943 г., и это было, видимо, причиной того, что вышло всего два номера.

Летом же 1944 г. вышел первый и последний номер журнала для юношества «Мир и ты». В нем мне сразу бросилась в глаза заметка на ранее запретную тему – «Беседа о русской земле», а на с. 10–11 статья «Остланд». Статья была посвящена Эстонии, и в ней было сказано, что *«часто в Нарву приезжали русские люди из других далеких государств осмотреть исторический город и сходить на границу, поклониться русской земле, взять себе горсточку земли из-за проволоки и увезти с собою».* На одном из снимков был изображен Ивангород. Про Юрьев-Дерпт сказано было, что он построен Ярославом Мудрым в начале XI века.

Упомянут Вышгород, а про Ревель отмечено, что там стоит маленький домик, в котором жил Петр Великий, и дворец, который он построил для императрицы Екатерины. Статья кончается обещанием в следующем номере написать про Латвию и Литву.

Газета «За Родину» выходила в Риге до тех пор, пока Отдел пропаганды не получил приказ отступать с обозом 18-й германской армии на Кенигсберг. Путь по суше был уже отрезан, и эвакуироваться пришлось морским путем.

Считаю своим долгом поблагодарить соредактора рижского русского журнала «Даугава» Бориса Анатольевича Равдина и Дмитрия Александровича Левицкого за помощь при работе над этой статьей.

21. Гвардейский маршевой батальон РОА в Пскове

Принято считать, что до объявления Пражского манифеста 14 ноября 1944 г. никакой Власовской армии не было, а были только небольшие воинские формирования из бывших советских военнопленных, которые в целях немецкой пропаганды носили нашивки РОА, но генералу А. А. Власову не подчинялись. Так оно и было в действительности, но было и одно небольшое исключение, и об этом исключении в книге воспоминаний полковника Константина Григорьевича Кромиади (1894?–1990) «За землю, за волю…» (Сан-Франциско, 1980) было сказано:

«В мае 1943 года в местечке Стремутка под Псковом была сформирована первая добровольческая часть, находившаяся в прямом политическом контакте с Русским комитетом Власова» (с. 101).

Командиром батальона был Сергей Никитич Иванов, его помощником И. К. Сахаров, а начальником штаба – К. Г. Кромиади; все трое – эмигранты (с. 93), что тоже было исключением из общего правила. Батальонным священником, тоже исключительный случай, был архимандрит Гермоген (Кивачук), эмигрант, принадлежавший к Русской Православной Церкви за границей.

На с. 95 К. Г. Кромиади писал: *«Прошло немного времени, как батальон превратился в образцовую воинскую единицу. Одновременно и команда пропагандистов заметно вклинилась в жизнь крестьян соседних деревень, ибо каждый день с утра до вечера крестьяне стали осаждать наш штаб своими просьбами, жалобами и заботами».*

Сравнительно спокойная жизнь в Стремутке была нарушена 2 июня в час ночи страшным взрывом. Хотя Стремутка находилась в 15 километрах от Пскова, его почувствовали все жители Пскова. Мне спросонья показалось, что кто-то ломится в дверь. Хозяйка испугано кричала: «Кто там?». А я, как был в пижаме, тоже подошел к дверям и тоже крикнул: «Кто там?». Откликнулась соседка, сказавшая, что никого нет, а что это, по-видимому, взрыв. Я выглянул на улицу. Была белая ночь, и над Завеличьем висело грибоподобное облако. Мне страшно хотелось посмотреть, в чем дело, но не рискнул идти на улицу из-за полицейского часа.

На следующий день я узнал, что на станции Стремутка взорвался транспорт с амуницией, что взрывом были разрушены многие дома в деревне и что расквартированный там батальон

РОА поспешил на помощь жителям.

В упомянутой книге К. Г. Кромиади (с. 98) писал, как он с группой РОА поспешил на помощь пострадавшим, и от немецких солдат узнал, что горит деревня «правее через шоссе». Об этом у К. Г. Кромиади сказано:

«Товарный поезд, груженный амуницией, шел на Ленинградский фронт. Партизаны на какой-то станции ухитрились всыпать песок во втулки колес двух последних вагонов, отчего вагоны загорелись. Когда поезд проходил мимо деревни, кто-то из жителей показал машинисту, что у него происходит, а тот, зная, что везет, остановил поезд, отцепил паровоз с двумя вагонами и умчался в Псков, оставив свои остальные вагоны догорать у самой деревни. А в вагонах были не только снаряды, мины и патроны, но и фосфор. <…> Пришлось сразу же распустить людей, чтобы они могли оказать помощь, где можно. <…> Работали мы на этом месте до утра и спасли всех, за исключением одной женщины, которая была задавлена рельсой насмерть. <…> Наш батальон в течение первых трех-четырех дней подкармливал погорельцев, и за это время они устроились в окрестных деревнях. Что же касается раненых, то наш врач, Евгений Разумовский, со своими помощниками целыми днями мыл, чистил и перевязывал пациентов, пока не вылечил их».

К Власову и власовцам население Пскова относилось, в общем, отрицательно, но случай в Стремутке смягчил в какой-то мере эту неприязнь. За несколько дней до 22 июня 1943 года полковник К. Г. Кромиади объявил по местному радио, что в годовщину начала войны будет парад РОА, и тогда же впервые прозвучал по радио марш РОА – «Мы идем широкими полями…».

Знамени у батальона не было, но вместо него был полученный из Риги большой русский шелковый трехцветный флаг. Немцы, которые не возражали против национальных флагов у иностранных военных формирований, были почему-то против трехцветного русского флага. На нашивках РОА находился не бело-сине-красный флажок, а Андреевский крест. Местное немецкое начальство оказалось более терпимым и согласилось, чтобы батальон прошел по городу с бело-сине-красным флагом во главе.

Местное немецкое командование не мешало и псковичам носить на костюмах маленькие бело-сине-красные ромбовидные флажки из пластмассы, которые делались в Риге и продавались в Пскове на толкучке. Помню одного молодого человека, который носил флажок красной полосой кверху. Когда я обратил внимание, что он неправильно прикрепил флажок, то он мне ответил, что для него красный цвет главнее.

22 июня был вторник – рабочий день, но на улицах собралось немало псковичей. В этот день я собрал заранее ребят, посещавших занятия при Псковской православной миссии, расставил их вдоль всего пути парада и сказал, чтобы они встречали аплодисментами русский флаг, который знаменосец Г. П. Ламсдорф (из эмигрантов) с двумя ассистентами-автоматчиками несли во главе колонны. Надо сказать, что многие, пришедшие посмотреть на парад, тоже хлопали в ладоши. Были речи, были транспаранты, и все прошло благополучно. Зато поздно вечером был сильный налет советской авиации. Были жертвы и были разрушения.

Вторая беда приключилась в тот же день или на следующий. Советские агенты во главе с одним из автоматчиков, который на параде был ассистентом у знаменосца, устроили бунт в гвардейском маршевом батальоне РОА. Были убитые с обеих сторон, но восстание не удалось, так как большинство власовцев оказалось идейными врагами большевизма. Обо всем этом мне потом рассказал старший лейтенант Л. А. Самутин, член НТС, считавшийся в батальоне главным пропагандистом.

Немецкое командование давно требовало переброски власовцев с Восточного фронта на Западный. И этот бунт, конечно, был толчком к отправке Гвардейского маршевого батальона в Данию. Там Л. А. Самутин в 1944–1945 гг. выпускал листок «На далеком посту». Самутин разделил трагическую судьбу батальона: его датчане в 1945 г. вместе со всеми выдали большевикам.

22. НТС в Пскове 1941–1943 гг

Первым членом НТС, или, как мы сами себя называли, союзником, попавшим в Псков, был инженер Константин Анисимович Кирий (1895–1949). Б. Брюно в некрологе, посвященном ему в газете «За Россию», № 118 писал: *«Осенью 1941 года, оставив семью в Югославии, К. А. уезжает в Германию, чтобы оттуда пробраться на родину».* Тогда немцы еще не препятствовали проникновению эмигрантов на оккупированную ими русскую территорию. В Пскове Кирий познакомился с доктором Горицким, заведовавшим все годы оккупации русским госпиталем на Завеличье. Константин Анисимович передал ему сборник конспектов по национально-политической подготовке, так называемый «Зеленый роман», в котором содержалась критика коммунизма, недоступная советским гражданам, а также брошюру «За что бороться». Вторым знакомым Кирия оказался Лабутин, русский из Эстонии, служивший у немцев в СД (SD – Sicherheitsdienst – служба безопасности). Константин Анисимович его тоже снабдил «Зеленым романом» и брошюрой. *«Памятью,* – пишет в некрологе Б. Брюно, – *о великой радости встречи с родиной у К. А. была свеча от пасхальной заутрени в Пскове. Он берег ее до самой смерти, как святыню».*

Во время моего пребывания в Берлине в феврале–апреле 1942 г. я узнал от доктора Николая Митрофановича Сергеева (1909–1944), что он недавно встретился с членом организации витязей из Чехии, приехавшим из Пскова. Надо полагать, что от него центр НТС узнал, что у Горицкого и Лабутина образовались небольшие союзные группы.

В марте 1943 г. Александр Эмильевич Вюрглер (1901–1943) помог мне попасть из Варшавы в Ригу, а там, при помощи местного союзного руководителя Жени Кашкина, я был принят в Псковскую православную миссию преподавателем Закона Божия.

Вюрглер дал мне адрес Ивана Андреевича Залесского, союзника из Польши, и снабдил меня «Схемой НТС», представлявшей собой как бы политическую программу Союза. Ее первое (ротаторное) издание было отпечатано в Вустрау, где были курсы переподготовки военнопленных к административной работе на Востоке, на которых преподавали деятели НТС.

Положение в городе Пскове, который находился в прифронтовой полосе, требовало от союзников особой осторожности. Ни о каких собраниях групп не могло быть и речи.

Каждый союзник мог знать только нескольких человек, с которыми у него были дела, и никто никому не имел права задавать лишних вопросов.

О Лабутине я узнал от рижанина, адрес которого мне дал Кашкин. У Лабутина была группа, в которую входили только приезжие из Прибалтики. Он сообщил всем, что сравнительно недавно в Гатчине арестовали и расстреляли несколько союзников из военнопленных, и рекомендовал не давать повода заподозрить себя в принадлежности к Союзу. Не берусь судить о причинах бездействия Лабутина. Может быть, он действительно был напуган расстрелом союзников, а может быть, парализовал свою группу НТС по заданию СД.

Позднее я познакомился с Петром Петровичем Маресевым, землемером из Эстонии, который принадлежал к группе Лабутина и работал в отделе ликвидации колхозов и передачи земли в собственность крестьянам. Видя в нем единомышленника, я решил рассказать ему о деятельности НТС до войны. Тут-то и выяснилось, что он давно был членом Союза и при первой возможности сам нашел пути на родину. Кстати, слухи, что он был убит партизанами, не подтвердились.

И. А. Залесский имел свою группу, куда входил старый варшавский член Союза Виноградов и Выходцев, тоже, кажется, член Союза из Польши. Потом я случайно познакомился еще с двумя молодыми людьми из этой группы – Великановым и Леней (Леонидом Васильевичем) Черепенкиным (р. 1922) – сыном бывшего городского головы. Возможно, они формально не были членами НТС, потому что в прифронтовой полосе было не до формальностей. Работали они в бывшем спецхране, находившемся в церкви Успения на Успенской улице (в советское время ул. Калинина). Я там был, и помещение на меня произвело самое гнетущее впечатление. Книжные полки из неоструганных досок не могли стоять вплотную к округлым стенам, покрытым фресками, и были прибиты какими-то многоугольниками, грубо разрушая стенную роспись. От Великанова и Черепенкина я узнал, что немцы распорядились передать все книги из спецхрана, напечатанные по старой орфографии, в библиотеку псковского музея, открытую в годы оккупации для жителей города в старинном здании – Солодёжне.

Залесский сообщил мне, что группа Горицкого состоит из служащих больницы или горуправления. Про одного служащего этого управления я узнал, что он принадлежит к группе Горицкого. Мы случайно познакомились, но ни я ему, ни он мне о принадлежности к Союзу ничего не сказали: в этом человеке я сразу увидел обывателя.

С Горицким я познакомился после эвакуации Пскова, когда мы с Черепенкиным и Великановым приехали туда собирать в развалинах книги для беженской библиотеки в Риге. Я пришел в больницу навестить раненую девушку, которая состояла в Содружестве молодежи при Миссии. Горицкий меня не знал, но был со мною любезен. Он рассказал мне, что немцы решили не эвакуировать госпиталь, а он потребовал, чтобы он и минимальный медицинский персонал были оставлены с больными. Немцы согласились. Имел ли Горицкий связи с партизанами или же, как член НТС, решил остаться, не знаю. Так или иначе, но он был арестован чекистами и отправлен в концлагерь, где и погиб.

Всю союзную работу в Пскове возглавлял Андрей Александрович Тенсон (1911–1969) из Таллинна. Он был опытным подпольщиком. До захвата Эстонии большевиками он занимался отправкой союзной литературы в СССР, за что был в марте 1938 г. арестован и сослан на остров Саарема, но в начале 1939 г. получил разрешение вернуться в Таллинн, откуда смог вовремя покинуть Эстонию и не попасть в руки НКВД. В Пскове у него были связи, благодаря которым он смог устроить приехавшего в сентябре 1943 г. Павла Васильевича Жадана секретарем городского управления.

Роман Николаевич Редлих, преподававший в школе пропагандистов в Вустрау, посетил летом 1943 г. Псков для инспекции работы своих выпускников. С одним из них, членом Союза, он меня познакомил. От него я потом получал издававшиеся немецкой пропагандой газеты «Доброволец» и «Заря». Роман Николаевич попросил меня показать ему достопримечательности Пскова и по дороге расспрашивал меня о союзниках и о том, что они делают. Он был одним из руководителей подпольной союзной работы, и от него я получил кое-какую литературу, изданную в Вустрау.

В Св.-Дмитриевской церковной школе моим начальником был выдающийся миссионер о. Георгий Бенигсен (1915–1993), знакомый с НТС еще в довоенной Латвии. Он посоветовал мне скрывать то, что я приехал из Югославии, чтобы не вызывать подозрений немцев и их агентов. Узнав, что я член НТС, он указал мне на Константина Иосифовича Кравченка (1918–1973) и Раису Ионовну Матвееву как на членов Союза. В конце 1943 г. о. Георгий формально вступил в НТС.

Раиса Ионовна в интервью, напечатанном в «Посеве» (№ 11 за 2000 г.), сказала, что как члена НТС знала только меня, и добавила: *«Знала я многих, но что они – члены организации я узнала только на суде»*. Объясняется это тем, что она попала в

Псков без помощи Союза. Кстати, о. Георгий узнал о принадлежности Р. И. Матвеевой к НТС от ее подруги Зинаиды Федоровны Соловской.

Все мы, члены НТС, приехали в Псков служить России и русскому народу. Мы считали, что наша работа в Православной миссии и была той союзной работой, к которой мы готовились за границей. Конечно, мы всегда отстаивали наш взгляд на русскую историю и на поработивших Россию большевиков. Как я помню, все наши собеседники были настроены против Сталина, но многие защищали Ленина, связывая его с относительным благополучием в годы нэпа, и думали, что если бы он не умер, то Россия стала бы нормальным правовым государством.

Идеи Союза мы подавали как идеи Власовского движения. Мы осторожно информировали своих собеседников о том, что до войны был такой НТСНП и что он, конечно, не перестал существовать. Никого мы формально в Союз не принимали, потому что не видели в этом надобности. Вопрос формального приема в НТС был поставлен только после приезда П. В. Жадана, который принял в Союз несколько человек, в том числе и о. Г. Бенигсена, но среди принятых не было ни одного человека из групп Лабутина и Горицкого.

«Схему» и другие издания Вустрау я давал читать друзьям после обсуждения вопросов, связанных с Власовским движением. Других материалов у меня не было, но в Пскове кто-то распространял какие-то довоенные материалы, привезенные из Югославии. Об этом я узнал случайно при совершенно фантастических обстоятельствах. Среди моих друзей-знакомых был один ленинградский студент-еврей – Хейфец, выдававший себя за кавказца Ефима Ибрагимова. Он интересовался жизнью русских за границей и кроме меня был еще кое с кем знаком. Называл он нас «беляками». Иногда он с нами спорил, а иногда соглашался. Он был связан с партизанским подпольем, и я это знал. Однажды он спросил меня о том, какие союзы были у русских за границей.

Я догадался, о каком союзе он хотел получить информацию, но решил не посвящать его в союзные дела. Ответил, что союзов было много и самых разных. Самым крупным был, конечно, РОВС. Рассказал о белом терроре и похищении большевиками генералов Кутепова и Миллера. Ефим слушал внимательно, а потом спросил, что я знаю о других союзах. Я назвал Союз русских благотворительных обществ в Польше, но Ефима интересовали политические союзы.

Не узнав от меня ничего больше, Ефим вынул из кармана союзную брошюру «За что бороться», изданную на тонкой бумаге,

кажется, в Белграде в 1939 г. и спросил меня, слышал ли я что-нибудь про НТСНП. Я сказал, что не слышал, посмотрел бегло на содержание, сказал, что брошюра толковая и попросил ее почитать.

Возвращая брошюру, я сказал Ефиму, что мне она понравилась, и что ее мысли созвучны идеям РОА. На это Ефим ответил мне, что НТСНП для советской власти опаснее РОА, так как та сотрудничает с немцами, а НТСНП выступает против немцев, и, как он выразился, «распространяет свою литературу у нас под носом».

Было ясно, что Ефим не знал, как брошюра попала в партизанское подполье. Я был искренно удивлен, что в Пскове какие-то не известные мне союзники распространяют союзную, а не власовскую литературу.

Мое знакомство с Ефимом закончилось в начале сентября 1943 г. Обстановка в Пскове была ужасной. Немцы сжигали вокруг города деревни, и ночью зарево освещало полнеба. Италия капитулировала 3 сентября, у немцев был переполох, а партизаны грозили взять с налета город. Чтобы спасти жизнь, в случае захвата Пскова партизанами, кто-то из партизанского подполья дал Ефиму подписать заявление о сотрудничестве с партизанами. Он это сделал и предложил и мне подписаться. Я отказался, а через несколько дней Ефима арестовали. То ли немцы перехватили курьера, то ли это было провокацией, сказать трудно, но всех подписавшихся арестовали и расстреляли, а среди них были и колебавшиеся люди, с партизанами не сотрудничавшие, но боявшиеся возвращения советской власти.

Примечания

1. *Колотилова С. И.* и др. Псков. Очерки истории. Л.: Лениздат 1971. С. 280 (упомянут Б. Врангель, но без указания на его принадлежность к НТС) и 286 (типичная советская клевета).

2. *Полчанинов Р.* Псковская миссия (дополнения) // Новое русское слово. Нью-Йорк, 27.07.75.

3. *Жадан П. Н.* Русская судьба. Нью-Йорк: Посев-США, 1989. С. 159–168; М.: Терра, 1991. С.159–168.

4. *Кацнельсон Е.* Псковская миссия // Новости Пскова. 29.08.1996.

5. *Матвеева-Рацевич Р. И.* НТС в Прибалтике: от Нарвы до Норильска // Посев. М., 1999. № 11. С. 35–38.

23. НТС в Гатчине и на Псковщине

Когда я, вскоре после прибытия в марте 1943 г. в Псков, узнал, что Лабутин, руководитель одной из союзных групп в Пскове, рекомендовал членам своей группы не давать повода немцам заподозрить себя в принадлежности к Союзу, я не был уверен, действительно ли немцы расстреляли кого-то из союзников, как он говорил, или он, как служащий СД, по приказу немцев под этим предлогом парализовал деятельность своей группы. Только в конце 2004 г., ознакомившись с книгой Ильи Глазунова «Россия распятая», я узнал, что на подступах к Ленинграду на самом деле действовала в 1942 г. группа Союза, подвергшаяся к концу года полному разгрому.

Со слов члена НТС Николая Николаевича Рутченко, бывшего военнопленного, служившего переводчиком, Илья Сергеевич Глазунов писал: *«Весной 1942 года Борис Федорович (*Глазунов, дядя И. С. Глазунова*) состоял в качестве переводчика и делопроизводителя в одном из подразделений гатчинской комендатуры под непосредственным начальством латыша-офицера из Риги Павла Петровича Делле. <…> Делле, весьма прорусски настроенный антикоммунист, православный, был женат на русской эмигрантке. Тогда же в команду Павла Делле прибыл из Риги Сергей Смирнов, сын известного водочного фабриканта, бывший осенью 1941 года русским бургомистром города Калинина* (ныне снова Тверь. – *Р. П.*). *Он рассказал, что, будучи проездом в Смоленске, близко сошелся с представителями НТС Околовичем и Ганзюком. Смирнов привез также литературу, распространявшуюся НТС, в том числе брошюру Ивана Ильина “О сопротивлении злу силою”. Примерно в июле 1942 года с участием Бориса Федоровича и Смирнова состоялось тайное совещание нескольких человек, собравшихся из Луги, Сиверской и Гатчины, на котором было принято решение создать подпольную организацию с целью освобождения России от большевистских и немецких оккупантов. Помимо вербовки новых членов эта организация занималась распечаткой на ротаторе программных материалов НТС, а также сокращенных текстов других изданий, в том числе брошюры Ильина. Эта подпольная деятельность лежала целиком на плечах Бориса Федоровича. А в самой организации он, будучи самым старшим, являлся как бы судьей чести… Поздней осенью 1942, при тайном содействии Павла Петровича Делле, представитель организации Борис Федорович вошел в контакт с группой русских эмигрантов в Риге, связанных с НТС, после чего было принято решение о формальном слиянии с этой организацией.*

Тогда же была установлена постоянная связь и с представителями НТС в Пскове и Гдове»[66].

По моим сведениям сам Павел Петрович Делле был членом Союза, связь в Пскове была установлена с Андреем Александровичем Тенсоном (1911–1989), а в Гдове с Евгением Евгеньевичем Поздеевым (1916–1994).

С Поздеевым я познакомился в Варшаве в 1942 г. До войны он работал в Главной квартире польских харцеров (скаутов) и в годы войны поддерживал связь с подпольными харцерами, с которыми познакомил и Б. Б. Мартино, и меня. В Гдове он работал в отделе пропаганды. Встретившись со мной в 1944 г. в Берге и рассказывая о своей работе в Гдове, Женя Поздеев показал мне небольшую детскую книжечку «Еж и заяц» братьев Гримм. Книжка как книжка, автор немец, а издатель немецкая пропаганда, но замечательной была у нее последняя сторона обложки. На ней от руки был нарисован русский трехцветный флаг и на машинке под копирку написано: «Русский национальный флаг с 1667 г.

Впереди еще дорога дальняя!
Ни врагов, ни горя – не боюсь.
Цель моя – моя национальная, –
Заново построенная Русь!»

Видя мой неподдельный восторг, Женя Поздеев мне эту книжечку подарил. Как служащий отдела пропаганды, Женя давал эти книжки отличникам учебы при выдаче свидетельств об окончании школы. Попадись такая книжечка кому не надо, был бы скандал, но Бог хранил, и все обошлось благополучно[67].

Женя Поздеев говорил мне, что в Гдове был очень хороший немецкий комендант. Пленных там кормили по-человечески, и побеги из плена были редкостью.

Много помогали местным русским жителям два члена НТС в Острове, служившие в ВиКадо (Wirtschaftskomando). Это был барон Б. Врангель, родственник последнего Главнокомандующего Русской армии в Крыму, и Лев Львович Зальцберг, протестант, полунемец, полулатыш, но большой русский патриот.

Слышал, что в Опочке было тоже два члена НТС, варшавянин Владимир Евгеньевич Скоробогач (1894–1970) и Горбунов (кажется из Югославии). Оба служили в Зондерштабе «Р» под командой полковника Регенау (настоящая фамилия Смысловский).

Работа членов НТС в Гатчине закончилась трагедией. Об этом И. С. Глазунову рассказал тот же Н. Н. Рутченко: *«В конце 1942 года Борис Федорович и многие другие, входившие в его*

организацию, были арестованы гестаповцами по доносу одного из ее членов – бывшего студента Ленинградского института имени Лесгафта Вадима Добочевского, заподозрившего их в связи с советской разведкой. В ходе следствия и очных ставок, в том числе с Борисом Федоровичем, Добочевский покончил самоубийством, выбросившись из окна четвертого этажа. Бориса Федоровича спасло лишь вмешательство Павла Делле и офицера при штабе 18-й армии барона фон Клейста – родственника фельдмаршала. Вместе с ним из-под гестаповского ареста были освобождены и его друзья, сумевшие, как и он, скрыть во время допросов истинное назначение их организации»[68]. Хоть И. С. Глазунов и написал, что только один из арестованных членов Союза был отправлен в концлагерь, в Пскове говорилось по меньшей мере о двух расстрелянных, и это мне подтвердил Н. Н. Рутченко письмом от 3 октября 2005 г. Что касается судьбы Б. Ф. Глазунова, то на с. 388 помещена его фотография с пояснением *«С 1945 по 1953 год был репрессирован за антисоветскую деятельность. Семья угнана немцами в Германию»*, а на с. 389 добавлено, что Б. Ф. Глазунов был выдан союзниками на расправу Сталину.

24. Рига
Февраль–июль 1944

В ночь на 14 января 1944 г. Красная армия под Ленинградом перешла в наступление. Жители Пскова узнали об этом только тогда, когда на Октябрьском проспекте появились первые грузовики с бегущими немецкими солдатами. За ними вскоре пошли сплошным потоком машины. Немцы не отступали, а бежали. Грузовики и легковые машины обгоняли конные упряжки, и все они мчались к Ольгинскому мосту и дальше, по Рижскому шоссе, на запад. Я видел легковой автомобиль, у которого вместо одного заднего колеса была палка, и он, как-то комично подпрыгивая, катил туда же на малой скорости.

В это время панического, как мне казалось, бегства одних другие немцы деловито складывали и упаковывали и свое и чужое. Они выкапывали электрические кабели и наматывали их на катушки, собирали битое стекло и старую бумагу. Биржа труда сжигала во дворе свой архив.

Православная миссия получила приказ готовиться к эвакуации. Эвакуация ее и многих других учреждений была назначена на 18 февраля, но я решил не ждать и ехать в Варшаву. Мы все, моя жена Валентина Петровна, теща Анна Сидоровна и я, переживали необходимость разлуки с родиной и с тяжелым чувством упаковывали то, что считали самым необходимым. Я получил пропуск в Варшаву без всяких разговоров, но билетов до Варшавы мне не дали, а только до Риги.

Мы прибыли на станцию 8 февраля к вечернему поезду в Ригу. Разместили ручной багаж в вагоне на полочке и кое-что на полу, а тяжелый багаж я устроил в товарном вагоне, прицепленном к концу поезда. Я стоял у открытых дверей и смотрел за багажом. В это время к товарному вагону подъехала машина, и из нее вышел немецкий офицер. В темноте приняв меня за официальное лицо, он попросил разрешения положить багаж одной русской старушки-художницы, которая работала в его Dienststelle (учреждении) реставратором икон. Я, конечно, согласился, и мы быстро закинули в вагон скромные пожитки художницы. Немецкий офицер, поблагодарив меня за помощь, попросил меня побеспокоиться о старушке, когда мы приедем в Ригу, и дал мне телефонный номер человека, который в Риге должен был взять на себя дальнейшие хлопоты о художнице.

Услышав, что поезд скоро отойдет, я поспешил в вагон, где были Валя и ее мать. Они стояли у окна и тихо плакали. Чуть

только я вошел в вагон, железнодорожный солдат прошел вдоль поезда, закрыл все двери и дал сигнал «Abfahren!».

Когда мы въехали на станцию Псков-товарная, мама снова заплакала. Здесь она знала каждый уголок. Сколько раз, работая в ветеринарной лечебнице, ей приходилось здесь принимать посылки с лекарствами. Немцы же здесь прицепили к поезду товарные вагоны с добром, которое они, по их выражению, «организовали» в восточных областях, то есть награбили в России. Поезд двинулся дальше. Поговорив да погадав, что будет завтра, я облокотился на рюкзак и заснул. Валя с мамой не смогли заснуть, а только дремали.

Утром 9 февраля мы прибыли на станцию Рига-Шкиротава (сортировочная), и нам объявили, что поезд дальше не идет. Вернее, не поезд, а только наш вагон и багажный, которые почему-то отцепили. Надо было действовать. Я позвонил по полученному мною в Пскове номеру и сообщил, что старушка-художница прибыла на товарную станцию, и попросил, чтобы о ней кто-нибудь позаботился. Человек, говоривший по-немецки, спросил меня, прибыла ли она одна или с нею прибыли еще люди. Я ответил, что с нею прибыли еще русские из Пскова и что нас целый вагон. Человек заволновался и сказал, что немедленно пришлет грузовики и пленных, которые помогут погрузить вещи. Я вернулся к вагону, от которого уже успели отцепить обогревавший нас паровоз, и сказал людям, вышедшим из вагона, что за нами пришлют грузовики, надо доставать вещи.

Все взялись за дело, и грузовиков мы ждали недолго. Я был очень доволен, но радость моя была непродолжительной. Не помню, долго ли мы ехали, но остановились мы перед забором из колючей проволоки, и ворота нам открыл немолодой еврей с большой желтой звездой. Грузовики въехали во двор, ворота за нами закрылись. Это было бывшим гетто. Люди испугались, женщины заплакали.

Не успели мы разгрузиться, как к нам подошел невысокий плотный человек, обратившийся к нам по-русски, но с латышским акцентом. Он спросил, кто здесь начальник транспорта. Все посмотрели на меня, и я решил принять на себя эту роль.

Латыша, как потом выяснилось, звали Бродерс (Gerbert Broders). Он приказал мне составить список для получения продовольственных карточек и указал на дом, в котором нам следовало разместиться.

– Перенумеруйте комнаты, разместите семьи из расчета двух-трех человек на комнату, – и, указав на двух еврейских девушек, выметавших мусор из дома, добавил:

– Мы не думали, что так скоро начнут прибывать беженцы, но

мы сделали все возможное, чтобы обеспечить вас всем необходимым.

Я прошел с ним в дом 38 по ул. Лудзас, который был в нескольких шагах от нас, но не за колючей проволокой, чтобы узнать, где находится его канцелярия и куда мне следует явиться со списками.

Я сделал все, как мне было сказано, и Бродерс был доволен. Он мне сказал:

– Молодой человек, вы будете у меня работать в Беженском отделе. Разрешите посмотреть ваши документы.

Я не ожидал такого оборота дел и, признаюсь, растерялся. Я ему только сказал, что я, как служащий Псковской миссии, без согласия моего начальства не могу ему дать сразу ответ. Это было правдой, так как я считался на службе до 15 февраля.

Бродерс тоже не ожидал такого ответа и сказал, что просит меня сразу выяснить этот вопрос и сообщить ему о результате.

Адрес Русского комитета я получил еще в Миссии в Пскове, и потому я решил поехать прямо туда. Было мне также известно, что мой знакомый, Дмитрий Александрович Левицкий, занимает там крупную должность. Он был заместителем председателя и управляющим делами комитета. С ним меня познакомил еще в мой прошлый приезд в Ригу в марте 1943 г. Женя Кашкин, один из рижских руководителей подполья НТС.

Дмитрий Александрович очень обрадовался и моему благополучному приезду и тому, что я оказался в лагере для русских беженцев в бывшем рижском гетто, куда представителей Русского комитета (Vertrauensstelle für die Russische Volksgruppe im Generalbezirk Lettland) латышские власти не желали допускать. Они были вообще против создания в Латвии Русского комитета. Во всех оккупированных странах, кроме Прибалтики, были комитеты для защиты интересов русского населения. Но в Латвии немцы разрешили создание Русского комитета с директором Кузнецовской фарфоровой фабрики Георгием Александровичем Алексеевым во главе только 2 ноября 1943 г.

Левицкий сразу же прошел со мной к председателю Русского комитета и объяснил ему положение, а Алексеев сразу же сказал, что он принимает и меня, и мою жену на работу в Русский комитет, и что мы будем получать по 120 марок в месяц жалования. Он тут же написал письмо на имя Бродерса и попросил меня завтра же приехать и рассказать ему, как у меня все получится.

Через какие-нибудь два часа я уже был в кабинете Бродерса. Я ему объяснил, что у Миссии есть договор с Русским комитетом о том, что гражданские служащие Миссии получат работу в

Русском комитете, и передал ему письмо Алексеева. Бродерс выслушал меня, прочитал письмо, улыбнулся и сказал:

– «Елкис-палкис», это то, что я и хотел. Вы будете работать у меня, а все остальное уладится.

Домой на Ерсикас, 39 я пришел на обед. Меня, конечно, ждали с нетерпением и были очень рады, что все устроилось благополучно. Бродерс сразу же позвонил в Русский комитет и договорился, что я буду как служащий комитета сотрудничать с ним в общем для всех нас деле устройства русских беженцев. После года, проведенного в Пскове, где не было трамвая и где мне приходилось большие расстояния покрывать пешком, рижский трамвай мне показался верхом благополучия. Удивила меня и еще одна мелочь. Во втором вагоне трамвая не было кондуктора, а была копилка, куда едущие сами опускали деньги за проезд. Боже мой, какое доверие! Такого доверия я не встречал нигде.

Вернувшись из города за колючую проволоку, которая на всех нас произвела такое гнетущее впечатление, я решил доложить об этом на следующий день Бродерсу и он, согласившись со мной, обещал ее убрать.

Нам досталась комната на третьем этаже. К нашему ужасу, из нашего окна за низкой стеной был виден двор бывшей тюрьмы для евреев с закрытыми щитами окнами и виселицей во дворе.

В середине нашего двора была огромная куча мусора, в котором ковырялись новоприехавшие беженцы. Это были перья из еврейских перин, рваные носки, книги, документы, открытки, письма. Все это было следом погрома и страшного нацистского злодеяния над беззащитными людьми, вся вина которых состояла в том, что они были евреями. Трудно было жить в таких домах. В одной комнате на стене видны были следы крови. От огромного числа местных евреев и привезенных из других городов и стран для незаметного их уничтожения в Латвии остался маленький островок, никем не охраняемый дом с жуткой по своему смыслу надписью: Германское министерство финансов – Управление гетто (Reichsfinanzministerium Getto Verwaltung).

Евреи для нацистов были не людьми, а инвентарем. Оставшиеся в живых были частью этого инвентаря, охранявшей это имущество.

Работа у Бродерса начиналась в 9 часов утра. Я пришел на следующий день на пару минут раньше и нашел Бродерса уже в его канцелярии. Он встретил меня любезно и спросил, как мы переночевали. Я сказал, что, слава Богу, имели крышу над головой и окна со стеклами, но спали мы на полу, так как никакой мебели не было, да и электричества во всем доме тоже

нет. Я сказал, что никто не жалуется, но надо было бы как-то помочь людям. Он обещал провести электричество и бесплатно снабдить нас мебелью, для чего я должен был составить список семейств, указать, сколько кому нужно столов, стульев, кроватей, тазов и кувшинов, и дать ему на подпись. Для транспорта мебели он обещал подводу, но грузить и разгружать должны были мы сами.

Со списком, подписанным Бродерсом, я пошел в Управление имуществом гетто. Коридор и стены были сплошь украшены роскошными коврами и люстрами, а комнаты соответствующей мебелью. Мне казалось, что все это невидимо забрызгано кровью. Приняв список, немец приказал мне тоже расписаться. Затем он вызвал человека в форме СС с латвийским флажком на рукаве и дал ему список, приказав проводить меня на склад и выдать, что положено.

На улице ждали люди, и мы пошли за латышским ССовцем на склад, взяв по дороге пару телег с еврейскими возницами. В углу двора была огромная куча ведер, кувшинов и тазов. Искалеченные, проржавевшие, с отбитой эмалью, они, казалось, были ни на что не годны. Мои спутники стали деловито выбирать и складывать вещи на подводу, а я стоял молча. Понял ли латыш мои мысли? Во всяком случае, он дернул меня за рукав и сказал по-русски:

– Берите себе что нужно, и поедем.

Я взял ведро и кувшин. Мы поехали к складу кроватей и матрацев, где уже возился еврей. Мы погрузили и это и поехали дальше за столами и стульями, как по кладбищу, по безлюдным улицам бывшего гетто.

Вечером я поехал к члену НТС Жене Кашкину. Я у него останавливался в мой первый приезд в Ригу. Он был на все руки мастер, и когда я сказал, что у нас нет электричества, он сразу взял инструменты и поехал со мной. По дороге он зашел в магазин и, сдав старую перегоревшую лампочку, купил новую. Я его предупредил, что у нас нет патронов, а с потолка торчат только провода. У него патрона не нашлось, но он тут же смастерил из какой-то деревяшки и проволоки что-то такое, что заменит нам патрон. Приехав, он все быстро сделал, и у нас на кухне зажглась лампочка. Так закончился второй день нашего пребывания в Риге.

Придя на следующий день к Бродерсу, я рассказал ему, как устроились все мы, новоприехавшие. Бродерс объяснил мне, что моей работой будет распределение квартир, предназначенных для русской интеллигенции, указал мне стол в комнате латышской полиции, за которым я буду принимать моих

посетителей, и дал список домов, которые будут в моем ведении. Он сказал, чтобы я пошел познакомиться с управдомами, у которых ключи от квартир.

Я зашел домой и вместе с женой пошел осматривать дома для интеллигенции и заодно и другие дома, в которых были размещены ранее эвакуированные.

В одном доме, в ужасных условиях проживали вывезенные на работу в Ригу на фабрику электрических приспособлений жители Орла. Жили они по десять человек в комнате без мебели и спали на полу. Люди жаловались, что латыши их притесняют да еще грозятся всех расстрелять. Для того, мол, и поместили их в бывшем гетто, что отсюда только одна дорога – на тот свет. Мы старались как-то успокоить людей. Сказали, что мы от Русского комитета, и я показал им удостоверение на немецком языке. Я сделал несколько фотографий и обещал доложить начальству об их плачевном положении.

То, что мы с женой увидели в этот день, показалось нам ужасным, хотя через полгода мы сами попали под Веной в подобные условия, и они нам тогда показались сносными. На следующий день я поехал в Русский комитет. Алексеева там не было, а служащий, не выслушав меня до конца, предложил мне изложить все это письменно.

В бывшем гетто были размещены только советские беженцы. В большинстве своем это не были настоящие беженцы, а, насильно вывезенные. Немцы насильно вывозили гражданское население для того, чтобы, с одной стороны, вблизи передовых линий не было никого, кроме военных, а с другой – чтобы не было угрозы со стороны партизан. Деревни сжигались, а в городах искали с собаками спрятавшихся в подвалах. Всех отправляли в лагеря для работы в Германии или Прибалтике. Что касается русских из Прибалтики, оказавшихся среди беженцев, то им давали квартиры в Риге или других городах. Как хорватский подданный, я бы тоже мог получить квартиру в Риге, но я хотел быть с русскими людьми и по мере сил помогать им. На всякий случай я все же поехал в Главное полицейское управление и зарегистрировался как иностранец. Эта маленькая формальность сослужила мне потом большую службу.

Посетителей у меня было немного. Я помогал им, чем мог. Спокойная жизнь кончилась в субботу утром 19 февраля с прибытием первых эвакуированных из Пскова. Рано утром Бродерс прислал человека с просьбой сразу прийти к нему в Беженское управление. Он схватил меня за руку и потащил к себе в кабинет.

– Как хорошо, что вы пришли. Ваша помощь мне очень нужна.

Вчера была назначена всеобщая эвакуация Пскова. Люди собрались на станции, а ваши же налетели и перебили тьму народу. Псков весь разрушен. С утра к нам приходят транспорты. Для вас я выделил специальную комнату. Там уже люди, которые вас ждут. Проверяйте документы и смотрите, чтобы в дома для интеллигенции не затесалась всякая шпана.

Я забрал всех ждавших меня людей и пошел с ними в ближайший дом, предложив им самим выбирать себе комнаты и ждать меня, а сам побежал домой сообщить о случившемся. Ближайший дом был четырехэтажным. Его недавно дезинфицировали. Несмотря на то, что все окна были долгое время открыты настежь, чувствовался резкий запах газа. Мы вместе с управдомом начали выдавать ключи тем, кто уже выбрал приглянувшуюся им комнату. Я записывал, кому дал какую комнату, и, кончив с первой партией, поспешил назад в канцелярию. Там меня ждали новые люди. Работа кипела. Я выписывал ордера на комнаты, составлял списки на то барахло, которое именовалось «мебелью», ходил с людьми на склады, помогал им грузить. Работал до позднего вечера. В дома для интеллигенции принимались только имевшие среднее или высшее образование, и мне приходилось кое-кому отказывать.

20 февраля было воскресеньем, но я решил встать пораньше и посмотреть, что у меня творится в канцелярии. Оказалось, что все служащие Беженского управления во главе с Бродерсом были на местах, а меня ждали новые просители. Я был очень усталым со вчерашнего дня и попросил Бродерса дать мне несколько грузчиков на помощь, так как устал от погрузок и разгрузок. Бродерс распорядился прислать мне людей, а сам буркнул: «Елкис-палкис, кто вам сказал самому грузить». Все же мне и впредь приходилось помогать при погрузках, так как мне совесть не позволяла стоять с руками в карманах и смотреть, как старики и женщины ворочали тяжелые кровати и тюфяки.

Проверка документов была делом нелегким. Люди редко предъявляли мне дипломы, а показывали обычно всякого рода справки. В сомнительных случаях я обращался к Бродерсу, но он, не вникая в дело, говорил: «Гоните их в шею». Он был действительно очень занят. Может быть, он и меня погнал бы в шею, но он считался с Русским комитетом и не хотел с ним ссориться.

Помню, как одна женщина напористо требовала от меня ордер на определенную комнату в определенном доме. Ни дипломов, ни справок у нее не было, и я ей отказал, но она, повысив голос, сказала, что ей сам Бродерс дал эту комнату. Я прошел в кабинет Бродерса, но его не нашел. Я сказал ей, чтобы

она принесла письменное разрешение от Бродерса. Она ушла искать Бродерса. Через пару часов она бросила мне на стол записку от Бродерса. Меня в НТС предупреждали, чтобы я был осторожен с управдомами, так как все они работали на СД, и я подумал, что и она может быть тоже подослана СД. Чтобы убедиться, я прошел с запиской к Бродерсу и спросил, не ошибка ли тут. Бродерс взял записку и посмотрел на меня с улыбкой, как на наивного мальчика.

– Никакой ошибки нет. Дайте бабе комнату, так как этого требует от меня СД.

Было у меня и еще одно столкновение с сексотами. Два интеллигентных парня получили у меня квартиру. Потом она им не понравилась, и я им выдал ордер на другую. Та им тоже не понравилась, и они захотели вернуться обратно. Я извинился, сказав, что я уже отдал ее какому-то профессору. Тогда один из них заявил:

– Выкиньте старика вон из нашей комнаты.

– Комната перестала быть вашей после того, как вы получили другую.

– А знаете кто мы такие? Да мы работники СД! – закричал парнишка и бросил мне на стол удостоверение. Я тоже закричал, что знаю, где они работают, а вот они не знают, где я работаю, и чтобы они немедленно убирались.

Посетители качали головами и выражали мне сочувствие. Я попросил их подождать и пошел к Бродерсу рассказать о случившемся. Бродерс внимательно меня выслушал, записал их фамилии и сказал, чтобы я ничего не боялся, что они не имели права публично заявлять о своей работе в СД. Через пару дней я их встретил на улице. Увидев меня, они сняли шапки и приветствовали меня:

– Здрасьте, господин начальник! – Видно, им здорово влетело.

Кроме немецкой СД за нами следила латышская полиция. Чуть ли не с первого дня они выдавали специальные удостоверения с надписью на немецком и латышском языках: «Только для беженцев с территории СССР» («Nur für Kriegsflüchtlinge aus dem Gebiet der UdSSR»), и далее также и по-русски: «Латвийский генеральный округ. Удостоверение личности».

Мое удостоверение за номером 20622 я получил 24 февраля. Кроме фотографии, на нем были и отпечатки двух пальцев. Удостоверения были сроком на полгода до 24 августа 1944 г.

С первого же дня у меня с полицией наладились отношения. Находясь первые дни в их комнате, я помогал им разбираться в

советских документах и справках. Когда я получил отдельную комнату, где потом разместились еще три работника Русского комитета, Олег Анисимов и двое других полицейских, приходили ко мне в случае необходимости за помощью.

Однажды в канцелярию Русского комитета пришел немецкий офицер по фамилии Бруно. Он был уроженцем Санкт-Петербурга и в душе русским человеком. Оказавшись после революции в Германии, он стал немецким подданным и во время войны занимал в Пскове крупную должность в хозяйственном управлении. Он всюду, где мог, помогал русским. От о. Георгия Бенигсена я знал, что он помогает детскому приюту, но мы не встречались, и он не подозревал, что я о нем многое знаю.

Войдя в канцелярию, Бруно спросил, кто здесь господин Полчанинов. Я встал и пошел к нему навстречу. Он протянул мне руку, представился и сказал:

– Господин Полчанинов, я привел к Вам человека без документов, но я, немецкий офицер, ручаюсь за него. Зная, что вы заботитесь здесь о русской интеллигенции, прошу вас позаботиться о господине Белоусове. Во время всеобщей эвакуации Пскова он попал в тюрьму, а при ликвидации тюрьмы его просто посадили в транспорт и отправили в Ригу без документов.

– Господин Бруно, – сказал я, – сперва пройдемте со мной и господином Белоусовым в отделение латышской полиции и попросим выдать ему удостоверение личности, а о прочем я побеспокоюсь.

В латышской полиции Бруно повторил сказанное мне, подчеркнув, что он, немецкий офицер, ручается за господина Белоусова.

Латышский полицейский выслушал немецкого офицера стоя, потом сел и предложил нам сесть. После этого, как-то не обращая внимания на немецкого офицера, латыш обратился ко мне:

– Полчанинов кунгс, знали ли вы Белоусова кунгс в Пскове?

Я, конечно, сразу, хоть и видел его впервые, подтвердил, что знал господина Белоусова по Пскову.

– Тогда нам вашего ручательства достаточно.

Полицейский составил протокол и дал его только мне подписать. Бруно понял, что все это было направлено не лично против него, а против немцев вообще.

Надо сказать, что латыши были очень разочарованы тем, что немцы, освободив их от советской власти, лишили их даже надежды на то, что после войны у них будет независимое государство. В Латвии было известно, что, сделав из Чехии протекторат, немцы сохранили там чешские деньги – кроны, а для

завоеванной Польши – злоты. Выпускались там и особые почтовые марки в местной валюте. Прибалтийские же страны были всего этого лишены. Там в обращении были немецкие оккупационные марки, а на почтах те же немецкие марки, только с надпечаткой «Остланд». Конечно, у латышей не было выбора, и им пришлось из двух зол выбрать немцев и удовлетвориться скромным самоуправлением.

Вернувшись в помещение Русского комитета, и Бруно и Белоусов меня очень благодарили, а я чувствовал себя неловко, будто бы я в чем-то был виноват. Чтобы сгладить впечатление, я сказал Бруно, что слышал о нем много хорошего и от о. Георгия Бенигсена, и от девушки из ветеринарной лечебницы (на которой я женился). Бруно заулыбался, просил передать Вале привет и как будто бы забыл о случившемся.

Белоусов вернулся ко мне один за ордером на комнату. На нем была какая-то ужасная одежда, и я решил спросить Бродерса, нельзя ли достать Белоусову что-нибудь более приличное. Бродерс сказал, что нового костюма он дать не может, но дал записку на склад одежды, где хранилась еврейская одежда. Заодно Бродерс выписал и записку на кровать и прочее.

Мы пошли вместе к главному немцу и от него с солдатом СС на склады. Не найдя на месте сторожа, он изверг массу латышско-русских ругательств и пошел искать Фогеля. Так звали сторожа склада с одеждой. Вскоре мы оказались свидетелями, как тучный и немолодой еврей бежал к складу одежды, подгоняемый ударами солдата в спину и по голове.

Я не выдержал и сказал солдату, что нехорошо так бить старика, а он ответил:

– Не жалейте их. Все эти жиды, которых вы видите, все они заслужили себе жизнь доносами на соплеменников и службой во внутренней полиции. Видели бы вы, как они в свое время избивали своих.

Почти весь февраль у меня было много людей, нуждавшихся в жилище и мебели, но к концу месяца ко мне стали приходить только единицы, вроде бедного Белоусова, и я решил в одной большой комнате в доме 7 на улице Виляну, где раньше был не то еврейский клуб, не то молельня, устроить библиотеку и проводить там по четвергам в 19 часов доклады от имени Кружка молодежи. В планы Русского комитета входила не только правовая защита русских, но и культурная деятельность. Я обратился к начальнику Беженского комитета Анисимову, чтобы поделиться с ним своими планами. Он сразу дал свое согласие и обещал достать книги. Это были книги, изданные Отделом пропаганды «Север», печатавшиеся в Риге, и дореволюционные, и

довоенные, и даже советские, но с печатями немецкой цензуры. На многих книгах были овальные печати «Псковский государственный музей – Библиотека».

В начале марта, на пожарной машине, прибыл псковский руководитель НТС Павел Васильевич Жадан. В своей книге «Русская судьба» (с. 177–184) он подробно написал, как знавший его по Пскову немецкий генерал, начальник гражданского отдела Группы армий «Север», пригласил его и Владимира Петровича Аксенова, бывшего районного начальника из Острова, в создаваемый немцами Комитет помощи русским беженцам, начальником которого был назначен немецкий офицер, вернее, зондерфюрер (зондерфюрерами в германской армии называли рядовых, исполнявших офицерские должности, и потому считавшихся офицерами). Этот комитет назывался Центральным отделом информации IV – отдел помощи (Zentralauskunftstelle IV. Abteilung Hilfswerk) при Верховном командовании «Север» (Oberkommando der Heeresgruppe Nord) и ему была поручена забота о беженцах в Латвии и Эстонии. Этот комитет сотрудничал с русскими комитетами в Литве и Эстонии и с беженским отделом Русского комитета в Латвии, возглавляемым Алексеевым.

Было решено, что библиотекой будет заведовать моя супруга Валентина Петровна. Об открытии библиотеки я сообщил, вывесив объявления во всех моих домах, а также, с разрешения Бродерса, и в управлении, где были беженские канцелярии. Я попросил нашего псковского художника Николая Дмитриевича Сабурова нарисовать на верхней части задней стены панораму псковского кремля, а на столбе, поддерживавшем потолок, «дуб зеленый» с ученым котом на златой цепи. Эти рисунки придавали особый уют помещению и вселяли псковский дух в посетителей.

В рижской газете «Русский вестник» от 1 июня было дано краткое описание помещения библиотеки и места сборов Кружка молодежи (официальное название). Пары сотен книг, которыми я располагал, было явно недостаточно. Люди говорили, что им пришлось бросить во время эвакуации свои домашние библиотеки, которые сейчас могли бы очень пригодиться. Я решил поехать в Псков за этими книгами. При помощи Русского комитета было получено разрешение, и ко мне приставили двух работников Einsatzstab Rosenberg, знавших, какие книги можно было брать для библиотеки, а какие нельзя. Обоих я знал по Пскову. Это были Великанов и Черепенкин, сын бывшего городского головы Пскова.

С пропуском через границу, полученным через Русский комитет, я купил на станции билет и поехал со своими

спутниками в Псков. Поезд шел всю ночь и утром остановился в открытом поле. Станция была разрушена, и туда нельзя было проехать. Немцы стали выгружать амуницию и грузить использованные артиллерийские гильзы, а мы пошли к начальству со своими бумагами, чтобы объяснить, кто мы и зачем сюда приехали. Немец объяснил нам, что Псков считается на линии фронта, и штатским людям без военного сопровождения ходить не разрешается. К нам приставили какого-то русского солдата с нашивкой РОА, который разрешил мне даже делать фотографии. Мы получили подводу и на нее грузили все, что считали нужным. Там в развалинах, кроме книг, я нашел икону св. Михаила и бронзовый бюст Пушкина, которые сейчас хранятся в нашей семье.

Вместе с солдатом мы прошли в русский госпиталь, расположенный в одном из зданий Военного городка и посетили двух псковичек из молодежных звеньев – Люсю Егорову и Анисимову. Обе были ранены при налете 18 февраля на железнодорожной станции во время всеобщей эвакуации. Они не могли ходить, и немцы таких, как они, оставили в госпитале. Мы посетили и заведующего больницей д-ра Павла Геннадиевича Горицкого, которого я знал как руководителя группы НТС.

До войны д-р Горицкий был завучем в медицинском техникуме[69] и преподавал там хирургию. Как началась война, он отправил свою семью в Поволжье, а сам остался с ранеными, поступавшими в госпиталь с первых же дней войны. С приближением фронта их становилось все больше и больше, а к моменту отступления красноармейских частей из города работы, особенно для хирурга, было столько, что о себе думать было некогда.

Немцы, разрешив первоначально д-ру Горицкому остаться с ранеными в Пскове, все же потом его и большинство персонала вывезли в Ригу. Там он был арестован СМЕРШем, и, несмотря на честно выполненный долг врача, осужден и отправлен в концлагерь[70].

Если бы в январе–феврале 1944 г. Красная армия прорвала немецкую укрепленную линию «Пантера», то большинство населения осталось бы на своих местах. Люди ждали своих, надеясь, что больше трех лет лагеря не получат. Люди прятались в подвалах, но немцы их искали с собаками и отправляли кого в Прибалтику, а кого и в Германию. Задержка наступления дала возможность немцам вывезти многих трудоспособных и даже нетрудоспособных жителей Псковщины. Когда 22 июля 1944 г. советские войска вступили в совершенно обезлюдевший Псков, там осталось всего 143 человека[71].

В помещении библиотеки в Риге устраивались раз в неделю доклады. И докладчиками и слушателями были беженцы, жившие на форштадте в так называемом беженском городке, но были и приезжавшие из города. От докладчиков комитет требовал, чтобы они вкратце изложили мне в письменном виде содержание своего доклада. Один докладчик, выступая на философскую тему, сильно уклонился от намеченного плана. Я не хотел его обрывать, но обдумывал, что и как ему сказать. На докладе был случайно Жадан, который в своих воспоминаниях описал этот случай (с. 186–187):

«Аудитория, человек сорок самого разного возраста, реагировала вяло. Вдруг в задних рядах поднялся невысокий, с седой бородой, профессорского вида человек, и сказал мягким голосом: “Разрешите мне сказать несколько слов по поводу доклада. Прочитанный доклад не имеет отношения к философии, а представляет собой компиляцию из большевистских пропагандных брошюр”. Затем он по порядку доказал несостоятельность положений докладчика. Правильный русский язык, ясное выражение мыслей захватили аудиторию, и в ответ раздался гром аплодисментов». Жадан назвал его Николаем Ивановичем Осиповым, но настоящая его фамилия была Поляков. Я его попросил выступить со своим докладом по затронутым вопросам на следующей неделе. Его доклады, а он выступал не раз, привлекали самое большое число слушателей.

О случившемся узнал Анисимов и расспрашивал меня как о докладчике, так и о выступившем Полякове. Он сказал, что докладчик был, видимо, подослан теми, кто хотел покончить с докладами под предлогом, что я не могу их контролировать, но Бог был милостив, Поляков спас положение, и немец, говоривший с Анисимовым, остался доволен, что мы справились своими силами и посрамили советскую пропаганду. Кроме Полякова, частым докладчиком был Борис Андреевич Филистинский (1905–1991), сосланный большевиками после отбытия лагерного срока в Новгород и ставший позже в США известным литературоведом Филипповым. Читал у нас лекции и известный потом в эмиграции религиозный философ Иван Михайлович Андриевский (1894–1976).

В марте же я возобновил работу с молодежью, с которой работал в Пскове при миссии. 14 марта было основано первое звено и названо именем псковитянки св. вел. кн. Ольги. Вслед за звеном девочек было создано звено мальчиков, во главе с Петей из Св.-Дмитриевского приюта, ставшим после войны священником в Острове. Мальчики попросили у меня дать им отдельную комнату, которую они почистили и обклеили обоями.

Сборы проводились раз в неделю, и поначалу я был вожаком и одного и другого звена. Потом было создано звено из старших девочек. Звено решило устроить спектакль, и жена начала с ним подготовку. Ребята все время прибывали, и чтобы правильно наладить работу, мне нужна была помощь. В НТС мне посоветовали обратиться к Борису Дмитриевичу Лузину (1918–2000), скаутскому руководителю и члену НТС. Через него я познакомился и с другими рижскими скаутскими руководителями, среди которых главным был Николай Родионов (1904–?) бывший одно время начальником старейшей 3-й дружины (по латвийской терминологии, а по-русски – отряда). Родионов мои планы работы с беженцами встретил более чем прохладно. Мой рассказ о работе в Югославии до войны, о подпольной работе в Югославии, Германии и Польше он слушал, как мне кажется, только из вежливости, зато подробно рассказал мне о работе русских скаутов в Латвии, подчеркивая, что они не эмигранты, и потому работа у них велась по-иному. Меня он сразу признал скаутом, но о моих советских ребятах и слышать не хотел.

Выручили меня несколько молодых гайд, членов НТС. Они не делили русских на «своих» и «чужих». Одна из них работала с советскими сиротами, которых в Ригу привезли немцы и для которых старообрядцы устроили приют в своей Гребеньщиковской общине на Московском форштадте (переименованном местными властями в Латгальский форштадт). Она занималась раз в неделю с сиротами 7–10 лет, знала свое дело, и дети ее очень любили. Две ее подруги проводили сборы, тоже раз в неделю, в помещении библиотеки, каждая со своим звеном, состоявшим из советских девочек-беженок. Они тоже знали, что и как надо делать. Без их помощи я бы не справился. Ребята регулярно посещали госпиталь РОА, и на Пасху я устроил с ними маленький спектакль. Ставили басни, декламировали и пели. Под руководством Лузина ребята ездили в Зоологический сад и на Взморье.

За нами, в том числе и за мной, следили и немцы и латыши. Последние с самого начала были недовольны тем, что русские имели возможность жаловаться на их действия прямо немцам. И у меня с ними произошла неприятность. Дело было на Страстной неделе. Я пошел за картошкой в ближайший магазин. Люди в очереди стояли давно, а магазин был закрыт. Наконец пришел хозяин и объявил, что картошки нет. Люди стали протестовать, что их зря заставили так долго ждать, а хозяин, показав на записку на латышском языке на дверях, сказал, что там об этом написано. Тогда я обратился к нему и сказал, что, имея в виду

русских покупателей, он должен был написать и по-русски. Хозяин, повысив тон, заявил, что здесь Латвия, что он не обязан писать по-русски. Я тоже, вероятно, повысил тон, и проходивший мимо латышский полицейский потребовал от меня документы. Взяв мое удостоверение, он сказал, что доложит о случившемся начальству. Вечером я был арестован.

Я считал, что как служащий Русского комитета должен был заступиться за русских людей, и надеялся, что попаду к немцам, и они меня поймут.

Меня доставили в Главное управление полиции и отправили сразу в подвал в камеру. Там уже был один заключенный, говоривший по-русски, что не было редкостью в Риге. Я скоро догадался, что это так называемая наседка, то есть человек, который под видом заключенного должен был у меня побольше выведать, чтобы доложить начальству.

Ни в первый, ни во второй день меня никуда не вызывали. Мой сокамерник говорил, что вот и его арестовали недели две тому назад и тоже «забыли», а что это самое страшное. Он стал мне говорить, что боится прихода русских, и спросил, как дела на фронте. На фронте было затишье, и я ему стал говорить, что немцы оставили Ленинградскую область для сокращения своего фронта, что для них Остланд – часть «Новой Европы», куда Красную армию ни при каких условиях не пустят.

У меня при аресте забрали не только содержимое карманов, но и пояс и шнурки для ботинок, а у него в кармане нашелся огрызок карандаша и бумага, что мне тоже показалось подозрительным. Чтобы как-то скоротать время, он предложил играть в шашки. На досках, на которых мы спали, он сразу начертил игральную доску, а из бумаги скатал маленькие шарики – шашки. Мы играли в шашки, а он расспрашивал меня и о деле, по которому я попал в тюрьму, о семье, о том, кем я был в Советском Союзе и не был ли, не дай Бог, в комсомоле. Он меня утешал, что меня сразу выпустят, как только допросят, но беда, если придется долго ждать.

На следующий день моего сокамерника вызвали. Думаю, что это был не допрос, а доклад о том, что ему удалось от меня узнать. А потом вызвали и меня. Следователями по моему делу были трое молодых латышей. Они мне сказали, что я обвиняюсь в хулиганстве, подстрекательстве людей и сопротивлении власти.

Я сказал, что никакого сопротивления власти не было, я отдал полицейскому свое удостоверение по его первому требованию.

– Да, но вы ему наговорили грубостей.

– Никаких грубостей я полицейскому не говорил. Может

быть, он плохо понял, что было сказано по-русски.

– Все это входит в понятие вашего хулиганского поведения.

– С моей стороны никакого хулиганства не было. Допускаю, что полицейский не привык слышать возражения, да еще по-русски, и назвал это хулиганством.

– Не это главное. Главное, это ваша агитация.

– О какой агитации речь? Люди стояли в очереди и возмущались отношением торговца к ним. Я же хотел им показать, что я через Русский комитет улажу это дело к всеобщему удовольствию.

– Мы вас знаем как старого комсомольского работника, и случай с картошкой не был единственным.

Я поинтересовался, откуда у них такие сведения. Они сказали, что у них точные данные, а я сказал, что могу доказать, что никогда в комсомоле не состоял.

– Таких удостоверений никому в СССР не выдавали.

Я попросил принести мои вещи, взятые при аресте, и когда их принесли, вынул из мешочка мой хорватский паспорт.

– Вот видите, я никогда в Советском Союзе не жил и в комсомоле не мог состоять.

Следователи этого не ожидали, но один из них нашелся и спросил, почему я как хорватский подданный оказался в беженском городке с удостоверением, что я подданный СССР. Я объяснил, что мне было удобнее иметь квартиру в пяти минутах ходьбы от места работы и что в главном полицейском участке, где я сразу зарегистрировался как хорватский подданный, не было возражений против моего места жительства, а что касается удостоверения, то я решил не протестовать. Моя жена хорватского паспорта не имеет, а теща не имеет и права на хорватское подданство.

На следующий день меня выпустили. Это была Страстная пятница 14 апреля 1944 года. Пасха встречалась нашей семьей с особой радостью. Конечно, за меня хлопотал Русский комитет, но, вероятно, главную роль сыграл Бродерс, который обещал жене похлопотать за меня. Когда меня отпускали, мне было сказано, чтобы я не забывал, что нахожусь в Латвии и чтобы уважал ее законы.

Когда я пришел поблагодарить Бродерса, он мне сказал, чтобы я был осторожней, а в Русском комитете высказали мнение, что мой арест был задуман как удар по Русскому комитету, у которого есть немало врагов среди латышей.

Православная церковь Латвии жила по новому стилю, и для наших скаутов день св. Георгия приходился на субботу, 23 апреля. Поэтому празднование было перенесено на воскресенье

24 апреля. Меня пригласили, но когда я спросил разрешения привести с собой несколько человек псковичей, принятых мною в скаутскую организацию, мне ответили, что они приглашают только меня, без советских ребят. Я, конечно, отказался, но Лузин уговорил меня не бойкотировать встречу, которая должна была быть для меня очень интересной. Это был самый настоящий подпольный скаутский сбор. То, что можно было сделать при немцах, на следующий год, в советских условиях, было уже немыслимо.

В доме одного из руководителей собралось около тридцати юношей и девушек и началось торжество. Главным считался Николай Родионов, который скомандовал построиться по дружинам (отрядам). Картина была трогательная. Родионов сказал слово перед строем, что мы, мол, «последние из могикан» русского скаутизма, вспомнил, как до войны в этот день стояло несколько сот скаутов и гайд, сказал о трудностях в настоящее время и о том, что от будущего ничего хорошего нельзя ожидать. Затем была перекличка дружин.

На этом официальная часть была закончена, и началось шутливое награждение «орденами» (оригинальная традиция). За мои широкомасштабные планы разведческой работы мне пожаловали «Орден солнца 1-й степени на розовой ленте на шею». Одному счастливому отцу пожаловали орден соски, а начальнику бывших речных скаутов, потопившему скаутскую лодку – «Орден подводной лодки». Были и другие «ордена», и все они были вырезанными из плотной бумаги и по-разному раскрашенными. Потом были угощения и ностальгическая беседа о добром старом времени.

Убийство митрополита Литовского и Виленского и экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского) произвело ужасное впечатление на русских в Прибалтике, включая и беженцев. 27 апреля в Вильне был первый и последний выпуск Пасторско-богословских курсов, созданных митрополитом Сергием для миссионерской работы в России. По дороге в Каунас (Ковно) экзарх, двое его спутников и шофер были убиты, как было официально объявлено, советскими партизанами. Одновременно стали говорить, что это дело рук немцев, которые всегда к нему относились враждебно.

Немцы имели все основания ожидать беспорядков, и потому на панихиду в рижский собор надо было иметь специальный пропуск с печатью собора. Контроль у входов в собор был поручен служащим Русского комитета, в том числе и мне. Запомнился мне случай с гестаповцем. Я стоял у боковых дверей, кода ко мне подошел немец в штатском в сопровождении двух немецких

телеграфисток (Blitzmädel) в форме. Вместо пропуска с печатью русской церкви он показал мне овальный брелок с надписью гестапо (Geheime Staatspolizei). У меня в руках был образец церковного пропуска, который я ему показал, сказав, что имею приказ пропускать только с такими пропусками. Девушки возмутились, но гестаповец похлопал меня по плечу и сказал, что за этот вход он может быть спокоен. Думаю, что это была хорошая мина при плохой игре.

В беженском городке мы отмечали день св. Георгия, как было принято в России, по старому стилю – 6 мая. В помещении библиотеки был сложен костер по всем правилам, только с электрической лампочкой, замотанной в красную прозрачную бумагу. Было полное затмение и царило лагерное настроение. Было только несколько гостей из местных скаутов. Костер был начат пением разведческого гимна «Будь готов, разведчик, к делу честному…», что было большой неожиданностью для гостей. Я говорил о тяжелом времени, в котором мы живем, и о борьбе за Россию вчера, сегодня и завтра.

Пелись песни – разведческие, РОА, советские, читались стихи. Гости – рижские скауты и гайды, не верили своим глазам, что есть смена, и что они не «последние из могикан». «Всегда готовы! За Россию!» – это были последние слова у костра псковских подпольных разведчиков и разведчиц 6 мая 1944 года в Риге.

Лузин и девушки, которые вместе с ним помогали мне работать с ребятами, конечно, верили моим рассказам о подпольной разведческой работе в Германии, Польше и Югославии, другие относились с некоторым недоверием. Когда я стал расспрашивать о судьбе русских скаутов в других городах Латвии, то оказалось, что никто ничего не знает, и только кто-то смог мне дать адрес А. Н. Гродзицкого в Режице (Darzu iela, 9). Я написал ему письмо, и мы сговорились о встрече. С Гродзицким я быстро и легко сговорился. Я рассказал, как работал в Пскове и как теперь продолжаю работу в Риге. Он сказал, что старым режицким скаутам по примеру рижан было бы трудно встречаться, но он бы мог собрать кое-кого из знакомых между собой русских детей и попробовать с ними летом ходить в походы. На этом мы расстались, и я с ним больше не встречался.

Каково же было мое удивление, когда после войны в Германии я встретил режичанина Алешу Афанасьева, который рассказал мне о походе под руководством Гродзицкого, в котором он участвовал.

Алеша, которому в 1944 г. было лет двенадцать, поделился своими воспоминаниями в разведческом журнале «Одиночка»

(1946. № 2, январь. Менхегоф, Германия): *«В один теплый майский день старый скаутский руководитель Гродзицкий сказал нам, чтобы мы приготовили все необходимое к походу и на следующий день собрались в назначенный час у его дома. <…> Проверив, все ли у нас взято, мы направились в лес. <…> Там мы выбрали небольшую полянку, расставили имевшуюся у нас палатку, снесли в нее провизию и принялись за устройство лагеря. Первым делом Гродзицкий созвал нас всех трех вместе и стал показывать нам, как нужно устраивать печку в земле. Под его руководством мы быстро устроили печку, а потом принялись собирать хворост. Один из нас принес воды из озера для обеда. <…> Из имевшихся у нас продуктов вышел суп с картошкой и морковкой. На второе была яичница с жареной картошкой и салом. На третье был чай с печеньем. После обеда, вымыв посуду и поставив ее сушиться, мы с полчаса отдыхали в палатке. Начальник нам рассказывал про разведческую жизнь, про лагерь, про дорожные знаки. После отдыха <…> из кустов, росших вокруг полянки, мы сделали арку у входа в лагерь. Между двумя соснами, росшими близко одна к другой, мы устроили скамейку. В пять часов вечера мы пригласили в гости наших матерей и угостили их чаем. Им очень понравился наш лагерь. После чая мы вымыли посуду и, собрав наши вещи, покинули лагерь».*

Немецкий комитет помощи беженцам, о котором было сказано выше, создал отдел розысков под названием «Русская почта», помогавший беженцам найти своих родственников и друзей. Многие, у кого связь прервалась с первых дней немецкой оккупации, смогли вступить с ними в переписку. Все годы оккупации русские люди были лишены не только права посещения родных и друзей за чертой населенного пункта, но и почтовой и телефонной связи. В Латвии, и вообще в Прибалтике, таких ограничений не было. «Русской почтой» воспользовалась и моя жена. Она нашла знакомых по деревне Гнилки Островского района и от них узнала все, что там происходило в последние два с половиной года. В Гнилках побывали и партизаны, которые кое-кого убили и мобилизовали всех мужчин, потом в Гнилки нагрянули немецкие каратели и тоже кое-кого расстреляли, в том числе и калеку-родственника, которого партизаны не взяли с собой.

В мае 1944 г. стало ясно, что в Риге нельзя оставаться, а надо ехать в Германию, вернее, в Австрию. В НТС давно считалось, что англо-американцы из Сицилии ударят по немцам в Югославии, где все было готово для поддержки десанта, и не допустят захвата Красной армией Югославии, а тем паче Австрии. После штурма англо-американцами 6 июня неприступного Атлантического вала

стало ясно, что десанта в Югославию не будет, но уже поздно было менять планы. Да и менять было нечего. Путь для отступления был только в Германию, а Австрия считалась ее частью.

Если в Пскове мне без труда дали пропуск через границу, то в Риге это оказалось не так просто. В соответствующем учреждении мне сказали коротко и даже угрожающе: никаких пропусков и никакой паники. Казалось бы, положение было безвыходным, но в НТС знали выход и из безвыходных положений. Оказалось, что существует возможность получить пропуск в Германию через Немецкий комитет помощи беженцам. В НТС мне сказали, чтобы я там хорватского паспорта не вздумал показывать, а предъявил бы свое удостоверение беженца из Ленинградской области. Так я и сделал, и меня там встретили очень по-дружески. Уже 20 июня я имел в руках приказ немедленно выехать вместе с эвакуированными юристами и административными работниками в Германию (“mit andern Juristen und Verwaltungsfachleuten aus dem Kreis der russ. Evakuirten baldigst in das Reich umgesiedelt werden…”). Далее говорилось, что мы не будем считаться «остарбейтерами», что можем брать с собой и деньги и одежду, но «мебель лучше не надо». Все это было сделано для нас, русских, нашими немецкими друзьями. Слава богу, что такие были.

При виде такого документа служащие того же самого учреждения, которые не так давно со мной не хотели говорить, были исключительно любезны и немедленно выдали мне и всей семье пропуска в Германию. Оформив отъезд, я уволился с работы в Русском комитете и пошел на железнодорожную станцию, чтобы спросить, сколько багажа можно с собою брать. Железнодорожник, подняв брови, спросил меня, что это за вопрос, намекая, что нельзя вдаваться в панику, на что я ему сказал, что я беженец из Пскова и не знаю правил. Немец сразу подобрел и сказал, что могу брать сколько угодно вещей, но не должен рассчитывать на носильщиков.

С Бродерсом у меня давно уже никаких дел не было, но я считал своим долгом с ним попрощаться и поблагодарить его за доброе ко мне отношение. Он пожелал мне счастливого пути, а я ему – счастливо оставаться. Думаю, что в душе он волновался за свою судьбу, но умело это скрывал. То же самое было и в Русском комитете. Я сдал дела Миловскому и начал упаковываться. На прощание я выпустил рукописный журнал «Перезвоны», о котором ниже.

Попрощался я и с рижскими скаутами. Они в Германию не собирались. Когда я предложил им дать мне, чтобы спасти, их скаутские знамена, то они мне сказали, что в этом нет

надобности. Мы их, мол, сумели сохранить в 1940 г., сумеем и сейчас. Это было очень наивно и кое-кому стоило жизни.

Когда в июне–июле 1941 г. в Латвию пришли немцы, то среди латышей нашлось много добровольцев, пожелавших с оружием в руках бороться вместе с немцами против Советского Союза, и в 1943 г. был создан Латышский легион. Советских подданных в этот легион не брали, но русских с латвийским подданством брали. По рассказам русских, служивших там, к ним относились специфически – посылали на самые опасные участки. Русскому комитету пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться у немцев создания особой части для русских. В июле 1944 г. был сформирован такой батальон, командиром которого был назначен Евгений Иванович Гакман, балтийский немец и большой русский патриот. В 1919 г. он служил в отряде кн. Ливена. После войны он жил и умер в Гамбурге. В этот батальон забрали и нескольких служащих Русского комитета, в том числе и Женю Кашкина, который в боях потерял ногу, Миловского и Монокандилоса, которые работали в Беженском отделе на Московском (Латгальском) форштадте. С моим отъездом из Риги и их призывом в армию Беженский отдел Русского комитета перестал существовать.

Считаю своим долгом поблагодарить Д. А. Левицкого и редактора журнала «Даугава» Б. А. Равдина за помощь в работе над этой статьей.

Примечания

4. *Колотилова С.И.* и др. Псков. Очерки истории. Л.: Лениздат. 1971. С. 326.

25. Рукописный журнал «Перезвоны»

В мае 1944 г. стало ясно, что в Риге нельзя больше оставаться, а надо ехать в Германию. Начались хлопоты насчет документов, и я решил дать всем псковским ребятам, оказавшимся в Риге, как вступившим в подпольную организацию разведчиков, так и тем, кто был близок к этому, адрес берлинской НОРМ, по которому мы могли бы, в случае эвакуации, восстановить связь. Для этого был выпущен рукописный журнал «Перезвоны». Так назывался художественно-литературный журнал, выходивший в Риге в 1920-е гг., но не это было причиной выбора такого названия. В первом номере, выпущенном в Риге в июне 1944 г., я написал в передовице:

«Псковской колокольне свыше 200 лет. Ее колокола призывали верующих в собор на молитву. Ее колокольный звон наполнял гордостью сердца псковичей. Перезвон был слышен и в городе, и в посадах, и в ближайших деревнях. Недавно на колокольне угнездилась молодежь, и ее звонкий призыв к работе на пользу России прозвучал в сердцах. Сегодня на колокольне не звонят колокола, но мы верим в возрождение России и знаем, что оживут седые свидетели Псковской и Российской славы и вновь загудят. Сейчас звенит только наш перезвон со страниц нашего журнала. Мы призываем верующих в Россию откликнуться!»

Первый номер был написан мною под копирку в пяти экземплярах. Ребята, получившие его, должны были сделать то же. Кроме статьи о НОРМ с берлинским адресом Андрея Доннера, три страницы были посвящены нашей работе в Риге, на одной были приведены 12 законов разведчиков, но без упоминания слова «разведчик», замененного словом «будь». Первый закон гласил: «Будь верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам» и т. д. Кончался номер письмом одиночки Миры (Яковлевой, но фамилия не была указана) из села Купишки в Литве. Она писала: *«Живу не в лагере, а на хуторе у крестьян. <… > Пряду, тку, умею запрягать лошадь, боронить, сеять и даже научилась ездить верхом. <… > Что бы я сейчас отдала, чтобы хоть на час очутиться в той среде, в которой была в Пскове! Поблизости нет ни одной русской церкви, ни одной русской книги, так что негде забыть окружающее. Я взяла все необходимые брошюры для молодежной работы, но, увы, и работы здесь наладить невозможно, потому что на 6 км в окружности нет никого из русских».*

Ребята знали, что Организация разведчиков (их гимн в Пскове был «Будь готов, разведчик, к делу честному…»)

запрещена немцами, а НОРМ разрешена. В случае если бы немцы спросили про журнал, то им бы был показан берлинский адрес НОРМ. Впрочем, риск был небольшой, а участие в подпольщине ребятам очень даже нравилось.

Второй номер «Перезвонов» вышел уже в Берге около Вены в октябре 1944 г. На первой странице были нарисованы, как полагается, колокола. Была на всякий случай сделана надпись «Вместо письма». На второй было слегка ностальгическое обращение к ребятам: *«Не так давно это было. Кажется, совсем еще недавно собирались все мы на колокольне в Псковском кремле. <…> Мы рассеяны – но не расторгнуты. Мы крепки старой дружбой, мы сильны своим русским сердцем, мы тверды нашей верой»*. Обращение кончалось словами разведческого гимна:

> Трудный путь лежит перед тобой.
> Глянь же смело в очи неизвестному
> Бодрый телом, мыслью и душой.

Две страницы второго номера были посвящены описанию «Бега с препятствиями» в лагере НОРМ в Цойчахе летом 1944 г. Две страницы заняли выдержки из писем: три письма от псковичей, а два от новичков. Галю Молчанову записала в одиночки Лида Тюнина, а Владимира Шишелова привлек я, дав ему прочитать «Перезвоны».

Вот что писала Лида: *«Завела новую подругу Галочку. Я ей показала наши песни и III разряд…»*[72]. Владимир так объяснил свое желание записаться в одиночки: *«С удовольствием прочитал “Перезвоны”. Очень рад был бы принять в нем участие»*.

Своими чувствами поделилась Нина Сергеева: *«Спасибо за посланные журналы. Прочитав “Перезвоны”, мне так захотелось очутиться на колокольне среди своих ребят и учителей. Как хорошо Мира описала свою жизнь…»*

Свою невеселую жизнь ярко описала Леля Малькова: *«Работаю домработницей у одной графини. Работаю с 8 до 9. Нелегко. Русских очень мало. По воскресеньям ходим кататься на каруселли. “Остам” это запрещено, но мы прячем значок и катаемся. “Осты” все между собой считаются как бы родные, и мы, если видим знак “ОСТ”, всегда здороваемся. Хлеба маловато, так что я ходила к маме за хлебом. Мама мне надавала ломотков – больше кила…»*

В ноябре 1944 фирма «Эрбауер», где я стал работать, переехала в Нидерзахсверфен, маленький городок в Тюрингенских горах. Там в подземных туннелях изготовлялись ракеты «Фау-2». Строили их заключенные. Все это делалось под

большим секретом, и нам было даже запрещено упоминать в письмах, где мы живем. Вся почта шла на соседний город Нордхаузен на имя фирмы, «до востребования». Третий номер «Перезвонов» вышел в этом засекреченном городке. На номере указано число «7–I–1945», но он вышел в декабре, из расчета, чтобы ребята получили его до Рождества. Читателям был поставлен вопрос: «Будет ли у вас елка?», были приложены рисунки, как делать елочные украшения, и сделанные мною образцы.

В прошлом номере был дан совет украсить угол картинкой Пскова. Леля приняла совет близко к сердцу и нарисовала псковский собор с колокольней. Она не только нарисовала его для своего уголка, но и послала всем ребятам. Работа с такими одиночками была в радость и мне и нашему батюшке – о. Георгию Бенигсену, который просил: «Если есть у Вас адреса наших псковских ребят и общих знакомых, напишите».

Первый и второй номера вышли и в Риге и в Берге, каждый раз перед самым моим отъездом, а третий – вскоре после приезда в Нидерзахсверфен, и фактически были нелегальными. Я не успел получить нужных бумаг от НОРМ из Берлина. Получив бумаги, я зарегистрировался у гитлерюгендов и выпустил в феврале 1945 г. «Перезвоны», № 4 с подзаголовком «Журнал псковского одиночного звена св. кн. Ольги. Тюрингенский отдел НОРМ» и гербом Пскова на обложке.

В номере 4, который стал последним, 8 страниц из 14 посвещены письмам.

Рая писала из Берлина: *«У нас такая скучища, что каждая весть от знакомых радует. <…> Я не один раз вспоминаю Ваши слова, сказанные на нашей “колокольне”, что в Пскове наши кружки часто ссорились, а на чужбине… Как жаль, что нет с нами дорогой Раисы Ионовны. Может, она тоже где в Германии?»* На самом деле она осталась в Риге, была арестована и получила, как и все работники миссии, 15 лет трудовых лагерей.

Нина из Готенхафена, написав о своей невеселой жизни (встает в 5 утра и приходит домой в 5 вечера), закончила письмо словами: *«Только то плохо, что в этом городе, в котором я сейчас нахожусь, нет русской церкви, а без церкви – тоска».* Таких, как Нина, было в Пскове около 200 человек. Все они, до того как попали в церковные школы Псковской миссии, знали о Боге очень мало и в церкви не бывали. Трудно поверить, как дети переменились за каких-нибудь два-три года. Они стали верующими и церковными на всю жизнь. Когда сотрудники НКВД на допросе спросили одну из девушек, что она может сказать о работниках миссии, она ответила – «только хорошее!».

Номер 4 «Перезвонов» оказался последним: в марте 1945 было объявлено, что закрытых писем почта больше принимать не будет, а только открытки. Посылать «Перезвоны» стало невозможно, а с окончанием войны и НОРМ перестала существовать.

26. Журнал НОРМ «Вперед» Вена, 1945 г

Среди сохранившихся редких изданий времен войны следует упомянуть журнал «Вперед», выпущенный Венской дружиной НОРМ и отпечатанный на шапирографе в количестве около 30 экземпляров с датой 7 января 1945 г. Кто был редактором, не сказано, и название взято в кавычки.

На обложке изображена Россия, над которой восходит солнце. На солнечных лучах слова: «Бьет светлый час за Русь борьбы последней» и дата «14.XI.1944», т. е. дата объявления Пражского манифеста КОНР (Комитета освобождения народов России). На первой странице, на фоне Андреевского флага, надпись «Гимн» и слова песни «Бьет светлый час». Ее автором был Михаил Михайлович Гнилорыбов, донской казак, русский сокол и член НТС. Мне говорил Георгий Михайлович Солдатов, что, когда он был в ДиПи (DP – Displaced Persons – перемещенные лица) лагере Пюртен сокольским подростком, то там эта песня пелась как сокольская. В НТС она всегда исполнялась на собраниях стоя.

На второй странице поздравление с Рождеством и пожелание читателям вернуться в этом году *«хотя бы на первый клочок освобожденной родной территории»*. Статья кончается словами, что *«цель нашего журнала и задачи его узнаются после его прочтения»*. На третьей странице даты: «Минин 1612», «Власов 1944» и «14 ноября 1944» и открытое письмо Власову, которое начинается словами: *«Мы, русские дети, проживающие в Вене, без различия принадлежности наших отцов к старой или новой эмиграции, объединились с целью издавать рукописный журнал. Цель нашего журнала – помочь Вам в борьбе за родину».* Письмо занимает в журнале четвертую и пятую страницы. Подписано оно Трояновым и Чижовым. На шестой странице короткая статья Чижова «Дружба», которая кончается словами: «*Все наши мелкие интересы отходят на задний план. Мы должны сделать все возможное, чтобы между нами не было разногласий, чтобы мы были дружны во всех своих действиях. Только таким образом мы можем достигнуть своей цели».* На с. 7–8 – «Поход. Из воспоминаний юного разведчика». Это про поход венских разведчиков. В конце сказано, что «продолжение следует». Страницы 9–21 – неподписанный рассказ «Ванин подвиг». Начинается он с того, что Ване сейчас 13 лет, а в 1941 г. его мать была на его глазах убита комиссаром. Ваня оказался в Варшавском детском приюте. В 1943 г. на рождественской елке в

приюте было много гостей, в том числе солдаты и офицеры РОА, которые «надавали ребятам много интересных вещей, не говоря уже о сладостях». Под влиянием услышанного от офицера РОА Ваня тут же принял решение записаться добровольцем. Как ни странно, но Ваню зачислили в РОА, и он в боевой обстановке показал себя героем. В конце журнала был юмор, загадки, конкурс и призыв к сотрудничеству. Журнал печатался у Ивана Семеновича Светова, старого скаутского руководителя из Белграда, принимавшего деятельное участие в работе НОРМ, в его комнатушке на чердаке. Там же печатались и материалы для работы с волчатами Игоря Шмитова, который еще в Югославии возглавлял Центр по работе с волчатами и пчелками (по-нынешнему – белочками) и выпускал журнал «Тайга» В 1939–1940 гг. вышло 5 номеров, а после войны, с 1952 по 1957, еще 11 номеров.

Сперва сборы НОРМ проводились небольшими группами на частных квартирах, пока не было получено помещение в 3-м бецирке в Русском доме (бывшем русском посольстве). Здание посольства было разрушено во время бомбардировки. Дима Скоробогач говорил, что здание было разрушено в первую же неделю пребывания там штаб-квартиры НОРМ и что там погибло все разведческое имущество. Дима был в отряде разведчиков в звене «Петр Великий», которое ребята в шутку, ради игры слов, называли по-латыни Peter Primus. Кроме Светова, в Вене был и загребский руководитель Игорь Шмитов, студент художественной академии, который был зиму 1941–1942 под Киевом, заболел туберкулезом и приехал в Вену лечиться и учиться.

По предложению Степы Мартиновича (тогда он жил под фамилией Радченко), лихого подъесаула в Казачьем штабе, венский НОРМ был переименован во «Власовскую молодежь», и этим было положено начало послевоенной власовской организации СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России).

Статья была проверена и дополнена варшавским разведчиком Дмитрием Скоробогачем, принимавшим участие в работе НОРМ в Вене, за что автор ему приносит глубокую благодарность.

27. Русская фирма «Эрбауер» 1942–1944 гг

Фирма «Эрбауер» (по-немецки – строитель) была за годы войны единственной строительной фирмой, в которой и рабочие, и начальство были русскими[73]. Фирму основали в январе 1942 г. в Бресте на Буге (ранее Брест-Литовск) Владимир Ермолов (?–1944), полковник царской армии, служивший в годы Гражданской войны в Северо-Западной армии, и член НТС инженер-гидротехник М. В. Монтвилов. О Ермолове известно, что вскоре после присоединения Бреста к БССР он был арестован НКВД как белый офицер и освобожден немцами в 1941 г.

Это обстоятельство и случайная встреча с офицером германской армии, русским немцем, служившим ранее вместе с Ермоловым в Северо-Западной армии, помогло Ермолову основать фирму «Эрбауер» и выполнять для немцев строительные работы в Бресте и окрестностях наравне с немецкой организацией «Тодт» и другими польскими и украинскими строительными фирмами.

Главной целью создания фирмы было трудоустройство русских людей, оказавшихся в Бресте без работы и без денег, и спасение их от немецких облав и вывоза в Германию на работы. В «Эрбауере» находили приют и бежавшие из плена советские военнопленные, и первые два-три месяца местные евреи. Даже главным инженером в «Эрбауере» был еврей Борис Савельевич Френкель. Но работавшие в «Эрбауере» евреи были летом 1942 г. арестованы и расстреляны в Брестском гетто, несмотря на все попытки В. Ермолова их спасти.

В начале 1942 г. прибывший в Брест из Праги член Союза Михаил Яромирович Горачек (?–1944) получил от Ермолова, или «полковника», как его за глаза называли, полномочия создать в Минске отделение «Эрбауера». М. Горачек и другой член Союза, Игорь Юнг, помогли Константину Васильевичу Болдыреву (1909–1995) и приехавшему из Ковно (Kaunas) члену Союза Венедикту Александровичу Абданк-Коссовскому (1918–1994) основать в Минске такое отделение. К. Болдырев назначил административным директором члена Союза из Варшавы Ивана Ивановича Виноградова (1909–?), а техническим директором члена Союза из Загреба Павла Николаевича Зеленского (1904–1978). Отделения «Эрбауера» были также созданы в 1943 г. в Сельдцах (Генерал-губернаторство) и в начале 1944 г. в присоединенном к Пруссии Белостоке.

Фирма «Эрбауер» стала также служить прикрытием для подпольной работы НТС. Ермолов знал об этой работе и относился к ней с сочувствием.

В годы войны Смоленск был одним из центров союзной деятельности в России, но с приближением фронта члены Союза переехали в Минск, где некоторые из них устроились на работу в «Эрбауер». В связи с наступлением Красной армии на Минск, которое началось 23 июня 1944 г., члены НТС были вынуждены искать убежища в Бресте.

С середины июня 1944 г., когда фронт приблизился к Бресту, фирма «Эрбауер» стала эвакуировать своих рабочих, их семьи и тех русских, кто не хотел оказаться снова под советской властью, на Запад. Последняя группа служащих «Эрбауера» с полковником Ермоловым, под руководством Монтвилова, выехала 5–6 июля на грузовиках в сторону Белостока, чтобы присоединиться к тамошнему отделению «Эрбауера». На полпути выяснилось, что Белосток уже занят Красной армией, и тогда пришлось ехать в Варшаву, куда перед самым началом восстания прибыли вместе с работниками «Эрбауера» из Белостока.

С 29 июля по 15 сентября 1944 г. транспорт фирмы «Эрбауер» со всеми, примкнувшими к нему, стоял в товарных вагонах на станции Ченстохова. Местные русские, тоже желавшие уйти на Запад, просили взять их с собой, и никому отказа не было. Благодаря этому многие спаслись от ожидавших их большевистских преследований.

В Ченстохове было решено, что Ермолов, Болдырев и члены Союза из Варшавы – Виноградов и Евгений Евгеньевич Поздеев (1916– 1994), поедут скорым поездом в Вену, чтобы там найти место работы и приют для семейств. Вена была выбрана потому, что К. Болдырев надеялся, что американцы и британцы не допустят прихода Красной армии в Австрию. Кроме того, Болдырев знал в Вене адрес члена Союза Виктора Константиновича Манакина (1887–1964), работавшего в хорватской фирме «Антон Фринта», на помощь которого Болдырев возлагал большие надежды.

Фирма «Антон Фринта» работала в Берге в 60 км на восток от Вены на строительстве военного завода фирмы «Лейхтметалл» (Leichtmetall). Туда из Вены в начале августа прибыл Болдырев с Виноградовым и Поздеевым, и им удалось договориться с «Лейхтметаллом» о принятии на работу фирмы «Эрбауер» и размещении ее рабочих и семей в пустующих бараках лагеря Берг.

28. Русская фирма «Эрбауер» Берг – 1944 гг

Покидая Ригу, жена решила вести дневник и записала: «*Был яркий солнечный день 18 июля 1944 г., когда мы складывали свои последние пожитки, чтобы с вечерним поездом отправиться в путь. Не без горького чувства сожаления смотрела я на голые стены славной комнатушки, в которой мы прожили почти полгода. Но плакать не хотелось. Что значит Рига по сравнению с нашим родным Псковом? С особенным сожалением покидала Ригу мама. Как-никак, а одно то, что кругом были русские, уже много значило для нее».*

«19 июля рано утром мы были на границе Литвы и Германии. Смотрела из поезда на окрестности. Больше всего меня удивляло, поражало даже – это красивые, опрятные деревни. Некоторые из них можно было принять за небольшие города. Я так и не могла понять, что это. Похоже на колхоз, но опять же для колхоза это слишком роскошно – хорошо одетые крестьяне и крестьянки, каких у нас почти не встретишь. Все это заставило лишний раз задуматься над самым больным вопросом – почему у нас не так, почему мы бедны и оборваны?»

«Вот и Тильзит. Пересадка. Выгрузили вещи на платформу и стали искать багаж. Багаж и наши билеты были только до Тильзита. В Риге дальше Тильзита билетов не давали. У Славы было приглашение на работу в Цнейм (Znaim – по-чешски Зноймо, город в Судетской области), и нам дали билеты туда».

В Цнейме жили Белоусовы, друзья нашей семьи, и у них мы остановились. Елизавета Ивановна была врачом в местной больнице, а ее брат, член НТС, был управляющим государственного имения в Лехвитце, недалеко от Цнейма. Приехав, я отметился в полиции как приехавший из Сараева (в годы войны – Хорватия), получил на себя, жену и тещу продовольственные карточки, обменял оккупационные марки на рейхсмарки, отдохнул пару дней с дороги и поехал в Вену к Ивану Семеновичу Светову (1902–1982), который когда-то был моим скаутским начальником. В Вене он был одним из руководителей местной НОРМ, имел знакомства, и я надеялся с его помощью найти себе работу в Вене и перевезти туда семью.

По случаю моего приезда был устроен сбор отряда, на котором я рассказал о моей работе с молодежью в Пскове и Риге и закончил описанием скаутского подпольного дня св. Георгия в Риге. Ребята слушали внимательно, и было видно, что

переживали события. После сбора Светов познакомил меня с девушкой, родственницей Манакина, человека, занимавшего крупную должность в хорватской строительной фирме «Антон Фринта». Его родственница уже помогла устроиться нескольким людям и охотно взялась замолвить за меня слово. Мне было сказано, когда явиться в канцелярию.

Когда я представился в канцелярии, родственник девушки довольно резко сказал, что ему про меня уже известно, но что он мне ничем помочь не может. Он подчеркнул, что «Антон Фринта» хорватская фирма, и что нехорватам там делать нечего. Я его не перебивал, а когда он кончил, дал ему свой хорватский паспорт и сказал, что я именно и пришел к нему, как хорватский подданный в хорватское учреждение.

Человек просто просиял. Он сказал, что рад моему прибытию, так как фирме как раз был нужен человек, чтобы замещать служащих, отбывающих в Хорватию в отпуск. На всякий случай он спросил, говорю ли я по-немецки, и, получив утвердительный ответ, пошел с моим паспортом к хозяину. Я был немедленно принят на службу и отправлен в Берг, где фирма вела строительные работы.

Служащие канцелярии были искренно рады моему приезду. Ведь работа уехавших в отпуск раскладывалась на оставшихся как лишняя нагрузка. В отпуск уезжали не только служащие канцелярии, но и рабочие, только далеко не все. Для уезжающих нужно было в Вене оформлять визы, а в Энгерау получать дорожные продовольственные карточки. Кроме того, мне надо было ежедневно ходить по разным делам к немецкому начальству, руководившему всеми строительными работами.

Рабочие, узнав, что я русский и православный, были со мной откровенны. Оказывается, большинство из них были сербы из Лики, которая также называлась Краиной, потому что была до 1878 г. австрийским пограничьем («у края») с принадлежавшей туркам Боснией. Они были как раз теми, которые в отпуск в Хорватию не ехали. На мой вопрос – почему, они мне прямо сказали, что дома у них никого нет, да и самих домов-то нет, и, что их, как сербов, в Лике ждет кровавая расправа усташей. Они благодарят Бога, что немцы забрали их в Германию на работу и таким образом спасли от верной смерти.

Пока я, заменяя то одного, то другого служащего, знакомился со всей системой работы, в Вену прибыли руководители «Эрбауера» Болдырев, Виноградов и Поздеев. Болдырев знал, что в Вене ему сможет помочь член НТС, служивший в хорватской фирме «Антон Фринта», которая работала подрядчиком на постройке фабрики амуниции в Берге у немецкой фирмы

Leichtmetall. Болдырев с Виноградовым и Поздеевым поехали в Берг на переговоры и, идя в канцелярию «Лейхтметалла», встретились со мной. Болдырев меня не знал, но Виноградов и Поздеев, с которыми я был знаком, обрадовались встрече и спросили, что я тут делаю. Узнав, что я работаю в фирме «Антон Фринта», Болдырев стал расспрашивать меня об обстановке. Я рассказал о положении дел вообще и, в частности, о возможностях, которые открываются перед «Эрбауером».

Дело в том, что за привлечение рабочих помимо биржи труда фирмам полагались премиальные деньги и право увеличить штат служащих в канцелярии, что иногда было дороже денег, так как давало возможность устроить кого-то на легкую работу и приобрести связи.

Руководству «Лейхтметалла» Болдырев сказал, что он представляет брестскую фирму «Эрбауер» и приехал договориться об условиях работы и места жительства для своих рабочих. На вопрос, сколько у него рабочих, Болдырев сказал, что примерно 500, а на вопрос, где они, ответил, что двигаются несколькими транспортами из Бреста, и что он, сами понимаете, затрудняется сказать, ни где они, ни когда сюда прибудут.

Руководство «Лейхтметалла» всегда нуждалось в рабочей силе. В свое время оно пыталось получить группу венгерских евреев, для которых были даже приготовлены бараки, окруженные высоким проволочным забором с электрическим током, но из этого ничего не вышло. На «Лейхтметалле» работали итальянские и советские пленные. Итальянцы были из тех, кто после капитуляции Италии отказался продолжать воевать на стороне немцев. Они были разоружены и отправлены за проволоку, но многие ходили на работу без конвоя, получая такое же питание, как вольнонаемные, и еще вдобавок пакеты от Красного Креста. Они не скрывали, что предпочитают работать как пленные, а не рисковать жизнью на фронте. Другое дело наши русские пленные. Они были на голодном пайке под строгой охраной, и всякое общение с ними было жителям лагеря запрещено.

Бараки, предназначенные для евреев, пустовали, и «Лейхтметалл» решил их предложить Болдыреву для первой партии рабочих. Болдырев сразу согласился, и руководство «Лейхтметалла» не скрывало от него своей радости. Болдырев был тоже доволен, но в то же время и озабочен. Он обещал 500 рабочих, а такого числа у него не было.

Но он знал, что в Утрате около Лицманштадта (по-польски Лодзь) находился лагерь инвалидов восточных легионов и русских вспомогательных частей. Начальником лагеря был балтийский немец, а его помощником – член Союза, окончивший

в Дабендорфе Школу пропагандистов РОА, Евгений Иванович Гаранин (Арбенин). Жизнь в этом лагере была невеселой, и Болдырев рассчитывал найти там работоспособных людей, которые, чтобы вырваться из лагеря и что-то подработать к своей инвалидной пенсии, согласились бы поступить на работу в «Эрбауер». Приехав в лагерь, Болдырев устроил собрание, нашел человек 60 желающих, и 3 августа приехал с ними в Берг. Среди приехавших были квалифицированные рабочие, и это сразу внушило руководству «Лейхтметалла» доверие к Болдыреву. Доверие еще более укрепилось, когда из Бреста прибыл первый транспорт, а с ним и инвентарь фирмы. Заведовал складом Дмитрий Тюнеев. На складе было много нужных инструментов и много гвоздей, в которых чувствовался острый недостаток.

После первого транспорта стали прибывать и следующие. В них ехали по большей части нетрудоспособные беженцы. Своего транспорта у «Эрбауера» в Берге не было, пока не приехал Сергей Владимиров на своем грузовике прямо из Минска. Потом, совершенно неожиданно, «Эрбауер» обзавелся конным транспортом.

С Дона двигалась на своих подводах группа донских казаков, уходящих от наступавшей Красной армии. По пути в Казачий стан в Северной Италии они остановились переночевать в лагере иностранных рабочих в Берге. И казаки, и их кони устали и изголодались в пути. Их, как русских, направили в «Эрбауер». Казаков накормили и отправили спать в один из пустующих бараков, а коней пастись в поле за лагерем.

В Берге была небольшая канцелярия «Эрбауера» с Виноградовым во главе. Он договорился с казаками, что они останутся в Берге и поступят на работу в «Эрбауер» вместе со своими лошадьми. Это было приобретением для «Эрбауера», нуждавшегося в транспорте, а для казаков спасением от насильственной выдачи, которая бы их ждала год спустя в Лиенце.

Несмотря на мою работу в хорватской фирме, я все-таки не мог получить отдельной комнаты, и мне в конце концов пришлось привезти семью в рабочий лагерь и как-то устроиться в большом бараке на нарах без перегородок. Жена записала в дневнике:

«Барак был страшно грязный. Пол никто не подметал, и когда мама стала подметать, так все удивились. В бараке живет безработная интеллигенция. Убирать они считают ниже своего достоинства. В углу женщина с поломанной рукой. При эвакуации поезд был подорван партизанами. Ее 19-летняя дочь была убита. Она очень тяжело переживает эту потерю. Интеллигенция старается зачислиться у немцев какими-нибудь важными

специалистами. В воскресенье было богослужение в недостроенном бараке. Священник о. Митрофан говорил проповедь. Народу много собралось. Говорил очень просто, доступно пониманию каждого и правдиво. Многие плакали. Здесь действительно церковь объединяет всех. Этого не почувствуешь на родине, где всюду свои, где на тебя смотрят как на равного, где везде можешь говорить по-русски».

Через этот барак в дождливую погоду проходили люди, не желавшие его обходить по слякоти. Жена моя ожидала ребенка, и я усиленно искал хоть небольшую, но отдельную комнату. Ради отдельной комнаты я перешел на работу из хорватской фирмы в «Эрбауер» на должность заведующего продовольствием. Нам предоставили маленькую комнатку, в которой предполагалось сделать уборную. Мы были очень рады. 8 сентября у нас родилась дочь Людмила.

Авиация союзников часто пролетала над Веной и Братиславой. Дневные, а еще более ночные воздушные тревоги изматывали людей. В любое время и в любую погоду людей выгоняли из бараков в поле, хотя надобности в этом не было. У союзной авиации были куда более важные объекты и в Вене, и в Братиславе, чем лагерь рабочих, строящих какой-то завод. Людей выгоняли лагерные полицейские, а все они были хорватами, и со всеми у меня были хорошие отношения, наладившиеся еще в то время, когда я работал в канцелярии фирмы «Антон Фринта». Я их просил ради ребенка нас не выгонять в поле, и они нас не трогали.

Людмила родилась в Вене в университетской клинике, где, как и во всех австрийских больницах, отношение к иностранцам было отвратительным. Австрийки помещались в просторных больничных палатах, за ними был внимательный уход и полная помощь и забота. Иностранки же лежали в коридорах на полу и должны были во время частых тревог идти без посторонней помощи в бомбоубежище в подвал и еще нести на руках своих младенцев. Австрийкам же, конечно, помогали медсестры.

Мы попросили Светова, который помог мне найти работу в Вене и устроил жену в госпиталь, быть крестным отцом, а крестной записали Белоусову, оказавшую всей нашей семье радушный прием у себя в Цнайме. Надо ж было так случиться, что к Светову, когда ему надо было ехать на крестины, нагрянула полиция с обыском. Он был антифашистом, и кто-то на него донес. Ничего у него не нашли, но приехать на крестины он не смог. Тогда я попросил приехавшего на крестины из Зальцбурга Мартино быть крестным отцом. Белоусова же вперед сказала, что приехать не сможет, и ее заменила одна наша знакомая

солагерница. Крестил Милочку наш лагерный священник о. Митрофан Зноско.

С Мартино приехал и Юра (Георгий Львович) Лукин (р. 1922), который был начальником Центрального штаба НОРМ, подпольного Германского отдела организации разведчиков, и членом ИЧ этой организации.

Мартино пожелал обсудить со мной, с Лукиным и с проживавшим в лагере Берг Поздеевым сложившуюся обстановку в связи с подготовкой Власовского манифеста, о котором всем нам было известно от НТСовского руководства. Речь шла об участии Мартино, братьев Николае Николаевиче (р. 1921) и Андрее Николаевиче Доннерах, Лукина и еще некоторых разведческих руководителей в предполагаемом Молодежном отделе Гражданского управления РОА. Братья Доннеры были членами НТС, возможно, что и Лукин тоже. Впрочем, когда шла речь о разведческих делах, то принадлежность к НТС не играла роли. Было решено, что участие в Гражданском управлении РОА может открыть нам новые возможности работы с молодежью, но мы, проживающие в Берге, должны были остаться на своих местах.

Лагерный священник о. Митрофан Зноско (впоследствии епископ Бостонский) прибыл из Бреста в Вену своим путем. Он совершал богослужения в недостроенном бараке без дверей и окон. Рабочий «Эрбауера» Антоний Грицюк сделал из дерева две невысокие загородки и арку, символизирующие Царские врата, чтобы отделить алтарь от молящихся. Он это приносил, уносил и он же прислуживал, подавая кадило. Ни свечей, ни подсвечников не было.

В сентябре 1944 г. мне удалось организовать русскую школу для детей младше 12 лет. Более старшие были рабочеобязанными. Фирма «Лейхтметалл» охотно дала согласие на организацию школы, так как это частично решало вопрос присмотра за детьми. Набралось 16 мальчиков и девочек. Я с ними занимался русским, немецким и арифметикой, а под конец дети пели, играли, и я рассказывал им немного из русской истории. Закон Божий преподавал о. Георгий Лукашук.

Работа «Эрбауера» в Берге совпала с массовыми арестами членов НТС по всей Германии, но никого из членов Союза, работавших в Берге, эти аресты не коснулись. Наоборот, среди рабочих скрывался кое-кто из руководителей. Однажды я встретил Редлиха, с которым был знаком по Берлину. Я обратился к нему, назвав его Романом Николаевичем, но он ответил: «Ошиблись, я Воробьев».

В другой раз ко мне привели незнакомого человека, который

назвался то ли Поморцевым, то ли Тамарцевым. Мне сказали, что он член Союза, скрывается и очень скучает без книг. Меня спросили, не найдется ли у меня какая-нибудь интересная книга. У меня было довольно много книг, я их ему показал, и он кое-что выбрал. Больше я его не видел, но, примерно через десять дней тот же человек, который его ко мне привел, сказал, что Поморцева (или Тамарцева) здесь больше нет, и вернул мне мои книги. Увы, не всегда все так поступали, и у меня из-за этого кое-какие книги пропали. В «Эрбауере» скрывались и другие члены НТС, спасшиеся таким образом от ареста.

Положение в Берге становилось все более тревожным. В Словакии 28 августа1944 г. вспыхнуло восстание. Помню, как гремели немецкие танки, проходя по шоссе мимо нашего лагеря. Красная армия уже 6 сентября подошла к границам Югославии, а 8 сентября коммунисты захватили власть в Болгарии. Болдырев понял, что дальше ждать нельзя. Но что делать? «Эрбауер» работает на военном строительстве, и никто не разрешит ему уйти с работы, как бы она ни была бессмысленна.

Но Болдырев нашел выход из безвыходного положения. Михаил Яромирович Горачек, член пражского отделения Союза, работал в Нордхаузене (Тюрингия, Германия) в фирме, которая была связана с производством немецких ракет «Фау-2». Как и все немецкие фирмы, она нуждалась в рабочих. На нее под наблюдением СС работали тысячи, как мы тогда говорили, «полосатиков», или «кацетчиков» (зеков). Вот при помощи тогда всесильных ССовцев Болдыреву и удалось вырвать работников «Эрбауера» из рук «Лейхтметалла». Чтобы план не был сорван, все это делалось под строжайшим секретом. Только потом я узнал, что в Берг приехал ССовец со списком работников «Эрбауера» и просто приказал руководству «Лейхтме-талла» отпустить перечисленных людей на более важную работу.

Первый эшелон, около ста человек, под руководством Монтвилова, отбыл из Вены в субботу вечером 11 ноября 1944 г. в неизвестном направлении. Нас поместили в товарные вагоны; с нами было несколько казачьих семей с лошадьми и подводами. Сопровождавший нас ССовец на мой вопрос, куда мы едем, ответил: «Приедете, увидите, и ни о чем меня больше не спрашивайте». Ехали мы шесть дней. Нас все время то отцепляли, то прицепляли к каким-то товарным поездам. Жена написала в дневнике:

«Всю неделю провели в ужасных условиях в товарном вагоне. Народу было как селедок в бочке. Человек двадцать».

Мы, конечно, знали, что в Германии полно концлагерей; «полосатиков» в их полосатой бело-голубой одежде мы впервые

увидели на какой-то станции, кажется, на четвертый день путешествия. Потом, чем дальше мы ехали, тем чаще встречались нам на станциях группы заключенных, работавших под охраной ССовцев. Истощенные люди, падавшие в обморок от непосильной работы, произвели на нас гнетущее впечатление.

В пятницу 17 ноября поздно вечером наш «транспортфюрер» объявил, что мы приехали, но приказал переночевать в теплушках. Жена записала в дневнике:

«Выйдя из вагона, я увидела сказочную картину – невысокая гора, освещенная электрическим светом. Но какое-то необъяснимое чувство страха закралось в душу. Утром погрузились на наши подводы, и нас повезли на место жительства. Я никогда не думала, что в такой тесноте могут жить люди. Нас четверо, и еще семью инж. Ивана Антоновича Николаюка (три человека) поместили в маленькую комнатку. Страшно подумать, как мы будем жить. Между нар в узком проходе стояла коляска Милочки. Здесь же кухня, здесь же стирка. Тяжелый воздух. Только когда выйдешь из дома, так вздохнешь свободнее, да и то только немножко. Так мы прожили три недели».

Нас поразило, что на горе не было затемнения. Там находился знаменитый концлагерь Дора, где днем и ночью шло строительство подземных фабрик, которые выпускали ракеты «Фау». Я был свидетелем, когда немцы из Нидерзахсверфена запустили свою последнюю ракету по наступавшим англо-американцам.

Рано утром в субботу 18 ноября мы погрузили личные и казенные вещи на казачьи подводы и двинулись пешком через Нидерзахсверфен к нашему новому месту работы, которое называлось Baustelle B-3B. Мы не имели права никому говорить, где мы находимся, а почта для нас приходила на «B-3B» в Нордхаузен. Всю субботу и воскресенье мы были заняты устройством на новом месте.

В понедельник в 6 часов утра рабочие должны были приступить к постройке бараков – сперва для себя, чтобы избавиться от ужасной тесноты, а затем для оставшихся еще под Веной служащих и рабочих «Эрбауера». Работать требовалось до 6 вечера, с часовым перерывом на обед. В месяц нам полагалось всего два выходных дня.

Не успели мы разместиться в новых бараках, как прибыл второй транспорт, и нам пришлось снова уплотняться и снова строить бараки для себя и для ожидавшегося в скором времени последнего транспорта из Берга. Теснота была причиной множества мелких взаимных обид, но зато наши строители работали не за страх, а за совесть, так как знали, что работают не

на немцев, а на себя. За вторым транспортом прибыл и третий. Его организовал Монтвилов. Для этого он из Нидерзахсверфена вернулся в Вену, чтобы помочь русским людям, примкнувшим к «Эрбауеру», уехать подальше от приближавшейся линии фронта.

29. Русская фирма «Эрбауер» Нидерзахсверфен 1944–1945 гг

Про встречу Нового 1945 года у жены было записано в дневнике: *«Встречали его тихо, мирно, в домашней обстановке… Выпили по чашке пива – и все».*

От о. Митрофана мы узнали, что в Гудерслебене, в 8 км от Нидерзахсверфена, в ужасных условиях живут насильно вывезенные из-под Пскова люди. На Новый год, пользуясь внеочередным выходным днем, мы решили их навестить.

В своей книге о. Митрофан (позднее епископ) писал: *«В лагере Гудерслебен, в одном деревянном бараке и в двух огромных конюшнях, были размещены 500 человек, преимущественно стариков и женщин».*

«Земляные полы, трехъярусные нары, отсутствие окон, отсутствие не только бани, но и умывален, полное отсутствие элементарных гигиенических условий и медицинской помощи. Чтобы умыться, освежить лицо и вымыть руки, надо было выходить из барака к колодцу».

«На нарах лежали вперемешку здоровые и больные сыпняком и умирающие. Этот лагерь посещал я обычно три, минимум два раза в неделю, совершая молебны, вознося к Престолу Спаса Всемилостивого специальные молитвы о болящих и страждущих, утешая и ободряя несчастных. В каждое посещение приходилось отпевать и хоронить на ближайшем кладбище одного-двух умерших. Зверюга “лагерфюрер” неоднократно изгонял меня с территории лагеря. Уходя в им открытые двери, я, как говорят, возвращался к несчастным “через окно”»[74].

Жена записала в дневнике: *«Пришли, и о ужас, что мы там увидели! Люди живут в трех бараках. Один из них каменный сарай с высоким потолком. До конца – нары сплошные. Посередине разжигают костры. Окон нет. Люди спят на гнилой соломе. Ноги сидящих на нижних нарах утопают в грязи. Сидят согнувшись. Нары сделаны так, что на них можно только лежать. В других бараках не лучше. В одном из них родила женщина. В такой грязи живет и дышит ребенок! Кормят плохо. Папирос не дают. Во второй раз мы отнесли туда книги, а для новорожденного две рубашки и тапочки. Пришлось горько плакать. Несчастные люди, что они могут сказать в свою защиту?! Переводчицы у них такие же, как и они сами, малообразованные девицы в платочках».* Добавлю от себя, что входили мы не через ворота, где бы нас не пропустили, а, не без риска, через дырку в заборе.

В 1945 г. Рождество – 7 января – было воскресным днем. Было богослужение. В дневнике запись: *«На Рождество мама испекла крендель, вернее, пекли его в немецкой пекарне. Стоило 2 рубля (20 пфеннигов) Очень многие наши пекли. Немец был злой. Возмущался, что нас много. Вообще к нам стали относиться заметно хуже. Просто хочется поскорее домой».*

В Нидерзахсверфене у меня не было времени заниматься школой. Болдырев назначил меня заместителем заведующего хозяйственной частью Венедикта Александровича Косовского (1918–1994, полная фамилия Абданк-Косовский). Косовский был у Болдырева заведующим хозяйственной частью в Минске, а затем в Бресте. Не знаю, кто его замещал в Берге, но знаю, что он тогда в Берлине выколачивал из немецких учреждений деньги за постройки, сделанные «Эрбауэром» в Минске и Бресте. В Нидерзахсверфен он прибыл незадолго до прихода американцев. Так что вся работа в Нидерзахсверфене свалилась на меня.

До прибытия в Нидерзахсверфен второго транспорта школа не работала, а с прибытием второго в школе оказались те же 14 человек детей рабочих и служащих «Эрбауера» от 9 до 12 лет. Занятия были в помещении столовой 5 дней (4 урока с одной переменой) и по субботам 2 урока. Я считался заведующим, и на мне была ответственность, а учительницей назначили 19-летнюю Лялю Емельянову, бывшую разведчицу в Баня-Луке, преподававшую все предметы, кроме Закона Божия, который преподавал 3 раза в неделю о. Георгий Лукашук. Русский был 5 раз в неделю, немецкий, математика, история России – 3 раза, география СССР и пение – 2 раза и один раз естествознание.

Подготовка к Рождеству началась сразу после прибытия второго транспорта. Елочные украшения подарила нам одна дама из Чехословакии, но украшений было мало, и я заблаговременно отправился, как мы говорили, «в город», т. е. в ближайший Нордхаузен, на поиски. В Нордхаузене было много магазинов с красивыми витринами, но с пустыми полками. У меня была соответствующая справка от фирмы. Без справки нельзя было купить не только тетрадки, но даже и листка бумаги. Никаких елочных украшений не было. Но мне удалось купить гирлянды из плотной бумаги в виде позолоченных дубовых листьев. Они предназначались для украшения портретов фюрера. Купил я и бумажные флажки, из которых школьники склеили цепи на елку. Из позолоченных дубовых листьев мы вырезали рыб, звездочки и скаутские лилии.

Жена записала в дневнике: *«На елку приглашены были бургомистр и другие немцы. Было несколько выступлений детей, детский хор, пляски. Взрослые спели “Коль славен” и “За землю, за*

волю, за Новую Россию". Получилось замечательно. Очень хорошо было продекламировано детьми разведческое стихотворение "Наш флаг". Декламировали четверо. Мальчик стоял на табуретке, держал белую полосу флага, следующая девочка – синюю, третья красную и четвертая все три, стоя на колене. Был и Дед Мороз. Раздавал детям подарки. Дети получали игрушки и гостинцы. Даже моя Милочка получила соску и пакетик печенья. Было много народа. После программы взрослых, не имеющих детей, попросили уйти, а дети остались играть. Слава тоже остался играть с детьми».

Под 21 января у жены запись: *«Только что прочла "Тайну Соловков" Бориса Солоневича. Еще сейчас нахожусь под впечатлением прочитанного. Милая дорогая Родина! Когда-то мы сможем вернуться туда? А так надоело здесь! Так хочется домой, но не хочется прежнего. Когда-то русские люди будут по-настоящему свободны и счастливы? Сколько жизней погибло, сколько гибнет сейчас! Боже, помоги, дай силы пережить все это!»*

«К нам стали относиться все хуже. Вчера выдавали по карточкам рыбу и огурцы, но когда я попросила огурцов, то дали три огрызка, а рыбы совсем не дали».

Недалеко от нашего лагеря, в одной из боковых улиц, был колбасный магазин. Хозяйка, не в пример другим, не была ни черствой, ни прижимистой. Когда жена пришла к ней в первый раз за мясом, она ей выбрала кусок пожирнее, отдав его по самой дешевой цене. Второй раз, когда жена попросила кусочек пожирнее, торговка сказала, что такое лакомство дается только в первый раз, по случаю знакомства. Но добавила, что будет давать раз в неделю жирную воду, остающуюся после варки колбас, по цене 2 марки за порцию. Вода была не очень жирная, но зато приятно пахла копченой колбасой, и из нее получался неплохой капустный или гороховый суп. До войны такую воду, разумеется, выливали как помои, но во время войны для иностранцев, живших впроголодь, она играла роль добавочного питания.

Рано утром за водой из-под колбас выстраивалась длинная очередь иностранцев. Вода отпускалась не в лавке, а во дворе, через калитку, к которой рабочий-чех выносил большой котел. Он заведовал продажей этой воды, и у него на дне всегда оказывалось несколько маленьких обрезков колбасы. Однажды такой кусочек попался и моей жене. Давая его так, чтобы никто не заметил, работник сказал ей: «Йсем чех». Он старался помочь своим, а для него своими были все иностранцы.

Старались поддержать нас и американцы. Иногда утром, после ночной воздушной тревоги, в поле или в лесу, неподалеку от лагеря можно было найти фальшивые продовольственные

карточки. Делались они в США, причем с такой изумительной точностью, что никто их не мог отличить от настоящих. Одновременно делалось это и с целью расшатать немецкую экономику миллионами фальшивых карточек.

Однажды я нашел листок с 12 талонами на ¼ литра снятого молока. Это были так называемые рейзенкартен, т. е. талоны без даты, предназначавшиеся для людей в дороге. В большом городе, где тебя не знают, можно было бы получить мясо или хлеб, но не молоко. Я решил не рисковать и оставил их себе на память.

В феврале к нам начали прибывать из Берлина семьи заключенных членов НТС: Татьяна Поремская с сыном Алешей, Анна Александровна Рождественская с дочкой Татьяной, д-р Ольга Вениаминовна Брунст с дочкой Иришей, Александра Александровна Оцуп с дочкой Таней, Гога Бонафеде, Галина Михайловна Дерюгина (ур. Геккер) с дочкой Маей (4 года) и сестрой Наташей Геккер (16 лет), проф. Дмитрий Николаевич Вергун с супругой Верой Николаевной и дочками Ксенией и Ириной. Все они сперва поселились в многоквартирном доме, принадлежавшем Шустеру, который был до прихода Гитлера бургомистром Нидерзахсверфена, а потом переехали в отдаленный от лагеря барак, названный «Сахалином». Г. М. Дерюгина вспоминает, что там *«мы, укрывшись одеялами, слушали по радио английскую передачу»*[75].

Мария Евгеньевна Геккер была арестована вместе с мужем, но через несколько дней ее отпустили. Она, оставаясь в Берлине, взяла на себя заботу о тех арестованных, у кого не было родственников в Берлине. М. Е. Геккер с дочерьми стирала белье арестованных и при передаче заворачивала все в «Новое слово», чуть затемняя карандашом нужные буквы, сообщая таким образом новости. В белье вкладывались бутерброды и пачка папирос для проверявшего, и тогда все проходило гладко[76].

Арестованные были отпущены на поруки ген. Власова 4 апреля[77], и вместе с ними поехала в Нидерзахсверфен и М. Е. Геккер. Освобожденные прибыли в распоряжение ген. Власова в Карлсбад (по-чешски Karlovy Vary) 9 апреля. Сотрудник штаба РОА, член НТС Лев Рар, должен был сопровождать В. М. Байдалакова и других освобожденных членов НТС в Нидерзахсверфен. С ними был Михаил Вячеславович Геккер, член РОВСа, сочувствовавший НТС и арестованный по подозрению в причастности к Союзу, и его супруга Мария Евгеньевна. В их доме останавливались В. М. Байдалаков, В. Д. Поремский и другие, и в их доме была обнаружена союзная литература. Так как члены НТС всячески выгораживали М. В. Геккера, то немецкие следователи решили, что он должен был бы быть одним из самых

главных в НТС[78].

Эшелон, в котором ехали освобожденные из берлинской тюрьмы руководители НТС, попал 17 апреля в Пльзене (Plzen) под обстрел союзной авиации. Погибла М. Е. Геккер с дочкой Наташей, Кирилл Дмитриевич Вергун (1907–1945), Юра Жедилягин и многие другие. Ехавший в том же эшелоне полковник РОА К. Кромиади в книге «За землю, за волю…» на с. 208–214 подробно описал налет. И он, и В. М. Байдалаков были ранены.

9 марта жена записала в дневнике: *«Вчера в пекарне меняла сигареты на хлеб, 20 сигарет – два килограмма хлеба. Несколько раз заходила – всё кто-нибудь да мешает. По карточкам теперь получаем на один килограмм меньше хлеба, т. е. 5 кг на месяц, на 250 грамм меньше крупы и на 125 – масла. Хорошо, что есть папиросы, правда, кроме хлеба на них ничего не выменять. Недавно ходила в немецкие деревни пытать счастья. Взяла сто папирос, полотна на большую двуспальную простыню и два полотенца. Мануфактуру не взяли. У них всего вдоволь! Взяли только 20 папирос, за которые дали четыре яичка и два килограмма скверной фасоли.*

28 марта. Произошло много неприятного. В фирму посадили немца. Сначала была комиссия, которая ходила по домам и смотрела, кто сидит дома. Смотрели, как работают служащие. Было собрание, на котором немец расспрашивал рабочих и служащих, чем они заняты. Говорил, что если они здоровы, то могут работать и дети, и старики. Многих служащих отправили из канцелярии на станцию что-то там грузить. Теперь рабочие должны приходить на работу в 6 утра и работать до 6 вечера с часом на обед, а служащие с 6.30 до 6.00. Со следующего месяца молоко будет только детям до 6 лет». Через несколько строк запись: *«Болдырев арестован».* Правда, вскоре он был освобожден.

«31 марта. Непрерывные тревоги. Бесконечное количество самолетов пролетает над головой. Через газеты немцы объявляют, что, если сирены будут гудеть одну минуту – то это обычная воздушная тревога, а если будут гудеть пять минут, то это значит – неприятельский десант, и все немцы должны явиться с оружием отражать врага».

«2 апреля. Доктор Лясковский говорил, что в том лагере, где мы были со Славой – всех косит тиф, брюшной и сыпной. Немцы не обращают никакого внимания и не дают лекарств». Доктор Георгий Анатолиевич Лясковский хотел как-то помочь, но немцы не разрешили.

«4 апреля. Фронт неожиданно приблизился к нам. На шоссе тьма немецких беженцев. Жалко смотреть. Идут дети, старики,

почти без вещей. Русским сегодня хлеба не давали. Давали только немцам».

Чувствовался конец войны. В лагерь отовсюду приезжали члены НТС, их друзья и родные. Местная группа НТС разными способами давала им знать, куда ехать и как нас найти, хотя мы не имели права даже говорить, что живем и работаем в Нидерзахсверфене. Все письма приходили по адресу: Baustelle B-3B, Nordhausen, Postlagernd (т. е. до востребования). В Германии никто не имел права, бросив работу, куда-то ехать. Так, например, прислав жену и дочку в лагерь «Эрбауера», А. А. Цвикевич «дезертировал» с работы инженера в одной фирме в Брауншвейге и, рискуя быть арестованным, прибыл в Нидерзахсверфен. *«Опасаясь поисков, он оставался в лагере на нелегальном положении. Ему приходилось с пяти часов утра скрываться на прилегающей к лагерю горе, покрытой лесом, и только при наступлении темноты возвращаться в лагерь. К счастью, это продолжалось недолго – немцам уже было не до розысков беглецов.*

Таким образом почти ежедневно пополнялся лагерь новыми людьми»[79].

Чтобы иностранцам было не так просто бежать с работы, немцы давали им продовольственные карточки только на одну неделю, в то время как немцам одну карточку на четыре недели.

Но был и еще один случай пополнения лагеря новыми людьми. Случилось это 8 апреля, за три дня до прихода американцев. Жена записала в своем дневнике: *«8 апреля. В соседней деревне был лагерь рабочих. Дней десять назад, незадолго до прихода американцев, немцы выгнали всех вон. Иностранцев отправили в другой лагерь, а русским сказали: “Откуда пришли, туда и идите”. Русские остались без крова и куска хлеба. Бедные русские люди! Чем они провинились? Почему обречены на бесконечные страдания?*

Была чудная погода. Немцы куда-то исчезли. Никто ничего не делал. Мы со Славой решили погулять. Шли по лесу и прямо-таки наслаждались, пока не увидели ужасное зрелище. Несколько плохо сделанных из веток шалашей и костер. Подойдя ближе, увидели людей, сидящих у костра. Один древний старик с длинной седой бородой, женщины с детьми, один маленький восьмимесячный. Готовили обед из мерзлой картошки, оставшейся неубранной на поле. Голодные, грязные, измученные физически и нравственно, люди были скорее похожи на зверей. Никогда не думала, что в таких условиях можно жить. Этот грудной ребенок должен был есть тот же суп из мерзлой картошки, потому что у матери не было больше молока, а другого они ничего не имели. Запасов

сделать не могли, так как питались, как говорится – “из котла”. Мы взяли с собой деда и повели его к Болдыреву просить разрешения поселиться этим людям у нас в недостроенных бараках. С разрешения Болдырева они все перебрались из леса к нам. Я собрала у наших рабочих картошку в пользу беженцев, хотя нам самим еды не хватало”.

Лесных людей мы назвали беженцами. У меня сохранилось объявление: «Беженцы! Сегодня, 10 апреля, на кухне от 1 часа до 1 1/2 будет выдача картофельного супа. Хоз. отдел Р. Полчанинов». Большего мы не могли сделать. В этот день нам самим на троих осталось на ужин две картофелины и одна луковица. Трудно сказать, чем бы это все кончилось, если бы на следующий день не пришли американцы.

К. В. Болдырев в своих воспоминаниях описал один случай, который не грех повторить: *«Контакт с заключенными был немцами строжайше запрещен. Но иногда под конвоем в наш лагерь приводили заключенных для исполнения внутренних работ – починок или проводок, и жители нашего лагеря, жалея их, подкармливали их, подсовывали потихоньку от стражи папиросы. Среди таких счастливчиков был молодой парень. Звали его Сашка, он был электриком. Был он симпатичным, услужливым и пользовался симпатией в лагере. Всегда настороженный, испуганный, он боялся за свою жизнь. Он был еврей. О нем и его судьбе надо рассказать. Была темная безлунная ночь. В маленьком бараке на краю лагеря жила семья Болдыревых и другого сотрудника – Григорович-Барского. Было около девяти часов вечера. В дверь моей квартиры раздался стук. Дверь открыла моя жена. <…> “Мы хотим видеть Болдырева”, – тихо прозвучал голос. Жена пригласила войти. “Мы не можем”, – был ответ. Я вышел сам, плотно закрыв двери. Через несколько минут вернулся. “Приготовь мне все, что возможно, из одежды для троих и все, что есть из еды”, – сказал я жене и, выходя, коротко добавил: “Это ‘полосатики’, им надо помочь”. Я вызвал Барского, и мы исчезли в темной пасти ночи. <…> Им нужна была помощь. А эта помощь могла стоить жизни всем»*[80]. Конечно, жена и дочь не могли заснуть, ожидая возвращения мужа и отца.

«Я вернулся на рассвете, – продолжает К. В. Болдырев, – *усталый и счастливый. “Полосатики” были переодеты. Им были даны сфабрикованные документы, еда, карта и наставление, куда идти. Идти надо было навстречу приближающимся американцам.*

Американская армия была в 70 километрах от лагеря. По приходе американцев все три беглеца вернулись целыми и невредимыми в лагерь ДиПи. Один из них был поляк, второй – русский, а третий еврей Сашка»[81].

Я был одним из тех, кто давал Сашке папиросы. Однажды на кухне испортилось электричество, и к нам привели под конвоем электрика Сашку. Мне хотелось угостить его папиросой, и я решился на хитрый ход. Сперва я дал папиросу конвоиру, а когда тот, поблагодарив, закурил, спросил разрешение угостить и электрика. – «Как хотите», – сказал ССовец, косвенно давая согласие, и повернулся к нам спиной, чтобы не быть свидетелем этого страшного правонарушения. «Полосатик» взял папиросу и положил ее в портсигар. В коробочке мелькнула зеленая бумажка. «Не концлагерные ли это деньги?» – подумал я и спросил: «Что это у вас за бумажка?» – «Наши лагерные деньги».

Секунду или меньше я смотрел на бумажку. Я не успел даже прочитать, что было написано посередине крупными буквами, но мне запомнилось, что номинал был указан в правом нижнем углу. Коробочка закрылась. Как мне хотелось, как коллекционеру, тут же приобрести этот лагерный денежный знак! Но конвоир встал, а бедный Сашка торопливо пошел вперед, чтобы идти обратно за проволку.

Эти лагерные деньги попались мне еще раз, уже после прихода американцев, и речь о них будет потом.

Последней работой, выполненной «Эрбауером» для немецких хозяев, была выгрузка каких-то машин. Об этом С. В. Трибух писал: *«За день до прихода американцев все трудоспособные жители лагеря были посланы для разгрузки товарного железнодорожного транспорта. Работа была спешной и проходила под наблюдением ССовцев. Разгрузка закончилась далеко за полночь. Закончив разгрузку вагонов, все работающие получили по пачке сигарет и направились колонной в лагерь с пением русских песен, чем напугали жителей поселка. Рано утром этим транспортом бежала из Нидерзахсверфена ССовская охрана»*[82].

Считаю своим долгом поблагодарить Галину Михайловну Сазонову (ур. Геккер), Ирину Васильевну Короленко (ур. Брунст) и Михаила Викторовича Монтвилова за помощь в работе над этой статьей.

30. Конец скаутской подпольной работы Нидерзахсверфен 1945 г

В январе 1945 г., после провала наступления в Арденах, каждому стало ясно, что сопротивлению германской армии скоро наступит конец. В начале марта американцы прорвали укрепленную линию Зигфрида и, перейдя Рейн, вторглись в Германию. Пора было подумать о выходе из подполья и о подготовке к разведческой работе в крупных масштабах.

Для этого я решил в полной конспирации провести подпольный курс для вожаков, на который пригласил человек восемь ребят. В лагере была начальная школа с детьми 6–12 лет, которая была в моем ведении. Я ее снабжал тетрадями и учебниками и ввел в программу разведческие игры и песни. Были в лагере и старшие дети. Некоторые работали, а некоторые скучали от безделья. Я с ними был хорошо знаком и снабжал их книгами для чтения. Поэтому приглашение зайти ко мне в канцелярию после конца работы никого не удивило. На курс я пригласил дочь начальника фирмы К. В. Болдырева, который был в то же время и начальником лагеря, и поделился с ним своими планами. Кроме него и Наташи Геккер я никого в свои планы не посвящал.

Наташа приехала из Берлина, где была разведчицей в НОРМ. Она знала если не все, то многое. Так мы встречались весь март и начало апреля 1945 г. по 2–3 раза в неделю. Наташа рассказывала про работу Берлинской дружины, а я про работу в Варшаве, Пскове и Риге, но говорили мы без лишних подробностей, а потом пели песни. Были песни, которые все знали, но таких было мало, и разучивание новых песен было естественным делом. Потом играли. Я на игры не оставался, это было делом Наташи. После приезда Андрея Николаевича Доннера я поручил ему продолжать занятия с ребятами. Со временем и Андрей, и Наташа не оставались до конца, оставляя кому-нибудь из ребят ключ и делая его ответственным за порядок. Ключ передавался каждый раз кому-нибудь другому. Это делалось по плану. Ребята, незаметно для себя, приобретали опыт проведения сборов. Андрей был в Белграде разведчиком, а в Берлине одним из руководителей НОРМ.

18 марта Наташа основала звено «Лань». В него она подобрала несколько толковых девочек, в том числе Леку

Болдыреву, Жеку Харченко и Лялю Янушевич, сестру русского скаута из Бреста. Андрей, имея берлинские документы, оформил это звено как местную группу НОРМ. Это было необходимо на тот случай, если немцы что-нибудь узнают о разведческой работе. У немцев среди рабочих в лагере были свои агенты.

Наташа была недолго вожаком. Ее отец был арестован вместе с группой руководителей Союза, хоть он и не был членом НТС. По требованию Власова ее отец и руководители НТС были освобождены, и Наташа поспешила поехать на встречу с отцом. Встреча состоялась, но 17 апреля в Пльзене поезд попал под обстрел авиации союзников и Наташа и ее мать погибли.

Незадолго до прихода американцев в Нидерзахсверфен прибыли из Берлина родители Андрея Доннера и его старший брат Николай. Крока (Николай Николаевич) привез с собой знамя 2-го Белградского Суворовского отряда и кое-какую литературу.

После короткого боя 11 апреля 1945 г. американцы взяли Нидерзахсверфен. На следующий день, в присутствии А. Доннера, я объяснил ребятам, для чего мы их собирали и чему их учили. Прошедшим подпольные КДВ было предложено собрать звенья. Первый сбор дружины состоялся 28 апреля. К этому времени в дружине было уже 54 человека, в том числе 5 руководителей. Начальником отряда разведчиков был назначен А. Доннер, а отрядом разведчиц сестра Жеки Харченко – Юлия Квятковская, которая имела опыт работы с пионерами.

Вопрос форм был решен сразу, хоть и не очень удачно. На одном немецком складе в Нордхаузене были найдены формы сине-стального цвета для немецких девушек «флакхельферин» – помощниц на зенитных батареях. Короткие штаны, рассчитанные на девушек, застегивались по бокам, что для мальчиков было не очень удобно. Для косынок были использованы простыни, найденные в ССовском госпитале. Для разведчиков мы их выкрасили в оранжевый цвет лекарством «бронтазиль», который был найден там же, для руководителей были использованы зеленые косынки для перевязок, которые мы назвали трофейными, а для разведчиц косынки были выкрашены в синий цвет краской, приобретенной у одного жителя лагеря. Звеновые флажки шились из немецких нарукавных повязок с надписью Deutsche Wehrmacht, предназначавшихся для штатских лиц на военной службе.

Второй сбор дружины состоялся на Пасху, совпадавшую в 1945 г. с днем св. Георгия. По случаю праздника организации был устроен парад, и начальник лагеря К. В. Болдырев пригласил на него американских офицеров, которые почти все оказались бывшими скаутами. После парада Болдырев для гостей и

разведческих руководителей устроил чашку чая. Американцы признались, что им трудно поверить, что в такой короткий срок можно было сформировать дружину. Во Франции они не встретили ни одного скаута и меньше всего ожидали встретить скаутов в Германии, к тому же русских и в самые жаркие дни войны. Американцам я рассказал о нашей подпольной работе, а на них особенно сильное впечатление произвели старые шелковые знамена – Белградского Суворовского и Сараевского Корниловского отрядов и металлические лилии на руководителях. Один из офицеров обратился ко мне со скользким вопросом – что мы будем делать, если советские власти потребуют от своих союзников-американцев запрещения деятельности русских скаутов? На это я ответил, что нас уже один раз запрещали гитлеровцы, так что у нас на этот счет есть опыт. Офицер пришел в восторг и стал меня хлопать по плечу, приговаривая: «boy, oh boy!». Переводчиком был Болдырев, которому мой ответ тоже понравился. Американцы приобрели много новых сведений о русских, а мы, русские, несколько новых друзей.

В тот же день был выпущен в пяти экземплярах первый номер журнала «У костра. Журнал дружины скаутов-разведчиков Нидерзахсверфен». В журнале был мой первый приказ о назначении Бориса Тихоновича Кирюшина начальником канцелярии Западно-Германского отдела и Андрея Николаевича Доннера начальником дружины в Нидерзахсверфене и первый приказ А. Н. Доннера по дружине.

Болдырев был принят на службу к американцам, и он уполномочил меня организовать школьную и внешкольную работу в окрестных русских лагерях. Мои попытки наладить сперва хотя бы школьную работу успеха не имели. Мне везде отвечали, что пусть дети сейчас отдыхают, а когда вернутся на родину, тогда и пойдут учиться. Те, с кем я разговаривал, оставаться на Западе не собирались. Но были в лагерях люди, которые не хотели возвращаться в СССР. Они потихоньку перебирались к нам в лагерь. У некоторых были дети, так что наша дружина все время пополнялась новичками.

Так продолжалось до 9 июня, когда начался переезд лагеря из Нидерзахсверфена в Менхегоф.

31. Нидерзахсверфен при американцах 1945 г

Немецкая фирма, работавшая в Нидерзахсверфене, называлась «Миттельбау». Ее рабочими были, в основном, заключенные концлагеря Дора, находившегося на горе Кронштейн, которую мы увидели освещенной многочисленными лампами в ночь прибытия в Нидерзахсверфен. Этот концлагерь был создан нацистами вскоре после их прихода к власти для своих, немецких инакомыслящих. До войны заключенные жили по два человека в комнате, а во время войны в те же комнаты загоняли по 12 заключенных иностранцев. «Миттельбау» строила в горах тунели, в которых размещались подземные фабрики, изготовлявшие ракеты «Фау-2» (V-2). Лагерь на горке не мог вместить всех работавших, и Нидерзахсверфен был окружен кольцом подлагерей, называвшихся Baustelle (баштелле – стройплощадка). На каждой стройплощадке была своя фирма, выполнявшая определенную работу. «Эрбауер» работал на стройплощадке «В-3В». Все было окутано тайной. Мы были вольнонаемными, но не знали, на какую фирму работаем и что будем делать, когда закончим постройку бараков. На постройке бараков для нас самих нас и застал конец войны.

С приходом американцев «Миттельбау» и все связанные с нею фирмы, в том числе и «Эрбауер», перестали существовать. Мы оказались без работы и без зарплаты, но лагерь остался, и что самое важное, сохранились дисциплина и порядок.

В своих воспоминаниях К. В. Болдырев писал: *«К приходу американцев в бушующем море анархии единственным островом порядка и дисциплины был этот лагерь в Нидерзахсверфене. Объясняется это тем, что его руководство и основной стержень всего коллектива состояли из членов НТС. Не только немцы, но даже многие из рабочих фирмы* («Эрбауер». – *Р. П.*) *об этом факте не имели понятия»*[83].

Жена записала в дневнике: *«Американцы пришли в среду 11 апреля. Утром была слышна слабая канонада. К обеду перестрелка слышалась все ближе и ближе. Вдруг около нашей кухни появился американский танк и начал стрелять по горке, на которой укрепились немцы. Снаряды летели над нашими бараками. Пока шла стрельба, о. Митрофан был в церкви и молил Бога о нашем спасении. Болдырев пошел к танку сказать, что это русский лагерь,*

и просил не стрелять через наши головы. Американцы были любезны и переменили позицию. Как только кончилась стрельба, мы со Славой пошли посмотреть, что творится в городке. Там на площади перед кирхой шло веселье. Немки-девушки вели себя ужасно. Обнимались и целовались с американскими солдатами. Всюду, видно, найдутся такие, у которых нет нисколько национальной гордости. Американцы угощали иностранцев папиросами, конфетами, шоколадом. Немцев – нет».

Сам Болдырев так описал это событие: *«Я вскочил и, подняв правую руку, пошел на танки, крича во весь голос: “Стоп файер!”. Как ни странно, огонь прекратился. Из головного танка выскочил молодой американский офицер. – Ху тзи хелл ар ю? – сердито рявкнул он на меня. – Ай эм рашен. – Рашен офисер? – спросил он. <…> Оставив этот вопрос без прямого ответа, я стал объяснять, что перед ним – русский лагерь, где много женщин и детей. В это время ко мне подбежал кто-то из лагерных и взволнованно сказал, что в немецком поселке осколком тяжело ранена маленькая девочка. Я попросил офицера вызвать врача. Узнав, что девочка – немка, он ответил, что американцам запрещено оказывать помощь немцам. Девочка позже умерла»*[84].

Дальше Болдырев писал, как за ним приехали американцы, как пригласили его и его семью к себе на обед обсудить положение. В штабе, который находился в Нордхаузене, *«нас встретило все Военное управление в полном составе: полковник Камерон, его заместитель старший лейтенант Зорган и лейтенанты Ляфлам, Руссо и Роджерс. <…> Все они были захвачены врасплох творившимися в Нордхаузене безобразиями. Никто из них не говорил ни на одном языке, кроме английского. Только Зорган немножко калякал по-немецки. Во время обеда я им изложил положение вещей в ландкрайсе и как, на мой взгляд, можно было бы навести в нем порядок среди перемещенных лиц. Камерон ухватился за меня, как утопающий за соломинку. Попросил все это написать. Мы остались ночевать в их вилле, а наутро я представил свой план»*[85].

План Болдырева понравился американскому командованию, и они его тут же приняли к себе на службу со званием «Организатора и администратора перемещенных лиц в районе ландкрайса Хохенштайн»[86]. К. В. Болдырев сказал американцам, что в его фирме работают русские эмигранты, говорящие на любых языках Европы, способные, опираясь на американскую силу, навести порядок среди иностранцев и снабдить их всем необходимым. Болдырев обратил внимание на необходимость остановить разграбление брошенных немцами складов продовольствия и вещей и попросил дать для этого вооруженную

охрану. У американцев для этого не было солдат, но они охотно дали Болдыреву оружие, чтобы он организовал охрану лагерей из своих людей. Это американское оружие потом спасло нас от насильственной репатриации.

В официальном документе, выданном американцами К. В. Болдыреву, было сказано: «*…когда данное отделение Военного управления приступило к исполнению своих обязанностей в данном районе, наличие в нем 40 тыс. перемещенных лиц представляло собой серьезнейшую проблему хаоса и нарушения общественного порядка… С принятием на себя полной ответственности за решение этой проблемы г-н Болдырев организовал этих людей в группы, провел регистрацию всех перемещенных лиц, разместил их в 16 лагерях вместимостью от 600 до 18 тыс. человек. Он создал адекватную систему их снабжения продовольствием, организовал на местах амбулатории и изоляционный госпиталь для тифозных больных. Он обеспечил рабочую силу и оборудование для выполнения экстренных рабочих проектов в кратчайшие сроки*»[87].

В лагере Гудерслебен в конце марта, еще до прихода американцев, вспыхнул тиф, но немцы не разрешили нашему врачу Г. А. Лясковскому организовать лечение больных. Было такое впечатление, будто немцы хотят, чтобы все заболели и умерли. Начальство лагеря бежало до прихода американцев, и, как только пришли американцы, д-р Г. А. Лясковский поспешил в Гудерслебен спасать больных. С помощью американцев д-р Г. А. Лясковский создал госпиталь с отделением для тифозных больных. Один небольшой закрытый грузовик перевез туда из Гудерслебена всех больных. На грузовике была сделана надпись:

Military Government #7, Landkreis Hohenstein

TYPHUS Isolation Hospital

Иностранные рабочие и бывшие заключенные пошли грабить опустевший Нордхаузен, но не тронули немцев в Нидерзахсверфене. По предложению Болдырева американцы назначили бургомистром Шустера, бывшего бургомистром до прихода нацистов к власти. Нацисты его арестовали, и он отбыл срок в концлагере Дора в своем родном городе. Болдырев его хорошо знал, так как в его доме жили прибывавшие в Нидерзахсверфен члены Союза до их размещения в бараках. Немцы проявили исключительную дисциплину. При приближении американцев нацисты, а они были начальством, разбежались, но никакого безвластия и грабежей не было, хотя в Нидерзахсверфене не было ни жандармов, ни полиции.

Американцы с первого же дня возложили заботу об иностранцах на Болдырева и на служащих бывшей фирмы «Эрбауер». Служащие остались без жалования, но Болдырев стал

снабжать нас, как и всех иностранцев, одеждой, продуктами и куревом. Одежда и часть продуктов для перемещенных лиц брались из подконтрольных Болдыреву немецких складов и только частично покупались у немцев на американские оккупационные марки. Позже эти деньги у населения должен был выкупить Besatzungskostenamt (учреждение, ведавшее расходами по оккупации) и уничтожить.

Болдыревский лагерь, куда принимали всех не желавших возвращаться в СССР, стал первым русским лагерем ДиПи. Свои первые ДиПи удостоверения мы получили 11 мая 1945 г.

На этих удостоверениях было написано по-английски и по-немецки: *«Обладатель этой карточки, согласно предписанию, зарегистрирован как житель лагеря Нидерзахсверфен, и ему или ей строжайше запрещено покидать это место. Вторичное нарушение этого распоряжения повлечет немедленный арест. Обладатель этой карточки должен иметь это удостоверение всегда при себе».*

Приехавший в Нидерзахсверфен незадолго до прихода американцев В. А. Коссовский принял от меня дела Продовольственного отдела, а меня Болдырев назначил «заведующим школьным отделом, уполномоченным по рабочим лагерям области Хохенштейн».

Первым делом, хоть это и не входило в мои обязанности, я начал вместе с инж. Иваном Антоновичем Николаюком издавать на шапирографе листок «Лагерная информация» (один номер хранится в собрании Колумбийского университета, Нью-Йорк, США). Это была радиосводка, материалы для которой собирал кто-то из имевших радиоприемник. Было напечатано 11 номеров по 30 экземпляров, и мы ими снабжали лагеря округа Хохенштейн. Первый номер вышел уже в апреле 1945 г. и стал первым периодическим изданием русских ДиПи.

Лагерь все время пополнялся людьми, не желавшими возвращаться в СССР. Увеличилось и количество учеников. У меня сохранились кое-какие документы того времени. Начальником школы я назначил опытного преподавателя Николая Николаевича Доннера, а его сына Андрея назначил руководителем молодежи (внешкольной работой). Заведующим канцелярией я назначил Бориса Тихоновича Кирюшина, члена НТС и бывшего начальника Цетиньского отряда скаутов-разведчиков. В школьный отдел 3 мая был принят Андрей Иванович Цыбрук, бывший при немцах директором русской школы в Бресте (Польша), который позже, в Менхегофе стал директором гимназии, а к 24 мая в школьном отделе числилось уже 12 человек. Школа работала и до прихода американцев 11 апреля, но из-за подготовки к отъезду из Нидерзахсверфена в

Кассель занятия были приостановлены 8 июня. Школа в Нидерзахсверфене стала первой школой русских ДиПи.

Иногда я брал несколько экземпляров «Лагерной информации», посещая тот или иной русский лагерь, и выяснял возможности школьной работы. Организовать школьное дело в лагерях Нордхаузена я поручил Вере Цуцуровой, а Димитрия Осипенкова назначил учителем в лагере Харцунген. В других лагерях местное руководство не пожелало заниматься школьными делами, сказав, что они не сегодня-завтра уедут домой, а там в сентябре дети пойдут в нормальные школы.

Для канцелярии школьного отдела мне выделили комнату в административном бараке. Комната была пуста, и Болдырев дал мне подводу и ордер на реквизицию необходимой мебели в канцеляриях бывших немецких фирм. Я выбрал себе два-три стола, небольшой шкаф, стулья и попадавшуюся под руку бумагу. В одном столе была печать и бланки, на которых мы потом выдавали скрывавшимся власовцам липовые удостоверения, дававшие им возможность скрыть свою службу в РОА и устроиться на общих началах в ДиПи лагерях, с последующим выездом из Германии.

В начале мая мы с женой решили, из любопытства, пойти в бывший концлагерь Дора. В лагере на добротных деревянных бараках красовались красные плакаты с надписями «1 май» и бело-красные с надписью «3 май». Первое мая отмечали коммунисты, которых в лагере было много, а третье мая – день Польской конституции – отмечали поляки-антикоммунисты, которых в Доре было не меньше. Погода была хорошая, и люди, которые жили в бараках в ужасной тесноте, сидели снаружи и грелись на солнышке. На лужайке, около бывшего управления, я вдруг заметил бумажки, такие же, как и та, которую я когда-то видел у «полосатика» Саши. Я понял, что нашел те самые лагерные деньги, которые когда-то мне так страшно хотелось достать. Никто на них не обращал внимания, а я начал их собирать. Тут были не только деньги Доры (Миттельбау), но и Бухенвальда с разными надпечатками. Многие были обгоревшими. Немцы, покидая концлагерь, бросили их в костер, но ветер их разнес по всей поляне. Я поднял какую-то старую газету и сделал из нее мешок, который вскоре наполнился. Потеряв свои коллекции марок и бумажных денег в Сараеве, я спустя несколько месяцев в обмен на концлагерные деньги смог восстановить обе пропавшие коллекции. Коллекционеры проявили к концлагерным деньгам исключительный интерес.

Благодаря усилиям наших докторов Г. А. Лясковского, Наталии Жигмановской и Ольги Вениаминовны Брунст тиф

пошел на убыль, но Г. Лясковский и Н. Жигмановская в конце концов сами заболели. Закончив перевозку больных, грузовичок, названный «Тифус», стал выполнять иные задания.

Всякое передвижение по Германии было запрещено, а надо было спасать от репатриации власовцев и членов НТС, разбросанных по Германии. *«Из Нидерзахсверфена “Тифус” успел совершить два рейса и перевезти несколько человек, среди которых был председатель НТС В. М. Байдалаков, еще не оправившийся полностью от ранения в ногу»*[88]. Байдалаков был ранен в Пльзене, вскоре после освобождения из немецкой тюрьмы.

Поездки на «Тифусе» были поручены Н. И. Беваду и Г. Г. Бонафеде. У них было соответствующее удостоверение, но не это было главным. *«Когда они задерживались патрулями, из окна высовывался Бевад и, приветливо улыбаясь, встревоженно кричал: “Берегитесь! Пожалуйста, не приближайтесь! Можно заразиться!” – и при этом помахивал бумажкой. После этого у патрульных отпадало всякое желание подходить к машине, и они, тоже приветливо улыбаясь, пропускали машину дальше»*[89].

Война закончилась, но не кончились наши беды. В своих воспоминаниях Болдырев писал, что американцы сообщили ему уже 20 мая о передаче Тюрингии Советской армии[90]. Чтобы не было паники, он стал тайно готовить лагерь к эвакуации. У немцев он реквизировал два грузовика, а от американцев стал получать под разными предлогами бензин. Надо было обеспечить переезд до Касселя – ближайшего города в американской зоне. В своих воспоминаниях Болдырев писал, что его, как своего служащего, американцы брали с собой, но «*все население, включая всех ДиПи, должно было оставаться на месте. Я тут же подал в отставку, но просил полковника Камерона продлить мои полномочия на два дня и закрыть глаза на мои действия. Полковник дал мне на это согласие, взяв с меня честное слово, что предлагаемые мною мероприятия коснутся только и исключительно русского лагеря Нидерзахсверфен*»[91].

Об эвакуации лагеря в воспоминаниях Болдырева сказано: «Рано утром 9 июня началась организованная эвакуация лагеря на 19 грузовых, нескольких легковых машинах и 21 подводе, принадлежащих казакам. <…> Помимо людей перевезено было все оборудование мастерских, рабочий инструмент, имущество церкви, больницы и школы. На это потребовалось несколько рейсов. В первую очередь везли людей, а потом оборудование и имущество. Когда последний рейс выезжал из Нидерзахсверфена, в Нордхаузене уже появились советские квартирьеры»[92], высланные вперед для подготовки размещения в городе частей Советской армии.

«Сборы и погрузка привлекли внимание жителей соседних лагерей. Из них стали приходить встревоженные люди. Всем открыто сообщалось, что район через два дня будет передан Советам. Некоторые просили взять их с собой, пришлось отказывать. Но всем говорили: “Идите в Кассель, ищите лагерь Болдырева”. На протяжении всего пути до Касселя (около 100 км) на дорогу выходили люди, просившие захватить их с собой. Этих, когда могли, подбирали. Остальным повторяли формулу: “Идите… ищите”. Из лагеря выехало около 500 человек, а в Кассель прибыло 620»[93].

Первый русский ДиПи лагерь в Нидерзахсверфене перестал существовать, но лагерь Менхегоф стал продолжением его истории.

Считаю своим долгом поблагодарить Галину Михайловну Сазонову (ур. Геккер) и Михаила Викторовича Монтвилова за помощь в работе над этой статьей.

32. От UNRRA до IRO

После поражения немцев под Сталинградом в январе 1943 г. американский президент Франклин Делано Рузвельт всерьез занялся планами послевоенного устройства мира. К этому он привлек 44 государства и торжественно объявил 9 ноября 1943 г. в Белом Доме о создании UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА, или Унра – Управления Объединенных Наций по помощи и восстановлению (перевод наш. – *Р.П.*). Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1% национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. Это было первым шагом к созданию ООН – Организации Объединенных Наций, учрежденной на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г.

План деятельности ЮНРРА, кроме всего прочего, предусматривал помощь возвращению на родину освобожденных военнопленных и узников концлагерей, а также ДиПи – иностранцев, вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось репатриироваться, как тогда было принято говорить[94].

СССР и западные союзники отдавали себе отчет, что далеко не все иностранцы, оказавшиеся в ДиПи лагерях Германии, Австрии и Италии (в других странах ДиПи лагерей не было), захотят возвращаться к себе на родину под власть коммунистов. Было официально сказано, что русские или советские подданные, хотят они того или не хотят, будут переданы советским властям. Полякам предоставлялось право выбора, возвращаться или не возвращаться на родину[95], а про других ничего не было сказано. Вскоре выяснилось, что право выбора распространяется также и на югославов, и на балтийцев. Западные союзники с самого начала решили считать советскими гражданами только тех, кто проживал в СССР на 1 сентября 1939 г. Таким образом, западные союзники не считали советскими подданными тех, кто это подданство получил в результате расширения границ СССР по договору с нацистами. Наконец, право не возвращаться на родину было признано и за русскими «бесподданными», или «старыми» эмигрантами, как их тогда стали называть в отличие от «новых», или «советских», поскольку и они на 1 сентября 1939 г. не проживали в СССР. Не все «бесподданные» были действительно без подданства. Большинство русских эмигрантов в 1930-х гг. приняли то или иное подданство, а примерно половина

Российского Зарубежья вообще не была эмигрантами. После конца Гражданской войны, оказавшись по месту жительства за границами СССР, русские люди автоматически получали подданство новообразовавшихся государств и считались национальными меньшинствами.

В первые месяцы после окончания войны лицам, зарегистрированным как ДиПи, запрещалось покидать свое место жительства без особого пропуска. Запрет покидать лагерь был введен, чтобы, с одной стороны, ДиПи не занимались грабежами, а с другой – чтобы советские подданные не перемещались на запад в случае приближения Красной армии или не бежали из советских репатриационных лагерей.

В моем первом ДиПи удостоверении на вопрос о национальности было сказано: русский. Мы тогда не знали, что под национальностью американцы подразумевают подданство. Ответив на вопрос о национальности – русский, мы в глазах американцев становились советскими гражданами.

Потом, уже в Менхегофе, 15 февраля 1946 г. старые удостоверения были заменены на новые. Новые сильно отличались от старых. Если на старых английские надписи были первыми, а немецкие вторыми, то на новых было наоборот. Вместо вопроса о домашнем адресе, под которым подразумевалось последнее место жительства до прибытия в Германию, было два вопроса: постоянный адрес и нынешний адрес. На оба вопроса я ответил – Менхегоф. Были еще мелкие различия, но главное, не было запрета покидать лагерь и угрозы ареста. На вопрос о национальности все мы, русские, ответили одинаково – Stateless, т. е. – бесподданный.

Замена старых документов на новые была сделана по совету Владимира Аполлоновича Темномерова (1901–1989). Темномеров в 1923 г. переехал из Константинополя (ныне Стамбул, Турция) в США, где получил высшее образование и американское подданство. В 1933 поехал в Париж продолжать учение в Сорбонне. В годы немецкой оккупации скрывался. В декабре 1945 г. получил работу в Беженском отделе Лиги Наций и отбыл в Германию. Там, ознакомившись с положением, он объехал все русские ДиПи лагеря и доверительно рекомендовал заменить старые документы на новые, где на вопрос о национальности было бы сказано – бесподданный.

ЮНРРА размещала ДиПи в пустующих немецких казармах и в немецких рабочих городках, откуда немцев насильно выселяли, в бараках для рабочих или военнопленных. Унра нас кормила, снабжала поношенной одеждой и папиросами.

Первое время союзники собирали всех иностранцев в один

лагерь, невзирая на их национальность, предполагая, что их пребывание в лагерях не будет продолжительным. Во всяком случае, так думало большинство военных, и отказ ДиПи возвращаться на родину для них был неожиданностью. Потом пришлось разрешать создание лагерей по более или менее национальному признаку, так как каждая национальная группа хотела иметь свои церкви и свои школы, и Унра пошла им навстречу.

Так как Унра 30 июня 1947 г. прекращала свою деятельность, то Генеральная Ассамблея ООН учредила 15 декабря 1946 г. IRO – International Refugee Organization – Международную беженскую организацию (перевод наш. – *Р. П.*) уже для опеки и расселения не ДиПи, а беженцев, отказавшихся возвращаться на родину по политическим причинам.

С 1 июля 1947 г. все ДиПи оказались в ведении PCIRO – Подготовительного комитета IRO. Начались проверки – скрининги (screening – просеивание). Надо было доказать, что мы до 1 сентября 1939 г. действительно проживали за пределами СССР, что не были «коллаборантами», т. е. не сотрудничали с немцами, не служили в немецких воинских частях и оказались в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их целью было сокращение числа опекаемых, и тех, кто не прошел проверки, переводили на положение немецких беженцев и отправляли в лагеря для немецких беженцев, которые содержались немцами.

После ликвидации Унры случаев насильственных выдач больше не было, так как мы хоть и продолжали называться ДиПи, были признаны беженцами, получившими право на политическое убежище. В 1947 г. при помощи PCIRO началось расселение ДиПи, сперва в Бельгию на работы в шахтах, а затем и в заморские страны: в Австралию, Аргентину, Бразилию, Чили, Канаду и США. Переезд русских в Марокко, организованный НТС, был не только без помощи, но даже вопреки желанию Унры, посчитавшей это за присвоение ее исключительных прав и обязанностей.

ДиПи записывались по собственному желанию на выезд в ту или иную страну, а представители этих стран решали, принимать их или не принимать. В 1948 г. президент Трумэн подписал акт о допуске в США до 1950 г. 202 тысяч ДиПи вне существовавшей в США квоты для въезда иммигрантов. Потом срок был продлен до 31 декабря 1951 г., и количество виз было увеличено до 341 тысячи, не считая 5 тысяч сирот.

Подготовительный период продолжался до 1 января 1948 г., когда IRO приступила к работе. Выдача виз в США продолжалась

до полночи 31 декабря 1951, а сам разъезд и ликвидация ДиПи лагерей затянулись до марта 1952 г. Оставшиеся в Италии, Австрии или Германии должны были сами искать себе работу, а нетрудоспособных, больных или стариков IRO устраивала в дома престарелых в тех или других европейских странах.

33. Выдачи

В Ялтинском договоре, подписанном 11 февраля 1945 г., в первом параграфе сказано: *«Все советские граждане, освобожденные вооруженными силами Соединенных Штатов, и все граждане Соединенных Штатов, освобожденные советскими вооруженными силами, будут после освобождения без задержки отделены от неприятельских военнопленных и будут содержаться в отдельных лагерях или пунктах концентрации, до их передачи в советские или американские руки»* (перевод с англ. наш. – *Р. П)*.

В шестом параграфе упомянуты и гражданские лица, подданные США и СССР, которые подлежали «эвакуации в тыл» до их передачи в руки советских или американских властей. Всего в договоре девять параграфов. Ни о насильственной выдаче советских подданных, ни о подданных иных стран в договоре ничего не сказано. Договор был заключен отдельно между СССР и США, был составлен по-русски и по-английски и подписан генерал-лейтенантом Грызловым и генерал-майором Джоном Р. Дином. Отдельно, там же и тогда же, был подписан аналогичный договор между СССР и Великобританией, а несколько позже, в Москве, между СССР и Францией. Подробности о Ялтинском соглашении стали известны только в 1972 г., когда Англия сняла секретность с этих документов[96].

Помимо девяти параграфов к Ялтинскому соглашению имели отношение и другие документы. Согласно заметке в нью-йоркской газете «Россия» от 16.11.1955 из этих документов 50 000 слов остались неопубликованными после публикации Госдепартаментом США краткого текста в марте 1955 г. Но каким бы ни было их содержание, соглашение о насильственной выдаче советских подданных не надо называть Ялтинским. Предварительное согласие по этому делу было достигнуто уже в 1943 г. в Тегеране. И едва ли обоснована версия об опасении западных союзников, что в случае невозвращения советских пленных СССР станет удерживать у себя освобожденных Красной армией американских и британских пленных. Международный Красный Крест снабжал их ежемесячно посылками, и все они были на учете[97]. Ответственность за насильственные выдачи несет прежде всего британский министр иностранных дел Иден, ставший впоследствии лордом Эйвоном. За приятным ужином в Москве 16 октября 1944 г. Иден дал Сталину и Молотову устное обязательство вернуть в СССР всех советских граждан вне зависимости от их желания.

Помимо этого, британцы практиковали выдачи, никакого

отношения к соглашению со Сталиным не имевшие. Сюда относятся выдачи титовцам сербских добровольцев-антикоммунистов ген. Милана Недича, сотрудничавших с немцами, словенских добровольцев-антикоммунистов – домобранцев, сотрудничавших с итальянцами, и хорватских домобранцев, которые не были добровольцами, а были призваны в армию. Все это было нарушением Женевской конвенции 1929 г. и не было предусмотрено никакими предварительными соглашениями. Еще более чудовищной была выдача в руки коммунистов своих же союзников четников, воевавших против немцев и подчинявшихся правительству Югославии в изгнании, которое находилось в Лондоне.

Об этой выдаче писал сербский историк Стеван Пирочанац в неопубликованной статье «Конец в Словении»: *«Когда полковник Таталович обратился к британскому офицеру с вопросом, куда их посылают, то офицер дал честное слово британского офицера, что они будут посланы в Италию. Но вместо отправки в Италию британцы отправили монархистов назад в Титовскую Югославию, где они все были без суда и следствия расстреляны в лесу около Кочевья (Словения). Из Ветриня (Vetrinje, или Viktriang Camp) британцы отправили обратно 3000 сербских добровольцев, 11 000 словенских домобранцев с их семьями и почти 10*00 *четников воеводы Джуришича с некоторым числом жещин и детей»* (перевод с англ. наш. – *Р. П.*). Из этих 15 000 мало кому удалось бежать.

Эта выдача, и выдача 18 600 казаков и 12 500 членов семей в Лиенце и других местах Австрии, когда перестаравшиеся британцы обманным путем выдали на расправу советской стороне вместе с казаками, бывшими советскими подданными, и казаков-эмигрантов, была и останется несмываемым позором для Великобритании. Юридически она представляла собой нарушение Женевской международной конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г., ратифицированной законодательными органами многих государств, в том числе Великобритании, Германии, США и Франции. Эта конвенция ввела в международное право понятие «принцип формы». Статус солдат и офицеров армии противника, захваченных в плен в результате боевых действий, определялся не их национальностью или гражданством, а фактическим на момент пленения обмундированием (формой). Поскольку все солдаты и офицеры из состава германских вооруженных сил, имевшие гражданство Советского Союза и захваченные в плен союзниками, носили немецкое обмундирование, то они в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. являлись германскими военнопленными со всеми правами, гарантированными конвенцией[98]. Кроме того, в

пункте 26 был запрет прибегать к какому-либо обману, что делалось и англичанами, и американцами[99].

«Кроме самого Идена, главных английских зачинщиков насилия – четверо. Все они крупные чиновники Министерства иностранных дел: Патрик Дин, затем Томас Бримелоу, руководители Северного отдела министерства Джон Голсуорси и Кристофер Уорнер»[100]. Ответственность лежит и на Объединенных начальниках штабов, высшем военном учреждении США. «*Когда 20 декабря 1945 г. сомневающийся в необходимости применять меры насилия по отношению к бывшим советским гражданам командующий 7-й армией генерал Пэтч запросил Главную квартиру, то спустя 4 месяца получил следующий ответ: все советские граждане, находившиеся на 1 сентября 1939 г. в границах Советского Союза, должны быть репатриированы, не считаясь даже с их личными желаниями, и, если необходимо, с применением силы»*[101].

Все это было беззаконием и произволом. После первой выдачи в Дахау 19 января 1946 г. в ООН была вынесена резолюция против насильственной репатриации. Об этом сказано в обращении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, посланном 23 марта 1946 г. одновременно Генеральному секретарю ООН Тригви Ли, президенту США Трумэну, Главнокомандующему Вооруженными Силами США в Европе генералу Иосифу Мак-Нарней и Элеоноре Рузвельт. В обращении сказано:

«Теперь этих людей предают насильственной репатриации на основании Ялтинского соглашения. Это соглашение, по-видимому, получило поправку, когда Объединенные Нации провозгласили политическую свободу для беженцев и проголосовали против их насильственной репатриации. <…> Мы, епископы, стоим вне политики, но подымаем наш голос в защиту Платтлингских заключенных потому, что они взывают к нам, потому, что нет никого другого, кто бы это сделал, и потому, что это есть святая миссия Христианской Церкви – взывать к милосердию и справедливости»[102].

Многие американцы, как выразился конгрессмен от Нью-Йорка Алберт Бош, считали, *«что насильственная репатриация миллионов военнопленных и иных лиц является нарушением лучших традиций Америки»*. Он предложил Палате представителей резолюцию № 137 от 11 февраля 1955 г. об *«учреждении специальной комиссии по расследованию всех случаев насильственной репатриации военных и беженцев из Советского Союза и других коммунистических государств в первые послевонные годы»*[103]. Подлинным инициатором этого законопроекта был родившийся в Австрии еврей Джулиус

Эпштейн, ставший американским журналистом и сотрудником Гуверовского института[104]. Комиссия так и не была учреждена, но в Палате представителей 23 сентября 1970 г., на этот раз конгрессменом от штата Иллинойс Романом Пусинским, был снова поднят вопрос о насильственных выдачах. Пусинский сказал:

«В Нюрнберге мы учили людей тому, что не может быть никакого извинения за военные преступления и преступления против человечества, объясняемые "приказом сверху". Верхушка нацистов, осужденных в Нюрнберге, была повешена за подчинение "приказам сверху". Это, безусловно, было справедливо. Но если международное правосудие не учло такие смягчающие обстоятельства, как "приказы сверху" в случае с нацистскими военными преступниками, то равно справедливо следует судить тех американцев, которые совершали неописуемые преступления и пытались оправдывать себя, ссылаясь на "приказы сверху" или на опороченные Ялтинские соглашения»[105].

Ни первая попытка, ни вторая ни к чему не привели, но это не остановило Джулиуса Эпштейна. В начале 1970 г. он прочитал в Санта-Крузе на собрании Объединенных республиканцев Калифорнии свой доклад «Операция килевания и мой иск военному министру». Проиграв дело в низшей инстанции Федерального суда, Эпштейн обжаловал решение в окружном Федеральном суде в Сан-Франциско[106], получив снова отказ от суда, следовавшего каким-то указаниям свыше. Тогда Эпштейн обратился за поддержкой к конгрессмену от штата Огайо Джону Ашбруку, предложившему 7 декабря 1971 г. на обсуждение резолюцию 399, требующую расследования проведения операции килевания, но и эта третяя попытка не увенчалась успехом. Джулиус Эпштейн родился в Вене, приехал в США в 1939 г. и скончался в Пало-Алто в 1975 г. на 74 году жизни[107].

В Лиенце и Платтлинге на могилах самоубийц, с разрешения митрополита Анастасия (Грибановского, 1873–1965), совершаются торжественные панихиды с участием местных властей, взявших на себя заботу о местах упокоения. Известно, что православная церковь не разрешает панихид по самоубийцам, но в этом случае было сделано исключение.

По моим сведениям, кубанский атаман Вячеслав Григорьевич Науменко (1883–1979) был первым, начавшим в 1953 г. собирать материалы, относящиеся к выдаче казаков. К 1958 г. он выпустил шестнадцать «Сборников материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году». Сборники печатались на ротаторе в количестве 400 экземпляров.

Известна и выдача американцами власовцев, и тоже

обманным путем, в Платтлинге. Первая выдача имела место 24 февраля 1946 г., а вторая –13 мая 1946 г.

Материалы о выдаче власовцев в Платтлинге были собраны Б. М. Кузнецовым в книге «В угоду Сталину»[108]. В первый раз было выдано 1575 человек, а во второй раз 1100. В этой же книге были напечатаны и документы, относящиеся к выдаче власовцев в Дахау 19 января 1946 г. и в Бад-Айблинге 21 августа 1946 г. (630 человек). В Бургау-Ульм 9 мая 1946 г. была выдача власовцев и гражданских лиц, а в Римини (британская зона оккупации Италии) 8–9 мая 1947 г. выдача пленных, служивших в антикоммунистических полках. У некоторых были жены и дети, которые содержались отдельно и не были выданы[109]. Выдача 16 августа 1946 г. в Шербуре (Франция) генерал-майора В. И. Мальцева и с ним около 200 служащих военно-воздушных сил КОНР и выдача в Хофе (Германия) 24 августа 1946 г. 336 человек власовцев или восточных легионеров упомянуты в книге К. М. Александрова[110]. Под словом «восточные легионеры» подразумеваются воинские формирования из бывших советских пленных нерусского происхождения.

Можно отметить два известных мне случая, когда советские армяне и так называемые турки (вероятно, крымские татары) были все же приняты в ДиПи лагеря ЮНРРА несмотря на то, что им затруднительно было доказать, что на 1.09.1939 они не были советскими подданными. В единственном армянском ДиПи лагере около Штутгарта, как мне говорили, было около 600 жителей, а в единственном «турецком» лагере было около ста.

«Турецкий» ДиПи лагерь находился в Касселе-Беттенхаузене и, хотя был частью балтийского лагеря, жил совершенно обособленно. В Беттенхаузен я попал по приглашению латышских скаутов в сентябре 1945 г. и удивился, увидев мачту с турецким флагом. Пожилой человек, с которым я поздоровался по-турецки – «мерхаба эфенди», ответил мне тоже – «мерхаба», но когда я перешел на немецкий, замотал головой и поспешно ушел. Сопровождавший меня латыш сказал, что эти странные люди, называющие себя турками, ни с кем не желают разговаривать. Вскоре они уехали в Турцию. Последние сведения об их пребывании в ДиПи лагере прислала мне З. Виелеба, полька, работающая в кассельском городском архиве для своей докторской диссертации о польских ДиПи в Касселе. Это сообщение обербургомистра г. Касселя от 3.12.1945, в котором говорится, что в лагере Junkerswerk (Кассель-Беттенхаузен) среди прочих проживало 55 мужчин, 17 женщин и 24 детей – всего 12 турецких семей. Известно, что турецкие подданные не могли быть насильно привезеными на работу в Германию, а значит, не имели

права жить в ДиПи лагере на иждивении ЮНРРА. Кроме того, в лагеря ДиПи принимали только тех иностранцев, которые могли доказать, что 01.09.1939 находились за границей СССР. Остается загадкой, как смогли так называемые турки доказать при проверке документов, что они турецкие, а не советские подданные? Как могла Турция признать их своими подданными и разрешить им переселиться в Турцию в считаные месяцы после конца войны? Как могли американцы, так строго и придирчиво проверявшие всех ДиПи, так легко и быстро отпустить так называемых турок в Турцию?

Выдача власовцев в Дахау была названа «нечеловеческой оргией» в статье «Самоубийство красных предателей в Дахау» в европейском издании американской газеты для военных «Stars and Stripes» (Звезды и полосы) от 23 января 1946 г.:

«Дахау, январь 23. Русские военнопленные, боясь вернуться на родину, которую они предали, боролись, как звери, чтобы уничтожить себя в американском лагере под стражей здесь в эту субботу, очевидцы оргии поведали сегодня.

Десяти пленным, которые были забраны в армию немцами или стали добровольцами-предателями, удалось покончить с собой во время буйства и битвы с их американскими стражами. Один умер позже в госпитале. Было сообщено, что двадцать, которые себя сильно поранили, были на пути к выздоровлению.

Когда солдаты ворвались в бараки, полные слезоточивого газа, в которых находились русские в ожидании транспорта домой, два пленных пытались выпотрошить себя кусками разбитого стекла. Они стояли рядом и стегали друг друга по горлу. Другой просунул голову через окно и неистово крутил головой, пока разбитое стекло не перерезало ему горло.

“Это было не человечно, – сказал один из стражей. – Людей не было в этом бараке, когда мы туда вошли. Они были животными”. Солдаты быстро перерезали веревки, привязанные к стропилам, на которых некоторые повесились. Те, которые были еще в сознании, кричали по-русски, сначала показывая на винтовки стражей, а затем на себя, умоляя нас их застрелить»[111].

Были выдачи власовцев и в США. В июне 1945 г. был выдан большевикам 151 из 154 взятых американцами в плен власовцев, которые содержались в Форт-Дикс (штат Нью-Джерси). Они отказались выходить из бараков, и по ним был открыт огонь. Девять было ранено, а трое повесились[112]. Американец Юлий Эпштейн упоминает о выдачах советских подданных, не обязательно власовцев или иных, служивших в немецкой армии, в городах: Пассау, Кемптен, Сант-Вейдт и Марбург[113].

О выдачах в Фюссене, Бад-Эйберлинге и Хайлигенхафене

упомянул Михаил Михайлович Коряков (1911–1977) в статье «Когда отзвонили колокола»[114], но никаких подробностей не сообщил. Ю. Сречинский добавляет к этому списку город Майнц и сообщает, что *«в Северной Африке русских выдавали из французского Иностранного легиона»*[115]. О советских пленных в Швеции писал К. Александров, *«что в 1943–1945 в нейтральную Швецию из лагерей в Норвегии и Финляндии бежали около 4000 человек»*[116]. Но Швеция советским пленным, не желавшим возвращаться на родину, не предоставляла убежища, и люди, видя безвыходность положения, возвращались. Только немногим удалось скрыться и спастись. Из Дании было репатриировано 11 769 советских подданных, в том числе и власовцев[117].

В нейтральной Швейцарии, которая не имела с СССР дипломатических отношений, по советским данным, находилось бежавших в годы войны из Германии и там интернированных 16 145 военных и 4498 гражданских советских подданных. Чтобы добиться репатриации своих подданных, советское правительство, как говорилось в сообщении ТАСС от 16 июня 1945 г., *«дало указание своим органам прекратить отправку в Швейцарию всех швейцарских граждан, находящихся в распоряжении советских органов репатриации»*. Репатриация советских граждан началась 11 августа 1945 г., и тогда было репатриировано 6145 военнопленных и 723 гражданских. После этого, по советским данным, в Швейцарии оставалось 775 невозвращенцев, получивших право убежища[118]. Самыми известными исследованиями о выдачах стали книги Николая Толстого «The Secret Betrayal 1944–1947» Charles Scribner's Sons (Тайное предательство) (Нью-Йорк, 1977), в русском издании «Жертвы Ялты» (Париж: YMCA-Press, 1988) и The Minister and the Massacres (Министр и массовые убийства). По поводу этих книг Георгий Григорьевич Вербицкий (р. 1928) сообщил мне в письме от 10.08.2006 следующее:

«Ознакомившись с исследованиями Толстого, один английский журналист напечатал статью, в которой обвинил премьера Maurice Macmillan'a в предательстве и зверстве выдач. Макмиллан подал в суд на журналиста. Толстой сказал, что раз данные журналист взял из его книг, то пусть судят и его. Он добровольно предстал перед судом вместе с журналистом. Присяжные заседатели пришли к решению, что они оба виноваты, а судья вынес неслыханный штраф в полтора миллиона фунтов стерлингов. Британское правительство настаивало на таком штрафе».

1-я РНА, которую организовал и которой командовал генерал Борис Алексеевич Хольмстон (наст. фамилия Смысловский, 1897–

1988), в ночь с 29 на 30 апреля 1945 г. оказалась в г. Фельдкирх (Австрия). Здесь к ним присоединились эрцгерцог Альбрехт, князь Владимир Кириллович (ок. 1917–1992) со свитой, председатель Русского комитета в Варшаве Сергей Львович Войцеховский с небольшой группой беженцев и разрозненные венгерские части.

«В ночь со 2 на 3 мая в 23.00 колонна перешла швейцарскую границу княжества Лихтенштейн. Князю Владимиру Кирилловичу и его свите было отказано в убежище, и они вернулись в Австрию. Армия сдала оружие и была интернирована. Заботы об интернированных взял на себя лихтенштейнский Красный Крест. В РНА было 494 человека: 462 мужчины (2 полка – из них 73 офицеров), 30 женщин и 2 детей. 16 августа была встреча русских в Вадуце, столице княжества Лихтенштейн, с представителями советской репатриационной комиссии. Переводчиком был гражданин княжества русский барон Эдуард фон Фальц-Фейн. Около 200 рядовых из бывших пленных красноармейцев согласились вернуться в СССР и отбыли в Советскую зону Австрии. Несмотря на давление на князя, насильно никто не был выдан советчикам. Князь Лихтенштейна Франц-Иосиф II сказал: “Невзирая на большое проявленное давление и на другой пример других государств, эти достойные сожаления беженцы не были выданы их палачам”»[119].

Если о выдаче казаков и РОА известны почти все подробности, то об имевших место насильственных выдачах гражданских лиц или попытках их выдать известно мало.

Советские пленные и рабочие, так называемые «осты», содержались немцами отдельно от других, потому что их кормили хуже и для них были отдельные кухни. Оказавшиеся в западных зонах, они уже оказались собранными вместе и автоматически передавались советским офицерам по репатриации. Кто-то бежал из таких лагерей, но большинство покорно подчинялось приказам и искренно, а кто не совсем, радовались возвращению на родину. На 1 июля 1946 г. в западных оккупационных зонах было выявлено 2 371 062 советских подданных. Из них вернулось в СССР в добровольно-принудительном порядке 2 194 523. Исчезли на этапах репатриации из западных в Советскую зону, а может быть, были частично расстреляны без суда – 690 советских подданных и 175 849 избежали репатриации[120]. Здесь не были учтены советские подданные, оказавшиеся в Бельгии и Франции[121] и Люксембурге. Из Италии, по данным Марка Эллиота, британцы репатриировали 42 000 советских подданых. По его же сведениям из советских подданных, избежавших репатриации, только 40 000 были великороссами, остальные были украинцами и белорусами[122]. Точных цифр, конечно, никто не знает, но цифра

40 000 русских мне кажется вполне правдоподобной.

О выдаче из Великобритании сказано: *«18 апреля 1945 г. английское судно «Альмансор» прибыло в Одессу с большой группой репатриантов. Часть из них смершевцы расстреляли на глазах у английских моряков. Английские моряки были еще несколько раз свидетелями таких немедленных расстрелов. Один из них, русский эмигрант князь Ливен, лейтенант английского военно-морского флота, с возмущением доложил об этом по начальству и пытался что-то предпринять для спасения людей. Но добился лишь того, что его взяли "на карандаш"»*[123].

Общее название для насильственной репатриации советских подданных у англо-американцев было килевание – «Forcible Repatriation of Soviet Citizens. Operation Keelhaul". Они знали, что делают. Килеванием называлось мучительное наказание моряков, почти всегда со смертельным исходом. Наказуемого привязывали к веревке и не спеша протягивали через воду под килем корабля. Для отдельных выдач были и другие кодовые названия, например, выдача в Италии называлась Operation Eastwind[124].

Если рабочие-«осты» возвращались более или менее добровольно, то военнопленные знали о приказе Наркома обороны СССР № 270 от 16 августа 1941 г., в котором было сказано: *«Командиров и политработников, во время боя срывающих знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как родственники нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров»,* а также и «*семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»*[125]. Правда, призывая к возвращению на родину, советские агенты громогласно заявляли, что родина все и всем простила и что всякие опасения напрасны. На деле все было иначе. Советская власть как была антинародной, так антинародной и осталась.

Иначе на своих пленных смотрело царское правительство. Известно, что после конца русско-японской войны за сдачу Порт-Артура только комендант крепости, генерал Стессель, должен был отвечать перед судом, но не пленные офицеры и рядовые. Наоборот, всем им было выплачено полагающееся жалование за время пребывания в плену.

Приведенные данные о числе репатриированных относятся к 1 июля 1946 г., потому что к этому дню, в связи с прекращением деятельности ЮНРРА, подводились итоги проведенной ею работы. Одной из задач ЮНРРА было содействие возвращению на родину военнопленных и гражданских лиц, вывезенных насильно в Германию на работы.

Бежавшим из советских пересыльных лагерей скрыться среди

немцев, австрийцев или итальянцев было почти невозможно из-за карточной системы. Чтобы получить продовольственные карточки, надо было иметь прописку, т. е. жить не в лагере, а на законном основании на частной квартире, и иметь заработок, чтобы платить за квартиру и покупать продукты по карточкам наравне с местными жителями. Легче было скрыться в польском или ином ДиПи лагере. Знаю от поляков, что было секретное распоряжение ген. Андерса об укрытии советских подданных. В польском лагере в Фудьде было так много русских, в подавляющем большинстве советских подданных, что там была построена православная церковь. Настоятелем был русский священник из Польши о. Игорь Ткачук. Укрыться в русских или многонациональных лагерях помогали старые русские эмигранты. Во многих лагерях были мастера, подделывавшие документы. В Менхегофе таким мастером был Всеволод Владимирович Селивановский (1925–1988). В Мюнхене Сергею Владимировичу Юрьеву (?–1961), бывшему представителю Лиги Наций в Югославии, удалось перевести на статус «старых» эмигрантов свыше десяти тысяч советских граждан. Он выдавал им удостоверения с печатью Лиги наций, за что и был арестован[126].

Но не все «старые» эмигранты старались помочь, как тогда говорилось, «подсоветским» людям. Известен случай, о котором поведала Людмила Фостер: *«Я лично знала сотрудницу Толстовского фонда В. К. Чирикову, которая с упоением рассказывала, что она уличала “новых” эмигрантов, избегавших выдачи в СССР, в подлоге документов. Увы, в семье не без урода»*[127].

«Новым» эмигрантам, как тогда называли советских подданных, чтобы попасть в ДиПи лагерь на иждивение ЮНРРА и не быть выданным советским агентам, надо было пройти проверку и доказать право называться бесподданным (или «старым» эмигрантом)[128]. Говорилось, что в Италии советским подданным достаточно было принять католичество, чтобы получить от полиции соответствующие документы. Одним из таких, принявших католичество, был Борис Ширяев (А. Алымов), автор книги «ДиПи в Италии» (1952).

Добровольно-принудительное возвращение советских подданных из западных зон Австрии и Германии шло довольно гладко, но были и исключения. В Гамбурге в мае 1945 г. была попытка обманным путем репатриировать советских подданных, не желавших возвращаться на родину. В статье «Подвиг духа и воли» Владимир Дмитриевич Самарин (настоящая фамилия Соколов, 1913–1995) поместил воспоминания иеромонаха о. Нафанаила (Львова, 1906–1986), впоследствии архиепископа

Венского и Австрийского:

«*В конце мая один лагерь в Гамбурге, предназначенный к вывозу, Квер-камп, или Функтурм, с 600 русских насельников, выкинул черный флаг и составил прошение по-русски и по-английски* (английский текст писал М. Геккер. – *Р. П.*), *в котором решительно просил английские власти расстрелять их на месте, но не отправлять на Родину. Под прошением было поставлено 268 подписей, так как не все 600 человек в этом лагере решились подписать такое решительное заявление».* Отец Нафанаил, говоривший и по-английски и по-французски, взялся передать его британскому начальнику репатриационного отдела полковнику Джеймсу. В ответе, полученном в начале июня, было сказано: *«Никто, кто не является военным преступником или не был советским гражданином к 1 сентября 1939 г., не должен быть репатриирован против своей воли. <…> На следующий день после получения официального ответа из Главной квартиры мы снова были у полковника Джеймса.*

– А как польские граждане, могут ли они остатья в Германии при желании?

– Они пользуются привилегией выбирать, ехать им или нет, – не без мрачной иронии ответил полковник.

– Так эти жители лагеря Квер-камп, подписавшие прошения о расстреле, и все живущие вместе с ними, являются все без исключения польскими гражданами <…> удостоверить их принадлежность к польскому гражданству мы не можем, так как немцы у всех работников с Востока, и у русских и у поляков, отбирали документы. Следовательно, мы должны положиться на показания самих людей. Что Вы на это скажете?

– Прекрасно, составьте список жителей Квер-кампа, не желающих возвращаться на родину, принесите его польскому офицеру связи, состоящему при нашем военном управлении, и если он этот список примет, я ничего не буду иметь против того, чтобы эти люди были переведены в польский лагерь и остались в Германии.

*Мы составили этот список. На этот раз записавшихся было 618 человек, все поголовно жители Квер-кампа. Этот список мы отнесли к польскому офицеру связи, майору армии Андерса, убежденному антикоммунисту. Он подписал список как соответствующий действительности, поставив на него свою печать, и вместе с нами, т. е. со мной и с о. Виталием (*Устиновым, впоследствии митрополитом и первоиерархом РПЦЗ *– Р. П.), отнес его к полковнику Джеймсу, который принял его и сказал, что во вторник, 5 июня, насельники Квер-кампа будут перевезены в польский лагерь. Это была суббота 2 июня».*

В воскресенье вечером двое посланных из лагеря примчались на велосипедах и взволнованно сообщили, что в лагерь прибыло 30 грузовиков. Приехали в воскресенье, а не во вторник, и не говорят, куда повезут. Дальше о. Нафанаил вспоминает:

«В лагере мы застали до сотни английских полицейских, оцепивших лагерь и не выпускавших никого из него. На дворе стояло 30 грузовиков, на которые английские полисмены складывали пожитки жителей Квер-кампа и куда принуждали садиться самих жителей. Некоторые из жителей, бросив свои пожитки, бежали из лагеря. Мы подошли к шоферам и стали спрашивать их, куда намереваются они везти наших людей? Мы не знаем, сухо отвечали они. Это нам не понравилось. Поговорив с о. Виталием, мы решили, что он останется тут, в канцелярии лагеря, у телефона, а я поеду с людьми, и если все будет благополучно, то через час я позвоню ему. А если будет неблагополучно, то о. Виталий бросится к англичанам, чтобы попробовать спасти нас». Отец Нафанаил сел вместе с шофером. Он вспоминает: *«Мы быстро промчались через Гамбург, выехали на его окраину и подъехали к лагерю, затянутому тремя рядами колючей проволоки. Ворота лагеря широко распахнулись, и наши грузовики на полном ходу влетели в ворота один за другим. Ворота захлопнулись. Над главной конторой мы увидели большое полотно красного флага с серпом и молотом. С крыльца конторы спускался советский офицер».*

Отец Нафанаил спросил, нет ли здесь английского офицера, и узнав, что английский офицер находится неподалеку, бросился к нему. Так как он был в рясе и говорил по-английски, то часовые пропустили о. Нафанаила к офицеру – майору Андерсону.

«Это недоразумение – закричал я, входя к нему в контору. – Мои люди польские граждане, а вы привезли их в советский транзитный лагерь!» На вопрос о документах о. Нафанаил сказал, что у людей документов нет. Тогда англичанин вызвал по телефону польского офицера. *«Через 15 минут к конторе подъехал на мотоциклете польский офицер, говоривший по-английски. “Там привезли польских граждан, – сказал англичанин поляку. – Проверьте и переведите в свой лагерь”. Поляк вышел. Через несколько минут он вернулся и заявил: “Ни один из них не польский гражданин, ни один из них даже не говорит по-польски. Это все советские граждане”. В это время я с ужасом заметил у него над левым карманом на груди маленькую красную звездочку. Это, оказывается, был красный поляк или присланный от Люблинского правительства, или перешедший на сторону коммунистов тут. <…> Майор Андерсон посмотрел на меня холодным враждебным взглядом.– “Что это значит?” – спросил он. “Я знаю, что я*

говорю, – настаивал я. – Это польские граждане. Полковник Джеймс знает этот случай". – "Я расследую это", – сказал Андерсон, перестав разговаривать.

Людей направили спать в барак, но людям было не до сна. В двенадцатом часу майор Андерсон вызвал о. Нафанаила и сказал ему: "Полковник Джеймс подтвердил ваше показание, и завтра в семь часов утра все ваши люди будут перевезены в польский лагерь"».

Неожиданно в 5 часов утра на английском автомобиле в лагерь прибыл о. Виталий, который, не дождавшись условного звонка, добился связи с полковником Джеймсом, который выяснил, куда попали люди с о. Нафанаилом, и дал распоряжение майору Андерсону отправить людей в польский лагерь Венторф. Свои воспоминания о. Нафанаил кончает так: *«Через несколько недель в Венторфе уже было две тысячи русских обитателей. Их добрым ангелом-хранителем стал британский капитан Рэмедж, шотландец, говоривший по-русски. <…> Благодаря его стараниям, к осени русские обитатели польского лагеря Венторф получили свой чисто русский лагерь Фишбек»*[129].

Опасность быть выданным против своей воли советским агентам была не только для «новых» эмигрантов, но и для «старых». Вместе с другими мне и моей семье пришлось пережить 9 июня 1945 г. отправку обманным путем, не разбираясь, кто «старый», кто «новый», в советский репатриационный лагерь.

Мы прибыли из Нидерзахсверфена (Тюрингия), который должен был войти в состав Советской зоны Германии, в Кассель – ближайший город Американской зоны. Американский комендант Касселя, когда к нему явился Болдырев с просьбой принять русских ДиПи, сказал:

– Я всех русских отправляю в Восточную Германию и не впущу ни одного русского из Восточной Германии сюда.

Произошел бурный разговор, и, как потом вспоминал Болдырев, он думал, что его тут же арестуют, но потом американский комендант как будто все же уступил и предоставил прибывшим для ночлега пустовавший лагерь на окраине Касселя около ДиПи лагеря Маттенберг. Мы поужинали в Маттенберге, а ночевать нас направили, куда было приказано. Так как в лагере было несколько сгоревших деревянных бараков, мы его назвали «Погорелым». Американец не подобрел, как подумал Болдырев, а устроил нам ловушку. Он направил нас в советский пересыльный лагерь, откуда все были недавно отправлены в Советскую зону, и сообщил советскому представителю о прибытии новой партии русских.

В «Погорелый лагерь» попали не все. Сам Болдырев с

некоторыми сотрудниками ночевал в городе Касселе, часть заблудилась и ночевала в машинах и только часть попала в «Погорелый лагерь».

Мест в бараках в «Погорелом лагере» для всех не оказалось, и многие, в том числе и я с семьей, решили спать под открытым небом, благо ночь была теплая. Мы развели костер, и конечно, не спали, а только дремали.

Рано утром появились грузовики. Из кабинки первого вышел советский офицер и скомандовал: «Давайте грузиться!».

– Зачем? Куда? – послышались голоса проснувшихся людей.

– Как куда? На родину! – последовал громкий ответ советского офицера.

– Ни на какую родину мы не поедем, – ответило ему несколько голосов.

– Поедете! – и он вынул из кобуры револьвер.

Тут поднялись вопли и крики. Кто-то побежал в бараки за нашими вооруженными охранниками, которые были тут же, со своими семьями. Кто-то из гревшихся у костра схватил винтовку и щелкнул затвором.

Советский офицер этого не ожидал, он сел в кабинку и приказал ехать. Не будь у нас вооруженной охраны, быть бы нам в Советском Союзе.

Позорную известность получила выдача в Кемптене (Бавария, Американская зона Германии) в «кровавое воскресенье» 12 августа 1945 г. ДиПи лагерь в Кемптене официально назывался «белым русским лагерем». Это было большое здание школы с двором, окруженным невысоким дощатым забором. Напротив, через переулок, были такие же дома, в одном из них жили латыши. Во главе русского лагеря стоял назначенный ЮНРРА начальник, старый эмигрант из Югославии, генерал Данилов.

В начале августа, с разрешения американского командования и ЮНРРА, появились советские офицеры, которые начали производить проверку жителей и составили список советских подданных. Воспоминания одной свидетельницы были напечатаны Вербицким в книге «Остарбайтеры»:

«Около 10 часов утра мы заметили, что грузовики с солдатами стали окружать лагерь. Началась паника. Солдаты приехали репатриировать граждан Советского Союза. Так как это происходило в воскресенье, то в спортивном зале, временно переделанном в церковь, шла литургия. Всем был запрещен выход из лагеря.

На улице, рядом на углу, собралась толпа беженцев других национальностей – поляки, латыши и литовцы. Из окна школы был вывешен черный флаг с буквами SOS – спасите наши души. <…>

Внезапно солдаты погрузились в грузовики и уехали. Сразу прошел слух, что солдаты отказались репатриировать невинных людей силой, против их воли. <…> Но наша радость была кратковременной. Приблизительно через полчаса лагерь был опять окружен солдатами. На этот раз американская военная полиция – MP – Military Police, вооруженная автоматами, сомкнула кольцо вокруг лагеря, стоя метрах в 50 друг от друга. Американский полковник с двумя солдатами вошел в церковь. С балкона через переводчика он обратился ко всем молящимся. Он сказал, что по соглашению в Ялте все, кто проживал в Советском Союзе до 1-го сентября 1939 года и кто считается советским подданным, должен ехать домой. Будет прочитан список из 410 имен. <…> Американский полковник опять повторил, что, если "новые" эмигранты не покинут моментально церковь, то он будет вынужден приказать солдатам войти в церковь и начать силой выводить людей. <…> Сопротивляющихся женщин хватали за волосы и тащили к дверям. Солдаты безжалостно избивали людей, таща их наружу. Священника ударили по голове серебряным крестом, который у него вырвали из рук. <…> Посередине двора был поставлен маленький стол. За столом стоял американский полковник со списком 410 его жертв и его переводчик. <…> Из 410 "новых" по списку только около 80 были вывезены. Позже мы узнали, что в субботу, поздно вечером, американский солдат пришел в лагерь и предупредил о сегодняшней выдаче. Имя этого честного и храброго солдата осталось неизвестным. К сожалению, не все ему поверили. Те, кто поверил, оставив все свои вещи в лагере, ночью ушли из лагеря, пробираясь мимо часовых, спрятались в лесу и избежали выдачи»[130].

Николай Александрович Цуриков (1886–1957) пишет, что из Кемптена было репатриировано 48 человек, а 32 удалось при помощи сопровождавшей их охраны из негров бежать. Далее в статье Цурикова приводится акт из 17 пунктов, составленный на следующий день комиссией церковного совета. Акт приводится в сокращении:

«1. Алтарь храма в состоянии полного разгрома, причем Святой Престол был отброшен. 2. Иконы, находившиеся на Престоле, сброшены на пол. 3. Подсвечники и другая церковная утварь, находившаяся в алтаре, поломаны и разбросаны. 5. Исчез небольшой серебряный сосуд со священным елеем. 6. На полу алтаря валялись части разорванной одежды, обуви, гребенки, оторванные пуговицы и окурки папирос. 8. Сильно поврежден иконостас <…>. 16. Взломан деревянный шкаф, из которого, по заявлению церковного старосты, похищено около 500 герм. марок тарелочного сбора, обнаружены также пропажа двух пачек свечей.

17. В кладовой при церкви взломали шкаф, в котором хранятся церковные вещи»[131].

Нечто подобное случилось в апреле 1946 г. в Регенсбурге в русской части ДиПи лагеря в Гангхоферзидлунге. Об этом говорится в книге Асты Александровны Аристовой, (ур. Терских, р. 1936) «Что сохранила память»:

«Топот приблизился: раздался в коридоре и послышался стук в дверь. <…> Ауфмахен! Полицай! Двое военных полицейских (эм-пи) прошли мимо и постучали в дверь прямо в комнату Олега Маруты. Так был арестован Олег Марута и еще десять бывших власовцев. <…>. Они пошли без всякого сопроивления, но за ними хлынули друзья и близкие, особенно женщины. <…> Перед зданием школы стоял грузовик, окруженный полицией, как немецкой, так и эм-пи. Арестованных выводили из джипов и, под конвоем, сажали в грузовик. У всех мелькнула одна мысль – репатриация. Ложись! На дорогу ложись! – скомандовал неизвестно кто, и около двенадцати женщин легли поперек дороги, загородив путь грузовикам. Одна из них была Рогнеда Козловска, молодая красивая женщина, дочь председателя колонии и наша любимая актриса. Однако женщины пролежали недолго. Их оттащили в сторону эм-пи, а немецкие полицейские, сцепившись руками, кордоном окружили грузовики. Раздались выстрелы, и вскоре тяжелые машины, беспрепятственно, под крики и вопли толпы, выехали из поселка. <…> Многие направились к русской общине, расположенной в первом блоке. В комнатах общины шла кипучая деятельность. На сдвинутых столах лежали откуда-то появившиеся простыни, кто-то принес из театра холст, на котором обычно писали декорации. Появились кисточки, краски, жерди, гвозди и куски черной ткани, которую рвали на ленты. <…> Траур нужен.

“Нужны черные флаги”, – заметил кто-то. “У меня есть черная юбка”, – сказала Рогнеда и побежала домой за юбкой. <…> Наконец из общины вышли люди с плакатами, с черными флагами, с черными повязками на рукавах. Повязок не хватило на всех. Их дали представителям общины и директору. Подошли к школе. Стали строиться. Впереди поставили нас, детей, за нами стали учителя, родители, а дальше священники и хор. А еще дальше, через каждые пять-шесть рядов, несшие плакаты. <…> К демонстрантам присоединились украинцы и белорусы. “Сегодня ваших, а завтра наших”, – говорили они. Шествие двинулось вперед. <…> Что точно было написано на четырех плакатах, я не помню, но один из них, самый длинный с самыми мелкими буквами, спрашивал: “Вы забыли четыре свободы Рузвельта?” И перечислял “свободы”. Другой просил вернуть невинных. Было что-то об

американской конституции и билле о правах. Плакаты не требовали, а просили, не грозили, а упрекали. Мы подошли к комендатуре, красивому желтому зданию XVIII века, видевшему в свое время шествия кайзера и самого Наполеона. Теперь оно смотрело на бедно одетую темную толпу. Вдруг мимо нас с грохотом пронеслись два джипа, обогнали колонну, резко развернулись и стали поперек дороги, загородив путь. Из одного джипа выскочил полковник, он стал размахивать револьвером и что-то кричать. За ним выскочили несколько эм-пи с автоматами и наставили их на толпу. Полковник жестами показывал, чтобы люди вернулись. Но толпа дрогнула, и как будто ветер пробежал по рядам: ряд за рядом без всякого знака, без договоренности, стал падать на колени. <…> Взгляд полковника пробежал над головами и побежал по плакатам. И лицо его стало меняться с каждым словом. Его строгость и злоба исчезли. Он смутился. <…> Из толпы вышли трое наших переводчиков. Они коротко поговорили с полковником, а потом, обратившись к нам, сказали: "Он обещал рассмотреть дело и постарается освободить наших". Демонстранты вернулись в лагерь, и в церкви начался молебен. Во время богослужения пришла весть, что всех освободили»[132].

Нечто подобное тому, что произошло в Кемптене и Регенсбурге, произошло и в начале декабря 1945 г. в Менхегофе, только без трагических последствий. Советский офицер по репатриации, имевший право доступа к документам ЮНРРА, составил список советских подданных, проживающих в Менхегофе и окрестных лагерях. Тот, кто предоставил ему документы, сообщил об этом в лагерный комитет. Все, оказавшиеся в списке, были немедленно отправлены на американский военный аэродром в Ротвестене как рабочие. Сделано это было с поспешностью. Помню, что люди побросали свои вещи, захватив с собой только самое необходимое. Советский офицер прибыл в лагерь, как было положено, в сопровождении американского офицера. Не найдя ни одного советского подданного, а только пустые комнаты, он был немало сконфужен и отбыл ни с чем из лагеря. Всем вывезенным в Ротвестен были сделаны новые документы на новые имена и с иными биографическими данными.

В упомянутой статье «Когда отзвонили колокола…» Коряков рассказал про охоту советских агентов на уклонявшихся от репатриации советских подданных. Кто-кто, а Коряков знал, о чем писал. Про него говорили, что он был одним из тех, кто во Франции принимал участие в этой охоте, но потом решил на родину не возвращаться, а поехать в Америку. «*В 1945–1946 годах энкаведешники рыскали по всем странам Европы, выискивая*

“перемещенных лиц”, не желавших возвращаться. <…> Известно, что во Франции за каждого выданного “невозвращенца” доносчик получал 5000 франков. Насколько известно, первый налет энкаведешников в окрестностях Парижа в 1945 году был произведен на русский дом престарелых в Сент-Женевьев де Буа, дом и сад при доме были ночью оцеплены, начался обыск. Престарелые графы и князья, каких было немало в доме престарелых, перепугались: они думали, что это их будут силой вывозить в Россию. Обыск не дал никаких результатов: не нашли ни одного “невозвращенца”». Кончилось дело тем, что энкаведешники угостили переполошившихся старых русских аристократов конфетами – и уехали. Безрезультатным был и обыск в Вильмуссоне в русском детском доме. Энкаведешники нагрянули также в детский лагерь священника Александра Чекана – и увезли одну семью на том фантастическом основании, что документы членов семьи будто бы фальшивые и что в действительности они будто бы являются советскими гражданами. Надо заметить, что сами энкаведешники считали, что в 1945 г. в одной только Франции скрывалось не меньше 40 000 невозвращенцев. Под Парижем у НКВД был свой лагерь Борегар, куда свозились пойманные жертвы. В марте 1946 г. всю французскую печать облетела телеграмма о «деле Лапчинского». Широко распространенная социалистическая газета «Попюлер» сообщала такие подробности этого дела:

В скромном отеле в Латинском квартале в Париже проживал невозвращенец Федор Колосов, лейтенант Красной армии. Жил он под чужим именем – по бумагам на имя Николая Лапчинского. В начале марта 1946 года он заметил, что за ним ведется тщательная слежка, и потому 5 марта решил не ночевать у себя дома. Колесов-Лапчинский пошел к своему знакомому, внуку писателя Льва Толстого – улица Эрланже, 33. Переночевав у друзей, Колосов-Лапчинский решил остаться там и на день. В два часа дня хозяева вышли, условившись с Колесовым-Лапчинским, что он не будет никого впускать в квартиру и сам никуда не выйдет. Но, когда они вернулись домой, то Колесова-Лапчинского там уже не было. В квартире, как видно, произошла жестокая схватка: кое-что из обстановки было поломано, на полу – большое кровавое пятно. Несколько соседей, как оказалось, видели, что из дома был вытащен молодой человек, весь в крови, оказывавший отчаянное сопротивление. Толстой немедленно дал знать в полицию и добился того, чтобы подробности похищения Колесова-Лачинского попали в печать. Колесов-Лапчинский погиб, но так как дело о его похищении вызвало большой шум, власти во Франции и других странах Европы положили конец

разбою.

Оккупационные власти вменяли в обязанность немцам способствовать насильственным выдачам советских подданных. В нью-йоркском журнале «Русский антикоммунист» за июнь–июль 1954 г. на с. 9–10 был напечатан перевод одного из подобных распоряжений:

> *«Ландрат в Роттвейле, 10 сентября 1945 г.*
>
> *Господам бургомистрам городов и деревень округа*
>
> *По делу об отправке советских подданных в СССР*
>
> *В моих предписаниях от 27 июля и 30 августа с.г. я просил представить мне именные списки и точные адреса советских подданных (русских, украинцев, армян и т. д.), которые отказываются явиться в сборный лагерь для отправки в Советский Союз.*
>
> *Военное управление еще раз требует немедленно представить списки всех проживающих в округе подданных СССР, с указанием фамилий их работодателей и квартирных хозяев. Военное управление строжайше запрещает предоставлять этим лицам кров, пропитание, одежду или работу. Работодатели, которые не подчинятся этому предписанию, подлежат строгому наказанию. Дальнейшая выдача продовольственных карточек советским русским, само собой разумеется, запрещается. Особо должны быть отмечены случаи, когда подданство вызывает сомнение или является спорным (лица, выдающие себя за поляков, и т. д.).*
>
> *Об исполнении доложить не позже 12 сентября 1945 г.*
>
> *(подпись) Аблейтнер»*

О похищении в Бельгии сообщалось в журнале для руководителей ОРЮР «Опыт» (1951. № 12. С. 22): *«В Брюсселе у вдовы генерала Вамберси была выкрадена советскими агентами приемная дочь 4-х лет, русская по происхождению, Нина Давыдова. Вдова адаптировала ее через IRO из лагерей ДиПи. Ее родители умерли, и девочка осталась круглой сиротой. Советское посольство долго за ней охотилось, пока в сочельник Нина не затерялась в толпе в большом универсальном магазине, откуда “любезный прохожий” отправил ее в Советское посольство для дальнейшей репатриации в СССР».*

Прекращение выдач советских подданных нет оснований связывать со знаменитой речью Уинстона Черчиля в Фултоне (Миссури, США) 5 марта 1946 г. Она, а пожалуй, еще больше доклад американского посла в Москве Джорджа Кеннана, известный как «Длинная телеграмма», только положили основу

доктрине Трумэна о сдерживании коммунизма, но не остановили бесчеловечные и незаконные выдачи. Пока существовала ЮНРРА, охота на советских подданных не прекращалась. Из американцев ответственность за выдачи несут как президент Трумэн, так и все дававшие приказы и исполнявшие их.

Выдачи советских подданных прекратились только к 1 июля 1946 г. в связи с прекращением деятельности ЮНРРА, одной из задач которой было возвращение на родину военнопленных и перемещенных лиц. Оставшиеся в лагерях на 1 июля 1946 г. переходили под опеку IRO – организации беженцев, т. е. людей, за которыми признавалось право не возвращаться на родину. О насильственной репатриации с 1 июля 1946 г. не могло быть больше речи, но возможны были, хоть и крайне редко, случаи добровольного возвращения. Поэтому Управление уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации было закрыто только в 1953 г.

Считаю своим долгом поблагодарить Кирилла Михайловича Александрова, Алексея Михайловича Афанасьева и Георгия Григорьевича Вербицкого за помощь в работе над этой статьей.

34. Основание ДиПи лагеря в Менхегофе

Нелегко нам было покинуть Тюрингию, но оказалось, что еще труднее было получить убежище на Западе. Когда Болдырев сказал американскому коменданту Касселя (земля Гессен), что прибыл с группой русских, то американец сперва наотрез отказался дать разрешение на въезд, а затем, сделав вид, что согласился, направил нас в советский репатриационный лагерь и известил об этом советскую сторону. Он думал отделаться от нас таким образом. Его план был сорван наличием у нас оружия, чего, конечно, никто не ожидал.

В советский лагерь попали не все. Болдырев и его ближайшие сотрудники ночевали в Касселе, а группа грузовиков заблудилась. Заблудившаяся группа, спрашивавшая у немцев дорогу в лагерь Маттенберг, по ошибке была направлена в Менхегоф, где был опустевший лагерь и, как потом выяснилось, признанный негодным, предназначенным на снос. Бывший в этой группе Ростислав Дмитриевич Сазонов (1906–1991) вспоминал потом, как вечером в темноте головной грузовик, в котором он ехал, врезался в дерево, и было решено заночевать в грузовиках. Наутро глазам путников представился огромный пустой лагерь, в котором в годы войны содержались и французские пленные, и «осты». Тут же был и американский пост. В группе были говорящие по-английски Ксения Дмитриевна Вергун и Н. В. Яценко. Они попросили американцев помочь им найти Болдырева, чтобы сообщить ему о находке.

Наличие пустого лагеря было именно то, в чем нуждался Болдырев. Американцы, которые старались доказать Болдыреву, что им некуда деть приезжих русских, вынуждены были разрешить нам поселиться в Менхегофском лагере с условием, что лагерь будет сделан пригодным для жилья в санитарном и бытовом отношениях.

Приведение лагеря в порядок было для всех нас вопросом жизни. Люди работали с небывалым воодушевлением. Один барак был превращен в церковь. Немедленно начала работать кухня и амбулатория. Большое каменное здание клуба было тоже немедленно приведено в порядок, и любители сразу стали готовиться к спектаклю.

«23 июня, ровно через три недели после прибытия в Кассель, состоялось официальное открытие лагеря Менхегоф. На это торжество были приглашены члены Военного управления во главе

с его начальником полковником Бардом, представителями командования 78-й дивизии и расположенных поблизости гарнизонов. После молебна в клубе состоялся концерт большого смешанного хора под управлением Евгения Ивановича Евца (1905–1990) и сольные выступления Бориса Степановича Брюно (1910–1995), исполнявшего под гитару цыганские и русские романсы.

Все это, и общий вид лагеря, произвело на гостей большое впечатление. Помощник начальника Военного управления капитан Мэйри даже заявил: "Эта русская группа не только сдержала данное слово. Она сотворила маленькое чудо"»[133].

«Лагерь Менхегоф был рабочим. Этим отличался от всех лагерей ДиПи. Еще в Нидерзахсверфене основной его коллектив сумел завоевать симпатии и уважение американских военных властей, а тем самым и упрочнить свое положение. Все взрослое население (от 16 до 55 лет мужчины и до 45 лет женщины) должно было работать внутри лагеря или на внешних работах. Исключение составляли инвалиды, женщины с малыми детьми и учащиеся. <…> Не прошло и недели со дня вселения в лагерь, как первая рабочая бригада выехала в Фюрстенхаген, где в большом замке создавался Главным командованием Центр по сбору и хранению захваченных союзными войсками архивов немецких министерств. По окончании работ начальник Центра полковник Динглей оценил оказанную этой бригадой помощь в официальном удостоверении от 4 июля 1945 г.: "При создании Ministerial Collecting Center около Фюрстенхагена возникло много трудоемких задач, требовавших большого количества рабочих рук… Эта проблема была решена благодаря энергичной помощи г-на Болдырева и его русских рабочих… Если бы не было этих русских рабочих, то выполнение этой спешной и важной задачи сильно бы задержалось. Выражая им искреннюю благодарность за оказанную помощь, я рекомендую их всех как людей, заслуживающих самого внимательного отношения"»[134].

Советский офицер, встретив вооруженный отпор со стороны ДиПи, не имевших права иметь оружие, конечно, доложил об этом американскому коменданту, который потребовал от Болдырева сдать оружие. Болдырев сперва ответил отказом, сказав, что мы не сдадим оружия, пока над нами висит угроза выдачи большевикам, но потом должен был согласиться. Вот тут-то и пригодились связи с американцами, среди которых были как сторонники большевиков, так и убежденные противники. Болдырев согласился сдать оружие только с условием, что нас будут охранять американские часовые. В своих воспоминаниях Болдырев писал: *«Я просил командование назначить в лагерь военного коменданта. <…> 10 июля в лагерь прибыл майор*

Филипп Л. Стирс. <…> Не вмешиваясь во внутренний уклад лагеря, он, как ярый антикоммунист, всеми силами оказывал ему помощь и поддержку»[135]. Думаю, что это был единственный случай, когда американцы с оружием в руках охраняли русских ДиПи от советских агентов по репатриации.

Мало того, американский комендант не разрешал советским офицерам приезжать в лагерь, чтобы вести пропаганду за возвращение, а американские часовые следили, чтобы в наши руки не попала какая-нибудь советская литература. Со мной был такой случай. Шел я однажды домой в лагерь. Передо мной проехал на джипе советский офицер и бросил пачку газет в сторону лагеря. Я их хотел поднять, но часовой закричал на меня и приказал не трогать брошенные газеты.

Всем было известно, что в Менхегофе находится центр НТС. Было это известно и советской репатриационной миссии, и миссия потребовала выдачи Болдырева как военного преступника. Болдырев писал в своих воспоминаниях: *«Рано утром 17 июля с грохотом и треском два переполненных солдатами джипа подкатили к 7-му бараку, где в небольшой комнате с одним окном с женой и дочерью жил я. С винтовками наперевес сержант и двое солдат ворвались в комнату. Двое стояли у дверей, а двое остались при джипах. С таким же грохотом и треском на виду у всего лагеря они увезли меня в военную тюрьму при штабе 78-й дивизии в Хофгайсмаре. Впоследствии военный прокурор полковник А. В. Клиффорд объяснил, что вся эта “феерия” была устроена для того, чтобы советские власти не подумали, будто американцы просто укрывают меня. <…> Мой арест вызвал в лагере переполох. Но условия моего содержания в тюрьме и тот факт, что меня часто навещали высшие чины расположенных в районе Касселя американских войск, включая командующего 78-й дивизией, быстро внесли некоторое успокоение»*[136]. Болдырев просидел под арестом почти три месяца и написал за это время докладную записку по русскому вопросу для американских и британских деятелей.

Американские военные должны были передать лагерь Менхегоф в ведение ЮНРРА, поскольку только она могла решать, кого репатриировать, а кого нет. ЮНРРА договорилась с советскими офицерами, и им был разрешен доступ в лагерь, так же как и советской литературе, но посещать лагерь советские офицеры могли только в сопровождении американцев.

14 июля в Менхегоф прибыл отряд Унры (UNRRA team 505), состоявший из пяти французов: Филипп Бальмель (Ph. Balmelle – начальник), барон де Нерво (помощник), Александра Дюмениль (бегло говорившая по-русски), Дамар-Лежен (скаутская

руководительница) и Малаваль. Началась проверка. Жители лагеря должны были доказать, что немцы их насильно привезли в Германию и что они до 1 сентября 1939 г. находились вне пределов СССР. Признав, что среди жителей нет советских подданных, 23 августа 1945 г. ЮНРРА взяла лагерь полностью в свое ведение[137].

«По уставу ЮНРРА предоставляемое ею продовольствие должно было быть бесплатным. Это сильно подрывало один из основных принципов лагерей – самим платить за свое питание. Члены отряда ЮНРРА, в особенности говорившая по-русски Александра Дюмениль, развернули среди жителей лагеря широкую пропаганду против рабочего принципа лагерей»[138]. Под нажимом ЮНРРА к началу 1946 г. лагеря перестали быть рабочими, но внутренняя дисциплина какое-то время сохранилась, несмотря на разлагающее действие вынужденного безделья.

Начальником лагерей был К. В. Болдырев, его помощниками по внешним сношениям Борис Петрович Григорович-Барский, а по внутрилагерным А. Н. Граков. В управлении были начальники отделов: культурно-просветительного Евгений Романович Романов (настоящая фамилия – Островский) и медицинско-санитарного д-р Александр Рудольфович Трушнович. Все были членами НТС.

Менхегоф не был единственным ДиПи лагерем, созданным членами Союза. Ими были созданы и лагерь Гангхоферзидлунг в Регенсбурге, и гамбургский Комитет бесподданных в доме на Миттельвег, 113, а затем ДиПи лагерь Фишбек, но в ДиПи лагере Менхегоф стечением обстоятельств образовался центр НТС.

35. Менхегоф и соседние лагеря

История ДиПи лагеря в Нидерзахсверфене, эвакуированного в Менхегоф, не похожа на историю ни одного другого ДиПи лагеря. Он был создан не военным командованием союзников, не ЮНРРА, а русской фирмой «Эрбауер» и НТС во главе с К. В. Болдыревым задолго до конца войны и был полностью под русским руководством, а 11 апреля 1945 г. с приходом американцев в Нидерзахсверфен стал первым русским ДиПи лагерем.

В то же время ДиПи лагерь Нидерзахсверфен-Менхегоф был единственным ДиПи лагерем, переместившимся из советской зоны оккупации в американскую, вопреки запрету иностранцам покидать то место жительства, где их застало окончание войны, единственным, оказавшим вооруженное сопротивление советским агентам по репатриации, единственным, который охраняли американцы от этих агентов, и единственным рабочим лагерем, зарабатывавшем одно время своим трудом средства на пропитание. Он был первым лагерем, в котором после окончания войны начал выходить русский лагерный бюллетень (еще в апреле в Нидерзахсверфене), где была создана первая русская послевоенная типография, стали печататься первые учебники и выходить первые разведческий и имковский журналы, где после войны были основаны первые русские начальные школы и гимназия, дружина разведчиков и клуб ХСМЛ (YMCA). Кроме того, Менхегоф оказался и единственным ДиПи лагерем, откуда не только без участия ЮНРРА, но даже вопреки нему, за границу (в Марокко) выехала группа русских.

К приходу американцев – 11 апреля 1945 г. – лагерь перестал работать на немцев, но остался по-прежнему работающим. Благодаря этому в лагере сохранилась дисциплина. Жители делали свое дело и не принимали участия в грабежах и насилиях, свирепствовавших первые дни в Нордхаузене, Нидерзахсверфене и других городах Тюрингии. Освободившиеся узники концлагерей вымещали всю накопившуюся у них злобу на мирном немецком населении, при явном попустительстве со стороны американских военных.

Помню один такой случай. Это было в апреле в Нидерзахсверфене. Один американский офицер, увидев девушку, вероятно «остовку», шагавшую в деревянных башмаках на босу ногу, остановил ее и повел в обувной магазин. Магазин был закрыт. Американец вынул револьвер и стал им стучать в дверь. В окне на втором этаже появилась голова перепуганного хозяина. Американец позвал его вниз, заставил открыть магазин и

предложил девушке выбрать себе ботинки. После этого он остался стоять у дверей и приглашал обуться всех, кто ходил босиком или в деревянных башмаках. Не знаю, как долго американец простоял у магазина. При мне он таким образом обул человек пять-шесть.

О Менхегофе К. В. Болдырев писал: *«Едва еще началось освоение лагеря, как к нему со всех сторон потянулись люди. К концу июня население его составляло уже 1792 человека, а к 15 декабря достигло 2546 человек, из коих 853 разместились в трех филиальных лагерях (Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг), а 220 составляли три маленьких коллектива, живших по месту работы»*[139].

Американцы охотно брали к себе на работу русских, с одной стороны, относясь положительно к их желанию своим трудом зарабатывать себе на пропитание, с другой стороны, из-за трудности найти немецких рабочих. Много немцев все еще продолжало сидеть в лагерях для военнопленных, а те, кто был на свободе, были заняты на восстановлении разрушенного Касселя.

Благодаря этому одна группа менхегофцев устроилась в Касселе на работу в американском военном госпитале и проживала в Касселе в многонациональном ДиПи лагере Маттенберг. Госпиталю нужна была прокладка новой канализационной системы. Немецкая фирма с этой работой не справилась, американцы обратились к Болдыреву, и менхегофские инженеры и рабочие с успехом справились с заданием[140]. Вторая группа обслуживала русский госпиталь и интернат при русской гимназии в Вильгельмстале. Третья группа работала в замке Фюрстенхаген, где американцы создавали Центр по сбору и хранению захваченных союзниками архивов немецких министерств[141].

В каждом лагере были свои амбулатории, а в Вильгельмстале были госпиталь и зубоврачебный кабинет. Госпиталь был создан еще в Нидерзахсверфене. Оборудование было, как говорилось, трофейным, т. е. полностью взятым в брошенном ССовском госпитале. В Нидерзахсверфене в госпитале работали доктора Г. А. Лясковский, Б. А. Микитюк, Ольга Вениаминовна Брунст и Жигмановская (ур. Маркова). В Менхегоф из украинского лагеря в Касселе переехал д-р И. Г. Иоильев (служивший врачом в белой армии и пострадавший за это в советское время) а из других лагерей А. Р. Трушнович, Г. П. Струк-Струков и М. Поспелова.

Ввиду недостатка сестер милосердия д-р Г. А. Лясковский организовал курсы. С приездом д-ра А. Р. Трушновича он был назначен начальником Медицинского отдела, в ведении которого был госпиталь в Вильгельмстале и амбулатории в лагерях. Кроме того, Медицинский отдел осуществлял надзор за санитарным

состоянием лагеря. После того, как лагерь перешел в ведение ЮНРРА, главным врачом стал мексиканец д-р Поррас, окончивший в США заочно университет, но до поступления на работу в ЮНРРА не имевший полагавшейся практики. Несмотря на это, он вмешивался в работу русских докторов и, будучи русофобом, пытался их заменить балтийцами.

Был еще д-р Краснощеков (если не ошибаюсь), который был заподозрен НТСовцами в связях с советской разведкой. Было замечено, что он в определенный день уезжал в Кассель. НТС организовал за ним слежку, и выяснилось, что он ездил в Кассель к немецкому врачу за советами. Он в лагере выдавал себя за доктора, а был только студентом-медиком, но он был достаточно добросовестным человеком и не хотел делать ошибок. Выяснив это и получив от д-ра Краснощекова чистосердечное признание, НТС об этом никому не сообщил. Мне это было известно только потому, что я принимал участие в слежке.

«Конный двор» не был самостоятельным лагерем, но был чем-то особым. Считался он частью лагеря Менхегоф, но обосновался по другую сторону шоссе и жил своей особой жизнью. Там жили донские казаки, те самые, которые на своих подводах и на своих лошадях добрались с Дона на Дунай и примкнули в Берге к фирме «Эрбауер». Вскоре к лошадям таинственным образом прибавились свиньи и коровы, и так же таинственно началось производство самогона. Гнать самогон было запрещено, и бывало не раз, что лагерная полиция находила и уничтожала самогонные аппараты, но производство не прекращалось.

Начальником всех лагерей был К. В. Болдырев, а в Менхегофе и в каждом подлагере были свои начальники. Первым начальником лагеря Менхегоф был Иван Иванович Виноградов. Потом начальниками были Венедикт Александрович Коссовский (полная фамилия Абданк-Коссовский, 1918–1994), Е. И. Гаранин, А. Цвикевич, Георгий Иванович Попов (который до ликвидации лагеря Фюрстенвальд был там начальником), И. Д. Копцевич и последним в списке Г. И. Лукашевич. В Ротвестене начальником был, кажется, Башкирцев, а кто был начальником в Циренберге, не помню. Помню, что в Циренберге проживала большая группа украинцев-галичан, покинувших Тюрингию одновременно с нами и попросившихся к Болдыреву в лагерь. Все эти подлагеря были ликвидированы в мае 1947 г. из-за сокращения количества опекаемых в результате проведенной чистки.

Кроме лагерного руководства и других упомянутых лиц, в Менхегофе проживало много интересных людей. Одним из таких был стройный кавказского типа человек Евгений Григорьевич Булюбаш (1873–1967). Про него говорили, что он был не

кавказцем, а чистокровным турком. Его, как сироту, во время Балканской войны усыновили в 1878 г. русские воины. Он стал сыном полка, окончил Николаевскую академию Генерального штаба и дослужился до генерал-майора. Фамилия и отчество были придуманными.

Видным жителем Нидерзахсверфена-Менхегофа был член НТС проф. Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), родившийся в небольшом городке около Львова (тогда Австрия), известный журналист и общественный деятель, глава (староста) Союза Русского Сокольства за границей в 1923–1930 гг.

Заметным менхегофцем был философ Сергей Александрович Левицкий (1908–1983, один из идеологов НТС, последователь Н. О. Лосского, автор изданного «Посевом» в 1946 г. труда «Основы органического мировоззрения».

Немец, по фамилии Самсон, не жил в лагере, а только приезжал давать уроки английского языка. С ним я был знаком, так как жена брала у него уроки. Своим ученикам он продавал русско-английский и англо-русский словари, изданные в Москве. Он был из северных немцев, прекрасно говорил по-русски, и от него я узнал про платдойч, близкий к английскому язык северных немцев. НТС подозревал, что в годы войны он занимал какую-то крупную должность, а после войны работал в советской или американской разведках.

История с арестом К. В. Болдырева в июле 1945 г. хоть и закончилась благополучно, но не давала уверенности, что советская сторона не будет предпринимать какие-то новые шаги. Поэтому в феврале 1946 г. К. В. Болдырев поднял перед Исполнительным бюро НТС вопрос об отъезде группы членов НТС и бывших служащих РОА в страну, где бы приезд русских рабочих коллективов был экономически оправдан и желателен. Такой страной, по мнению К. В. Болдырева, было Марокко. В своих воспоминаниях он писал:

«Приказом по лагерям от 11 марта 1946 г. я на время своего отсутствия назначил своим заместителем М. Л. Ольгского, а сам полулегальным путем отправился в Париж. Как везде, так и в Париже большую поддержку мне оказал Союз в лице А. П. Столыпина, председателя Французского отдела НТС. Помощь Столыпина была не только материальной (я приехал в Париж без копейки денег), но, что еще важнее, советом и связями»[142].

Не без труда удалось К. В. Болдыреву заручиться поддержкой заинтересованных фирм в Марокко, *«но все равно на первое время, а главное, на обеспечение жилья необходимы были деньги. По моей просьбе фирма получила в заем от князя С. С. Белосельского-Белозерского 1000 долларов, а через Д. Н. Федченко, жившего в*

Париже, еще 5000 от вдовы и от дочери С. В. Рахманинова, Т. С. Кнюс. Оба эти займа были в срок и сполна возвращены»[143]. Так в 1947 г. под Касабланкой возник русский поселок Бурназель. Первая группа в 134 человек была не из Менхегофа, но вторая группа, выехавшая в августе 1947 г., была из Менхегофа. В ней было 272 человека, в том числе 26 землемеров, а за ней в конце 1947 г. из Менхегофа отбыло еще примерно 150 человек и с ними о. Митрофан Зноско и регент Е. Евец с семьями.

В августе 1946 г. во всех ДиПи лагерях были проведены скрининги с целью сокращения числа ДиПи ради экономии средств на их содержание. Всем ДиПи было предложено ответить на вопросы анкеты о месте жительства на 1 сентября 1939 г., был ли принудительно вывезен на работу в Германию или нет, не служил ли в РОА или иных немецких воинских частях, и вообще, не сотрудничал ли с немцами. После заполнения анкет все ДиПи должны были пройти еще и через допрос с предъявлением требуемых документов. Если приехавшие добровольно в Германию не имели права называться ДиПи, а значит, быть на иждивении ЮНРРА, и если служивших у немцев в воинских подразделениях или сотрудничавших с ними можно было лишить помощи ЮНРРА и передать на попечение немцев, то никакой логики на было в том, что советских подданных, насильно вывезенных на работу в Германию, но не желавших возвращаться на родину, тоже лишали помощи ЮНРРА. Это уже было ничем иным, как произволом.

От этого произвола пострадали главным образом русские лагеря, в особенности Менхегоф, а в Менхегофе НТС. 18 марта 1947 началась отправка, как говорилось, «на немецкую экономику» всех тех, кто потерял статус ДиПи. Условия жизни в немецких беженских лагерях были несравненно хуже, чем в лагерях ДиПи, но немцы старались как можно скорее дать беженцам работу, и это вскоре облегчило их судьбу.

К маю 1947 г. число жителей в Менхегофе и его подлагерях так сократилось, что были закрыты лагеря Фюрстенвальд и Циренберг, и в Менхегоф стали привозить белорусов и поляков. Гимназия была закрыта, прекратились концерты и доклады. Единственным развлечением остались библиотека и кино (раз в неделю), которые были в ведении YMCA.

12 апреля 1949 года Менхегофский лагерь был ликвидирован, и все его жители отправлены в Шлейсгейм и в Мюнхен-Фельдмохинг. Николай Николаевич Ключарев в письме Ивану Антоновичу Николаюку так описал последний день Менхегофа:

«Весь лагерь в дыму: жгут то, что оставляют. Жгут

курятники, свинюшники. Не будь посторонней польской полиции, то с наслаждением подпалили бы и некоторые бараки. Кругом лагеря, и по лагерю, по уже оставленным квартирам, снуют немцы, нагло, назойливо роются в брошенном хламе, наполняют свои сумки вещами, которые даже ДиПи сочли непригодными. <…> За день до отправки произошло ночное нападение на клуб. Содрано было все, что только можно было содрать: гардины, декорации, экран, абажуры и даже бедные портреты Лермонтова и Пушкина в свободной, демократической Европе вновь подверглись нападению родного народа. Все декорации, буквально все, вся бутафория были изувечены, разодраны. Жуткая картина. 17-й год, год разрушения, крепко сидит в нашем народе».

36. Менхегоф – церковная жизнь 1945–1949 гг

История ДиПи лагеря Менхегоф начинается с созданного в Берге около Вены в 1944 г. лагеря русской фирмы «Эрбауер», переехавшего в конце года в Нидерзахсверфен, а после конца войны в Менхегоф. Хотя богослужения начались еще в Берге, только в Нидерзахсверфене для них было выделено отдельное помещение. В годы войны немецкое начальство иностранным рабочим для богослужений специальных помещений не выделяло, но лагерь фирмы «Эрбауер» был русским, с русскими порядками.

Храм в Нидерзахсверфене был назван в честь Благовещения, и храм в Менхегофе был лишь новым зданием для него. Настоятелем с самого начала был митрофорный протоиерей и академик о. Митрофан Зноско, возглавлявший приход до своего отъезда в Марокко в сентябре 1948 г. – за полгода до закрытия лагеря.

«Сразу по прибытии в Менхегоф начальство выделило большой барак, в котором разместились храм и два семейства – настоятеля и регента. В первый же день – это была суббота – было совершено всенощное бдение и утром следующего дня – Литургия. В составе причта поначалу были я (о. Митрофан Зноско. – *Р. П.), прот. М.* (Михаил. – *Р. П.*) *Помазански, и о. Г.* (Георгий. – *Р. П.*) *Лукашук, прибывшие из Нидерзахсверфена, и о. Иоанн Бруякин (?–1957), о. Иосиф Гринкевич и о. Александр Марцинюк, позже прибывшие в Менхегоф. Вскоре были оборудованы храмы в Фюрстенвальде, куда отбыл на служение о. Г. Лукашук, в Маттенберге, куда на субботу и воскресенье попеременно выезжали о. М. Помазанский и о. А. Марцинюк. Духовное окормление лагеря Ротвестен было поручено о. Иосифу Гринкевичу»*[144]. Храм в Фюрстенвальде был назван во имя Преображения. В Маттенберге богослужение совершалось в столовой, как для русских, так и для проживавших в лагере сербов.

Помню, как в сочельник 6 января 1946 г. после конца богослужения, тут же в церкви, хор начал петь украинские колядки. Такого не было ни в Сараеве, ни в Пскове, и на мой недоуменный вопрос о. Митрофан ответил, что так было принято в Бресте. В Менхегофе же я увидел впервые и христославов с самодельными звездами. Этот обычай, известный мне по Гоголю и Шмелеву, в Югославии не соблюдался, и для меня и для многих жителей Менхегофа был радостным новшеством.

Превращение барака в благолепный храм не прекращалось. Сперва были сделаны пристройки, и барак получил крестообразную форму, был сделан купол и отдельно пристроена колокольня. Семьи настоятеля о. Митрофана и его шурина Евгения Ивановича Евца – регента церковного хора, получили комнаты в соседнем бараке.

Всю первую пасхальную неделю не прекращался трезвон. И это было для меня ново. Русская домовая церковь в Сараеве не имела колоколов, а в Пскове пасхального трезвона не было. Видимо, его немцы не разрешили. Опять же и это было русской традицией. Звонить в колокола могли все желающие, и среди ребят таких было предостаточно. У сербов в Сараеве такого обычая не было. Не знаю, как в разрушенной Германии о. Митрофану удалось приобрести колокол, но колокол был настоящий, а не какие-то гильзы или рельсы, как это было в других ДиПи лагерях.

Отец Александр Марцинюк считался вторым священником в Менхегофе. Он преподавал Закон Божий в менхегофской начальной школе и принимал экзамены у «новых» эмигрантов, которые, скрывая свое советское прошлое, просили о выдаче дипломов об окончании гимназии. Дипломы об окончании менхегофской гимназии выдавались на основании советских дипломов, но так как Закон Божий в Советском Союзе не преподавался, а в менхегофской гимназии был обязательным предметом, то от желавших получить соответствующий документ требовалась сдача экзамена по Закону Божию. Отец Александр Марцинюк был строгим экзаменатором и поблажек не делал. Об этом знаю от моей жены, которая сдавала у него экзамен.

Строгим был и о. Митрофан. Помню, как в воскресенье, во время Литургии, вдруг завыла пила, да так, что ни священника, ни хора не было слышно. Кто-то решил напилить себе дров. Отец Митрофан прервал богослужение и послал прислужника с требованием прекратить пилку дров. Пила умолкла, и богослужение продолжилось.

Доходы от продажи свечей, тарелочные сборы и иные пожертвования шли исключительно на помощь нуждающимся русским, не имевшим по разным причинам помощи от Унры. Для них в Менхегофе и окрестных лагерях собирались продукты и одежда.

Большим событием в церковной жизни лагерей были посещения в 1946 г. Курской чудотворной иконы Божьей Матери, которую оба раза сопровождал Митрополит Анастасий – первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. В 1948 г., в связи с 50-летием его рукоположения в священнический сан,

от Менхегофа юбиляру был преподнесен на память альбом с приветствиями, рисунками художницы Н. С. Благовещенской и фотографиями. Все это я переплел, сделав рельефную латинскую цифру «L» (50) на обложке. В альбом-адрес вошли приветствия от духовенства, лагерной администрации, от лагерного Белорусского комитета, групп украинцев и армян, гимназии, школ и юных разведчиков.

Мне кажется, что из всех жителей лагеря только один был лютераниным. Это был капитан II ранга Максимилиан Оскарович фон Кубе. У него и отец, и мать были немцами. Будь его мать православной, по законам того времени он бы был крещен тоже православным. Выехав из Франции в Германию на работу, он взял с собой книгу своих рассказов, изданную во Франции в 1930-х годах. В 1946 г. «Посев» издал два сборника его рассказов – «Преданья старины глубокой» и «Рассказы моряка», заимствованных из этой книги. Он говорил свободно по-немецки, по-французски и по-английски и знал баварский диалект, о существовании которого я узнал от него. В лагере он давал желающим уроки языков.

Были и старообрядцы. О них писал епископ Митрофан в своих воспоминаниях: *«…была небольшая группа старообрядцев: многочисленная семья Куракина с сыном и зятьями, семья Дубровина и Черновых. Куракины – “беспоповцы”, Дубровины и Черновы – “приемлющие священство”. Все они, и первые и вторые, регулярно посещали все богослужения, не пропуская ни одной Литургии, приходя в храм к самому началу богослужения. Это были и верные чада церкви, и мои личные друзья»*[145].

Среди жителей лагеря не все были людьми церковными, а среди советских были и просто неверующие. И вот откуда-то появились баптистские проповедники, которые стали обращать в свою веру советских малообразованных людей из числа неверующих. Только один Кратчингер, автор остроумных фельетонов и человек с образованием, соблазнился перейти в баптизм. Проповедники баптизма снабжали новообращенных кэр-пакетами и обещали помощь в переезде в США.

В последние месяцы войны и первые месяцы после войны Европа переживала большие продовольственные трудности. 27 ноября 1945 г. в США была создана частная благотворительная организация CARE – Cooperative for American Remittaces to Europe, которая отправляла в Европу, в том числе в Германию и Австрию, знаменитые кэр-пакеты. Первые кэр-пакеты содержали 4 ½ ф. мясных консервов, 3 ф. жиров, 2 ф. сахара, 1 ф. меду, 1 ф. шоколада, 1 ф. абрикосового варенья, 2 ф. сухого молока, ½ ф. сухих желтков, 2 ф. кофе и 1 ф. изюму. Эти пакеты отправлялись

с военными транспортами, снабжавшими американские войска в Европе, на особые склады, откуда счастливые получатели должны были их сами забирать. Первые кэр-пакеты прибыли в Гавр (Франция) 11 мая 1946 г., а в Германию в конце февраля 1947 г. Послать кэр-пакет родным и друзьям в Европу мог каждый американец, уплатив 10 долларов, а это не было дешево. Потом появились более дешевые продуктовые кэр-пакеты, кэр-пакеты с одеждой, школьными принадлежностями или лекарствами.

После отъезда о. Митрофана в Марокко благочинным стал о. Георгий Лукашук, а после его отъезда в США и до ликвидации лагеря – о. Иосиф Гринкевич.

Данными о кэр-пакетах меня снабдил мой сын Владимир, за что я ему выражаю благодарность.

37. Менхегофский культпросвет

В Нидерзахсверфене я был заведующим школьным отделом, а в Менхегофе школьное дело было передано в ведение КПО – Культурно-просветительного отдела, начальником которого был назначен Евгений Романович Романов (настоящая фамилия Островский), журналист и шахматист из Днепропетровска.

В преподавателях недостатка не было, но было полное отсутствие учебников. Лагерная администрация имела один ротатор и несколько русских пишущих машинок, но не было восковок. Их можно было достать по твердым ценам в Касселе, но для того, чтобы торговец их продал, надо было сделать ему подарок в виде сигарет или консервов. Подарок был сделан и восковки куплены.

Благодаря этому вскоре после нашего прибытия из Нидерзахсверфена в Менхегоф стал выходить радиобюллетень «Новости дня». Он печатался на ротаторе в количестве 500 экземпляров и стоил 20 пфеннигов – твердая цена, установленная для немецких газет. Редактором был назначен Александр Семенович Светов (настоящая фамилия Парфенов, 1895–1961). Новости принимались тем же самым радиоприемником, которым пользовались мы с инж. Иваном Антоновичем Николаюком, когда выпускали в Нидерзахсверфене «Лагерную информацию». Записывались новости по очереди членами НТС. Помню, как и мне приходилось сидеть у радио до глубокой ночи и записывать под диктовку новости ТАСС. 11 ноября 1945 г. вышел первый номер «Посева», отпечатанного на том же ротаторе. На ротаторе же печатались и первые книги издательства «Посев»[146].

В начале 1946 г. Культпросвет приобрел типографскую машину и несколько касс русских и немецких шрифтов. Если тираж ротаторного «Посева» не мог превысить 200 экземпляров, то типографский «Посев» с № 14 от 10 февраля стал выходить в количестве 400 экземпляров и более.

Начальная школа, основанная мною в Берге и продолжавшая работать в Нидерзахсверфене и Менхегофе, нуждалась в букварях. «Букварь» был составлен Федором Гервасиевичем Клезовичем, учителем из Польши[147]. Трудность была в том, что для учеников 1 класса нельзя было использовать пишущую машинку, а надо было все вырисовывать на восковках. С этой работой все же справилась моя жена Валентина Петровна, вырисовывая не только печатные и письменые буквы, но и снабжая букварь соответствующими картинками. «Первая книга после букваря» была тоже работы моей жены, а хрестоматия для старших классов

была уже напечатана па пишущей машинке.

Для начальной школы в 1945 г. не было летних каникул. Большинство учеников, записавшихся в школу в июне или июле, до этого не посещали никаких школ и в каникулах не нуждались. В Менхегофе школа помещалась в одном из бараков, и ею заведовал полковник Николай Николаевич Доннер, бывший воспитатель Крымского кадетского корпуса в Белой Церкви (Югославия). По мере создания лагерей в Фюрстенвальде, Циренберге и Ротвестене там тоже создавались начальные школы. К концу 1945 г. в четырех начальных школах было 395 учеников. Для дошкольников во всех лагерях были детские сады.

Осенью для старших была создана гимназия и матурантские курсы для молодежи, которая из-за войны не смогла закончить среднее образование. Курсантов вскоре разделили на старшую и младшую группы.

Курсы проходили под руководством Николая Васильевича Ветлугина (настоящая фамилия Тензоров, умер в 1957 г.). Первое время занятия проходили в бараке около театра, пока для гимназии, названной именем Ломоносова, не было получено трехэтажное кирпичное здание старой гостиницы в Вильгельмстале рядом с госпиталем, примерно в двух километрах от Менхегофа. При гимназии был создан интернат, где жили приехавшие на учение из разных городов Германии. Была даже одна ученица из Парижа – Елена Полянская, дочь члена редколлегии газеты «Русская мысль»[148]. Всего в гимназии было 125 учащихся.

Программы гимназии соответствовали немецким требованиям. Аттестаты зрелости выдавались на немецком и английском языках, и экзамены проводились в присутствии немецких представителей.

Директором гимназии был назначен Сергей Евгеньевич Безрадецкий, а после его смерти Андрей Иванович Цыбрук. А. И. Цыбрук – опытный преподаватель, говоривший свободно по-латыни, бывший во время немецкой оккупации в 1941–1944 гг. заведующим русской начальной школой в Бресте, присоединенном немцами к Украине. Она, кажется, была в годы войны единственной русской школой на всей Украине. В Вильгельмстале А. И. Цыбрук преподавал русский язык. Инспектором классов был Юрий Осипович Дункель.

Преподаватели получали жалование от немцев из расчета одна ставка на 30 учеников. Так как в классах столько учеников не было, то жалование, 231 марка в месяц, делилась на несколько человек. Но не это было главным. Всем преподавателям выдавалось еще и вознаграждение в «твердой валюте», а именно

по 4 пачки сигарет, которые можно было легко продать по 100–150 марок за пачку. Так продолжалось до денежной реформы 20 июня 1948 г. После денежной реформы немцы продолжали платить жалование, но уже полноценными марками, а 4 пачки сигарет уже не играли существенной роли.

Гимназия, так же как и школы, была без учебников. Борис Тихонович Кирюшин, преподавая русскую историю, одновременно с преподаванием по частям выпускал учебник истории (6 выпусков, 262 с.)[149]. История была доведена до Брест-Литовского мира и разгона большевиками Учредительного собрания. В конце 1945/1946 учебного года все 6 выпусков были объединены в одну книгу. По частям печатался и учебник английского языка. В начале учебного года был выпущен краткий учебник латинского языка, а в 1946 г. английская грамматика. Своими учебниками менхегофская гимназия снабжала и русские гимназии в других городах Германии[150].

Закон Божий преподавал о. Митрофан Зноско, историю России – Б. Т. Кирюшин, Всеобщую историю – проф. Николай Иванович Осипов (настоящая фамилия Поляков), которого заменил Владимир П. Комаров, русский язык – А. И. Цыбрук, В. Г. Каменева и Роман Николаевич Редлих, который преподавал также и русскую литературу. Английский преподавали Тамара Ивановна Рубисова и А. Н. Кучерова, а Сергей Александрович Левицкий и В. Никольская – немецкий. Латинский преподавал о. Михаил Помазанский, а после его отъезда в Мюнхен – П. Ф. Андрейчук, который также преподавал и пение. Физику преподавали Е. В. Ветлугин и В. А. Миронов, химию – Ю. О. Дункель и д-р Владимир Дмитриевич Поремский (1909–1997), математику – Алексей Романович Николаев и Ирина Владимировна Халафова, географию и астрономию – проф. Владимир Смирнов, естествознание – С. А. Соколов, законоведение, философию и пропедевтику – доцент Александр Николаевич Артемов и гимнастику – Н. В. Дашкевич. Преподаватели часто менялись. Всего в гимназии перебывало 30–35 преподавателей. Многие преподаватели имели научные степени.

Выпуск старших матурантов состоялся уже весной 1946 г., а младших – 31 марта 1947 г., одновременно с закрытием гимназии в связи с очередной проверкой жителей, после которой многие преподаватели были лишены статуса ДиПи и отправлены в немецкие беженские лагеря. Получив аттестаты, многие матуранты продолжали свое образование в Марбургском университете (тоже земля Гессен)[151].

В центре лагеря было большое здание клуба со сценой, и вся культурная жизнь лагеря была сосредоточена вокруг клуба.

Заведующим клубом был Борис Степанович Брюно (полная фамилия – Брюно де ля Форж, 1910–1995), а администратором артист русского театра в Белграде Николай Иванович Ростовцев.

Первый спектакль, приуроченный к приезду американской комиссии, был дан 23 июня 1945 г. Американцы ничего подобного не ожидали и были в восторге. С тех пор в клубе стали регулярно, по воскресеньям и в будние дни, устраиваться постановки, концерты, танцы (под граммофонную музыку), доклады, а в 1948–1949 гг. – еженедельные показы фильмов.

И драматическая группа, и эстрадная были любительскими, но были там и профессионалы. Сам заведующий, бас-баритон Б. С. Брюно, был известным эстрадным певцом, выступавшим по всей Югославии и за границей. Профессионалами были и артисты белградского Русского общедоступного драматического театра Николай Николаевич Ключарев и Елена Густавовна Романова. Декораторами были тоже профессионалы, декоратор Народного театра в Цетинье (Черногория) Ростислав Дмитриевич Сазонов (1906–1991) и Александр Михайлов, декоратор белградской оперетты.

«Начиная с 23 июня 1945 г. в последующие 10–11 месяцев было дано в клубе: 45 концертов и спектаклей, 14 гастрольных выступлений, 4 литературных чтения, 25 танцевальных вечеров, лекции на различные темы, а также киносеансы»[152].

С заслуженным успехом прошли постановки: «Без вины виноватые» и «На бойком месте» Островского, «Женитьба» Гоголя, «Маскарад» Лермонтова, «Осенние скрипки» Сургучева и оперетта «Иванов Павел». Слова этой оперетты по памяти были восстановлены Н. И. Ростовцевым, Н. Н. Ключаревым и Е. Г. Романовой, принимавшими в свое время участие в ее постановке в Белграде. Оперетта была хорошо известна «старым» эмигрантам и совершенно неизвестна «новым» из СССР. Друзья просили Н. И. Ростовцева дать им слова оперетты, и я их для него отпечатал на ротаторе примерно в 30 экземплярах в 1946 г. В продажу они не поступали, но один мой знакомый в Мюнхене получил их, переиздал и пустил в продажу. Автором оперетты Н. И. Ростовцев по ошибке назвал Надеждина, хотя им в действительности был Рапопорт, чье имя было указано в «Хронике Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса» в связи с постановкой оперетты в корпусе 23 октября 1927 г.[153].

В своих воспоминаниях участник оркестра инж. И. А. Николаюк писал: *«Ездили мы выступать в американских частях не менее раза в неделю. После концерта, всегда награждаемого шумными аплодисментами, нас усаживали в солдатской столовой*

и угощали едой и фруктами из консервов. Иногда дарили сигареты и шоколад. Кульминационной точкой деятельности объединенной группы, включая драматическую, было турне по Баварии, где мы выступали по разным лагерям. В самом Мюнхене выступали несколько раз перед немецкой публикой. Везде имели большой успех»[154].

С чтением своих произведений выступали писатель Сергей Сергеевич Максимов (он же Широков, он же Тропинин, а настоящая фамилия Пасхин, 1916–1967), Борис Андреевич Филиппов (настоящая фамилия Филистинский, 1905–1991), историк Николай Иванович Ульянов, юморист Ксаверий Ухарский (настоящая фамилия Кратчингер). Популярны были доклады Серафима Павловича Рождественского (1903–1992), который, получая американские газеты и журналы, делал обзор событий, поддерживал дух лагерников и всегда кончал свои выступления словами: «Верую, Господи, помоги моему неверию». Протоиерей о. Михаил Помазанский читал лекции на религиозные темы, а на медицинские темы – член-корреспондент Академии медицинских наук СССР проф. Малинин.

Из приезжих певцов выступал на менхегофской сцене уже сильно постаревший эстрадный певец баритон Юрий Морфесси, снискавший себе известность еще в дореволюционной России[155]. Выступали в Менхегофе и тенор Большого театра Иван Данилович Жадан (1902–1995), и солистка Берлинской оперы Ирина Мелких (ур. Правосудович). В годы войны она была начальницей отряда разведчиц в Берлинском НОРМ. В 1943 г. она разошлась с мужем и выступала под своей девичьей фамилией. Выступали немецкие кассельские оперетта и балет, польская эстрадная группа, американский военный джаз и военный негритянский хор с негритянскими религиозными песнями «спиричуалс». Во время посещения американского гарнизона в Касселе хором донских казаков Жарова американские военные прислали несколько грузовиков за жителями лагеря, желавшими послушать знаменитый казачий хор.

Хором из 43 человек, в основном любителей, руководил окончивший Варшавскую консерваторию Евгений Иванович Евец, который одновременно руководил и церковным хором. Солисткой была сопрано Пражской оперы К. В. Уланова. В струнном оркестре было человек 20 любителей. Для них лагерная мастерская сделала балалайки. Были в оркестре и мандолины, и гитары. Организовал оркестр М. А. Кедров, а после его отъезда оркестром руководил А. И. Кривенко. Оба из Польши.

В лагере были устроены три выставки.

Первая была устроена 30 декабря 1945 г. как иллюстрация к

отчету, который К. В. Болдырев вручил американцам за период с 15 июня по 15 декабря. Выставка была устроена в клубе. На сцене были размещены декорации работы Р. Д. Сазонова. Справа на столах – рисунки детского сада, учебники для начальных школ и печатавшиеся по частям учебники английского и латинского языков и русской истории для гимназии, а дальше лагерные «Новости дня», первые номера «Посева» и «Разведчика», календарь на 1946 г., «Походный сборник» песен и «Две сказки для детей».

Слева на стене был свежий номер стенгазеты «У костра», выпущенный по случаю выставки, а на столе первый номер, выпущенный 6 мая 1945 г. в Нидерзахсверфене. На стенке были вышивки разведчиц, таблицы узлов, слепки следов зверей и прочие украшения из штаб-квартиры, звеновые флажки и два шелковых довоенных знамени Сараевского и 2-го Белградского отрядов. На столах были фотографии двух лагерей Менхегофской дружины. Разведческая выставка привлекла к себе особое внимание американских гостей, которые подробно обо всем расспрашивали. Игрушечная мастерская выставила много простых, но забавных игрушек.

В Менхегофе собралась довольно большая группа художников: Бреверн Николай – иконописец, и его отец, резчик по дереву, из Югославии; Благовещенская Н. С. – акварель (в 1920-х гг. была в Соловецком лагере особого назначения и затем в ссылке в Великом Новгороде); Гурин – скульптор; Зорин Николай Н. – из Минска (за неимением красок делал аппликации из разноцветных кусочков материи); Киверов Георгий Яковлевич – известный загребский архитектор (он и М. П. Косенко написали иконы для лагерного храма. Переехав в Гамбург, руководил русской художественной школой и преподавал иконопись); Косенко М. П. – иконописец; Кучерова А. Н. – портретистка; Михайлов Александр В. – декоратор белградской оперетты; Мишаткин Н. – из «новых» эмигрантов (выпустил в Гамбурге иллюстрированный календарь на 1947 г. и по совету Г. Я. Киверова переехал в Менхегоф на работу в «Посев». Вырезывал клише из линолеума); Сазонов Ростислав Дмитриевич – декоратор Народного театра в Цетинье; Сорокин Виталий Захарьевич – художник и карикатурист из Польши (выпустил «Альбом шаржей “лагерь Менхегоф”»).

Художники выставили свои работы и удивили гостей тем, что в лагере их собралось так много. Откуда? – спрашивали они Болдырева. Американцы, посетившие многие ДиПи лагеря в Касселе и его окрестностях, такого не ожидали. Выставка была открыта целый день, и ее посетили почти все жители лагеря.

Следуя ее успеху, в 1946 г. в клубе была устроена вторая художественная выставка и продажа.

38. «Посев» и литература НТС в 1945–1948 гг

Когда в апреле 1945 г. к нам в Нидерзахсверфен пришли американцы, мы с инженером Иваном Антоновичем Николаюком стали выпускать на шапирографе в 30 экземплярах (больше не получалось) «Лагерную информацию». Это было первым русским периодическим изданием в послевоенной Европе. Листок рассылался по окрестным лагерям, где вывешивался на досках для объявлений. Делалось это с ведома и разрешения Константина Васильевича Болдырева, который был у американцев «организатором и администратором перемещенных лиц» в данном районе. За апрель–май было выпущено 11 номеров.

После прибытия в Менхегоф начальство решило выпускать ежедневную радиосводку. Это было поручено Александру Семеновичу Светову (настоящая фамилия Парфенов, 1895–1961), который не захотел продолжать начатое нами дело, а с 13 июня 1945 г. начал издавать свой листок под названием «Новости дня». Сводка печаталась на чистой стороне старых немецких бланков на пишущей машинке под копирку, но как только был приобретен ротатор, листок стал печататься в количестве 500 экземпляров. Кроме новостей, взятых из радиопередач, включая и диктовку ТАСС, в листке были новости из жизни лагеря Менхегоф. «Новости дня» положили начало журналу «Посев» и издательству «Посев». А. С. Светов редактировал «Новости дня» до своего отъезда в Марокко в августе 1947 г.

Хотя первое время никакой цензуры не было, обстановка не благоприятствовала изданию органа связи НТС. Поэтому было решено, не без доли риска, выпускать бюллетень в виде письма, начинавшегося словами «Дорогой друг». Первое такое письмо было напечатано на машинке под копирку в Менхегофе 25 июня 1945 г.[156]. После того, как 23 августа 1945 г. лагерь перешел в ведение Унры, началась проверка всего печатаемого в лагере. Проверяла «офицер Унры» Александра Дюменель, свободно владевшая русским. На каждом издании значилось разрешение «Approved by U.N.R.R.A. Team 505». Редактор «Посева» Борис Витальевич Прянишников (псевдоним Серафимов) писал в своих воспоминаниях: *«В ее лице я нашел не только приятную собеседницу, но и благорасположенного цензора*[157]. Б. В. Прянишников, конечно, знал, что в «Посеве» никакой критики Советского Союза не может быть, но иногда «Посеву» удавалось при помощи эзоповского языка кое-что осуждать. *«Так, например,*

бичевали авторитарного генералиссимуса Трухильо, с его порядками в далекой Доминиканской Республике, явно целясь в генералиссимуса Сталина, с его порядками в близком СССР»[158].

ДиПи лагерь Менхегоф находился недалеко, примерно в получасе ходьбы от немецкой деревни Менхегоф. Там были и железнодорожная станция, и почта. До ближайшего города Касселя было примерно полчаса езды поездом. Кассель был одним из наиболее пострадавших от американских бомбардировок городов Германии. Первые месяцы после окончания войны немцы все еще искали трупы, восстанавливали трамвай, расчищали развалины и восстанавливали дома. Первый номер журнала «Посев» вышел 11 ноября 1945 г. в количестве 200 экземпляров, и меня послали на почту, чтобы отправить несколько номеров в Мюнхен. Почта отказалась их принять. То ли почта не принимала бандероли, то ли с Баварией еще не была установлена почтовая связь, но первый номер «Посева» отправить не удалось.

Этот первый номер вышел ротаторным способом на оборотной стороне немецких бланков, но после приобретения типографской машины и шрифтов, начиная с № 14 от 10 февраля 1946 г., стал печататься типографским способом. Помню, что в лагере не нашлось никого, кто бы умел делать набор, и из соседнего городка Имменхаузен (Immenhausen) были приглашены два немецких наборщика. Я смотрел с удивлением, как немцы, не зная кириллицы, быстро набирали тексты. Семен (Сеня) И. Мозговой и еще один член Союза учились у них этому ремеслу. Работа с оловом считалась вредной, и наборщикам полагалась добавочная порция молока.

Союзу нужны были свои наборщики, чтобы потом печатать листовки для распространения среди советских оккупационных войск, но, обходя цензуру, НТС печатал не только листовки для посылки «туда».

Принимая во внимание воспитательное значение песен, НТС уже летом 1945 г. выпустил для молодежи ротаторный сборник из 40 песен «Новая рать». Ни год, ни место издания, конечно, указаны не были. Это был первый послевоенный сборник, включавший антисоветские песни. Первой песней была «Коль славен», исполнявшаяся в эмиграции вместо гимна, а второй «Бьет светлый час», названная из осторожности не песней НТС, а «Песней-гимном Нового Поколения России». Третьей песней, давшей название сборнику, была «Новая рать» (слова и музыка Павла Николаевича Зеленского). Авторы песен не указывались, хотя известно, что П. Н. Зеленскому принадлежит в этом же сборнике и «В былом источник вдохновенья». Известно также, что

слова песни-гимна НТС принадлежат Михаилу Михайловичу Гнилорыбову, писавшему в газете «За Россию» как М. Шубин и также известному как Мишель Корбэ.

Особенно резко антисоветскими были четыре песни, взятые из сборника «Под трезубом», изданного в Харбине в 1940 г. Приводятся только первые куплеты:

Марш новопоколенцев:
У врага шум и вой; слышен гул боевой,
Всколыхнулся российский народ.
Знает злобный чекист, что истории лист
Повернут не назад, а вперед....

Союзная:

Много лет страна моя страдала
Под звездой кровавой, роковой;
И давно народ уж ожидает
Светлый час восстанья боевой....

Походная:

Над Россией могучей
Вьются черные тучи,
Много лет уж под игом она,
Под чекистским наганом,
Под марксистским дурманом
Задыхается наша страна....

Мы готовы:

Впереди со знаменем,
А не в глухом тылу
Мы закалялись в пламени,
В пороховом дыму…

Среди песен были и старые солдатские, и песни белых армий, и советские: «Землянка», «Под звездами балканскими», «Веселый ветер» и «Песня о тачанке». В последней было сделано небольшое изменение: вместо «о буденовской тачанке» было написано «о максимовской тачанке». Имелся в виду пулемет Максим.

Следующим неподцензурным изданием был «Сборник произведений, посвященных памяти мученически погибших героев за русское дело. Бавария, 1946». В сборнике кроме

обращения «К читателям» и «Русская мелодия (Вместо предисловия)» 13 стихотворений, баллада «Орлы» и пять рисунков лагеря пленных воинов РОА в Дахау. Рисунки и обложка пленного художника Адама Васильевича Русака, служащего РОА и члена НТС. Текст был сделан на пишущей машинке и отпечатан с цинковых клише.

«Календарь-памятка на 1948 г.». Местом издания была указана Женева, а издателем Национально-Трудовой Союз (Российские солидаристы). Набирался он в конце 1947 г., когда холодная война еще не началась, и американцы старались не сердить понапрасну своего советского союзника. А в календаре среди лозунгов был и такой: *«НТС ставит целью свержение антинародной большевистской власти»*. Кроме того, НТС в Германии формально не существовал, и уже в силу этого не мог ничего официально издавать.

В следующем году и снова с указанием «Женева» был выпущен на этот раз «Календарь-памятка борьбы. 1949 год». Лозунги остались прежние, содержание было другим, но не менее антисоветским. Календари печатались в Регенсбурге, где находилось НТСовское издательство «Эхо», и редактировались Б. Прянишниковым.

К нелегальным изданиям следует отнести и маленькую брошюру «Озаренный верой (Памяти Георгия Полошкина)». Регенсбург, 1946 (15 с., 14 см) с предисловием А. Николина (А. Неймирка). На брошюре нет ни названия издательства, ни разрешения к печати местной Унры. Что Полошкин, погибший в нацистском концлагере, был членом НТС, нигде не было сказано. Видимо, было решено не ставить Союз под удар, если будут неприятности с оккупационными властями. Поэтому в предисловии было сказано *«Сейчас не важно знать, в какую именно антинемецкую русскую подпольную организацию вступил Георгий Полошкин»*. На моем экземпляре есть наклейка: «Газета “Эхо” поздравляет с окончанием учебного года. 21/ VI 1947 г. Регенсбург».

Однажды в Менхегофе, войдя в магазин «Посева», я увидел члена Союза Николая Бреверна, декламироровавшего на память одному «новому» эмигранту какое-то стихотворение Ивана Савина. В нужный момент я ему что-то подсказал и принял участие в разговоре. «Новый» внимательно нас слушал и потом сказал:

– А почему бы вам не издать сборник этих замечательных стихов? Его бы здесь вмиг расхватали.

Я сказал, что это действительно следовало бы сделать, и предложил Н. Бреверну как-нибудь вместе по памяти записать все

стихи Савина. Тогда в разговор вмешался тоже член Союза Юрий Осипович Дункель, который сказал, что негоже издавать сборник стихов, записанный по памяти, так как, безусловно, будут в нем ошибки и искажения, но он готов для этой цели одолжить нам имеющийся у него экземпляр «Ладонки», единственный и довольно полный сборник стихов И. Савина, изданный в Белграде в 1926 г. Так как никакая Унра не разрешила бы печатание подобных антисоветских стихов, то мы решили издать сборник нелегально. К осени 1946 г. восковки были готовы, и мы отпечатали около 200 экземпляров. Половину тиража я отвез в Мюнхен, где у меня друг детства занимался книжной торговлей. Он сам, и не он один, издавал книжки, не спрашивая у Унры разрешения. В Менхегофе стихи Савина продавались в «Посеве» как привезенные из Мюнхена[159].

К нелегальным изданиям следует отнести и брошюру, отпечатанную на ротаторе: «Историческое развитие России. Выпуск 2-й. Белград, 1938» о революционных движениях в России от декабристов до 1914 г., с. 13–38. В этой брошюре все слово в слово, как в белградском издании, только на титульном листе оригинала значилось «НТСНП. Курс национально-политической подготовки», а на нелегальном издании эти слова отсутствуют. Кроме того, оригинал был напечатан по старой орфографии, а нелегальное издание – по новой. Вероятно, в 1945–1951 годы были таким же образом переизданы и другие материалы «Курса национально-политической подготовки», изданные в Белграде типографским способом и получившие по цвету обложек название «Зеленые романы».

Типографским способом, и тоже нелегально, были изданы и «Основы дела Национально-Трудового Союза (24 с.) без указания места и года издания, и ротаторная «Программа Национально-Трудового Союза», 1946 (45 с.) без указания места издания – в то время один из трех основных документов организации, наряду с Уставом и Программой.

39. ОРЮР в Менхегофе и окрестных лагерях 1945–1949 гг

В Нидерзахсверфенской дружине на 5 мая 1945 г. было 20 волчат, 13 разведчиков, 11 разведчиц и 5 ушкуйников (старших разведчиков). Должность начальника Западно-Германского отдела я принял на себя и назначил ски. (скаутинструктора) Андрея Николаевича Доннера начальником дружины и отряда разведчиков, начальницей отряда разведчиц Юлию Квятковскую, а Елену Горбунову начальницей стаи волчат. К 9 июня, когда лагерь отбыл в Менхегоф, число разведчиков и разведчиц примерно удвоилось.

Чтобы поднять качество работы, я в июле 1945 г. устроил летний лагерь и в нем курс для вожаков. Благодаря наличию руководителей и вожаков, подготовленных на подпольном КДВ в Нидерзахсверфене, лагерь прошел очень удачно.

Люди продолжали прибывать. Менхегоф был вскоре переполнен, и для прибывающих был создан лагерь в Фюрстенвальде. Там оказалась группа разведчиков из Нового Сада (Югославия), и под руководством Игоря Фокеева 4 августа была создана дружина, а 9 декабря 1945 г. в новооткрытом лагере Циренберг – отряд под руководством Юрия Питалева (из «новых» эмигрантов). В конце 1945 г., после того как группа менхегофцев переехала в Ротвестен на работу на американском аэродроме, там была основана стая волчат и белочек под руководством Александры Выдриной и одиночное звено разведчиков и разведчиц под ее же наблюдением. Наконец, в Вильгельмстале при гимназии с интернатом в мае 1946 г. был основан отряд под руководством Кирилла Фотиева.

Ребят в лагере было много, но я был за отбор, а не набор.

О создавшемся положении я писал Борису Мартино в Меммингген. Там же в Меммингене был и Слава Пелипец, который, узнав от Бориса, что мне нужен помощник, прибыл в августе с женой в Менхегоф. Так как у Менхегофской дружины уже был начальник, то я назначил Славу на непредусмотренную уставом должность инструктора дружины.

Имея в виду большое количество новичков в Менхегофе и Фюрстенвальде, Слава Пелипец решил провести в августе лагерь, названный «Родина». Вернувшись из лагеря, Слава получил для штаб-квартиры подвальную комнату без окон в 7-м бараке и

вместе с ребятами пробил в стене три дырки для окон. Это было нелегкой работой, но ребята охотно и с каким-то воодушевлением ломали в стенке отверстие. Окна и пол сделали рабочие. Освящение штаб-квартиры состоялось 16 сентября. Чин освящения совершил о. Митрофан Зноско, бывший в Бресте (Польша) скаутским руководителем и ставший духовником Менхегофской дружины. В Югославии до войны ни в дружинах, ни в отрядах духовников не было, и в лагерях богослужения не совершались. Вообще, до войны церковь мало интересовалась тем, что творилось в молодежных организациях. Исключением была Прибалтика, где в РСХД священники принимали непосредственное участие в работе с молодежью и в близкой к РСХД организации витязей. Сотрудничество ОРЮР с церковью началось в ДиПи лагерях и положило начало тесным связям разведчества с церковью после разъезда из Германии и Австрии.

Ко дню освящения штаб-квартры звено разведчиц «Боярышня» выпустило стенгазету «Стрела». Среди гостей был начальник ЮНРРА, похваливший разведчиков за работу, и один американец – бывший скаут, пожелавший нам успехов. После церемонии был устроен чай для гостей, а вечером – сбор старших, на который пришло лагерное начальство[160].

Лагерное начальство обратилось к разведчикам с просьбой выискивать в лагере неучащуюся молодежь и своим примером привлекать ее в школу, так как школьные занятия по законам ЮНРРА не были обязательными[161].

Слава Пелипец был очень популярен не только среди ребят школьного возраста, но и среди более старшей молодежи. При его участии 4 октября 1945 г. был создан клуб старших разведчиков с Серафимом Ромбергом во главе и 18 октября 1945 г. клуб старших разведчиц во главе со Светланой Даниловой.

Очень удачным было назначение Ирины Владимировны Халафовой на должность начальницы отряда разведчиц после отъезда из лагеря Юлии Квятковской. Она оказалась не только талантливой руководительницей, но и привлекла к разведческой работе своего мужа, поэта Константина Константиновича (1902–1969). По годам и по характеру он не подходил к работе с детьми, но он принял мое предложение вести переписку с одиночками, и был назначен приказом № 6 по Гросс-Гессенскому отделу от 1 декабря 1945 г. начальником Кассельского района одиночных разведчиков. Он уже 15 декабря 1945 г. выпустил первый номер журнала «Одиночка». Под его редакцией вышло шесть номеров. В связи с отъездом 15 сентября 1946 г. И. В. и К. К. Халафовых из Менхегофа в Бутцбах начальником одиночек был назначен Алеша Поремский.

Работа с одиночками началась сразу после окончания войны. Первыми одиночками в Гросс-Гессенском отделе были разведчики и разведчицы в Касселе и Ротвестене, подлагерях Менхегофской ЮНРРА 505, а также русские дети в польских и балтийских лагерях. Родители в нерусских лагерях, узнав, что в Менхегофе есть русская школа и гимназия, посылали сперва туда своих детей, а потом и сами перебирались. Таким образом, количество одиночек то увеличивалось, то уменьшалось.

Начиная с № 7 от 31 октября 1946 г. журнал «Одиночка» становится органом Сектора одиночек Главной квартиры под моей редакцией, как начальника Сектора. В этом номере Е. Полянская рассказала о работе штаба Гросс-Гессенского отделения одиночных разведчиков:

«Вот в такой лагерь, где среди латышей и эстонцев затерялось несколько русских семей, торопится приехавший с последним поездом мальчик в форменной рубашке. При входе в лагерь он расспрашивает, где живут русские, и смелыми шагами направляется в указанном направлении. Сердце бьется учащенным темпом; кто знает, как его встретят? Но холодок первого момента быстро преодолевается. Ребята знакомятся, и вот через несколько минут наш разведчик уверенно и толково объясняет собравшимся вокруг него мальчикам и девочкам, каковы цели нашей организации и наши главные законы. <…> Когда, наконец, рассказчик замолкает, разражается целая буря вопросов и восклицаний. Нас слишком мало, говорят ребята, у нас нет руководителя, и разочарование мелькает на всех лицах. Но приехавший разведчик говорит о том, что под Касселем кроме отрядов и дружин есть еще штаб одиночек, т. е. центр для таких ребят, как они, которые не могут из-за малочисленности составить отряд. Мы будем вам писать, говорит разведчик, будем посылать материалы, а вы будете нам отвечать, писать о своей работе».

В «Одиночке» № 8 (Пасха 1948 г.) среди писем есть одно из Бад-Киссингена (Бавария) от витязя, бывшего на руководительских курсах в Регенсбурге: *«Очень тяжело одиночество. Так хочется иметь русских товарищей, слышать русскую речь. Я учусь в немецкой гимназии. Приходится много заниматься. Мне хочется, чтобы русский разведчик был первым среди иностранцев. Я добился своего. Я один из лучших в нашем классе. Я хочу изучать русский язык, литературу, историю. Мне как руководителю нужно приобретать знания. Это мой долг. <… > Я давал Торжественное обещание перед русским знаменем. Я приложу все силы, чтобы его исполнить».*

В Германии в 1945 г. было проведено три разведческих

лагеря, один около Меммингена и два в окрестностях Менхегофа. В 1946 г. обстановка позволила провести IX КДР в Австрии и VIII КДР и X КДР в Германии. Последний, устроенный в сентябре в Гаутинге, был задуман очень широко. Предполагалось проведение кроме КДР еще КНО – курса начальников отрядов как младшего руководительского курса и СРК – старшего руководительского курса. На курсы принимались как те, кто уже занимал руководительские должности, так и те, кто могли бы вскоре стать руководителями. Из Менхегофской дружины на X КДР поехали Ирина Брунст (в замужестве Короленко), Елена Полянская (в замужестве Ансо – Anceau), Ольга Безрадецкая (в замужестве Астромова), Екатерина Околович (в замужестве Васильева), Н. Казанская (в замужестве Хаскер – Hosker) и Юрий Питалев. На I КНО – Елена Лукашук (в замужестве Месснер), Татьяна Безрадецкая, Александр Янушевич и Евгений Баранов. На I СРК – Юрий Амосов и Василий Лукьянов, но СРК не состоялся. Было 11 кандидатов, но не было необходимого количества инструкторов. Кандидаты на СРК были направлены на КДР.

Работа Менхегофской дружины, позднее названной дружиной «Псков», была, как и у всех разведческих отрядов и дружин в ДиПи лагерях, богата интересными событиями.

Одним таким событием был приезд из Мюнхена в трехдневный лагерь около Циренберга (4–6 мая 1946 г.) группы старших из Фрейманской и Богенхаузенской дружин. Всего 25 человек. В день св. Георгия лагерь посетил духовник Менхегофской дружины о. Митрофан Зноско и отслужил молебен.

В журнале «Разведчик» (1946. № 7) один из мюнхенцев написал заметку «В гостях у менхегофских разведчиков»: *«Вот и лагерь… Первое, что мы заметили, поднимаясь в гору, – наш трехцветный флаг, развевающийся на мачте. Что было дальше – не поддается описанию – все бросились нам навстречу, жали руки… Вечер… Небольшой зал, в глубине которого находится сцена… В этом зале накануне праздника св. Георгия собрались дружной семьей разведчики кассельских лагерей и представители Мюнхенской дружины. Оркестр разведчиков чередовался с хором, исполняя родные мотивы и песни. Эти звуки в братской обстановке заставили серые стены барака расступиться, и за ними вставали дорогие многим из нас образы никогда невиданной нашей России…»* Кончается заметка тем, что «*наступило время расставаться. Каждый хотел взять что-нибудь на память… Записывали адреса, дарили друг другу веточки елки, сирени… Под громкие крики“ ура!” мы расстались».*

К июлю 1946 г. в гимназии прекратились занятия, и я решил устроить двухнедельный лагерь для Менхегофской и

Фюрстенвальдской дружин и для разведчиков и разведчиц из ближайших лагерей. Не помню почему, но С. Пелипец не мог принять в нем участия, и лагерь пришлось проводить мне. Помощниками у меня были братья Николай и Андрей Доннеры и подававшие надежду вожаки – Оля Безрадецкая и Юра Журин. Купаться мы ходили на озеро Фельмар, образовавшееся в кратере потухшего вулкана. О вулканическом происхождении озера говорила и застывшая лава, и базальтовые скалы. Многим этот лагерь запомнился происшедшей в нем «революцией».

Хотя Юра Журин и принадлежал к руководству лагеря, но это он решил вместо лесной игры устроить «революцию». Он попросил у меня разрешения и получил согласие. «Революцию» не он придумал. Кто-то из приехавших в мае к нам из Мюнхена рассказал Ю. Журину о том, как там была устроена лагерная «революция», и Юре это понравилось. Он рассказал об этом кому-то из ребят, и началась подготовка. Писались листовки, призывавшие к свержению «тиранов», которые потом подбрасывались в палатки. Кое-кто поддерживал «революцию», а кто-то нет, но и одни и другие приняли эту затею всерьез. Помню, что были ребята, которые приносили мне найденные в палатках листовки. Я их благодарил за поддержку и обещал взять все под контроль. Руководители были предупреждены и, когда «разразилась революция», не оказали сопротивления.

Утром в тот день, когда должна была быть лесная игра, я, делая вид, что ничего не подозреваю, разделил лагерь на две группы, дал инструкции и отправил ребят в лес. Что произошло в лесу, я точно не знаю. Я остался в лагере и заснул. «Революционеры», вооруженные палками, меня разбудили и объявили, что я арестован. Меня отвели в палатку, где был лагерный инвентарь. Там уже были арестованные братья Доннеры. Скоро была арестована и Оля Безрадецкая, а Юру Журина, как мне потом рассказывали, связали, привязали к палке и в таком виде хотели принести в лагерь, но Юра оказался довольно тяжелым, и его пришлось отвязать и доставить в лагерь под вооруженным палками конвоем. Был суд. Обвинения были в стиле затеянной игры, но была и критика, хоть мягкая, но справедливая. В чем меня обвинили, кроме того, что я из лагеря устроил концлагерь, я теперь уже не помню, но Оля Безрадецкая запомнила, что ее обвинили в том, что она брала на кухне теплую воду для чистки зубов, в то время как лагерники чистили зубы холодной из ручья. За это революционный трибунал присудил ей смертную казнь через повешение, но, чтобы не причинить неудобств, суд решил повесить вместо Оли бутылку. Меня и братьев Доннеров послали под конвоем в лес собирать хворост

для кухни, после чего отпустили. Лесная игра должна была закончиться к ужину, и потому «революция» к ужину улеглась, и дежурный руководитель вернулся к исполнению своих обязанностей.

В августе 1946 г. под руководством Славы Пелипца был проведен около Хофгейсмара лагерь «Тайга» с 93 лагерниками, в том числе отрядом украинских пластунов из Циренберга. Отношения с пластунами были самыми дружескими. Там мы от них научились петь «Подай, дівчино, ручку на прощанне», ставшую очень популярной в ОРЮР. Потом выяснилось, что это была песня СС дивизии «Галиция», но это не отразилось на ее популярности.

Слава был жертвенным работником. У него произошло воспаление надкостницы зуба, и он вместо того, чтобы пойти к врачу, поехал в лагерь. Там ему стало плохо, его отправили в больницу, где он скончался 15 сентября 1946 г. В некрологе К. Халафов написал, что его *«служба всему лучшему, что есть в мире – добру, правде, Богу и Родине – оборвалась только с его смертью, в которую до сих пор трудно поверить – слишком много жизни и энергии он носил в себе»*[162].

После крайне придирчивой проверки жителей лагеря в мае 1947 и отправки многих семей, лишенных помощи ЮНРРА, в немецкие беженские лагеря, количество одиночек снова увеличилось. В журнале «У костра» (№ 10 от 1 июня 1947 г.) была дана карта земли Гессен с указанием 17 мест проживания одиночек. О работе с одиночками Франкфуртского района в «У костра» (№ 11 от 15 июля 1947 г.) писала бывшая начальница менхегофского отряда разведчиц Ольга Безрадецкая, взявшаяся за эту работу по собственному почину.

«Хоххайм, 4.7.47. Приехав из Менхегофа, я на следующий же день побывала в Висбадене по разведческим делам. Во Франкфурте познакомилась со всеми одиночными разведчиками и их родителями. Там и хлопотала в ИМКА о получении помещения для сборов. С нетерпением жду лагерей, но только сердце сжимается при мысли, смогу ли я в них участвовать. Столько препятствий. Но я постараюсь как-нибудь из них вырваться. Хотя бы в Менхегофский попасть мне. Кроме поездок во Франкфурт, Висбаден и Дармштадт других поездок не было. Прилагаю отчет о работе».

Вот еще несколько выдержек из писем, напечатанных в том же номере «У костра»:

«Рункель 30.6.47. “У костра” журнал ничего себе, но там есть опечатки и очень мало из жизни Гессенского отдела. Как же остальные районы? Неужели никто ничего не пишет? Тогда не так тяжело, если видишь, что другие делают что-то».

Светлана пишет: *«В разведческий лагерь мне хочется ехать, но, к сожалению, не могу бросить учение. Напиши мне, что нужно выучить, чтобы сдать II разряд. Если имеешь II разряд, то пришли».*

Там же еще пять писем из разных городов Гессена.

В июле 1947 г. мне было поручено организовать запись желающих поехать в международный лагерь YMCA. Записались только разведчики и разведчицы. На первые две недели поехал я, а на вторые Володя Быкадоров. Такой же лагерь был устроен YMCA и в 1948 г. Про него в «Опыте» № 10 на с. 16 было сказано: *«В Гессене скм. Р. Полчанинов со своей группой (22 человек) добыл для русских первое место по точности и дисциплине».*

В мои обязанности как начальника отдела входило проведение КНО. Поэтому с 3 по 16 августа 1947 г. в лагере «За Россию» около местечка Веймар был проведен IV КНО для четырех курсантов и одного вольнослушателя, все из Менхегофа. Кроме теории, у курсантов было много практических занятий. Они по очереди вели лагерный дневник, кассу, заведовали инвентарем, проводили костры, командовали строем, принимали участие в «беге» новичков на III разряд. В лагере было около 30 лагерников. В «Опыте» № 7 в статье «Побольше инициативы!» «Лесной Еж» (С. Тарасов) назвал IV КНО самым удачным из всех четырех КНО, проведенных в 1946 и 1947 гг.

«Бег» – это было новым способом сдачи экзамена, придуманным в годы войны для того, чтобы разведческая работа как можно больше отличалась от школьной практики. Участников «бега» отпускали по одному с промежутками во времени. Надо было идти по лесной тропинке, замечать дорожные знаки, находить спрятанные записки и потом отвечать на вопросы принимавшего испытание (слово «экзамен» было слишком напоминающим школу).

В августе 1948 г. был проведен совместный трехнедельный лагерь «Байкал» Менхегофской и Фишбекской дружин под общим руководством Л. Артемьева (Фишбек, Британская зона). Начальником лагеря разведчиков «Памир» был Н. Доннер, а лагеря разведчиц «Наша дружба» – М. Волченко[163]. В лагере была построена небольшая часовенка. По воскресеньям приезжал служить о. Митрофан Зноско, для прислужников он привозил стихари. Пел хор, ядром которого были разведчицы из Фишбека, большинство которых пело в церковном хоре. Для фишбекцев это было первым лагерем, в котором новички сдавали III разряд и давали Торжественное обещание. Был в лагере и День памяти Верных.

Курсы для вожаков проводились ежегодно после летнего лагеря. С началом нового школьного года составлялись новые

планы работы, так как разведческая работа должна начинаться с началом школьного года и кончаться летним лагерем.

В Менхегофе же было начато и сотрудничество российских разведчиков с иностранными скаутами. Целью работы с иностранцами была борьба с русофобией. Для многих ДиПи антикоммунизм был одновременно и русофобией. Руководство YMCA и скаутов были с самого начала нашими естественными союзниками. Конечно, и среди «имкачей» и скаутов было немало русофобов, но они не могли открыто выступать против русских.

Вскоре после переезда из Нидерзахсверфена в Кассель я встретился в ДиПи лагере Маттенберг с польскими харцерами. Они были в форме, и я подошел к ним и сказал по-польски, что я русский «харцер». Один из них, прищурившись, сказал мне, что у русских пионеры, а не харцеры. Я спорить с мальчишкой не стал, а сказал ему, пусть «друг» (харцеры называют друг друга не братьями, а друзьями) покажет мне, где его начальник. «Друг» проводил меня, я представился начальнику как русский руководитель, сказал, что по-польски научился говорить в Варшаве и что был связан с подпольными харцерами. Разговор был дружеский. От него я узнал, что в этом лагере, кроме поляков, живут литовцы, у которых есть своя скаутская организация, но с которыми у поляков нет контактов, и югославяне, у которых ни школы, ни скаутов нет. Неприязнь была заметна и к одним и к другим. Поляк пригласил приехать к ним в гости наших разведчиков. Встреча состоялась. Поехала группа старших, в которую я включил говорящих по-польски Янушевичей и Журина.

Польско-литовская вражда была из-за Вильны, которую литовцы считали своей столицей, оккупированной в 1920–1930-е годы поляками, а поляки не могли забыть потерю Вильны в 1939 г., когда, по воле Сталина, Вильна была присоединена к Литве. Но мы, отказавшиеся от возвращения в СССР, были так же, как и поляки, против Сталина, и это нас сблизило.

Конечно, я познакомился и с литовскими скаутами. В Маттенберге было несколько старых, говоривших по-русски руководителей, входивших в редакцию журнала Skautu aidas (Скаутское эхо), который до войны выходил в Ковно. Небольшая заметка о русско-литовском сотрудничестве была однажды напечатана в этом центральном литовском скаутском журнале, продолжавшем выходить после войны в Германии. От литовцев я узнал, что в сентябре в лагере Беттенгаузене (Bettenhausen) был основан отряд латвийских скаутов, а к концу года нам, русским, удалось основать и югославский скаутский отряд.

Латыши сразу начали сотрудничать с литовцами, а мы,

русские, с поляками. Вот я и решил преодолеть разделяющие нас преграды и наладить сотрудничество всех со всеми. В октябре 1945 г. мне удалось создать международный скаутский комитет, секретарем которого я был единодушно избран. К апрелю 1946 г. в него вошли еще и югославы, украинцы и эстонцы[164].

В августе 1948 г. в Веллероде (Wellerode) около Касселя состоялся двухнедельный интернациональный слет звеньев – International Patrol Rally, организованный Жаном Моннэ. Участвовало по два звена от каждой ДиПи национальности и еще два звена французов. От русских было сводное звено «Волк» Регенсбургской дружины и менхегофское звено «Орел», а при штабе Моннэ, в специальном звене переводчиков, от русских был Павел Уртьев.

«С питанием было скудно: нам выдавали сырые продукты, и мы сами себе готовили. Мало было хлеба и жиров. Через пару дней мы нашли поле, где можно было найти картофель, а в лесу грибы. Раз в день делали густой суп из всех продуктов, и это было нашим главным питанием»[165]. На первое место в соревнованиях, как писал участник этого слета Ричард Середа, вышло звено пластунов, а второе место заняло русское звено «Волк».

Моя семья оказалась в группе выезжающих в Бразилию. В начале апреля 1949 г. мы выехали в пересыльный лагерь Буцбах (Butzbach), но были сняты с транспорта по ложному доносу, а 12 апреля Менхегоф и другие лагеря были ликвидированы, а оставшихся жителей перевезли в лагерь Шлейсгейм под Мюнхеном.

Считаю своим долгом поблагодарить Ричарда Борисовича Середу за помощь в работе над этой статьей.

40. Разведческое издательство в Менхегофе

Война шла к концу, и в Нидерзахсверфене 6 мая 1945 г. появился первый разведческий послевоенный журнал «У костра». Обложку нарисовал Б. Кирюшин, редактировавший до войны в Цетинье (Югославия, ныне Черногория) разведческий журнал «У костра». Первый номер был отпечатан на машинке в количестве пяти экземпляров. Когда лагерь 9 июня переехал в Менхегоф, было решено продолжить издание, но не как журнал, а как стенгазету. Она печаталась на машинке на тонкой бумаге в семи экземплярах и вывешивалась на досках для объявлений в Менхегофе и окрестных лагерях: Фюрстенвальде, Циренберге и Ротвестене. Сохранился № 8 от 1 февраля 1947 г., в котором в обращении «От редакции» было сказано, что *«этот номер специально предназначен для посылки вне Менхегофа. Мы его посылаем в Мюнхен, Регенсбург, Бад-Наухайм, Пассау, Штутгарт и Фишбек».*

Одновременно с 1 сентября 1945 г. в Менхегофе стал выходить «Вестник Западно-Германского отдела» (со следующего номера – «Вестник Гросс-Гессенского отдела ОРЮР»). Вестник печатался на небольшом ротаторе и предназначался для руководителей. Всего вышло пять номеров. Последний – 27 октября 1946 г. «Вестник» перестал выходить из-за поломки ротатора. На этом маленьком ротаторе была выпущена моя брошюра «Администрация» с пометкой «К.Д.Р.», инструкция для новосоздаваемых звеньев, отрядов и дружин. Впоследствии она была переработана и выпущена как Положение об администрации.

Оказавшись без ротатора, я обратился в «Посев» с просьбой разрешить пользоваться их большим (с барабаном) ротатором. Получив разрешение, я начал выпускать «У костра», который с № 10 от 1 июня 1947 г. стал входить как бюллетень и выходил до № 16 от 15 февраля 1948 г. После ликвидации менхегофского лагеря «У костра» стал выходить как орган связи одиночек. Очередной № 17 вышел в ноябре 1949 г. в Шлейсгейме под редакцией Андрея Доннера, а затем в октябре 1950 г. вторично как № 17 под редакцией Юрия Воронова (проживающего в США под фамилией Солдатов) и далее до № 28 за январь 1953 г.

В октябре 1945 г. в Фюрстенвальде (подлагерь Менхегофа) местная дружина под редакцией Юры Питалева выпустила первый номер журнала «На разведку». Печатался он на ротаторе в

издательстве «Посев».

В связи с этим я обратился в «Посев» с просьбой регулярно выпускать разведческий журнал. «Посев» не только согласился, но и предложил свою помощь. В редакторы был предложен опытный журналист Михаил Алексеевич Тамарцев, писавший под псевдонимом Борис Башилов (настоящая фамилия Поморцев), а в иллюстраторы – моя супруга, которая уже работала в издательстве. «Посев», однако, предложил оставить «На разведку» журналом дружины Фюрстенвальд, а новому журналу дать название «Разведчик». Первый номер вышел уже в октябре 1945 г., а № 2 и 3 – в ноябре и декабре того же года.

В 1946 г. в январе вышел «Разведчик» № 1 (4), а затем ежемесячно номера 2, 3, 4–5, 6 и 7, без указания второго номера в скобках. Журнал перестал выходить в связи с отъездом Тамарцева в Мюнхен. Отсутствие «Разведчика» частично возмещалось бюллетенем «У костра». Я хотел продолжить издание «Разведчика», но смог выпустить только в январе 1947 г. один рождественский № 1 (11). Так как осенью 1946 г. американцы запретили издательскую деятельность ДиПи, то я, выпуская журнал «Разведчик» в январе 1947 г., написал сперва «янв. 1946», но потом, отпечатав с десяток обложек, я решил, что будет лучше ни месяца, ни года не указывать. В марте 1947 г. американцы начали выдавать разрешения на возобновление изданий. Издательство «Златоуст», получив разрешение, выпустило очередной номер «Разведчика». Редактором был В. Ордовский-Танаевский, который, не зная, что в Менхегофе были выпущены номера 6 (9), 7 (10) и 1 (11), дал своему № 9/1947.

Звено «Черный орел» Фюрстенвальдской дружины решило выпустить свой журнал. Вместо того, чтобы продолжить прервавшееся на первом номере издание журнала «На разведку», новый состав редакции придумал новое название «Фюрстенвальдский разведчик». Журнал печатался на шапирографе. В декабре 1946 г. вышел первый и последний номер.

Для работы с одиночками Константин Константинович Халафов с декабря 1945 г. стал выпускать журнал «Одиночка». Всего в Менхегофе вышло 8 номеров. № 9 был выпущен мною в Ганау в октябре 1949 г. Дальнейшие номера выходили в США. Всего вышло 36 номеров.

Сектор работы с одиночками ГК (Главной квартиры), которым я руководил, выпустил 15 января 1948 г. очередной, № 5 журнала для руководителей одиночек «Голос одиночек». Первые четыре номера были выпущены в Сараеве в 1939–1941 гг. Этим же сектором 15 марта 1948 г. был выпущен на пишущей машинке

первый и последний номер «Вестника юного коллекционера» для коллекционеров – членов ОРЮР. Продолжением издания можно считать «Вестник российского коллекционера», который предназначался не только для членов ОРЮР. Первый и последний номер, отпечатанный на ротаторе, вышел 1 ноября 1948 г.

Так как Главная квартира ОРЮР не смогла в Мюнхене сразу наладить издательскую деятельность, то отчет о Съезде руководителей юных разведчиков 4–6 ноября 1945 г. в Мюнхене был напечатан в Менхегофе. Тогда же было опубликовано и 2-е издание «Звеновой системы» Б. Мартино, а в 1946 г. – пособие для работы с волчатами «Тоня Удальцов», перевод с польского книги Каминского «Антек Цваняк» (Aleksander Kamiński “Antek Cwaniak”). В том же 1946 г. было выпущено два небольших сборника, составленных Юрой Журим: «Наши песни № 1» и «Наши песни № 2».

Проведение Курсов начальников отрядов в Менхегофе входило в мои обязанности начальника отдела. Летом 1947 г. для курсантов IV КНО был переиздан на шапирографе сборник конспектов, составленный О. Поляковым для IV подпольного КДР в Смедерево (Сербия) в 1941 г. Одновременно Ю. Журин выпустил на шапирографе небольшой «Журнал для одночных волчат и белочек “Тайга”» № 1 (и последний).

Листок «Разведческое пресс-бюро» был задуман мною и для снабжения газет и журналов новостями из жизни ОРЮР, и как внутренний орган связи. Первый номер вышел 15 июля 1946 г., № 3 – 15 февраля 1947 г. по-немецки для немецких изданий с сообщением о работе Разведческой почты в лагере Менхегоф. Листок был предшественником «Вестника разведчика», органа связи ГК, первый номер которого вышел в мае 1948 г.

Первый номер журнала для руководителей «Опыт» вышел в Мюнхене в ноябре 1946 г. под редакцией Сергея Тарасова. В Мюнхене вышло 6 номеров, а начиная с № 7 от 1 марта 1948 г. журнал стал выходить под моей редакцией в Менхегофе. Последним в Менхегофе был № 10 от 1 февраля 1949 г., а следующий я выпустил в Шлейсгейме в октябре 1950 г. в издательстве «Явь и быль – Мюнхен». После моего отъезда в США следующий, № 12, был издан в Буэнос-Айресе (без указания года издания). Последующие номера выходили по очереди на Востоке США, в Германии, Австралии и Аргентине.

До денежной реформы в июле 1948 г. издательство «Посев» получало от американцев право на покупку определенного количества бумаги по твердой цене. Этой бумаги всегда не хватало, и приходилось докупать бумагу в Мюнхене на черном рынке. Это не всегда удавалось, и тогда, из-за отсутствия чистой

бумаги, для печати использовались старые немецкие бланки, которые с разрешения американцев брались бесплатно в полуразрушенных зданиях немецких фирм и фабрик в Касселе. Журнал «Разведчик», за исключением № 1 (4) за 1946 г., выходил на хорошей бумаге, а прочие разведческие издания, как правило, на бумаге, бывшей в употреблении.

К Пасхе 1946 г. Менхегофская дружина выпустила на ротаторе пасхальную открытку работы А. Доннера. Были использованы чистые немецкие открытки без рисунка (около 100 штук). В конце 1946 г. было выпущено еще две открытки. На одной была икона св. Георгия работы Г. Жукова (репродукция открытки 1929 г.) но с новой надписью: «Святой Великомученик и Победоносец Георгий, покровитель российских разведчиков» (по старой орфографии), и портрет О. И. Пантюхова работы Н. М. Пантюховой (из сборника приказов, Белград, 1929), но с новой надписью: «Олег Иванович Пантюхов-старший, российский разведчик».

В начале 1947 г. была выпущена открытка работы Н. Мишаткина с изображением дачи Торжественного обещания, с лилией и словами: «Разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам». Ко Дню матери 1 декабря 1947 г. была выпущена поздравительная открытка по гравюре в линолеуме работы Г. Жукова.

В Менхегофе выходил журнал «У костра», но собственно издательства «У костра» не было, хотя от его имени мною и были выпущены лагерные деньги достоинством в 50 пфеннигов. Они были напечатаны в Имменхаузене 15 марта 1948 г. в связи с нехваткой мелочи. ОРЮР имела право в дни, когда в клубе показывались фильмы, продавать в свою пользу книги и журналы, как «Посева», так и других издательств, и жители лагеря брали их охотнее, чем почтовые марки, которые обычно использовались как сдача. Деньги издательства «У костра» не имели долгого хождения, так как 20 июня 1948 г. в Германии была проведена денежная реформа, и в мелочи недостатка больше не было.

Считаю своим долгом поблагодарить О. Астромову за проверку названия и имени польского автора «Тони Удальцова».

41. Разведческая почта в Менхегофе

Немецкая почта зимой 1945–1946 гг. работала еще очень слабо, на Рождество никто никого с праздником по почте не поздравлял, да и рождественских открыток в продаже не было. Приближалась Пасха, и я решил поехать в Кассель и поискать пасхальные открытки. Мне повезло, я нашел на окраине города какой-то неразрушенный магазин, где продавались открытки военных лет с детскими головками и чистые, без рисунков. Продавались они, как и все в немецких магазинах, по твердым ценам, по 10 пфеннигов за штуку. Я забрал около двухсот штук, все, что там было. Для чистых открыток начальник Менхегофской дружины А. Доннер сделал рисунок пасхального стола, жена перевела его на восковку и мы отпечатали его на чистых, без рисунка, открытках. Открытки мы решили продавать в пользу дружины по 1 марке. Для того чтобы поздравления можно было послать в соседние лагеря или даже внутри лагеря, я организовал Разведческую почту. Как филателист я знал, что и в осажденном Мафкинге в 1900 г. была скаутская почта и что чешские скауты организовали свою почту в Праге в 1918 г.

Б. Кирюшин нарисовал две марки для открыток в 12 пфеннигов с церковью и для писем в 24 пфеннигов с яйцом с надписью «Х.В.». Цены на марках были такими же, как и на государственной почте. Печатались они на старых немецких бланках синего цвета. На рисунке было много тонких линий, и восковка вскоре расползлась. Было напечатано 196 блоков с двумя марками.

Эти марки были быстро распроданы, и надо было спешно делать второй выпуск. Для второго выпуска А. Доннер сделал новый, более простой рисунок. В блоке было три марки: 12, 24 и 50 пфеннигов – доплатная.

Жителям лагеря наша затея понравилась. Открытки были сразу раскуплены, и люди за неимением поздравительных открыток писали на простой бумаге и посылали свои поздравления без конвертов, которых не было в продаже ни в лагере, ни у немцев. Конверты появились в продаже после Пасхи, и при покупке надо было сдать определенное количество старой бумаги. Конверты делались из старых немецких военных карт. За всего несколько пасхальных дней через Разведческую почту прошло более 500 открыток и писем.

Ребятам очень понравилось разносить почту и чувствовать себя настоящими почтальонами. Из почтового ящика, который был в Менхегофе повешен около входа в лагерный клуб, почта

бралась 4–5 раз в день и немедленно доставлялась по назначению.

Выпуская марки с пасхальной тематикой, мы не думали, что спустя много лет появятся государственные почтовые марки, сперва рождественские, а затем и пасхальные. Таким образом, честь выпуска первых пасхальных марок в мире принадлежит российским разведчикам.

После Пасхи Разведческая почта не прекратила своего существования. Она поддерживала связь между столичным лагерем Менхегоф и провинцией – подлагерями в Фюрстенвальде, Циренбеге, Ротвестене (обслуживавшем американский аэродром) и небольшим лагерем в самом Касселе (обслуживавшем американский госпиталь).

Конечно, наспех отпечатанные на ротаторе марки не выглядели внушительно для коллекционеров, а их надо было тоже иметь в виду. Поэтому Б. Кирюшин подготовил серию марок с достоинством в 12 (памятник Богдану Хмельницкому), 18 (памятник Петру Великому), 24 (Суворов), 48 (Пушкин) и 84 (Кремль) пфеннигов, соответственно немецким почтовым ценам, для издания их типографским способом.

В разрушенном Касселе было нелегко найти фирму, изготовляющую цинковые клише. Хозяин, который должен был сделать клише по твердым ценам, согласился принять заказ, дав понять, что он надеется на какие-нибудь американские консервы в виде компенсации. Первым было готово клише для марок в 12 пфеннигов с памятником Богдану Хмельницкому, и 29 декабря 1946 г., на основании письменного разрешения ЮНРРА, эта марка была отпечатана в лагерной типографии «Посева». Бумагу для марок негде было достать, но в книжном магазине «Посева» было много непроданных календарей на 1946 г., напечатанных только с одной стороны на хорошей белой бумаге с водяными знаками.

Новая серия мыслилась не столько разведческим, сколько национально-пропагандным изданием, и для этого 3-й номер «Разведческого пресс-бюро» от 15.02.1947 был выпущен с сообщением по-немецки о марках Разведческой почты, с упоминанием марок Мафкинга и чешских скаутов как предшественников.

Коллекционеры обратили внимание на наши марки. Мюнхенский Briefmarken-Neuheitenliste, 3 поместил сообщение о разведческих марках, но, хотя в сообщении Пресс-бюро было сказано о почтовой деятельности в лагерях бесподданных (мы тогда не имели права называться русскими), в мюнхенском сообщении даже и этого не было сказано, а только упомянуто о надписях кириллицей. В каталоге Ю. Максимчука «Каталог

українських поштових марок. Друга частина. Недержавні випуски 1950» марка Разведческой почты с памятником Богдану Хмельницкому была помещена в отделе иностранных марок на украинскую тему.

На наши марки обратили внимание не только филателисты, но и американские оккупационные власти. Я был арестован за незаконную доставку писем, но на суде был оправдан, так как имел письменное разрешение от местной ЮНРРА.

Марки Разведческой почты не были первыми ДиПи лагерными почтовыми марками. В польских ДиПи лагерях в Любеке и Гельмштедте уже в мае 1945 г. появились первые ДиПи лагерные почтовые марки, за ними последовали многочисленные почтовые марки в польских, украинских и балтийских ДиПи лагерях, и нигде никто не имел неприятностей с оккупационными властями. Ссылаясь на то, что я был оправдан и что в других ДиПи лагерях выпускают почтовые марки, я снова обратился к ЮНРРА за разрешением продолжить деятельность Разведческой почты. На этот раз я попросил разрешение и получил право доставлять письма с лагерной почты по баракам. Дело в том, что немецкий почтальон сдавал все письма в лагерную канцелярию, и жители должны были сами приходить за ними. Мое предложение было встречено доброжелательно, но обусловлено, что получатели должны будут дать письменное полномочие разведчикам брать из канцелярии их письма. Желающих оказалось достаточно, и 01.02.1949 была мною отпечатана вручную серия марок достоинством в 2, 5 и 8 пфеннигов. Дело было не в заработке, а в принципе. Разведческая почта действует.

42. Дом «Милосердный Самарянин» и съезд руководителей юных разведчиков в 1945 г

Город Мюнхен был взят американцами 30 апреля 1945 г. В лагерях восточных рабочих, в немецких лагерях для беженцев и на частных квартирах там проживало немало русских.

Пользоваться помощью ЮНРРА и не жить в ДиПи лагере было сложно, но о. Александру Киселеву (1909–2001) удалось в августе 1945 г. получить *«от Квартирной комиссии города Мюнхена полуразрушенный дом <…>, ранее принадлежавший гитлеровской юношеской организации»*[166]. В этом доме о. Александр и основал церковь, гимназию, общежитие и дешевую столовую, заручившись поддержкой ЮНРРА.

В своих воспоминаниях София Стрельникова писала: *«В числе чистильщиц нижнего этажа была я и еще одна молодая женщина по имени Валя. Мы с ней работали рядом, очищая пол от массы разбросанных бумаг, обильно политых дождевой водой, так как крыша, потолки и окна были разбиты, и дождь свободно проникал во все этажи. Однажды, поворачивая лопатами липкую массу мокрых бумаг, мы с Валей заметили между этими бумагами образок св. Серафима Саровского. Он тоже был покрыт грязной влагой, и к нему прилипли куски бумаги. Мы были очень удивлены этой находкой в таком месте. Побежали с этим образком разыскивать о. Александра. Нашли его наверху, где он с другими мужчинами прилаживал бревна для крыши. Отец Александр увидел в этом предзнаменование. Он взял иконку, вымыл ее и послал собрать всех остальных работающих в доме. Отслужил молебен перед этой иконкой и решил основать церковь имени этого святого»*[167].

«Бытовые условия живущих были трудные. Кроватей не было. Спали на голых досках, подослав вместо матрацев несколько рядов газет»[168]. Но Бог милостив. Из одного лагеря вскоре было получено 10 тройных железных кроватей с тюфяками, кастрюли, кружки, тарелки и ложки.

Гимназия начала работу 10 октября 1945 г. Тогда было открыто два класса и директором был назначен Павел Дмитриевич Ильинский (?–1982). Из Менхегофа были получены кое-какие учебники.

С приездом проф. Петра Николаевича Раевского в декабре 1945 г. была создана амбулатория и под его же руководством

курсы сестер-самарянок (сестер милосердия) с интернатом, которые впоследствии окончили 14 девушек[169]. Тогда же был создан и Социальный отдел, о работе которого в своих воспоминаниях писала Ольга Петровна Раевская-Хьюз:

«Социальный отдел, помогавший нуждающимся, особенно тем, кто боялся регистрироваться как ДиПи (помню, как Екатерина Аполлоновна Банг, одна из руководительниц этого отдела, каждый вечер устраивала на ночлег многочисленных бездомных соотечественников, неизменно появлявшихся в Доме после окончания рабочего дня, и наши классы превращались в своего рода ночлежный дом)»[170].

Помощь от ЮНРРА оказывалась только русским бесподданным, а бывшим советским подданным помощь оказывалась главным образом из продуктовых посылок и одежды, которые присылали русские люди из США через владыку Иоанна (Шаховского)[171].

В Эстонии о. Александр Киселев был руководителем русских скаутов и имел звание помощника скаутмастера. Когда к нему обратился Б. Б. Мартино с просьбой помочь устройству «Съезда руководителей юных разведчиков» (официальное название), то нашел не только полную поддержку, но и готовность принять в нем участие. Отец Александр обещал не только обеспечить участников съезда ночлегом и питанием, но и пригласить на съезд тех скаутов, которые, по его сведениям, проживали в Мюнхене. В связи с этим в последнем приказе по Инструкторской части № 15 от 9 октября 1945 г., в котором сообщалось о предстоящем съезде, в параграфе 2 было сказано: «*Отец Александр Киселев, бывший ранее руководителем нашей организации в Эстонии, ответил согласием на мою просьбу войти в состав ИЧ и возглавить Сектор духовно-нравственного воспитания нашей организации*».

В послевоенных условиях появились новые возможности, и к ним надо было приспособить ОР – Организацию разведчиков, возглавляемую О. И. Пантюховым (так она именовалась в Китае) или НОРР – Национальную Организацию Российских Разведчиков, как она именовалась в Европе. В отличие от НОРР – организации РУССКИХ разведчиков, которая перестала существовать, а ранее возглавлялась П. Н. Богдановичем, организация, возглавляемая О. И. Пантюховым, именовалась организацией РОССИЙСКИХ разведчиков.

В параграфе 2 устава организации говорилось: *«Верховным органом организации Русских Скаутов является Съезд Русских Скаутов, собирающийся периодически, в зависимости от обстоятельств»*[172]. В первые 25 лет пребывания в эмиграции

обстоятельства, видимо, не позволяли созвать предусмотренный уставом съезд, но в послевоенной обстановке созыв съезда был необходим для вышедшей из подполья организации.

В 1945 г. почта работала очень плохо, а для пользования железной дорогой, чтобы посетить ДиПи лагеря, нужно было получить специальное разрешение от оккупационных властей. Проживавший в Меммингене Б. Б. Мартино не смог получить такое разрешение, но ему неожиданно предложил помощь никому не известный Василий Николаевич Лейдениус (1905 или 1906–1990), получивший от американцев разрешение на пользование железными дорогами Германии и Австрии. Он был русским скаутом в Кишиневе и утверждал, что у него в Бухаресте был русский скаутский отряд. Потом выяснилось, что в Бухаресте никогда не было русского скаутского отряда, но В. Н. Лейдениусу в 1945 г. приходилось верить на слово.

Б. Б. Мартино поручил В. Н. Лейдениусу посетить лагеря, в которых началась разведческая работа: Фюссен, Равенсбург, Регенсбург, Менхегоф и Зальцбург (Австрия) и лично передать приказ № 15 руководителям на местах. Из Австрии никто не смог приехать, но В. Н. Лейдениус привез приветствие съезду от зальцбургских руководителей, а Равенсбург (Французская зона Германии) он не смог посетить, так как разрешение имел от американцев, которое было действительно только в Американских зонах Австрии и Германии.

Передавая приказ и приглашая на съезд, В. Н. Лейдениус счел нужным добавить от себя, что на съезде будут представители разных молодежных организаций и предвидится их объединение в единую организацию. Это он сообщил и нам, менхегофским руководителям, но я ему сказал, что кроме нашей организации, которая все годы войны вела подпольную работу, других нет, а если он их знает, то пусть их назовет. Он назвал организацию в Регенсбурге, которую возглавляет Лузин, и в Зальцбурге, которую возглавляет Селивановский. Я старался объяснить Лейдениусу, что и Лузин, и Селивановский уже члены нашей организации, и нам нет надобности объединяться. Но В. Н. Лейдениус, который в 1917 г. был членом Кишиневской организации, немножко отстал от событий и продолжал считать, что в каждом городе своя скаутская организация. К сожалению, наши руководители в Австрии поверили, что на съезде будут *«руководители всех параллельных юношеских организаций»*[173]. О ком могла идти речь? Возглавитель НОРР П. Н. Богданович и главный руководитель НОВ – Национальной Организации Витязей Н. Ф. Федоров проживали во Франции, и потому не были приглашены на съезд в Мюнхене. На съезде не было ни одного члена НОВ, а

руководитель витязей А. Ретивов принадлежал к витязям РСХД, а не НОВ, которые уже в 1942 г. объединились с подпольной организацией разведчиков. В. Бутков, бывший член НОРР (Богдановича), на съезде присутствовал, но не как представитель Богдановича, а как начальник дружины разведчиков (Пантюхова) в Фюссене. Вопрос объединения параллельных организаций на съезде вообще не поднимался.

Существует и утверждение, будто ввиду надежд на объединение с НОРР (Богдановича) и НОВ (Федорова) в ОРЮР были введены элементы воспитательных систем этих организаций. Если система НОВ была нам действительно близка, то этого никак нельзя сказать о НОРР (Богдановича). Подобные утверждения, увы, иногда встречаются у неискушенных историков российского разведчества.

На съезде приняли участие 25 человек с правом голоса и 12 без права голоса. Съезд посетили г-жа Гашинская, представительница ЮНРРА, С. Дрейер (Miss. Signe Dreijer) от YMCA–YWCA (Young Women's Christian Association – Христианский Союз Молодых Женщин), дир. гимназии Дома «Милосердный Самарянин» П. Д. Ильинский и преподаватель истории в этой же гимназии Василий Иванович Алексеев. Хотя съезд официально был назван Съездом руководителей юных разведчиков, среди 25 человек, имевших право голоса, не все имели руководительские должности или руководительские звания. Ада Шульц была в Цетинье только вожаком звена, белградцы Игорь Вечеслов и Сергей Шауб и еще некоторые тоже не были руководителями и ко времени съезда руководительских должностей не занимали. Все они были приглашены на съезд как жители Мюнхена, которым было нетрудно участвовать.

Съезд состоялся с 4 по 6 ноября 1945 г. На утреннем заседании *«после молебна съезд открывает Н. Богатько как старший мюнхенский руководитель. Председателем съезда избирается Н. Богатько, товарищем председателя – Г. Лукин, секретарями – М. Ладыженская и В. Лейдениус. После оглашения приветствия от руководителей Австрийского отдела принят текст приветственных телеграмм Международному скаутскому бюро и О. И. Пантюхову. Принята повестка съезда, и участники распределяются по секциям: организационной, программной, женской, старшей молодежи, финансовой и внешних сношений».*

На вечернем заседании 4 ноября Б. Б. Мартино дал отчет о работе Инструкторской части в годы войны, после чего были доклады с мест. Весь день 5 ноября работали секции, а 6 ноября на утреннем заседании были обсуждения резолюций секций и выборы заместителя Старшего русского скаута на Европу. Б. Б.

Мартино был избран на эту должность 23 голосами при одном воздержавшемся, каковым был он сам.

Съезд вынес 16 постановлений, из которых главными были:

«1. Разработать Временный устав Организации в Европе вместо существующего Устава 1934 г., не подходящего для настоящего положения».

«2. Наименованием организации считать то, под которым она зарегистрирована в Международном скаутском бюро: Организация Российских Юных Разведчиков (Russian Boy Scouts Association)».

«16. Поручить заместителю Старшего русского скаута составить Главную квартиру Организации в Европе»[174].

Первый приказ по ОРЮР последовал 12 ноября. В первом параграфе было сказано:

«1. Постановлением съезда руководителей в Мюнхене от 4 по 6 ноября с.г. я избран заместителем Олега Ивановича Пантюхова на Европу. Я приступаю к возглавлению нашей организации в Европе, руководствуясь теми направлениями, которые выработал съезд, и прилагаю все усилия восстановления связи с Олегом Ивановичем Пантюховым».

«2. Выражаю от лица организации сердечную благодарность отцу Александру Киселеву и матушке К. И. Киселевой[175] *за хлопоты по устройству съезда и радушное гостеприимство, оказанное съезду в церковном доме в Мюнхене.*

От души благодарю старшего руководителя Василия Николаевича Лейденцуса за жертвенный труд, вложенный им в дело съезда, за успешное проведение ценой немалых усилий и личных затрат на поездки по Германии и Австрии, имевших цель подготовить съезд.

Приношу братскую благодарность старшему руководителю Николаю Николаевичу Богатько, блестяще выполнившему задачу хозяина и председателя съезда».

«3. Прошу отца Александра Киселева не отказать в дальнейшей помощи руководству нашей организацией и вступить постоянным членом в Совет организации в Европе».

«4. Назначаю:

1. Старшую руководительницу К. И. Киселеву представительницей женской ветви в Главной квартире Организации в Европе.

2. Старшего руководителя В. Л. Гальского представителем для сношения с другими организациями в Главной квартире.

3. Руководителя Г. Л. Лукина начальником финансовой части Главной квартиры.

4. Ел. Александровну Лопухину исполняющей должность начальника секретариата Главной квартиры[176].

Все члены Главной квартиры являются также членами Совета организации».

Надо сказать, что поддержка ОРЮР не противоречила широким планам о. Александра Киселева, благодаря которым Дом «Милосердный Самарянин» вскоре стал центром русского Мюнхена.

Приношу глубокую благодарность Ольге Петровне Раевской-Хьюз за проверку.

43. РСХД и дружина «Севастополь» ОРЮР 1946–1951 гг

Гимназия в Доме «Милосердный Самарянин» в Мюнхене была открыта 10 октября 1945 г. и вскоре там же началась разведческая работа. Сборы устраивались по отрядам в помещении гимназии после занятий[177]. Начальником разведчиков о. Александр Киселев назначил Димитрия Гизетти, а начальницей разведчиц его невесту Маргариту Романовну Банг. Оба были в Эстонии, так же как и о. Александр, «движенцами», т. е. членами РСХД. В 1946 г. в день св. Георгия был устроен школьный пикник, на котором большинство гимназистов дало разведческое Торжественное обещание. В Таллинне (Эстония) была скаутская дружина при ХСМЛ, которая одновременно входила и в состав НОРС. Там о. Александр был одним из руководителей, и он хотел, чтобы дружина при Доме «Милосердный Самарянин» тоже была одновременно и при РСХД и в ОРЮР[178]. С помощью YMCA о. Александр организовал около Гаутинга двухмесячный лагерь в июле–августе 1946 г. Первые две недели там были разведчики и разведчицы Шлейсгеймской дружины, затем четырехнедельный лагерь «Св. князя Александра Невского» разведчиков и разведчиц гимназии Дома «Милосердный Самарянин» и последние две недели курсантский лагерь «Памяти Верных» (1 КНО и Х КДР). Общее руководство лагерями и курсами было возложено на Сергея Тарасова, бывшего до войны начальником Пражской дружины витязей при РСХД.

План о. Александра мог быть легко осуществим, если бы РСХД к тому времени возобновило свою работу, но о возобновлении работы велись только переговоры с Парижем, где общее положение русских этому не благоприятствовало. В статье «Возникновение Р.С.Х.Д. в Германии» было прямо сказано: «*Однако три года должны были пройти, прежде чем многократные попытки дать жизни Движения организованный характер увенчались успехом*»[179]. После лагеря и Д. Гизетти, и его невеста М. Р. Банг отошли от разведческой работы, чтобы посвятить себя целиком делу возрождения РСХД.

В связи с этим начальником 6-го Суворовского отряда разведчиков был назначен Юра (Георгий Викторович) Месснер (1928–1996), а начальницей 2-го отряда разведчиц св. Юлиании Лазаревской была назначена Женя (Евгения Андреевна) Уртьева.

Начальником 6-го круга витязей Дмитрия Донского, а затем и дружины был назначен Вова (Владимир Гаевич) Тремль (р. 1929), сын Лидии Владимировны (1900–1990), заместителя директора гимназии и преподавательницы немецкого языка. Из учеников начальной школы была сформирована 5-я стая волчат под руководством Николая (Алексеевича) Лопухина, которого вскоре сменил Жорж Кудрявцев, и 6-я стая белочек под руководством Александры Алексеевны Горской (ур. Лопухиной). Под их руководством стаи были в лагере в Гаутинге. После лагеря А. Горская передала руководство стаей белочек своей сестре Елочке (Елене Алексеевне) Лопухиной (1925–2003).

Для о. Александра первым делом было возрождение работы РСХД в Германии, а все остальное отодвигалось на второй план. Все же о. Александр находил время помочь работе Богенхаузенской дружины ОРЮР при Доме «Милосердный Самарянин» и с его помощью, как в прошлом, так и в 1947 г. дружина смогла провести три лагеря: «Зарубежная Русь», «Варяг» и «Дружба».

В 1948 г. был создан ДиПи отдел БСИБ – Бойскаутского интернационального бюро, который стал оказывать помощь Богенхаузенской дружине. Начальник дружины В. Тремль был даже принят штатным служащим этого отдела.

В 1947 г. работники Дома «Милосердный Самарянин» подготовили отчет за полтора года работы[180]. В этом отчете было сказано: *«Сейчас в Доме работают: гимназия, детский сад, амбулатория, небольшая иконописная мастерская, отдел социальной помощи, отдел внешкольной работы с молодежью, издательство книг духовного содержания и учебников и книжный магазин».*

Далее говорилось: *«Гимназия, которая при открытии имела только 2 класса, насчитывает теперь: 4 класса начальной школы, <…> 7 классов гимназии и специальный класс, предназначенный для детей, знания которых резко не соответствуют их возрасту. <…> Всего в гимназии учится около 250 русских детей. <…> В настоящее время внешкольный отдел ведет воспитательную работу с детьми в скаутских группах, в коих участвует свыше 100 детей. Молодежь старшего возраста объединяется в евангельских и религиозно-философских кружках».*

К этому надо добавить, что в 1948 г. была начата работа *«по воскресным дням в 4 местах скопления русских эмигрантов <…>, кладущая начало религиозному воспитанию детей младшего возраста»*[181].

Первый выпуск гимназии «Милосердный Самарянин» был в 1948 г. Выпускниками были: Г. Вербицкий, Г. Месснер, Л.

Сикорская, В. Тремль и Е. Уртьева. На экзаменах присутствовал представитель баварского Министерства образования. Экзамены сдавались на русском и немецком языках. После успешной сдачи экзаменов гимназия была приравнена в правах к баварским государственным гимназиям, что на свидетельствах удостоверялось соответствующими печатями[182].

В 1947 г. выходил бюллетень Дома под названием «Путь жизни»[183], а в январе 1949 г. под редакцией о. А. Киселева начал выходить орган Р. С. Х. Движения «Вестник». В обращении «От редакции» было сказано: *«Почти десять лет тому назад ежемесячник Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом “Вестник” прекратил свое существование. <…> Возродившееся в Германии Р.С.Х. Движение этим первым номером своего местного печатного органа надеется положить начало восстановлению “Вестника”».*

В статье «Возникновение Р.С.Х.Д. в Германии» было сказано: *«Религиозно-педагогическая встреча летом 1946-го года, многократные встречи, конференции и совещания действительных членов РСХД, налаживание связи с центром в Париже были этапами к большому летнему съезду православной молодежи в 1948 году, собравшему до сотни участников и положившему прочное начало отдела Движения в Германии. <…> Оба правящих Архипастыря, Высокопреосвященнейшие Митрополит Анастасий и Митрополит Серафим преподали Движению свое благословение».*

Об этом летнем съезде было подробно написано в «Вестнике» № 2 в статье «Летний съезд Р.С.Х.Д. в Германии». Он состоялся в палаточном лагере в июне 1948 г. на берегу Штейнзее. На съезде кроме докладов работало три семинара: Евангельский – о. С. Щукин, Литургический – о. Архим. Аверкий и экуменический – Л. А. Зандер. Участники съехались не только из Мюнхена и близлежащих лагерей, но и из Штутгарта, Аугсбурга, Регенсбурга, Ганновера и Гамбурга.

В том же «Вестнике» № 2 в статье «Жизнь Движения» было сказано, что Движение уже начало жить. *«В Мюнхене и его ближайших окрестностях работают следующие кружки Движения: 2 кружка по изучению Евангелия, 1 святоотеческий кружок, 1 иконописный кружок, 2 кружка по изучению Евангелия в Пазинге и в Гаутинге. По понедельникам и пятницам от 8-ми часов вечера происходят спевки церковного хора Движения».* В той же статье сказано, что *«Высокопреосвященнейший Митрополит Серафим благословил передать домовую церковь Дома «Милосердного Самарянина» в Мюнхене в ведение РСХД, назначив прот. А. Киселева ее настоятелем. При храме Движения организован приход».*

Дом «Милосердного Самарянина», который с самого начала был центром русских в Мюнхене, стал и центром РСХД. Там каждый четверг читали лекции как местные докладчики: профессора Е. Н. Келзи, П. Н. Раевский, И. П. Четвериков, так и приезжие: проф. В. В. Леонтович (Франкфурт) и проф. Николай Иванович Осипов (настоящая фамилия – Поляков, 1889–1963) и деятели Власовского движения и НТС. С докладами выступали также и С. Н. Дубровский, В. К. Завалишин, а из духовенства сам о. А. Киселев, о. Г. Бенигсен и другие.

На конференции кружков Движения, состоявшейся 13 и 14 ноября 1948 г., были прочитаны четыре доклада: «Религиозное обоснование национального бытия» (З. К. Маркова), «О русском национализме» (О. М. Родзянко), «К чему обязывает нас Движение» (Е. А. Лопухина), «О любви к Богу» (С. А. Слободской).

Юношеский отдел РСХД устроил две елки – детскую и юношескую, которые посетили свыше 400 детей. Группа юных христославов посетила обоих Владык Митрополитов и больного председателя Движения в Германии А. И. Никитина.

Кроме описания деятельности РСХД в Мюнхене, в том же номере было сказано и о деятельности Движения среди студентов в Гамбурге и среди молодежи в ДиПи лагере Фишбек около Гамбурга. Ко всему этому следует добавить, что РСХД с самого начала вело свою работу отдельно от ХСМЛ, сотрудничая, но не объединяясь в одну организацию.

В 1949 г. на место П. Д. Ильинского директором гимназии был назначен Федор Федорович Фабрициус. Домом «Милосердный Самарянин» руководил о. А. Киселев до своего отъезда в США в 1949 г., затем до отъезда в США в 1950 г. – о. Г. Бенигсен, а последним заведующим был проф. Федор Августович Степун[184]. Еще в 1964 г. в доме на первом этаже была русская церковь, а на втором общежитие для русских детей, которым заведовала Ксения Ландезен, но уже тогда городские власти старались получить дом обратно[185]. В 2001 г. или раньше, дом был передан немецкой молодежной организации.

Эта статья была проверена Павлом Андреевичем Урьевым, за что ему автор приносит глубокую благодарность.

44. Мартино, Темномеров, Бобровский и Пантюхов

К концу войны все русские из Восточной Европы, кто мог и хотел, оказались в ДиПи лагерях в Германии, Австрии и Италии. Разведческие руководители вышли из подполья и сразу приступили к работе в ДиПи лагерях. В большинстве лагерей работники ЮНРРА и русская администрация поддерживали разведческую работу. Исключением был лагерь Пюртен, где было сразу создано общество «Русский Сокол» и разведческая работа началась лишь позже, в 1948 г.[186]. И ЮНРРА, и лагерные администрации были заинтересованы в том, чтобы молодежь как можно шире была охвачена внешкольной работой. В Западной Европе русская скаутская работа до войны велась во многих городах Франции, а в Англии – в Лондоне. В Англии работа прекратилась из-за призыва старших в армию и отсутствия пополнений (младшие уже русскими себя не чувствовали), а во Франции скаутская работа была запрещена немцами. Начальником Французского отдела был Владимир Аполлонович Темномеров (1901–1978), который в годы войны, будучи американским подданным, должен был скрываться. Другие скаутские руководители подпольной работы не вели, и возобновилась скаутская работа далеко не сразу после освобождения Франции. Париж был освобожден 24 августа 1944 г., а В. А. Темномеров, получивший работу в Нансеновском комитете Лиги Наций, должен был выехать в Германию. Он не сразу нашел человека, который взялся бы за русскую скаутскую работу. Куда делись все парижские руководители, сказать трудно, и выбор Темномерова пал на Георгия Анатольевича Бобровского (около 1900 – после 1958). Этот человек, про которого говорили, будто он был московским скаутом и даже скаутмастером, будучи в Праге, основал в феврале 1929 г. дружину витязей при РСХД, имея в лице РСХД покровителей, но не начальство. Скаутской дружины он не основал, так как не хотел подчиняться основателю русского скаутизма О. И. Пантюхову.

Свою скаутскую деятельность Г. А. Бобровский начал с устройства рождественской елки 26 декабря 1945 г. по новому стилю, как это было принято у некоторых русских во Франции. Найдя подходящего человека для скаутской работы во Франции, В. А. Темномеров поехал в Германию с самым лучшим намерением найти там какого-нибудь скаутского ветерана, которому бы он мог предложить начать скаутскую работу в

Германии.

Приехав в Мюнхен в конце 1945 г., Темномеров искал недолго, так как ему сразу указали на Мартино. Тот рассказал Темномерову, что мы в годы войны работы не прекращали, что в Мюнхене 4–6 ноября был съезд руководителей юных разведчиков, что организация приняла новое название – ОРЮР, что создана Главная квартира и что сам Мартино был выбран заместителем Старшего русского скаута на Европу. Все это неприятно удивило Темномерова, и он спросил Мартино, было ли на это согласие Пантюхова, жившего в то время в США.

Мартино ответил, что он 6 июня писал Пантюхову и что я ему писал 1 августа, но ответа мы так и не получили. Тогда Темномеров сказал, что надо было ждать, а Мартино ответил, что надо было не ждать, а действовать. Темномерову не понравилось и новое название, и избрание Мартино заместителем Ст.р.ск., а может быть, и то, что работа была начата не по его почину.

Одним словом, вскоре после встречи Темномерова с Мартино стало вырисовываться деление на «мы» и «вы», причем «мы» – это были Темномеров и Бобровский, а «вы» – все остальные. Темномеров справедливо указал, что руководители не имеют права избирать заместителя Старшему русскому скауту О. И. Пантюхову и что заместителем должен быть только тот, кого Пантюхов сам захочет назначить на эту должность. Мартино должен был с этим согласиться и отказаться от должности заместителя Ст.р.ск. Об этом было сказано в приказе Мартино № 7, параграф 2 от 21.12.1946: *«Ввиду изменившегося внешнего положения организации и в результате обсуждения его с личным представителем О. И. Пантюхова, заменяю наименование должности “Заместитель старшего скаута на Европу” наименованием “Старший скаутмастер ОРЮР”».*

«Личным представителем О. И. Пантюхова» был Темномеров, а Бобровский только в ноябре 1948 г. «согласился стать заместителем О. И. Пантюхова в Европе»[187]. Мартино признавал Бобровского заместителем Ст.р.ск. в Европе, но в то же время требовал от Бобровского, как начальника Французского отдела, подчинения Главной квартире ОРЮР как центру управления организацией. Бобровский же отказался не только признавать существование ГК, но и вообще ОРЮР как организацию. Он считал ОРЮР ничем иным, как Германским отделом, и требовал, чтобы представительство ОРЮР в Марокко было подчинено ему, как начальнику Французского отдела, на том основании, что королевство Марокко было французским протекторатом. Бобровский искренно думал, что у ОРЮР нет будущего, что заморские отделы вскоре прекратят работу, а в Германии

останется небольшой отдел, подобно Французскому.

Пантюхов, занимавший внешне нейтральную позицию, в душе был на стороне Темномерова и Бобровского. Пантюхов безгранично доверял Темномерову, так как помнил, что, когда Богданович устроил в 1928 г. раскол во всех отделах НОРС (Польша и Прибалтика не были членами НОРС), то во Франции из крупных руководителей остались ему верными только А. Григулевич и В. Темномеров.

Бобровский, несмотря на свой властный характер, в составленном им уставе НОРС всю власть в организации отдавал полностью в руки Пантюхова, отлично понимая, что Пантюхов с ним спорить не будет. Другим делом был устав ОРЮР, в котором Пантюхову предоставлялось только право возглавлять организацию, утверждать устав, утверждать кандидатуры начальников отделов и награждать знаком «Белый Медведь». Пантюхов временно утвердил оба устава с условием, что будет выработан такой устав, который удовлетворит обе стороны. Устав ОРЮР был шагом вперед, а устав Бобровского – шагом назад, к временам, когда у НОРС не было ни центра, ни центральных органов связи.

Известно, что Пантюхов не был администратором. Л. Мультанен-Сахаров записал в 1919 г. в своем дневнике: *«Был у Олега Ивановича Пантюхова. Нам с ним не по пути. Боится “милитаризма”, уставов, приказов и т. д., говоря: “Все это казенщина, канцелярщина”; хочет вести дело по “преданиям и обычаям дедов” на словах и, в то же время, хочет давать директивы всем скаутским организациям»*[188]. Приказы Пантюхова не всегда были похожи на приказы. Они были скорее похожи на листок с новостями из жизни организации и размышлениями самого Пантюхова – листок, заменявший отсутствующий центральный орган связи.

У Бобровского с Мартино был договор, что ни ОРЮР (Германия), ни НОРС (Франция) не будут распространять свою работу в Германии и Франции. В сентябре 1947 г. ОРЮР начала свою работу в Марокко, и Бобровский посчитал это нарушением договора, что, по его мнению, давало право НОРС действовать в Германии. Начались интриги и столкновения, без которых, увы, не обходится никакая общественная работа, какие бы высокие идеалы ни провозглашались.

45. Конференция ОРЮР в Менхегофе 1946 г

Съезд руководителей юных разведчиков, состоявшийся в Мюнхене 4–6 ноября 1945 г., был необходим для работы организации в новых условиях. На нем был дан отчет о работе ИЧ в годы войны 1941–1945, но на нем было слишком рано обсуждать вопросы работы в послевоенных условиях. С. Пелипец и я хоть и получили приглашения, по разным причинам не смогли в нем участвовать, и потому С. Пелипец поднял вопрос созыва II съезда с более подготовленной программой. Мартино дал согласие, но на устройство конференции, а не съезда. Мне не было понятно, почему Мартино настоял на таком названии, да и сам он иногда называл грядущую конференцию съездом. Свое согласие на конференцию Мартино дал с условием, что вся подготовка будет проведена С. Пелипцом и мною.

Если на первом съезде присутствовало много случайных людей, то на конференцию в Менхегофе, которая состоялась 17–21 февраля 1946 г., приехали главным образом те, на ком держался ОРЮР. На ней присутствовал, хоть и очень коротко, представитель О. И. Пантюхова В. Л. Темномеров, который передал устный привет от О. И. Пантюхова и прочел доклад об «Отце скаутизма Баден-Пауэлле и его гениальной педагогической системе». Зная наше критическое отношение к «отцу скаутизма», он, вероятно, хотел своим докладом указать нам путь, по которому нам следует идти.

В начале 1920-х гг. в Константинополе Темномеров был представителем национального течения в скаутизме. Я помню его остроумную сценку для спектакля «Увлечение английским», в которой был карикатурно выведен немолодой скаутмастер с книжкой Баден-Пауэлла под мышкой, пересыпавший английскими словами и назвавший новичка, которого привел отец, чтобы записать в скауты, «молодым тендерфутом». Сценка кончалась словами отца: «Ваня, мы не туда попали». Темномеров показался мне и всем нам оторвавшимся от жизни стариком, и его доклад не пошел на пользу О. И. Пантюхову, которого он представлял на конференции. Мы от него и от О. И. Пантюхова ожидали, по меньшей мере, моральную поддержку. Наши духовники о. Митрофан Зноско и о. Георгий Бенигсен, хоть и были старше Темномерова, были по своему духу моложе его, и то, о чем они говорили, было ближе нам и понятней.

Среди гостей присутствовали начальник лагеря К. В.

Болдырев, представительница ЮНРРА бывшая французская скаутская руководительница О. Дамар-Лежен, директор гимназии имени М. В. Ломоносова, в здании которой состоялась конференция, С. Е. Безрадецкий и инспектор гимназии Ю. О. Дункель.

В своей вступительной речи Б. Мартино сказал: *«Из всех организаций нашего типа наша была самая обиженная. Олег Иванович Пантюхов и его сотрудники в 1909 году, наверное, не предполагали, какими трагическими путями пойдет их детище. Первая мировая война, Гражданская война, лишения эмиграции. <…> В эмиграции много реакционеров, утверждающих: “молодежь должна слушаться и подчиняться, а больше ничего не нужно”. Такие люди никогда не поймут глубоких принципов наших воспитательных методов и не поддержат нас. <…> Вторая мировая война отняла у нас более 65 человек руководителей и старших. Многие расстреляны или погибли в застенках. Вот почему нам так тяжело встречать бездействие некоторых наших руководителей. Они забывают наших мучеников. Память о Малике, Былинском и других меня связывает как непоколебимый долг. Мне кажется, что, когда они умирали, они не могли не вспомнить, что где-то остаются люди, которым дороги те святые идеалы, за которые они отдают свою жизнь. Не помнящие этого совершают преступление измены мертвым»*[189].

Главным на конференции был доклад Мартино «О руководителях и их обязанностях», затем шли доклады о. Г. Бенигсена «Религиозное воспитание», Е. Поздеева «Методика», С. Пелипца «Что мы должны дать теперь нашим ребятам», И. Халафовой «Вопросы работы с разведчицами» и др.[190]. Говорилось о значении работы Главной квартиры для организации. Говорилось, что организация только тогда организация, если у нее есть дееспособный центр. Все восемь резолюций конференции заканчивались словами: *«Конференция рекомендует Главной квартире…»*[191].

«Прекрасно работал секретариат. Протоколы ночью переписывались, дополнялись, а на следующий день Кирилл Фотиев, не спав три ночи напролет, представил участникам съезда готовый “Бюллетень” с докладами, дискуссиями, решениями. 13 страниц! А за 5 минут до отъезда он примчался с напечатанными резолюциями»[192].

От имени конференции были посланы две телеграммы, одна митрополиту Анастасию и вторая Ст.р.ск. О. И. Пантюхову. Изучая документы конференции, Ю. Кудряшов пришел к выводу, что *«в 1946 г. никто в ОРЮР не ставил вопроса о создании другой скаутской организации, ОРЮР воспринимала себя как логичное*

продолжение старой традиции под новым именем»[193].

46. День памяти Верных

В сентябре 1946 г. в лагере «Памяти Верных» около Гаутинга состоялась конференция руководителей ОРЮР.

В тот день, когда я приехал, лагерный костер должен был быть особым, без комических «точек» и шуточных песен. Разведчики, разведчицы и руководители стояли вокруг незажженного костра. Б. Б. Мартино вел перекличку. Стоявшие кольцом отвечали «я». Затем он стал читать имена разведчиков и руководителей, погибших за Россию, а стоявший от него слева отвечал: «погиб в борьбе с большевиками», «расстрелян большевиками», «погиб в советском концлагере» или «погиб в нацистском концлагере».

Это были незабываемые минуты. В глухом баварском лесу, в тишине и темноте дети белых эмигрантов, родившиеся за границей, никогда не видавшие России, и дети, покинувшие ее два-три года назад, стояли плечом к плечу и чувствовали, что знамя борьбы за Россию отцы передают им, в их молодые руки.

Список Верных составил Б. Б. Мартино. У него с собой была тетрадка, составленная еще в Сараеве в 1930-е годы. Там, как что-то очень важное, были записаны выдержки из приказов Старшего русского скаута Олега Ивановича Пантюхова о погибших скаутах-разведчиках.

Там был приказ № 220 от 14 ноября 1928, состоявший из одного только параграфа: *«Горестная весть. Из России получено, окольным путем, известие о кончине Михаила Богословского, одного из доблестных русских скаутов, остававшегося верным нашему рыцарскому братству даже под гнетом большевиков и с героической энергией продолжавшего наше святое дело даже в большевистских тисках. Уж не убили ли они его? Он всегда был готов к этому и не боялся смерти. Не может ли кто-нибудь выяснить подробности его кончины? Имя Михаила Богословского следует внести в наш скаутский синодик погибших за Россию скаутов».*

Для дополнения синодика Ст.р.ск. сообщил со слов Василия Львова (ставшего потом епископом Нафанаилом) в приказе № 260 от 23 марта 1933 г. еще о гибели в начале ноября 1919 г. Миши Гана и Юры Павлова, не выдавших чекистам место, куда они спрятали знамя Томской скаутской дружины.

Спустя год Ст.р.ск. в приказе № 270 от 14 апреля 1934 г. снова пишет: *«Много героев дали Родной России наши русские скауты-разведчики. Гордостью наполняются наши сердца, когда мы думаем о них. Помянем молитвенно имена русских скаутов-*

разведчиков, погибших за Россию. Е. И. В. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, ген. Иван Смолянинов, скм. Константин Прохоров, Михаил Богословский, Сергей Покровский, Александр Сольский, Юрий Петерс, Николай Артемьев, Владимир Гантимуров, Михаил Ган, Александр Нескусил, Иннокентий Карелин».

Может быть, Ст.р.ск. упоминал еще кого-нибудь в своих приказах, но мы в Сараеве их стали получать более или менее регулярно только с конца 1932 г. и могли кое-что пропустить.

Все эти имена были прочитаны в тот вечер у костра. К ним я добавил имена пражских витязей, погибших от рук большевиков, которых я, договариваясь в 1942 г. с д-ром Н. М. Сергеевым о присоединении витязей в Праге и Брно к нашей организации разведчиков, обещал не забывать. В список Верных мы внесли и имя д-ра Н. М. Сергеева, погибшего в 1944 г. в нацистском концлагере. Б. Б. Мартино добавил еще несколько известных ему имен, в том числе и Малика Мулича, про которого кто-то сообщил, что он был якобы замучен большевиками в 1944 г. Позднее выяснилось, что он был выдан югославским коммунистам, но остался жив.

Мысль о перекличке живых и мертвых была взята из традиции русской императорской армии, в которой по Высочайшему повелению навсегда было сохранено в списках 1-й гренадерской роты Тенгинского полка имя рядового Архипа Осипова. На перекличках, при произнесении его имени, правофланговый отвечал: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении»[194].

В лагере «Памяти Верных» в Баварии в 1946 г. поминались только убитые или погибшие в концлагерях скауты-разведчики, витязи и руководители, но начиная с первого слета ОРЮР в Шлейсгейме в 1949 г. в списки были включены и умершие на посту, т. е. исполнявшие до последних дней жизни ту или иную должность в организации. С тех пор в лагерях ОРЮР ежегодно проводятся Дни памяти Верных с соответствующими церемониями.

Некоторые выдающиеся руководители, например, Иван Семенович Светов (1902–1982), Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890–1973), Александр Михайлович Шатерник (1902–1945), которые в силу обстоятельств не умерли на посту, по этой причине не включены в списки поминаемых в День памяти Верных, но все они, конечно, занимают почетные места в истории российского разведчества.

47. Монтаж «Трагедия России»

В 1927 г. большевики готовились торжественно отмечать 10-летие захвата власти, названного ими «Великой Октябрьской социалистической революцией». В связи с этим Митрополит Антоний (Храповицкий), Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей призвал Русское Зарубежье отметить этот день как День Непримиримости.

Русские в Прибалтике и Польше, будучи гражданами этих стран, не имели права устраивать выступления подобного рода, так как все или почти все приграничные страны, подписывая в 1920 г. мирные договоры с РСФСР – Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (СССР был образован 30 дек. 1922 г.), обязывались пресекать любую антисоветскую деятельность на своих территориях. Антисоветские выступления могла устраивать только политическая эмиграция, но она, будучи в своей массе военной, не откликнулась на призыв Первоиерарха, и в 1927 г. решила широко отметить 50-летие начала героической Балканской войны, давшей свободу болгарам и полную независимость сербам, черногорцам и румынам. Известно, что в Берлине в 1927 г. был отмечен День Непримиримости, хотя возможно, что был отмечен и еще где-то.

Только после создания в Белграде в июле 1930 г. НСРМ был снова поднят вопрос о проведении в эмиграции Дней Непримиримости.

Известно, что Российский общественный комитет в Польше, состоявший из не имевших польского подданства эмигрантов, решил в 1934 г. отметить День Непримиримости выпуском однодневной газеты «Под русским стягом». Редактор газеты Сергей Львович Войцеховский обратился к писателям и общественным деятелям с вопросом: «Почему мы непримиримы?», и от И. Бунина получил такой ответ:

«Я лично совершенно убежден, что низменней, лживее, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена».

В 1930-е гг. Дни Непримиримости отмечались как выступления НТС, участвовать в которых приглашались дружеские организации. К началу Второй мировой войны многие отделы НТС ушли в подполье, и Дни Непримиримости стало некому устраивать.

После конца войны вся общественная жизнь в Европе оказалась под контролем военного командования победителей, в

числе которых был и Советский Союз, и любые антисоветские демонстрации были немыслимы.

В этой обстановке, когда русские эмигранты в Германии и Австрии не имели права называть себя русскими, а должны были официально именоваться бесподданными, летом 1947 г. в лагере ОРЮР в Легау (в альпийском предгорье в Баварии) витязи мюнхенского круга Дмитрия Донского пригласили всех лагерников и гостей к костру.

Это не был обычный лагерный костер с веселыми песнями и «точками», а тематический костер-монтаж «Трагедия России». Стихи и песни были тесно связаны с темой костра, а ведущий комментировал их, увязывая в одно логическое целое.

Это были годы, когда молодежь ценила поэтов и знала наизусть их стихи. Монтаж «Трагедия России» был построен из материала, который не надо было искать и разучивать, а только собрать и смонтировать.

Начальник круга Владимир Гаевич Тремль, позже известный профессор-советолог, начал костер словами: «Унесемся мысленно далеко на восток, в Россию. Вспомним стихотворения и песни страшных, кровавых последних тридцати лет».

Бодрые песни царской армии сменялись ранними революционными. О бессудных расстрелах офицеров было сказано словами стихотворения Ивана Савина, посвятившего его расстрелянным братьям:

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках.
…
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое.

За стихотворением следовали песни белых добровольцев, первых во всем мире оказавших вооруженное сопротивление большевизму. Белым не суждено было победить – но сопротивление народа продолжалось. Вот песня восставших тамбовских крестьян: «Что-то солнышко не светит, над головушкой туман», а за ней – неизвестно откуда взявшаяся песня «Города вдали и огни вдали, чудный город вдали – Москва», в которой есть такие слова:

Там в снегу, в тайге,
И в полях везде,

Как и прежде, Россия жива.

Пелись эмигрантские пародии на лживо пропагандистские советские песни времен страшных 30-х годов – «Широка страна моя родная» и другие.

Стихи Симонова и советские песни начала Второй мировой войны сменяются песнями РОА. В этих песнях говорилось: «Будет строить новую Россию закаленный в бедствиях народ» и «твердо верим мы в победу нашу – и в твою, любимая страна».

Трагедия РОА и выдача Власова и власовцев на расправу Сталину не поколебали веры у разведчиков в грядущее освобождение России. Поэтому костер был закончен песней «Бьет светлый час за Русь борьбы последней…».

Костер произвел на всех исключительно сильное впечатление.

Когда уже лагерники и гости разошлись спать, группа руководителей осталась еще поговорить, и тут, как вспоминает В. Тремль, Сергей Тарасов сказал, обращаясь ко всем: «Ну что, провели костер, и конец? Нет, братцы, давайте дополнять, расширять его и этой зимой ставить “Трагедию России” в театре, для широкой публики».

Сразу после лагеря началась подготовка к выступлениям. «Трагедия России», созданная силами Мюнхенской дружины, была поставлена в Мюнхене, Шлейсгейме, Регенсбурге и Гамбурге с участием разведчиков и разведчиц из Регенсбурга, Пассау и Шлейсгейма, приезжавших в Мюнхен на спевки.

Газета «Эхо» от 6 ноября 1947 г. писала о постановке в Регенсбурге: *«Концерт оставил большое впечатление и был большой патриотической манифестацией русской национальной молодежи».*

В 1949 г. к хору Мюнхенской и Шлейсгеймской дружин присоединилась дружина в Ингольштадте. Было устроено пять выступлений, включая концерт для больных русских ДиПи в мюнхенском госпитале. О выступлении в Мюнхене В. Тремль писал:

«Огромный Софиензал – разборчивая, избалованная мюнхенская публика, духовенство, профессура, иностранцы, “зубры”. Таких аплодисментов мы еще не слыхали нигде».

Всего в 1947, 1948 и 1949 гг. в Германии было устроено тринадцать выступлений, именуемых по цензурным соображениям «концертами».

В том же 1949 г. постановка «Трагедия России» была осуществлена в Буэнос-Айресе. Об этом выступлении в местной

газете «За правду» от 21 мая говорилось: *«Русские скауты в Аргентине дали всем нам подлинный урок любви к родине… Наша молодежь сможет с правом сказать себе, что она оказала всем нам такую громадную услугу, которую еще не оказал нам никто. Сама же она уже сейчас достигла того, что недостижимо никакой рекламой, никакими громкими словами. Она завоевала наше сердце».*

Две следующие постановки «Трагедии России» состоялись в Сан-Франциско 19 ноября 1950 г. и в Нью-Йорке 21 января 1951 г. Программа каждый раз обновлялась. Ведущим в Нью-Йорке был по-прежнему В. Тремль. На следующий день об этой постановке сообщил советским слушателям «Голоса Америки»:

«Выступление талантливой русской молодежи вызвало горячее одобрение русско-американской общественности. Выступление заканчивалось клятвой русской молодежи отдать все силы для борьбы с тоталитарной диктатурой до полной победы свободных демократических сил».

Эти постановки положили начало устройству Дней Непримиримости во всех странах русского рассеяния. Время от времени ОРЮР выступал с заново переработанными постановками «Трагедия России». Последняя такая постановка состоялась в Си-Клиффе около Нью-Йорка в воскресенье 7 ноября 1987 г.

После развала коммунизма в России в эмиграции перестали отмечать День Непримиримости, и это понятно. Большевизм больше не у власти. Но 7 ноября продолжало быть до недавнего времени государственным праздником, пока его не заменил новый праздник – 4 ноября, День Казанской иконы Божьей Матери и День освобождения Москвы в 1612 г. от поляков. День 7 ноября стал Днем Скорби и Днем поминовения жертв большевизма, но должен быть не только Днем поминовения, но и Днем борьбы с пережитками большевизма.

Считаю своим долгом поблагодарить Владимира Гаевича Тремля за помощь в работе над этой статьей.

48. Шлейсгеймская дружина и первый слет ОРЮР в 1949 г

Начало дружине «Великий Новгород» положили С. Пелипец и Г. Лукин, приехавшие 16 июля 1945 г.[195] из Меммингена в Кемптен (Бавария). Там они предложили бывшему руководителю разведчиков Болгарского отдела НОРР (Богдановича) Владимиру Николаевичу Буткову (1916–2000) возглавить отряд разведчиков и разведчиц (организации Пантюхова). Отряд вскоре развернулся в дружину Петра Великого в составе 13-го отряда разведчиков Вещего Олега, 14-го отряда разведчиков ген. Дроздовского, 6-го отряда разведчиц св. княгини Ольги, 3-й стаи волчат и белочек и 3-го круга витязей. В конце того же 1945 г. лагерь Кемптен был переведен сперва в Фюссен, а затем летом 1946 г. в предместье Мюнхена Фельдмохинг и частично в Шлейсгейм. Там в 1946 г. 6-й отряд разведчиц был переформирован под руководством Мары Морозовой в 14-й отряд разведчиц имени Захарченко-Шульц (1946–1948).

С июля 1945 г. в другом предместье Мюнхена – Фрейманне (Freimann) в бывших казармах СС, среди представителей разных народов образовалась довольно большая русская группа. В этой группе оказался Лев Михайлович Гижицкий (полная фамилия Газдав-Гижицкий, 1925–2001), окончивший в 1941 г. подпольный IV КДР около Смедерева. Он в 1946 г. организовал дружину в составе: 4-го отряда разведчиц «Нева» (1946–1950) и 12-го отряда разведчиков св. князя Александра Невского (1946–1951). Русских жителей этого лагеря в 1947 г. перевели в Шлейсгейм. Там в октябре 1947 г. Л. Гижицкий принял дружину от В. Буткова[196]. Шлейсгеймская дружина, получившая вскоре название «Великий Новгород», состояла в 1947 г. из: 4-го отряда разведчиц и 14-го отряда разведчиц, 12-го отряда разведчиков, 14-го отряда разведчиков, 3-й стаи волчат и белочек, переформированной в 10-ю стаю белочек под руководством Ирины Гумбург, и 3-го круга витязей, принявшего в 1948 г. название «Дружба». Для штаб-квартиры был получен барак № 111.

В этом бараке 11–12 января 1948 г. состоялся Первый съезд Совета ОРЮР, на котором в 5-м параграфе декларации впервые была сформулирована идеология организации:

«Идеологически деятельность организации направлена на образование будущих творческих и активных участников свободной общественной жизни национальной России. В основе идеологии разведчества лежит:

а) Признание Божественного происхождения и назначения свободно развивающегося человеческого духа и истин евангельской этики, кладущей в основу жизни любовь к Богу и ближнему.

б) Понимание пути совершенствования человека как гармонического развития духа и тела, радости творческого труда и активного служения идеалам Божественной этики.

в) Стремление к построению человеческого общества путем свободного сотрудничества личностей, общественных образований и народов.

г) Воля к возрождению свободной, национальной России, создавшейся от основоположника своего св. Равноапостольного Князя Владимира, трудами Святителей, Государей и всех людей российских, дома правды, мира и согласия всех народов и племен, населяющих ее пространство».

В заключительном параграфе 6 было сказано:

«В работе старшей молодежи ОРЮР признает необходимым идейное, национально-гражданское, надпартийное воспитание, предоставляя своим взрослым членам право и свободу изыскания путей личного участия в борьбе за Россию».

В 1949 г., в сороковую годовщину основания российского разведчества, состоялся Первый юбилейный слет. Он проходил в лесу, в нескольких минутах хода от ДиПи лагеря Шлейсгейм, с 6 по 8 мая. Это было большим событием в истории разведчества. До того времени в России, ни в Зарубежье русские скауты-разведчики слетов не устраивали. Хотя в этом слете смогли участвовать только западногерманские отделы, встреча положила начало слетам ОРЮР, которые стали устраиваться каждые 10 лет, с участием представителей почти всех отделов. Тогда же было положено и начало награждения (на уровне «Пальмовой ветки») юбилейными медалями членов ОРЮР и друзей. В 1949 г. юбилейной медалью был награжден начальник ДиПи отдела БСИБ Джон Моннэ, оказывавший большую поддержку работе ОРЮР.

Юбилейный лагерь, в котором собралось около 300 человек, был назван именем Цесаревича Алексея. *«6 мая, в день нашего Небесного Покровителя, св. Великомученика Георгия Победоносца, слет был торжественно открыт. После церемонии поднятия флага, в походной церкви, построенной руками разведчиков, духовником дружины «Великий Новгород», о. Константином Каминским была отслужена Божественная Литургия, во время которой пел разведческий хор. В 10 часов лагерь посетил Высокопреосвященнейший Митрополит Анастасий и в сопровождении духовенства отслужил молебен, после которого обратился ко всем участникам слета с прочувственным словом,*

призвав на них благословение Божье, а затем осмотрел лагерь. В этот же день состоялись состязания, а вечером, из-за плохой погоды, был устроен костер-лампа в помещении. <…> Следующий день прошел в разведческих состязаниях. Вечером, после панихиды, было совершено поминовение Верных. Величие всей церемонии надолго останется в памяти присутствовавших. Кульминацией всего слета был 3-й день – воскресенье 8 мая. После Божественной литургии состоялся смотр. К смотру прибыл Епископ Димитрий. После того, как Старший скаутмастер Б. Б. Мартино обошел строй и принял рапорта от начальников выстроенных единиц, было прочтено письмо Старшего русского скаута О. И. Пантюхова с пожеланием успешной работы и поздравлением к юбилею. Затем, после выдачи наград и дипломов, состоялся парад. Трудно описать то чувство, которое захватило при виде проходящих в ровном строю молодых девушек и ребят. Надо сказать, что по своей выправке разведчицы ничуть не уступали разведчикам. Длинной колонной, с развевающимися знаменами, под звуки песен, барабанов и труб, прошли разведчицы и разведчики через весь Большой Шлейсгейм, произведя в населении его настоящий фурор. Сразу после парада, в переполненном лагерном театре был устроен "костер-монтаж". Восторг у всех зрителей вызвали разведчицы-калмычки из Пфаффенгофена (Pfaffenhofen) исполнением национальных танцев. Большое впечатление на присутствовавших произвел хор "Равенсбургские и Регенсбургские соловьи". Вторая часть программы – сценка из исторического монтажа "Спасение знамени" – произвела неизгладимое впечатление. Вечером большим заключительным костром, состоявшимся в лесу, в присутствии многочисленных гостей слет был закончен»[197].

Ст. скм. Б. Б. Мартино в статье «С юбилейного слета обо всем понемногу», подписанной «Старый Волк», сказал подробнее о характере состязаний: *«На них можно было оценить настоящих разведчиков. Не только по тому, как они ставили палатки, сигнализировали или носили раненого, но и по тому, как они себя вели во время состязания и особенно по тому – решились ли они принять участие в состязаниц, не имея шансов на победу».* Кроме того, Б. Б. Мартино к уже сказанному добавил несколько интересных мелочей. Оказывается, была и выставка, которая *«выглядела очень славно, но была она, конечно, слишком скромной. Запомнились труды калмыков, гамбургских разведчиц, "Невы" (4-й отр. разведчиц Шлейсгейм) и большой участок Суворовцев, за который они получили диплом. Надо давать больше моделей ручного труда, имеющего прямое отношение к разведческой практике. Местное население нас насмотрелось вдоволь. Правда, ДиПи, занятые мыслями об отъезде за океан, не особенно*

стремились к нам. Но – “не гора к Магомету, так Магомет к горе”: парад по лагерю, выступление в театре, а особенно радиопередачи – сделали свое. Кажется, последние особенно проникли в бараки и головы шлейсгеймцев. Не шутка, ведь – каждый день и целый день – объявления программы и целая передача на 60 минут! Жители покорно слушали не только песни, стихи, беседы, но и серьезные доклады о скаутизме»[198].

Меня не было на слете, так как в это время был с семьей в пересыльном лагере Буцбах в ожидании несостоявшегося отъезда в Бразилию. Но будь я на слете, я бы предложил выпускать листок слета, как это делалось на скаутских слетах югославских скаутов в 1932 и 1935 гг. или как было сделано в 1959 г. на Втором слете в Калифорнии. Листок назывался «Эхо слета» и имел подзаголовок «Журнал юбилейного слета С.А.О.» (Северо-Американского отдела). У меня сохранился последний № 6 (всего 2 страницы). Там было сказано и о награждении «Белым медведем» начальника САО Севы Селивановского, и о производствах в руководительские звания С. Мартиновича, Е. Боброва, А. Таурке и О. Журиной, и о результатах состязаний.

49. Калмыки и ОРЮР

Начало разведчеству среди калмыков было положено еще в Белграде, когда в 1937 г. в 3-м отряде Ермака Тимофеевича, которым руководил наш сараевец, боснийский мусульманин Малик Мулич, было сформировано калмыцкое звено. Звено просуществовало до 1941 г. К сожалению, из калмыков тогда никто в руководители не выдвинулся, но среди русских разведчики калмыки всегда пользовались вниманием и симпатиями.

Как только закончилась война и разведческая работа началась во всех ДиПи лагерях, началась она и с калмыками в Мюнхене в СС казармах и в Нидерраунау около Крумбаха.

В отчете о посещении лагеря Нидерраунау 18–20 октября 1946 г. Г. Лукин писал о том, как он в первый же день встретился с Санджой Цагадиновым, с которым выяснял обстановку в лагере, и о разговорах 19 октября с начальником лагеря, начальником просветительной части, директором гимназии и буддийским священослужителем. Все они обещали полную поддержку разведческой работы. В тот же день, *«19.10 были проведены: сбор штаба дружины, собрание родителей и сбор старшей молодежи, а 20.10 были проведены сборы разведчиков, разведчиц, волчат и белочек»*[199].

Калмыцкая дружина ОРЮР в составе 24-го отряда разведчиков «Хонгор», 13-го отряда разведчиц, 8-й стаи волчат и 9-й стаи белочек была названа «Джангар». Во время второго приезда 26 октября в Нидерраунау Г. Л. Лукин и Маргарита Николаевна Сагайдаковская (р. 1924) основали 8-й круг витязей и дружинниц[200].

Начальник калмыцкой дружины Санджа Цагадинов (1925–2000) в статье «Калмыцкая молодежь и российское разведчество» написал:

«До сих пор калмыцкая молодежь участвовала во всех русских юношеских организациях, но это были одиночки, разбросанные по всем организациям, как то: разведчики, витязи, сокола. Между ними не было хорошо налаженной связи и тесного сотрудничества. <…> Теперь же наша молодежь вступила в ОРЮР в виде отдельного соединения (дружины). Как и предки наши, калмыцкая молодежь всегда стремилась идти нога в ногу со всей российской молодежью. Различие во взглядах возможно лишь в тех случаях, когда дело касается религии. Изучая историю своего народа, мы изучаем также и историю России в целом. Берясь за воспитание молодежи, нам приходится кое-что изменять в общей программе.

Например, у русской молодежи небесным покровителем является св. Георгий Победоносец, у нас же покровителем разведчиков является Дяча Тенгер, по своему образу приблизительно соответствующий св. Георгию Победоносцу»[201].

Руководство ОРЮР было внимательно и предупредительно к калмыкам. «Хромой Комар» (Б. Мартино), говоря о лагерях 1947 г., писал: *«В лагерях того года было много калмыков, и пение их молитвы «Ом мани бадьме хум» было делом привычным для всех, подпевавших мелодичному напеву»*[202].

В 1947 г. калмыки были переселены из Нидерраунау в Пфаффенгофен. Русско-калмыцкие связи не прекращались. Так, 9 марта 1947 г. состоялась поездка разведчиц из Мюнхенской дружины (при Доме «Милосердный Самарянин») в Пфаффенгофен. «Ласточка» поделилась своими впечатлениями на страницах «Опыта» (1947. № 5):

«Более всего в лагере достойно удивления единство и послушание юных разведчиков и разведчиц. В лагере находится прекрасно оборудованная штаб-квартира, где, между прочим, на почетном месте висят портреты наших курсантов. Всюду чистота и уют. Хозяева были настолько любезны, что познакомили нас с буддистской церковью, с бытом и национальными особенностями калмыцкого народа. После обеда был костер, на котором пелись русские и калмыцкие песни и на котором мы ясно почувствовали, что все разведчики действительно сестры и братья. Костер продолжался довольно долго при приподнятом настроении. Вскоре после него все мы снимались, а затем настал печальный момент отъезда – за этот день мы так сдружились, что уезжать совсем не хотелось. Провожать нас на станцию отправились все старшие разведчики…»

7 ноября 1947 г. Ст. скм. Б. Мартино посетил Пфаффенгофен, о чем было написано в русскоязычной калмыцкой газете «Обозрение» от 23.11.1947: *«7 с.м. был радостным днем в жизни калмыцкой дружины разведчиков и разведчиц в Пфаффенгофене. В этот день их дружину посетил Старший скаутмастер ОРЮР Б. Мартино в сопровождении своего адъютанта, инструктора Вальтера Буца. Во время своего пребывания в лагере Б. Мартино подробно ознакомился с жизнью и деятельностью калмыцкой дружины, которая под руководством инструктора Санджи Цагадинова достигла заметных успехов. Вечером, в одном из городских залов, калмыцкой дружиной в честь дорогих гостей была устроена дружеская «чашка чая», на которую были также приглашены настоятель буддийского храма в Пфаффегофене, гунзуд Санджи-Рагба Меньков, калмыцкие общественные деятели и*

представители редакции «Обозрения». На следующий день, 8 с.м., Б. Мартино нанес визит редакции “Обозрения” и лагерным организациям».

Будучи в 1947 и 1948 гг. в Пфаффенгофене, Санджа Цагадинов выпустил два номера молодежного журнала на калмыцком языке «Тэгин очән», а после переезда калмыков в лагерь Иннгольштадт в 1949 г. первый и последний номер журнала «Харулч» (разведчик). В том же году или в начале 1950 г. калмыков перевезли в Шлейсгейм.

Все калмыки в Шлейсгейме считались старыми эмигрантами из Югославии или Болгарии, хотя среди них были и те, кто покинул СССР во время войны. К таким принадлежал и донской казак С. Цагадинов. Калмыки делились на донских и астраханских, и у них в Шлейсгейме было два отдельных храма.

В Югославию калмыки попали из Крыма вместе с частями Русской армии генерала Врангеля, сражаясь до последнего с общим врагом – большевизмом. Это были главным образом донские калмыки-казаки. Мой отец, белый офицер, всегда с похвалой отзывался о калмыках, которые дали белой армии в процентном отношении больше, чем любой другой народ России.

После победы над белыми большевики зверски расправились с оставшимися калмыками, что было причиной их сотрудничества с немцами в годы Второй мировой войны и упразднения 27 декабря 1943 г. Калмыцкой АССР с высылкой всех калмыков без исключения в Сибирь и Среднюю Азию.

Калмыцкая общественность в ДиПи лагерях поддерживала разведческую работу потому, что благодаря помощи со стороны русских разведчиков калмыцкая молодежь за границей впервые получила возможность создать свою молодежную организацию.

В феврале 1951 г., после переезда в Шлейсгейм, Санджа Цагадинов устроил по случаю праздника Цаган сбор дружины и пригласил русских разведчиков в гости. На меня этот сбор произвел сильное впечатление.

С Санджой мы стали вскоре большими друзьями, и от него я узнал много интересного о калмыках. Узнав, что после переезда в Шлейсгейм калмыцкие школы прекратили свою работу, я настоял на том, чтобы Санджа продолжил преподавание калмыцкого языка хотя бы только для своих разведчиков. Увы, ребята интереса не проявили.

Чтобы рассказать калмыцкой молодежи о прошлом их народа, мы пригласили Шамбу Балинова, признанного историка калмыцкого народа, прочитать доклад об истории калмыцкого народа. Помню, что на доклад пришло больше русских, чем калмыков. Шамба Балинов поблагодарил нас за приглашение, но

не скрыл свое огорчения, что большинством слушателей оказались русские, а не калмыки. Доклад Балинова был для меня очень интересен, я его записал, и потом опубликовал в разведческом журнале «Свисток»[203].

Е. С. Ремилева считает, что *«против Шамбы в калмыцком обществе была оппозиция, которая не разделяла его националистически-сепаратистских настроений»*[204]. Однако в докладе Ш. Балинов ничего против русских не говорил.

Незадолго до моего отъезда в США на меня была возложена подготовка участия русской делегации на всемирном скаутском джембори в Бад-Ишл (Австрия) с 3 по 13 августа 1951 г. По моему предложению в состав сводного звена были включены четыре русских и два калмыка – Алексей Иванчуков и Улюмджа Албатаев. Их присутствие должно было свидетельствовать, что Россия не «тюрьма народов», как это кое-кем утверждалось, а добровольное содружество.

Отношение западных стран к калмыцким беженцам в Германии не было дружелюбным. Никто калмыков не хотел у себя принимать. Началось с отказа в американской визе Доже Ивановичу Ремилеву, генеральному секретарю Калмыцкого национального представительства в Германии и дяде Елены Сарановны. *«Ремилев апеллировал к высшей административной инстанции, и два раза был отказ. Дело было перенесено в судебную инстанцию в Вашингтон. 16 февраля 1951 г. суд признал за супругами Ремилевыми право иммиграции в США. Суд признал калмыков принадлежащими к “белой”, или “европейской” расе»*[205].

Толстовский фонд приложил немало усилий, чтобы помочь переезду калмыков в США. В 1952 г. в США приехал С. Цагадинов, которого я приказом № 3 по САО – Северо-Американскому отделу ОРЮР от 20 апреля 1952 г. назначил начальником калмыцких разведчиков на территории САО. К сожалению, наладить работу с калмыцкой молодежью ему не удалось. Сегодня, после падения коммунизма в России, следовало бы в Калмыкии продолжить дело, начатое Маликом Муличем в Белграде (Югославия) и Санджой Цагадиновым в Нидерраунау (Германия).

Приношу благодарность Елене Сарановне Ремилевой за помощь при составлении этой статьи.

50. Суворовские торжества 1949 г

«В 1946 г. поручик 8 Финляндского стрелкового полка В. Н. Смолинский обнаружил в г. Вейнгартен, в 2-х километрах от католического монастыря “Капля Крови”, в лесу, который и поныне называется “Руссишер Вальд”, кладбище, где когда-то был поставлен памятник. Из поисков в архиве г. Вейнгартена были найдены документы, которые установили, что в 1799 г. в том монастыре был открыт лазарет для раненых Суворовских чудо-богатырей; умершие раненые были похоронены в Русском лесу. В 1947 г. группой офицеров-эмигрантов в г. Равенсбурге был создан комитет под председательством подполковника Кесаря Карповича Македонова, члена Объединения Кадет Суворовцев. Этот комитет выбрал место на вышеуказанном кладбище, поставил временный крест и осенью 1947 г. организовал торжественное его освящение. На этом освящении присутствовало большое число офицеров из всей Французской зоны Германии, были возложены венки, а по поручению Объединения Суворовцев, член его, вице-фельдфебель II выпуска, ген.-майор В. В. Крейтер произнес соответствующую речь. В. К.»[206].

Начался сбор средств на постройку нового памятника вместо временного креста, поставленного на месте памятника, который был снесен по распоряжению правительства Вюртемберга. Новый памятник – большая каменная глыба с надписью «Суворовским чудо-богатырям – соотечественники» был освящен 9 октября 1949 г.

Освящение памятника вылилось в большие религиозно-национальные торжества с участием духовенства во главе с митрополитом Анастасием, воинскими и молодежными организациями при большом стечении русских людей.

«Торжества начались в г. Линдау, куда 8 октября из Мюнхена прибыл Высокопреосвященный митрополит Анастасий в сопровождении о. протоиерея Георгия графа Граббе и протодиакона о. П. Никольского». Среди приветствовавших Владыку был и прямой потомок генералиссимуса А. В. Суворова по женской линии настоятель Мюнхенского мужского монастыря о. архимандрит Иов (Леонтьев)[207].

Торжества продолжились в Равенсбурге 9 октября Божественной Литургией в местном русском храме. *«Вся прилегающая к храму улица, а также двор храма были переполнены молящимися, прибывшими на Суворовские торжества из всех*

православных приходов Французской зоны Германии. Прибыли также и русские скауты и сокола со своими знаменами не только из Французской зоны, но также и из зоны Американской, принявшие участие во встрече Его Высокопреосвященства и выстроенные шпалерами со своими знаменами». Церковный староста сказал приветствие митрополиту Анастасию и преподнес хлеб-соль, после чего разведчицы ОРЮР (названные в статье скаутками. – *Р. П.*) поднесли Владыке цветы[208].

После богослужения и трапезы разведчики, разведчицы и сокола двинулись строем со знаменами из Равенсбурга в Вейнгартен. *«Внизу, у площадки под памятником, разбиты шатры-палатки соколов и скаутов; у самого памятника – почетный караул от соколов и скаутов со знаменами. Молодая девушка, в форме русской сестры милосердия, скромно несет свое дежурство у одной из палаток… К моменту прибытия Владыки Митрополита у памятника находились прибывшие из Равенсбурга: представитель французских оккупационных властей г. Мейэ, представители русской общественности, отряды русских соколов и скаутов во главе с начальником Организации Российских Юных Разведчиков Б. Б. Мартино и многочисленные молящиеся»*[209].

После освящения памятника и панихиды митрополит Анастасий обратился к собравшимся со словом, в котором отметил 150-летие перехода Суворова с русским войском из Италии через непроходимые швейцарские Альпы в Германию, названного современниками «чудом». После слова Владыки от имени организаторов торжества выступил полк. К. Г. Кромиади, а за ним представитель местной русской колонии С. Л. Войцеховский в коротком слове по-французски и по-немецки поблагодарили французские и немецкие власти за оказанную поддержку русскому начинанию. Затем от Русского общевоинского союза выступил сокольский деятель Б. Н. Сергеевский, а за ним от имени юных разведчиков – член НТС Эдик (Эдмунд Владимирович, 1930–1986) Прибыткин, начальник Равенбургской дружины. Ему было тогда 19 лет, и его короткая речь произвела сильное впечатление на присутствовавших. Эдик сказал:

«Летом 1946 года, когда мы еще ничего не знали о том, что здесь погребены Суворовские воины, в городе Равенсбурге был основан отряд юных разведчиков имени генералиссимуса князя Александра Васильевича Суворова. С тех пор прошло более трех лет. За это время наш отряд превратился из маленькой группы девочек и мальчиков в дружину с несколькими отрядами в городах Ванген и Заульгау. В течение этих трех лет наша работа протекала под руководством старших, в сборах и выступлениях,

походах и лагерях. Мы старались воспитать наших младших братьев в вере в Бога, в любви к Родине и ближним. Мы старались оправдать право младшего поколения называться русскими и подготовить из себя достойных граждан будущей России. Многие из нас покинули Европу и разожгли наши разведческие костры за океаном. Для нас же, оставшихся здесь, сегодняшнее торжество, как для членов Суворовского отряда, имеет особое значение. С великой радостью мы участвуем в этом общерусском деле. Мы твердо верим в то, что наступит тот час, когда и наш долговременный поход изгнания, подобно походу Суворовских чудо-богатырей, после всех жертв и лишений закончится у нас на Родине, и мы сможем пламенем наших сердец разжечь на полях освобожденной России наши костры и поднять наш родной трехцветный флаг, незапятнанный нами на чужбине»[210].

В этой короткой речи Эдик Прибыткин изложил цели и смысл разведческой работы в изгнании. На память об этом событии все члены ОРЮР, участвовавшие в торжествах, получили памятный матерчатый знак для ношения на левом кармане форменной рубашки.

Владыка Митрополит попросил архимандрита Иова как потомка генералиссимуса Суворова сказать заключительное слово, после чего началось возложение венков, в том числе и от ОРЮР, и венок с надписью на лентах «Суворовцам – Власовцы»[211].

Торжество у памятника закончилось прохождением церемониальным маршем разведчиков и соколов перед Владыкой Митрополитом Анастасием.

51. World's YMCA–YWCA 1946–1951

YMCA – Young Men's Christian Association, по-русски ХСМЛ – Христианский Союз Молодых Людей – был основан в Лондоне в 1844 г., а YWCA – Young Women's Christian Association – Христианский Союз Молодых Женщин – в Лондоне же в 1887 г. путем слияния двух групп, начавших работу в 1855 г.[212].

И в Первую мировую войну, и во Вторую ХСМЛ, как организация нейтральная, с центром в Женеве (Швейцария), вел религиозную и культурную работу среди союзных войск и в лагерях военнопленных, снабжал карандашами, бумагой для писем и книгами для чтения.

Во время Второй мировой войны для этой цели в Женеве (Швейцария) был создан YMCA War Prisoners Aid World's Committee. Для бежавших в Швейцарию военнопленных были созданы «лагеря для интернированных», опекаемые Красным Крестом и ХСМЛ (YMCA, или Имка, как мы тогда говорили). Для русских, поскольку им для этой цели из СССР книг не присылали, Имка собирала пожертвованные книги в США. Но, кроме того, Имка в Женеве и Нью-Йорке выпустила десяток книг русских классиков. Имка пыталась передавать эти книги и советским пленным в Германии, но немцы этого не разрешили.

К концу войны на складах Имки в Женеве оказалось большое количество русских книг, которые были сразу же посланы в Германию и Австрию для лагерей ДиПи. Во время войны Имка выпустила также и ряд граммофонных пластинок, которые после войны тоже были направлены в ДиПи лагеря. В русский лагерь Менхегоф Имка прислала несколько сербских пластинок, думая, что это русские. Надписи на пластинках были кириллицей, кроме одной короткой по-немецки Kriegsgefangenenhilfe der YMCA[213].

Почему Имка не начала свою работу в ДиПи лагерях сразу после окончания войны, догадаться нетрудно. Союзники считали, что все ДиПи, кроме небольшого числа поляков, покинут Германию, Австрию и Италию уже к концу года и что Имке в ДиПи лагерях будет нечего делать. Но когда летом 1946 г. поток желавших вернуться домой иссяк, а в ДиПи лагерях оказалось свыше миллиона человек, не желавших возвращаться[214], то военные власти решили призвать на помощь Имку. Работа Имки началась осенью 1946 г. в ДиПи лагерях Австрии и Германии. В Италию, из-за противодействия католического духовенства, Имку не пустили. В Австрии и Германии Имка создавала в лагерях свои

клубы, поручая их членам дальнейшую работу – занятия спортом, ручным трудом и развлечениями, снабжая их для этого спортивным инвентарем, играми и книгами для библиотек. Руководителей клубов руководство Имки отправляло на специальные курсы, а в члены Имки принимались только подававшие письменное заявление, что разделяют основы имковской идеологии («Парижский базис»). Первым русским клубом Имки был клуб, основанный в Менхегофе уже осенью 1946 г., а появление других русских клубов Имки относится к 1948 г.

Создав в лагерях свои клубы, Имка проводила с их помощью в 1947–1949 гг. детские летние лагеря. С 17 по 27 сентября 1948 г. в Гибельштадте состоялась Конференция работников имковских детских лагерей. На этой конференции обсуждались цели и методы работы. В деле летних лагерей Имке принадлежит пальма первенства. В 1885 г. Имка провела первый летний лагерь в Англии, за 22 года до того, как генерал Баден-Пауэлл провел свой первый скаутский лагерь. Имковские лагеря с первых же лет носили развлекательный характер. Их цель была отвлечь мальчиков, которые по возрасту не могли быть членами Имки, от пьянства и вредного влияния улицы, а у скаутов летние лагеря стали неотъемлемой частью общегодового плана воспитательной работы.

С 1949 г. руководство Имки, кроме проведения детских лагерей, начало устраивать регулярные конференции молодежи и молодежных руководителей. Для этого Имка арендовала большой Strand-Hotel в г. Прин на берегу Химзее (Prien am Chiemsee), куда приглашались не только ДиПи, но и немецкая молодежь. Мне как служащему Имки приходилось бывать на всех этих конференциях, но участники каждый раз были другие. Целью этих конференций было создание дружеских отношений между представителями молодежи разных национальностей. На встречах читались доклады, после которых следовали дискуссии. Поощрялась личная дружба и обмен адресами.

Помню одну конференцию с участием представителей общественности разных ДиПи лагерей. Среди них в мои 30 лет я был одним из самых молодых. Все мы носили на рубашках карточки с именем, фамилией и указанием национальности. Ели мы за столиками на четверых, причем каждый раз все мы менялись местами. Таким образом создавались знакомства.

На такой конференции я познакомился с одним украинским филателистом, который снабдил меня целым рядом адресов, по которым у меня потом была дружеская переписка. Запомнился мне разговор с одним узбеком. Он сказал, что как мы, русские,

понимаем украинцев без переводчика, так и они, узбеки, понимают турок без переводчика. Я предложил ему перевести мне те турецкие слова, которые мне, как жителю Сараева, были хорошо известны, и он ни разу не ошибся. Конечно, он был удивлен, откуда я знаю столько турецких слов, и узнав, что я сараевец, подробно расспрашивал меня о жизни мусульман в Боснии.

На этой же конференции один украинский профессор старался доказать, что украинцы особая нация, что говорят они на особом языке и хотят иметь свое независимое государство. На это я ответил, что не нам тут решать, хотят ли украинцы иметь свое отдельное государство или жить вместе с русскими. Пусть это решает весь украинский народ. Что касается украинского языка, который хоть и особый язык, но в то же время настолько близкий к русскому, что мы друг друга понимаем без переводчиков. Тут я обратился к присутствовавшим баварцам, спросив их, понимают ли они северных немцев, если те говорят на своем плат-дойч. Все согласились, что, чтобы южанам понять северян, надо говорить на общенемецком литературном языке, так называемом хох-дойч. Баварцы признались, что хоть они между собой и говорят на своем баварском диалекте, они себя считают немцами, что немецкая культура – это их культура, а общенемецкий хох-дойч – язык немецкой культуры. В заключение я сказал, что в России, кроме русских, живут еще около ста разных народов, что все они считают себя россиянами и что для них русский язык играет ту же роль, какую играет для немцев хох-дойч. Говорили мы все по-немецки и я, чтобы объяснить разницу между словами «русский» и «россиянин», сказал, что русский по-немецки будет Russe, а россиянин – Russländer – от слова Россия – Russland.

Присутствовавшего американца заинтересовало то, что я говорил. Утром за завтраком он оказался со мной за одним столиком вместе с одним баварцем, и мы продолжили разговор о хох-дойч и плат-дойч. Американец хорошо говорил по-немецки, но не знал, какая разница между баварским диалектом и плат-дойч. Баварец и я объяснили американцу, что и плат-дойч, и английский языки принадлежат к северогерманской группе языков, а хох-дойч выработан на основе южногерманских диалектов. Для американца все это было откровением. Узнав, что я из Сараева, американец стал меня подробно расспрашивать о боснийских мусульманах и сожалел, что их здесь нет.

Запомнилась мне еще одна конференция, на которую были собраны юноши и девушки 14–16 лет. Кроме ДиПи и местных баварцев, была еще и группа немецких беженцев из Восточной

Германии. Вначале к русским по-дружески отнеслись только югославяне. С белорусами и украинцами у русских вскоре тоже завязалась дружба. Благодаря тому, что я говорил по-польски и рассказывал полякам о подпольной работе харцеров (польских скаутов), с которыми я сотрудничал в Варшаве, вскоре и с ними у нас установилась дружба. Что удивило некоторых организаторов этой конференции, так это дружеское отношение к русским немецких детей-беженцев. Они мне жаловались не на советских солдат, а на то, что к ним баварцы относятся хуже, чем к ДиПи.

Одним из способов создания дружеских отношений между представителями разных народов было разучивание песен на языке всех участников. Для летних лагерей Имка в Британской зоне в 1948 выпустила сборник Summer Camp Songs с песнями американскими, британскими, одной французско-канадской, эстонскими, одной немецкой («Открытие Америки»), венгерскими, латышскими, литовскими, польскими, румынскими, одной шведской, украинскими и югославянскими. Не знаю, случайно или нарочно, но в сборнике не оказалось ни одной русской песни. В имковских лагерях, в которых мне приходилось участвовать, разучивая песни разных народов, я всегда включал одну русскую. Против этого не было возражений ни со стороны ребят, ни со стороны начальства.

Strand-Hotel на берегу Химзее был арендован Имкой не случайно. Он был расположен вблизи острова Herreninsel со знаменитым дворцом баварского короля Людвига II Херренхимзее (Schloss Herrenchiemsee), построенным в 1878–1885 гг. наподобие Версальского дворца. Там был свой Зеркальный зал, который был, кажется, даже больше Версальского. В комнатах было много фарфора, включая букеты из фарфоровых цветов, много картин и портретов французского короля Людовика XIV. Говорят, что там король провел свой последний день, утонув в озере при загадочных обстоятельствах в 1886 г. Любая имковская конференция включала в свою программу посещение этого дворца.

52. Возрождение ХСМЛ в Германии в 1948–1951 гг

YMCA начал свою деятельность в С.-Петербурге (Россия) в 1900 г. под названием «Маяк», или «С.-Петербургский комитет для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития». Устав «Маяка» был утвержден в 1903 г. и, согласно уставу, его посетителями могли быть только молодые люди мужского пола не моложе 17 лет[215].

В годы Первой мировой войны, до вступления США в войну на стороне союзников, американский YMCA вел работу в России в лагерях для германских и австро-венгерских военнопленных, удовлетворяя их религиозные и культурные запросы. После начала Гражданской войны YMCA распространил свою благотворительную деятельность в Сибири и на воинские части белой армии, и на гражданское население.

Василий Львов, принявший впоследствии монашество и ставший епископом Нафанаилом, вспоминал, как он в Томске в 1919 г., благодаря знанию английского языка, устроился в YMCA мальчишкой на побегушках за небольшое вознаграждение – 500 рублей в месяц. Его мать работала в Американском Красном Кресте, и ее с детьми американцы эвакуировали в Харбин. Там Вася поступил в члены YMCA, вернее ХСМЛ, как по-русски он официально назывался, и посещал библиотеку ХСМЛ, считавшуюся лучшей в Харбине. Свою работу в Харбине YMCA начал в апреле 1918 г. В 1921 г. руководителем YMCA в Харбине стал Howard Haag, который из нескольких небольших русских школ создал в 1925 г. русскую гимназию ХСМЛ с хорошо поставленным преподаванием английского языка и в том же здании в сентябре 1930 г. трехлетний политехникум ХСМЛ с филологическим, педагогическим и коммерческим отделениями[216]. Здание ХСМЛ на Садовой улице в Новом Городе было одним из притягательных очагов культурной жизни для харбинской молодежи. Здесь размещались различные курсы, кружки и отряд «Костровых братьев». Был спортивный зал, где зимой проходили состязания по волейболу и баскетболу. Здесь же проводились литературно-музыкальные вечера поэтов «Чураевки»[217]. Одним из руководителей костровых братьев, организации скаутского типа, был служащий ХСМЛ Алексей Алексеевич Грызов (1896–1961), писавший стихи под псевдонимом Ачаир. Он был большим русским патриотом, в политику не вмешивался, но в 1945 г. был арестован

большевиками и получил, как и все русские общественные деятели, 15 лет концлагеря.

Отношение русских харбинцев к ХСМЛ было разным. Было много сторонников, но были и противники, считавшие ХСМЛ организацией масонской[218].

Для русских беженцев, оказавшихся в начале 1920 г. в Константинополе (Стамбул, Турция), Имка создал молодежный центр под старым названием «Маяк», просуществовавший до разъезда русских из Турции в 1923 г. Тогда же YMKA проявил заботу об эвакуированных донских кадетах в лагере Тель-Эль-Кебир (Египет), о чем с благодарностью вспомнил Юрий Гончаров в статье «Африка глазами эмигрантов»: *«Снарядов для упражнений и всевозможных мячей было много – это доставлял добрейший представитель YMCA мистер А. Симонс»* (американец. – *Р. П.*)[219].

В Таллинне (Эстония) в мае 1920 г. секретарь американской Имка *«организовал среди эстонской и русской молодежи, независимо от национальности и гражданства, небольшие кружки, пропагандирующие христианское мировоззрение и здоровый образ жизни, включающий занятия спортом. <…> Весной 1921 г. возник Христианский Союз Молодых Женщин (ХСМЖ). <…> ХСМЛ и ХСМЖ имели свои отделы во всех городах Эстонии, широкие международные связи и материальную поддержку из-за рубежа. <…> Из недр организаций YMCA вышло несколько крупнейших русских обществ, а также руководителей спортивного, скаутского и молодежного движения»*[220].

Среди русских в Латвии были тоже созданы и YMCA, и YWCA. В ХСМЖ в 1930 г. *«работали 3 клуба для взрослых и 4 клуба “Девичьей дружины” (с 10 до 18 лет). Под руководством В. В. Преображенского работал религиозный кружок. На Рождество YWCA традиционно устраивал елку для бедных русских детей, а на Пасху посылал куличи в Садовниковскую богадельню»*[221].

В Германии в 1947 г. Имка, как мы тогда говорили, начала работу во всех ДиПи лагерях. Представители Имки через администрацию лагерей искали людей, которым поручалось создавать в лагерях имковские клубы. Клубы создавались либо национальные, либо многонациональные, в зависимости от населения лагерей. Руководителям этих клубов администрация оплачивала труд добавочными пачками сигарет, которые до денежной реформы 20 июня 1948 г. считались в Германии «твердой валютой». За одну пачку можно было, в зависимости от обстоятельств, получить от 100 до 150 немецких марок. После денежной реформы все служащие Имки стали получать жалование от немцев новыми марками из Управления по оккупационным расходам.

Первым русским послевоенным клубом Имки был клуб, основанный В. Смирновым осенью 1946 г. в Менхегофе, а Клуб молодежи, основанный в Регенсбурге 24 ноября 1946 г.[222], сразу или вскоре стал вторым русским клубом Имки. Из «Почтового ящика» журнала «Единство» № 3 от 22 февраля 1948 г. явствует, что к этому времени в Линдау (Французская зона Германии) уже был клуб Имки, членами которого были и русские, и украинцы.

В том же «Почтовом ящике» были еще две выдержки из писем. Читатель из лагеря балтийских ДиПи в Аугсбурге писал: *«Прошу выслать в библиотеку Православной общины журнал "Единство". Одновременно сообщаю, что мне, как бывшему стипендиату YMCA, интересно узнать, кто в Баварии руководит Христианским движением и не предполагается ли в этом году созыв съезда»*.

Читатель из Мюнхена писал: *«Я узнал, что клуб YMCA издал журнал "Единство". Мне хотелось бы ознакомиться как с деятельностью YMCA, а также и с упомянутым журналом».*

Появление других русских клубов Имки относится к 1948 г. На конференции работников имковских детских лагерей Американской зоны Германии в Гибельштадте с 17 по 27 сентября 1948 г. присутствовало 12 человек русских. Кроме меня (Менхегоф) были еще Алла Коссович и Владимир Забродский (Пассау), Елена Петровская (Шлейсгейм), Михаил Борель, Ю. Буш, Н. Козлова, Пронина, Р. Супрунов и другие из лагерей Крейбург и Регенсбург. На этой конференции присутствовали также о. Александр Киселев (1905–2001) и Алексей Иванович Зеленой (1905–1983)[223]. Отец А. Киселев был движенцем (членом близкого к Имке РСХД, а А. Зеленой стал членом ХСМЛ в начале 1920-х гг. Оба были из Эстонии и оба были скаутскими руководителями. А. Зеленой принадлежал к руководству Имки, носил форму и получал жалование в долларах.

По моему предложению на этой конференции был создан Координационный комитет Русской YMCA/YWCA и вынесена резолюция, под которой подписались все 12 русских делегатов. В резолюции было сказано:

«1. Создать Координационный комитет Русской ИМКА/ИВКА, в который могут входить как клубы ИМКА/ИВКА, так и отдельные лица.

2. Просить Алексея Ивановича Зеленого возглавить созданный Координационный комитет Русской ИМКА/ИВКА.

3. Просить отца Александра Киселева быть духовником созданного Координационного комитета Русской ИМКА/ИВКА.

4. Работа Координационного комитета будет заключаться в регулярном собирании отчетов от клубов и одиночных членов об их деятельности, составлении общего плана работы, ведении общего

списка членов, в устройстве съездов работников Русской ИМКА/ИВКА и в поддержке уже существующего в Менхегофе журнала "Единство".

5. Для выполнения упомянутой работы единогласно выбраны: 1-м секретарем Ростислав Полчанинов и 2-м секретарем Елена Петровская»[224].

Одновременно с возрождением ХСМЛ в Германии происходило и возрождение РСХД. Душой возрождения РСХД был о. А. Киселев. В январе 1949 г. он выпустил первый номер органа Р.С.Х.Движения в Германии, «Вестник».

С самого начала, говоря о делах РСХД, «Вестник» уделял внимание и делам ХСМЛ. Так, в апрельском № 4 была небольшая заметка «Религиозная конференция в Прине», которая там проходила с 4 по 24 марта 1949 г., подписанная Николаем Арцюком. На этой конференции Николай Трофимович Арцюк (настоящая фамилия Гончаров) обратил на себя внимание руководства Имки, и ему было поручено создать студенческий клуб Имки в Мюнхене, где он проживал, и где жило, на частных квартирах, немало русской студенческой молодежи. Сам Н. Арцюк-Гончаров был членом ОРС – Объединения русских студентов и учился в Унровском университете, а после его ликвидации – в немецком университете, где и получил степень доктора философии. Н. Арцюк-Гончаров говорил, что фамилию Арцюк он принял в 1945 г. в Зальцбурге в лагере ДиПи, чтобы избежать насильственной репатриации.

Отец Н. Гончарова воевал в армии Колчака и, чтобы скрыть свое участие в Белом движении, уехал в Киев, где женился и где в 1921 г. у них родился сын Николай (скончался 2 февраля 2007 в Swannanoa (США). Позднее отец Николая стал священником, в 1937 г. был арестован и сослан в Караганду. Мать скончалась в 1933 г. во время голода на Украине. Когда началась война с Германией, Н. Гончаров, будучи лейтенантом-танкистом, был взят раненым в плен. Конец войны застал его сельскохозяйственным работником на положении Ostarbeter'a – рабочего из Советского Союза.

Моя работа Первого секретаря Координационного комитета русской ИМКА/ИВКА не была сложной. И я, и все секретари русских клубов ИМКА/ИВКА, были штатными служащими и назывались Field Workers. Все мы были обязаны давать ежемесячные отчеты своему имковскому начальству, и я без труда получал копии этих отчетов и делал ежемесячные сводки работы русских клубов. Эти сводки я давал председателю комитета А. И. Зеленому и духовнику, сперва о. А. Киселеву, а потом о. Г. Бенигсену. О создании Координационного комитета я

немедленно известил Интернациональный комитет Имки в Нью-Йорке, германский (Christlicher Verein Junger Männer), латвийский (YMCA/YWCA for Latvians) и эстонский союзы. В Югославии до войны была своя Имка – Хришћанска Заједница Младих Људи, но не помню, чтобы в Германии у них был свой объединяющий центр. Литовцы и поляки, кажется, своего объединяющего центра тоже не имели. В предместье Касселя в ДиПи лагере Маттенберг была довольно сильная литовская имковская организация, во главе которой был Пузинаускас. С ним я быстро подружился, и он мне говорил, что литовская общественность косо смотрит на членов Имки из-за враждебного отношения к Имке католического духовенства.

Первая конференция представителей русского ХСМЛ трех зон Западной Германии состоялась в Прине с 25 по 31 августа 1949 г. Об этой конференции в «Слово церкви», приложении к № 177 «Русской мысли» от 5 октября 1949 г. было написано:

«В конце августа с.г. в гор. Прине в Германии состоялась важная конференция YMCA, посвященная созданию самостоятельной русской ветви YMCA – Русского Христианского Союза Молодых Людей. Конференцией руководил прибывший из Парижа д-р Д. И. Лаури, священник о. Г. Бенигсен, Г. А. Бобровский и молодые лидеры YMCA в Германии: Н. Т. Арцюк, Н. Н. Тищенко и А. С. Щукин».

Доктор Дональд Иванович Лаури (Donald Lowrie) был чистокровным американцем, прекрасно говорившим по-русски. Как я потом узнал, он был из тех членов Имки, которые с 1914 г. работали в Сибири в лагерях военнопленных. Там он научился говорить по-русски и стал большим другом России. С белой армией он прибыл в Харбин и принял участие в создании ХСМЛ в Харбине. Будучи американцем, он использовал свои связи с американским YMCA и добился для русских крупной материальной помощи из Америки.

Георгий Анатольевич Бобровский (р. около 1900 г., умер в США после 1958 г.) пошел добровольцем в белую армию, эвакуировался в Константинополь, где поступил на работу в «Маяк». В Праге, куда он поехал учиться в университете, стал работать в ХСМЛ. Будучи в Праге, он основал дружину витязей РСХД. Переехав в Париж, он стал работать секретарем ХСМЛ и в ИМКА-Пресс. В 1945 г. стал начальником Французского отдела НОРС – Национальной Организации Русских Скаутов.

Протоиерей Георгий Бенигсен (1915–1993) до войны проживал в Даугавпилсе (Двинск), был скаутом и членом РСХД, которое в Латвии работало под названием Русского Студенческого Православного Единения, так как по законам

Латвии русским не разрешали быть членами организаций, имевших центр за границей. С Пасхи 1942 г. работал в Псковской православной миссии, где проявил себя талантливым миссионером и организатором. В 1943 г. я работал в основанной им школе преподавателем Закона Божия, а после закрытия немцами школы был его помощником по внешкольной работе. Конец войны застал о. Г. Бенигсена в Британской зоне Германии, откуда он переехал в Мюнхен на работу в Имку, где заменил о. Александра Киселева на должности духовника.

Николай Николаевич Тищенко (р. 1918) был членом РСХД в Чехословакии, а Алексей Сергеевич Щукин родился в 1927 г. в Ростове-на-Дону в семье инженера (отец) и врача-психиатра (мать). Зимой 1943 г. отец и дети эвакуировались в Германию. *«Сергей Сергеевич Щукин принадлежал к поколению активных мирян в СССР. В Ростове-на-Дону он организовал кружок верующей молодежи, вначале открыто, а в 1923 г. кружки (их стало несколько) перешли на подпольный уровень работы. В 1935 г. С. С. Щукин был арестован органами НКВД и приговорен к 5 годам лагерей. Его супруга Мария Акимовна, также активный участник кружков, получила 3 года лагерей»*[225]. После окончания войны, оказавшись в ДиПи лагере Фишбек, С. С. Щукин принял сан священника и служил в лагерной церкви до 1950 г., пока не был переведен в Великобританию.

Первая конференция представителей русского ХСМЛ постановила в параграфе 4: «утвердить Объединенный Комитет Русского ХСМЛ в Западной Германии, избранный *представителями Русской ХСМЛ трех зон»*[226]. На пост председателя было пять кандидатов, но руководство YMCA избрало Н. Арцюк-Гончарова, вице-председателем Г. Попова и генеральным секретарем А. Щукина. С Г. Поповым я ни раньше, ни после не встречался и ничего о нем не знаю.

«На конференцию были приглашены и посетили ее Высокопреосвященный Серафим (Ляде), Митрополит Германский и Преосвященный Нафанаил (Львов), Епископ Западно-Европейский. Последний принял участие в работе конференции, как бывший до 1924 г. член ХСМЛ»[227].

Конференция Русского ХСМЛ обратилась к Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ с сообщением о создании автономной русской ветви YMKA и просила архипастырского благословения. Епископ Нафанаил выступил 14 сентября 1949 г. с докладом, в котором было сказано, что *«настроение всех участников съезда и вообще представляемой ими молодежи, поступившей в члены YMCA, можно охарактеризовать как настроение совершенной преданности Православной Церкви.*

Вследствие этого Преосвященный Нафанаил обращается к Архиерейскому Синоду с ходатайством о пересмотре отношения к новоучрежденному Русскому Христианскому Союзу Молодых Людей, хотя и входящему в YMCA, но формально имеющему приобрести полную внутреннюю самостоятельность, сохраняя связь с мировым YMCA лишь через координационную Женевскую Комиссию, где Русский ХСМЛ, как это предполагается в связи с придаваемой ему важностью, будет самостоятельным, равноправным с прочими национальными ветвями сочленом. Преосвященный Нафанаил полагает, что при этом пересмотре отношения Церкви к Русскому ХСМЛ надо обратить главное внимание на то, чтобы просимое руководство религиозной жизнью не оставалось только формальным, а было бы претворено в действительность»[228].

Речь шла о пересмотре постановления Архиерейского Собора от 30 июня 1926 г., подтвердившего постановление Всезаграничного Церковного Собора 1921 г. *«не разрешать членам Православной Церкви организовываться в кружки под руководством YMCA/YWCA и подобных им неправославных и нецерковных организаций»*[229].

Рассмотрев обращение Конференции ХСМЛ и имея в виду свидетельство Преосвященного Епископа Нафанаила, Архиерейский Синод определил:

«1. Разрешить чадам Русской Православной Церкви за границей участие в Русском христианском союзе молодых людей, благословляя этот Союз на работу по воспитанию в своих членах преданности Православной Церкви, изучению Св. Писания и учения Св. Церкви и на всякую иную религиозную работу, согласно с этим учением.

2. Духовным руководителем Русского Христианского Союза Молодых Людей назначить Преосвященного Нафанаила, а ближайшее духовное руководство работой его на местах поручить соответствующим епархиальным Преосвященным.

3. Поручить тем же епархиальным Преосвященным назначение духовных руководителей Союза и отделений его в епархиях, предложив им наблюдать за тем, чтобы эти духовные руководители действительно направляли работу Союза в полном согласии с учением Св. Православной Церкви»[230].

Определение Архиерейского синода РПЦЗ было в истории ХСМЛ крупным, но, к сожалению, единственным событием первых шести месяцев деятельности Центрального Комитета ХСМЛ. Следующим событием была Вторая конференция ХСМЛ в Прине с 20 по 22 марта 1950 г. О ней в «Единстве» № 5 от 15.04.1950, который из журнала превратился в листок, было

написано:

«С 20 по 22 марта с.г. состоялась Вторая "прощальная" конференция в составе 65 участников (из них 12 из Британской зоны). Вряд ли удастся нам в будущем где-либо за границей вновь встретиться в таком составе. Съезд был начат молебном, отслуженным духовником ХСМЛ протоиереем о. Георгием Бенигсеном. Деловую часть съезда открыл председатель ХСМЛ Н. Арцюк, который после приветствия собравшимся отметил "прощальный" характер Съезда и передал слово о. Георгию, который прочел доклад "Как привлечь молодежь к церкви", после которого была дискуссия. Обзор текущей деятельности ХСМЛ сделал исполнительный секретарь Н. Купфер и зам. пред. Г. Попов. Отмечено было отсутствие делегатов из Французской зоны, где власти не разрешают никаких объединений по национальному признаку, благодаря чему, несмотря на ведущуюся работу в зоне, делегаты не смогли прибыть. К концу дня проф. Четвериков прочел доклад о посте. На второй день съезда были прочитаны доклады Н. Арцюка – "Религия – основа культуры" и проф. Четверикова "О христианском браке". Со съезда были посланы приветствия Председателю Синода Высокопреосвященнейшему Митрополиту Анастасию, духовнику ХСМЛ в Европе Преосв. Епископу Нафанаилу, д-ру Дональду Ивановичу Лаури, а также директорам мировой ИМКА в Западной Германии Кильпатрику, Американской зоны Ноя (J. Noia. – Р. П.) *и Британской зоны Беднареку».*

Одобрение Архиерейским синодом РПЦЗ деятельности ХСМЛ обсуждалось в октябре 1950 г. на Епархиальном съезде в Шлейсгейме. В газете «Знамя России», которая вместе с редактором Н. Н. Чухновым переехала из Мюнхена в Нью-Йорк, в № 30 от 9 декабря 1950 г. была напечатана информация, которая вызвала резкий ответ руководства ХСМЛ, посланный группам и членам ХСМЛ, а также и в редакцию «Знамени России». Ответ был напечатан в «Знамени России», № 37 и затем перепечатан в журнале «Шаги Антихриста» «Повествование первое», Гамбург 1951 г.:

«Дорогие друзья, за последнее время, в связи с появившейся в газете "Знамя России" злостной фальсификацией постановлений не только Епархиального Съезда Православной Епархии в Германии, но и Соборов Русской Православной Церкви за границей в 1932 и в 1938 гг., лицами, сеющими ложь об YMKA среди русской эмиграции, распространяются нелепые слухи о предании У-У анафеме и тому подобный вздор. Констатируем, что:

1. духовное руководство ХСМЛ в Германии находится в руках назначенного Епархиальным Архиереем православного священника;

2. духовное же руководство всем ХСМЛ поручено Синодом

Русской Православной Церкви за границей Епископу Нафанаилу еще в 1948 году;

3. тем же Синодом 1–14 сентября 1949 года преподано ХСМЛ архипастырское благословение. Полагаем, что только люди, духовно оторвавшиеся от Православной Церкви, способны вообразить, что православные священники могут возглавить какие-либо организации против воли своего духовного начальства.

Удивительно, что люди, считающие себя православными, в делах, касающихся Церкви, не обращаются к церковным властям за разъяснением своих сомнений, вопросов, а легковерно попадаются на удочку тех, кто безответственно или злонамеренно пытаются разложить русскую общественность и подорвать авторитет Церкви.

Соответствующее разъяснение Епархиальных Властей будет помещено в следующем номере Епархиального Вестника.

Духовник ХСМЛ священник Анатолий Древинг.

Председатель Центр. Комитета ХСМЛ Н. Арцюк-Гончаров.

Секретарь Центр. К-та ХСМЛ Н. А. Купфер.

Мюнхен, 1 февраля 1951 года».

Интересно отметить, что в своих воспоминаниях «В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965» Н. Н. Чухнов, который подробно пишет об общественных и политических организациях и о своих столкновениях внутри Высшего Монархического Совета, ничего не пишет о своих выступлениях против YMCA и ХСМЛ в Германии.

Считаю своим долгом поблагодарить председателя зарубежного ХСМЛ Николая Трофимовича Гончарова и Алексея Сергеевича Щукина за помощь в работе над этой статьей.

53. ИМКА в Менхенгофе 1946–1949 гг

Имка, как мы говорили, а точнее, YMCA–YWCA, появился в ДиПи лагере Менхегоф не сразу. Поскольку в моем ведении была внешкольная работа, то лагерное начальство требовало от меня не только работу с юными разведчиками, но и работу с теми, кто был вне разведческой организации. Мне было предложено создать клуб молодежи, для которого была предоставлена большая комната в бараке № 7, которая должна была служить также и лагерной библиотекой, и читальней. В ней были книги, издававшиеся немцами для русских рабочих, а в Менхегофе она начала пополняться книгами, издававшимися «Посевом», и стала получать из Нью-Йорка «Новое русское слово» и «Новый журнал», из Парижа «Русскую мысль» и из Брюсселя «Часовой».

Создание клуба молодежи я поручил Славе Пелипцу, который с помощью разведческих руководителей привлек в клуб довольно много молодежи, как учащейся, так и слонявшейся без дела. По предложению Славы председателем клуба был выбран Владимир Смирнов, которого Слава знал еще по Минску как энергичного человека.

В журнале «Разведчик» № 3 за март 1946 г. Слава поместил статью «Клуб молодежи», в которой рассказал, с чего он начал и что из этого получилось:

«Еще в октябре месяце был основан клуб старших разведчиков, члены которого несколько месяцев изучали историю нашей Родины. Были также организованы ночные походы, чашки чая и др. Но теперь основанный клуб молодежи задуман более широко. Двери его широко открыты для всей молодежи. Работа его не будет ограничиваться докладами, а организована на более широкой основе. На одном из воскресных собраний членов клуба был объявлен список и план работы секций клуба. <…> Как в муравейнике, кипит жизнь по воскресным дням в невзрачном помещении клуба. А в субботние дни собираются секции… Спортивная секция уже соорудила площадку для волейбола. По утрам члены клуба тренируются, чтобы “быть в форме” к предстоящим состязаниям. <…> Техническая секция занимается изучением автодела…»

Осенью 1946 г. Менхегофский лагерь посетила мисс С. Дрейер (Miss Signe Dreijer) – представительница на Кассельский район Worlds YMCA–YWCA, двух организаций, объединившихся для работы в ДиПи лагерях. Чтобы лучше вникнуть в атмосферу,

царящую в лагере, она приехала, никого не предупредив.

В клубе молодежи ее встретил В. Смирнов. Показывая помещение, В. Смирнов сказал про висевший на стене портрет: «Это русский царь Петр Великий, который приобщил Россию к западной культуре». Мисс Дрейер с улыбкой перебила его: «Можете не объяснять. Я, как шведка, хорошо знаю, кем был Петр Великий».

Она с похвалой отозвалась о лагере вообще и о клубе молодежи в частности и обещала прислать для клуба игры, в том числе пинг-понг, бильярд и русские книги для лагерной библиотеки. Библиотекой заведовала моя жена Валентина Петровна, и основана она была мною в 1944 г. в Нидерзахсверфене. В ближайшем городе Нордхаузене русских книг в книжном магазине не оказалось, но мне дали адрес специального магазина в Эрфурте, снабжавшего книгами лагеря иностранных рабочих. Конечно, для покупки книг надо было иметь соответствующее письмо от руководства лагеря, так как частным лицам книги не продавались.

Получив соответствующий документ, я отправился в Эрфурт и купил там по два экземпляра всех имевшихся на складе русских книг. Это были и знакомые мне по Риге, издававшиеся Отделом пропаганды «Север», и неизвестные мне ранее книги, печатавшиеся в Смоленске, а также серии «Маленькая библиотека для русских рабочих» и «Русская маленькая народная библиотека», печатавшиеся в Берлине. Кроме того, я сделал несколько небольших книг, наклеив в тетрадки имевшиеся у меня вырезки из газет. С этой небольшой библиотекой мы переехали в Менхегоф.

К концу 1946 г. помещение клуба молодежи и лагерная библиотека перешли в ведение YMCA. Библиотека, пополненная книгами Имки, «Посева» и других ДиПи издательств, стала насчитывать около 300 русских книг и столько же иностранных на немецком и английском языках. Кроме того, библиотека стала получать из Нью-Йорка газету «Новое русское слово». Редакция объявила сбор пожертвований на посылку газет в ДиПи лагеря. Люди стали жертвовать, а также присылать книги и журналы. Помню, кто-то прислал пачку старых парижских журналов «Иллюстрированная Россия». Этот журнал и «Новое русское слово» стали наиболее читаемыми изданиями в библиотеке.

В. Смирнову было предложено стать членом Имки и пройти специальный руководительский курс в имковской школе в Феле (Völ). Окончив курс в том же году, Смирнов быстро создал имковский кружок из 16 человек. Туда вошел один старый имковец из Латвии, преподаватели курсов, организованных

администрацией лагеря: курсов кройки и шитья, шоферов, радиоэлектротехников и строительных десятников, а также и курса геодезистов, организованного К. Болдыревым для едущих в Марокко. Все эти курсы проводились как имковские, чтобы окончившие их могли получить дипломы с печатью YMCA. Между прочим, курсы геодезистов окончил и В. Смирнов, уехавший в Марокко в июле 1947 г.

В. Смирнов задумал издание имковского журнала и всех сотрудников этого журнала тоже записал в имковский кружок. Предложил записаться в Имку и мне и моей жене, которая заведовала лагерной библиотекой, после чего лагерная библиотека стала называться имковской. Все мы, видя помощь, которую Имка оказывает нашему лагерю, решили поддержать эту организацию.

В декабре 1946 г. вышел первый номер журнала «Единство», который получил широкое распространение в русских ДиПи лагерях. В отделе хроники было сказано:

«26.XI.46. В помещении клуба YMCA лагеря Менхегоф состоялось общее собрание членов клуба YMCA. На собрании присутствовал секретарь YMCA г-н Кольм и гость, приглашенный клубом YMCA г-н Оскар Шнеттер, секретарь немецкого отдела YMCA. Собрание открылось чтением из Евангелия, после чего председатель клуба YMCA г-н Смирнов сделал краткую информацию о ходе работы клуба YMCA. Выступивший с речью представитель II дистрикта YMCA г-н Кольм сообщил о состоявшемся съезде представителей директоров по американской зоне и передал радостное для присутствовавших сообщение о том, что работа клуба YMKA в Менхегофе признана съездом представителей дистриктов лучшей из всех клубов YMKA среди лагерей ДП в Американской зоне. Затем г-н Кольм говорил о целях и задачах работы в области YMCA. <…> Г-н Шнеттер сообщил коротко о работе немецкой YMCA и выразил пожелание о контакте в работе». Среди других сообщений было сказано, что в Фюрстенвальде (отделении лагеря Менхегоф) 6 декабря 1946 г. был открыт клуб Имка.

Так как В. Смирнов собирался в июле 1947 г. уехать с группой менхегофцев в Марокко, то он предложил членам Имки мою кандидатуру на должность председателя кружка. Возражений не было, и моя кандидатура была принята единогласно.

Со стороны мисс Дрейер возражений тоже не было. Она поручила мне объявить запись менхегофцев в детский имковский летний лагерь, который должен был быть в июле и августе 1947 г. Записались только разведчики и разведчицы. Те, кто не интересовались разведчеством, не интересовались и имковским

лагерем. С первой сменой из Менхегофа и Фюрстенвальда поехал я, а со второй Володя Быкадоров. За два месяца было четыре смены, и через лагерь прошло около 1200 детей и подростков разных национальностей.

В Швеции при Имке была своя скаутская организация. Мисс Дрейер была там руководительницей и была хорошо знакома с проведением лагерей. Целью имковского лагеря было установление дружбы между представителями разных национальностей. Эта цель вполне совпадала с нашими планами борьбы с русофобией. Настроение среди молодежи ДиПи было антикоммунистическим, но, к сожалению, зачастую и русофобским. Мы, русские, это знали, и в этом отношении цели Имки вполне совпадали с нашими.

Лагерь был устроен на берегу Эдерзее, на другой стороне которого, на горе, стоял замок средневековых рыцарей-разбойников Вальдеков. В лагере было около 300 детей разных национальностей: литовцев, латышей, украинцев, белорусов и русских. Лагерники были размещены по национальностям в больших военных палатках по 10 человек.

Несколько палаток были нарочно сделаны интернациональными. Литовская и латышская молодежь косо смотрела на славян, особенно на русских, но в интернациональных палатках никаких трений не возникало. Официальным языком лагеря был так называемый «ДиПи-дойч», ломаный немецкий, на котором объяснялись ДиПи. Литовцы с латышами объяснялись по-немецки, а русские, белорусы и украинцы говорили, понимая друг друга, каждый на своем языке. Ели все вместе, сидя за длинными столами. За едой лагерники проходили по палаткам, и славяне старались сесть поближе друг к другу. За столом непонятная для балтийцев славянская речь звучала иногда громче общепонятной немецкой, и это их раздражало. Мисс Дрейер нашла выход из положения. Она вызывала палатки по номерам и рассаживала их так, чтобы справа и слева от славянских палаток были балтийские или интернациональные. Я старался объяснить украинцам, белорусам и русским, что цель лагеря – создание дружбы между представителями разных народов и что мы должны стараться привлечь симпатии к своим народам и не создавать своим поведением плохого впечатления.

Мои воспоминания о лагере были напечатаны в журнале «Единство», № 3 от 22 февраля 1948 г. Там говорилось, что все лагерники должны были записываться в группы по интересам. Были группы пения, танцев, рисования, легкой атлетики и др. Предполагалась и группа «Дружбы народов», но туда, кроме

русских, никто не записался, и поэтому эта группа не была организована.

«За время двухнедельного срока лагеря три раза были походы и два раза лесные игры. <…> Самым же интересным были лагерные костры. На них каждая нация старалась показать себя. <…> Душой лагеря была, конечно, начальница лагеря мисс Дрейер. Она была необыкновенно приветлива в обращении, и все дети сразу полюбили ее. Мисс Дрейер научила детей нескольким английским песенкам и скаутским "крикам". При пении песен сама дирижировала на кострах. На последнем лагерном костре мисс Дрейер, прощаясь с нами, объявила результаты всеобщего лагерного конкурса между палатками. Наши мальчики заняли второе место и получили в награду мячики для пинг-понга. Первое место заняла интернациональная палатка, а третье – латышская. У девочек первое место заняла латышская палатка, второе – литовская, а третье – интернациональная».

Летом 1947 г. из Менхегофа выехала одна группа в Бельгию работать на шахтах, а вторая с председателем клуба Имки – в Марокко, состоявшая главным образом из геодезистов. И в одной и в другой были члены Имки. Кроме того, в результате проверки несколько членов клуба, потерявших статус ДиПи, должны были покинуть лагерь. Они устроились в Бад-Гомбурге около Франкфурта-на-Майне. Их стараниями было организовано участие русских детей с частных квартир в имковском летнем лагере в Кенигштейне, причем русская группа детей дала самый большой процент лагерников.

Отъезд многих членов Имки из лагеря, конечно, сказался на работе клуба, но на место выехавших приехала группа белорусов, принявшая живое участие в имковской работе. Белорусская секция сотрудничала в журнале «Единство» и выпустила свой журнал «Правослаўны Беларус», упомянутый в журнале «Единство» (№ 4. С. 4).

В 1948 г. был еще раз проведен имковский лагерь – на том же месте и с таким же успехом.

С 10 ноября по 1 декабря 1948 г. в Гибельштадте (Giebelstadt) около Аугсбурга был устроен курс для имковских руководителей, куда мне было предложено поехать. Деканом курса был директор Имки в Американской зоне Джозеф Ноя (J. Noia), а директором курса К. Дзиркалис (K. Dzirkalis). Программа была очень насыщенной. Она включала историю YMCA–YWCA, идеологию, принципы и методы работы, религию в ежедневной жизни, связи с общественностью и т. д.

В Менхегофе клубом Имка было выпущено четыре номера журнала «Единство», небольшого, на четырех страницах

«Вестника российского коллекционера», первый и последний номер которого вышел 1 ноября 1948 г., и упомянутый «Правослаўны Беларус». Такова краткая история этого первого русского послевоенного клуба Имки, сыгравшего немалую роль в возобновлении в конце 1948 г. работы русского ХСМЛ.

Выезд ДиПи из Германии в разные страны начался с лета 1947 г. В 1949 г., вскоре после выезда группы ДиПи в Бразилию, началась ликвидация ДиПи лагерей Кассельского района. Лагерь Менхегоф был закрыт 12 апреля 1949 г., и все жители были переведены в лагерь Шлейсгейм (Schleissheim, он же Фельдмохинг – Feldmoching) около Мюнхена.

54. ИМКА в Шлейсгейме-Фельдмохинге 1950–1951 гг

Имка в Шлейсгейме имела свою небольшую бесплатную библиотеку (лагерная была платной), открытое для молодежи клубное помещение с бильярдом, пинг-понгом, шахматами и шашками, в котором проводились также и курсы английского языка. Все это было в моем ведении.

Начиная с июня 1949 г. YMCA стал выпускать ежемесячный бюллетень на немецком языке Resettlement News с подзаголовком Printed by the Orientation Services of the World's YMCA/YWCA with the assistance of the IRO. К нам в Шлейсгейм стали приезжать имковские руководители высокого ранга с докладами о жизни в США. Говорили они по-немецки, им задавались вопросы на разных языках: русском, украинском, польском и сербскохорватском, и я должен был переводить вопросы на немецкий и ответы с немецкого на языки задававших вопросы. Переходить с одного языка на другой было порой не так просто.

Посещаемость лекций была слабая, и имковское начальство договорилось с IRO об обязательном посещении докладов для тех, кто собирался ехать в США. В 1950 г. были выпущены карточки, на которых отмечалось посещение 14 обязательных лекций, курсов английского языка и специальных фильмов. Карточки считались необходимыми документами для выезда в Штаты. Лекции продолжались и в транзитном лагере и тоже служащими YMCA.

С января 1950 г. курсы английского языка и лекции по «ориентации» стали моей главной работой наряду с устройством елок и раздачей детям подарков. Как я потом узнал, летние лагеря для молодежи, которые были все предыдущие годы в центре внимания, выпали из плана работы, но когда я предложил провести одномесячный лагерь, то мое предложение встретило поддержку. Лагерь был намечен на август, а в июле я решил, в день приезда из Парижа видного имковского руководителя Дональда Лаури, устроить выставку.

Выставка состоялась в помещении Имки 8 июля 1950 г. Центр выставки занимали имковские экспонаты. На стенах между окон были киноплакаты работы Николая Е. Меньчукова. Плакаты, нарисованные с некоей долей юмора, всегда нравились шлейсгеймцам, и посетители, глядя на них, вспоминали

виденные ими фильмы. Участвовать в выставке были приглашены местная дружина ОРЮР, местное общество «Русский Сокол», филателистическое общество «Россика» и лагерная библиотека. Из моих вещей интересом у посетителей пользовались рукописные документы времен Екатерины Великой, приобретенные мною в Пскове, бумажные деньги немецких концлагерей и почтовые марки ДиПи лагерей. Были выставлены марки Разведческой почты, и по случаю выставки была выпущена специальная серия из трех марок, которую посетители охотно покупали на память. Марки можно было наклеить на конверт и погасить разведческим почтовым штемпелем. Выставка носила характер истории нашего пятилетнего пребывания в ДиПи лагерях. Посетители были довольны, а особенно Дональд Лаури, который в Париже много слышал о ДиПи.

Доволен был и Александр Алексеевич Чеботкевич, так как в лагере нашлись филателисты, которые не знали о существовании «Россики» и после выставки пополнили ряды общества. Лагерный комитет заинтересовался Разведческой почтой, и после выставки, с моей помощью, состоялся выпуск фельдмохингских лагерных марок.

В Советском Союзе отмечался «Международный» женский день – 8 марта, учрежденный в 1910 г. по предложению Клары Цеткин. В Менхегофе кое-кто из «новых» эмигрантов отмечал этот день в узком семейном кругу. Среди «старых» эмигрантов мало кто знал о таком празднике, так как за границей его, кроме коммунистов, никто не отмечал. Русские скауты отмечали День матери 1 декабря, но и это не было широко известно.

В 1950 г. я предложил дружине ОРЮР отметить День матери шире, пригласив принять участие и другие организации. Участвовать в постановке согласился детский сад, а помещение предоставило общество «Русский Сокол», имевшее более вместительный зал, чем ОРЮР или Имка. Постановка состоялась в пятницу 1 декабря в 18:30 и была довольно многолюдна. Почетными гостями в первом ряду были проживавшие в Шлейсгейме митрополит Пантелеймон (Рожновский) и архиепископ Венедикт (Бобковский). Как всегда, гвоздем программы были танцы в национальных костюмах разведчиц-калмычек. После выступления разведчицы пригласили мам в разведческую штаб-квартиру, где для них сделали своими руками угощение.

А вот кино не было в моем ведении. В лагере Шлейсгейм жил молодой хорват (фамилии не помню), который ездил по ДиПи лагерям и показывал фильмы, а плакаты рисовал известный карикатурист Н. Е. Меньчуков. В годы войны он сотрудничал во

власовской газете «Воля народа», а в Шлейсгейме, под псевдонимом Н. Е. Ирколин, издавал ротаторный «ДиПи Сатирикон» с критикой и карикатурами на лагерную администрацию. Был у него и сборник карикатур на дипийные темы, изданный типографским способом.

У YMCA был договор с IRO насчет показа фильмов в ДиПи лагерях. Думаю, что YMCA имел от этого неплохие доходы. YMCA, вероятно, получал фильмы от американских кинокомпаний бесплатно, как пожертвования, которые компании снимали с доходов. Фильмы были 8-миллиметровыми. В Шлейсгейме их показывали по пятницам, а в других лагерях в другие дни. Фильмы были хорошие и разные. Из хороших, и даже очень хороших, надо назвать фильм «Царь царей» про Иисуса Христа, который я видел еще до войны в Сараеве. Самого Иисуса Христа с лица не показывали. Несколько раз показывали со спины, а один раз были показаны только руки.

YMCA показывал и советские фильмы «Музыкальная история» с Лемешевым и отрывки из опер «Евгений Онегин» и «Майская ночь». Однако после показа этих фильмов, которые были очень хорошо встречены и «старыми» и «новыми» эмигрантами, заведующий культурно-просветительной частью лагеря Ветлугин запретил показ советских фильмов.

Настоящим событием был фильм «Красный Дунай», который шел 25 мая 1951 г. С согласия имковского начальства цены на входные билеты были несколько повышены в пользу нуждающихся членов Союза русских инвалидов. Перед показом фильма была выпущена листовка с короткой рецензией из нью-йоркского «Нового русского слова» от 18 декабря 1949 г. на немецком и русском языках: *«Фабула фильма “Красный Дунай” – выдача союзниками советским властям скрывающихся русских, ДиПи. Действие происходит в Вене. Фильм производит очень сильное впечатление и смотрится с неослабевающим интересом».*

Имковское руководство получало жалование в долларах, а мы, работники на местах (Field Workers), получали жалование в немецких марках от Управления по оккупационным расходам (Besatzungskostenamt) Мы должны были выполнять определенный план, а все, что делалось сверх плана, поощрялось и поддерживалось.

55. Война и книжный вопрос

Говорят, что русские известны своей любовью к книгам. Много ли русских было в Сараеве, а была там своя русская библиотека, и сколько я помню, у всех моих знакомых были книги. У кого больше, у кого меньше.

Будучи в Пскове в 1943 г., я стал покупать книги в «Остландском магазине прессы» (Ostland-Presse Vertrieb) и на барахолке, а также ходил в городскую библиотеку в Солодёжню, где брал читать книги по краеведению.

Оказавшись в Риге, я для эвакуированных псковичей организовал библиотеку. Желающих читать было много, но главным образом интеллигенция. Те, кого судьба занесла в прибалтийские деревни, переживали отсутствие книг.

Оказавшись в конце 1944 г. в рабочем лагере в Берге, я часто по делам службы ездил в Вену и там покупал те русские книги, которые были в книжных магазинах, не в каких-нибудь специальных русских, а в тех, где, кроме книг на немецком языке, продавались и книги на разных языках для иностранных рабочих. Это были небольшие книжки «Маленькой библиотеки для русских рабочих», которые с согласия немецкого Министерства пропаганды издавала берлинская газета «Новое слово», или такие же маленькие книжки «Русской маленькой народной библиотеки», которые издавало немецкое издательство иностранных книг Fremdsprachen-Verlag G.m.b.H. в городе Плауен с ведома того же министерства.

Сколько мне известно, варшавский книжный магазин и издательство «Добро» в годы войны книг не выпускали, но в 1942 г. там можно было купить много довоенных русских книг. Пражский книжный магазин и издательство «Хутор» продолжали издавать книги и в годы войны. В феврале 1945 г., оказавшись на несколько дней в Праге, я приобрел в «Хуторе» несколько открыток и книжек их издания. Это были книжки Лермонтова, Толстого, Тургенева и Чехова из серии «Русское слово», изданных в 1944 г. Они предназначались для чехов, изучающих русский язык. Для этого книги печатались с ударением, и кроме шести, которые мне удалось купить, были изданные ранее «Букварь» Вахтерова и третье издание учебника русского языка для чехов (составители: д-р А. Бем, д-р Мелихар, д-р Варшавский). Всего, включая букварь и учебник русского языка, было выпущено примерно 15 названий, но к февралю 1945 г. большинство было уже распродано. Видно, чехи, ожидавшие скорого прихода Красной армии, взялись за изучение русского языка.

Русская фирма «Эрбауер» вскоре переехала из Берга в Нидерзахсверфен около Нордхаузена (Тюрингия). В Нордхаузене в начале 1945 г. было несколько книжных магазинов, но русских книг в них не было, хотя русских рабочих поблизости было немало.

Я решил, конечно, с разрешения начальства, организовать библиотеку, одолжив ей десятка два моих книг и сделав еще десяток книжек из газетных вырезок. Делать такие книжки я научился будучи скаутом, и называлось это «книгомонтажем». Для книгомонтажа брались не только повести и рассказы, которые печатались с продолжением в нескольких номерах газеты, но и отдельные статьи, которые клеились по темам в одну тетрадь. Все это уместилось на одной полке в шкафу в помещении канцелярии фирмы. Ни о какой читальне, конечно, не могло быть и речи. Все мы жили в страшной тесноте. Читателей было немного, из числа интеллигенции. Простые рабочие, сколько я помню, книгами не очень интересовались. Был один такой случай. Рабочий взял книгу почитать и долго ее не возвращал. Тогда я пошел к нему и увидел книгу на столе без задних страниц. На мой вопрос, почему он ее не возвращает, получил ответ, что, мол, она ему нужна на «самокрутки», т. е. на папиросы из махорки или листьев, пропитанных табачным экстрактом, употреблявшихся курильщиками вместо табака. Табачный экстракт использовался для опрыскивания деревьев против насекомых, и его можно было найти даже в 1945 г. в свободной продаже.

В общем, читающая публика из-за небольшого выбора читала все подряд. Кто имел какие-то книги, тот давал друзьям читать, но торговли русскими книгами вне книжных магазинов в годы войны не наблюдалось.

56. YMCA и русские книги для военнопленных

В годы Второй мировой войны забота о пленных в немецких и итальянских лагерях была возложена на Международный Красный Крест и Всемирный Христианский Союз Молодых Людей (World's YMCA). Центр обеих организаций был в Женеве (Швейцария). Красный Крест оказывал пленным материальную помощь едой и одеждой, а ХСМЛ заботился о пище духовной. Одной из форм заботы о пище духовной было создание библиотек для военнопленных.

Известно, что ни Красный Крест, ни ХСМЛ не имели права помогать советским военнопленным, так как Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 г., и к взятым в плен немцам и их союзникам не допускал представителей международных организаций. Поэтому велико было мое удивление, когда я в конце 1946 г. получил от ХСМЛ для лагерной библиотеки русские книги с печатями War Prisoners Aid. World's Committe YMCA Geneva, Switzerland, а тем паче с надписями: «Напечатано Отделом помощи военнопленным Христианского Союза Молодых Людей (Y.M.C.A.) для исключительного пользования военнопленных»[231].

Мой сын Владимир предложил мне помочь разобраться в этом вопросе. Он обратился в архив американской YMCA с вопросом не только относительно книг, изданных для военнопленных в Женеве в 1944–1945 гг., но и относительно таких же книг, изданных в США.

У меня есть две книги Н. В. Гоголя – «Мертвые души» и «Комедии», изданные в США, с надписью: «Особое издание для организации "Помощь военнопленным" Y.M.C.A. Христианского Союза Молодых Людей. Женева, Нью-Йорк, International University Press New York»[232]. Интересно, что я обнаружил такую же книгу Н. В. Гоголя «Комедии», но без приведенного выше текста. Получается, что это не было «особым изданием», а только частью издания с добавочной допечаткой. Ни время, ни тираж, ни обстоятельства издания никому не известны, даже Раяну Бину (Ryan Bean), заведующему архивом американской YMCA, который просил моего сына сообщить ему, если тот узнает что-нибудь интересное. В Гуверовском институте по изучению войны, революции и мира (Stanford, USA) тоже никаких материалов по этому вопросу не было обнаружено[233].

Мой сын обращался и в женевский архив YMCA, которым

заведует Клод-Ален Дант (Claude-Alain Danthe), и тоже не смог получить никаких подробностей. Ему прислали только ксерокопию небольшой брошюры по-французски Le livre du prisonier[234], в которой было сказано, что 26 апреля 1940 г. Международный Красный Крест создал Совещательный комитет, в который вошли Всемирный ХСМЛ и Интернациональная федерация обществ библиотекарей. В 1941 г. комитет вошел в связь с германским Верховным командованием по вопросу цензуры и в марте 1942 г. смог договориться относительно книг, против которых не возражала германская сторона. Подобная же договоренность была достигнута и с итальянским Верховным командованием. После этого начался сбор английских и французских книг, а в феврале 1943 г. в Женеве начался сбор денег на печатание книг для военнопленных. Всего в годы войны было собрано 12 548 750 книг, включая 3 631 500 специально изданных для военнопленных[235].

В моей коллекции кроме двух упомянутых книг Н. В. Гоголя, изданных в Нью-Йорке, имеется еще 11 книг, изданных по-русски специально для военнопленных в Женеве в 1944–1945 гг.

На одной из нью-йоркских книг, изданных специально для военнопленных, есть печать Женевы и на обеих печати американской цензуры. Трудно сказать, зачем американская цензура проверяла книги, изданные американским университетским издательством специально для военнопленных. На обеих книгах тот же цензор – «11278».

Печати U.S. Censor с номерами 10537, 10631, 12169 и 12406 встречаются на книгах, печатавшихся в Нью-Йорке в издательствах книжного магазина М. Н. Майзеля (1919 и 1920), книгоиздательства «Нева» (1919), Русского литературного издательства (год не указан) и издательства Association Press, New York 347, Madison Avenue с названием по-русски «Жизнь и книга» в треугольнике, повернутом вниз. Судя по адресу, это было Имковским издательством, которое печатало свои книги в «Русской типографии Н. С. Ремизова. Лозанна».

На книге И. С. Тургенева «Накануне» (Огиз: Гослитиздат, 1944) есть и печать 11278 U.S. Censor, и женевская печать YMCA, и ручная печать Printed in Soviet Union, что говорит о том, что книга была куплена в США. На двух других книгах советского издания 1943 г. есть женевская печать YMCA, но нет печати U.S. Censor. Видимо, они попали в Женеву не из США.

Наконец, следует упомянуть книгу «Азбука немецкого языка для военнопленных. Краткое руководство и словарь к познанию разговорного немецкого языка» (70 с. без выходных данных и каких-либо печатей), изданную, по сведениям Франкфуртской

национальной библиотеки, ХСМЛ в Женеве в 1942 г.[236].

Так как все старания моего сына Владимира ни к чему не привели, я решил обратиться в Библиотеку Конгресса США и, не узнав ничего интересного, начал поиски в Интернете. О книгах, изданных для военнопленных по-русски, должны были бы знать два крупных американских работника YMCA, говоривших по-русски. Это были Пол Андерсон и Дональд Лаури. Про Доналда Лаури я ничего в Интернете не нашел, зато среди многочисленных Полов Андерсонов нашел нужного мне Пола Андерсона (Paul B. Anderson) и название его книги, написанной по-английски No East or West, изданной YMCA-Press в Париже в 1985 г. При помощи М. Юппа мне удалось выписать эту книгу, и мои надежды не были обмануты.

В своих воспоминаниях Пол Андерсон пишет, как он после вступления в войну Советского Союза *«обратился к советскому послу Громыко с просьбой получить с его помощью разрешение от Москвы для назначения людей ХСМЛ на работу в лагеря военнопленных в СССР на том основании, что наши люди уже работают в Германии в лагерях советских пленных, сказав, что ХСМЛ делает это в ответ на просьбы самих военнопленных»*[237].

Насколько мне известно, ХСМЛ только пыталась послать своих людей в лагеря советских военнопленных, выпустила в связи с этим вышеупомянутый учебник немецкого языка, но разрешения работать в лагерях советских военнопленных не получила.

Пол Андерсон далее пишет: *«Передал ли Громыко мою просьбу в Москву или нет, не знаю. Вероятно, нет. Подобные обращения мы послали и в другие советские посольства.*

В ответ мы получили только несколько ответов с благодарностью. Это нас не остановило делать все, что было возможно, для людей за колючей проволокой. Но были и другие препятствия. Одно препятствие заключалось в посылке рабочих команд из пленных неофицеров на фабрики, сельскохозяйственные работы или на расчистку развалин после бомбардировок. Одно, что мы считали возможным сделать для русских, это было посылкой книг на русском языке в лагеря для военнопленных. Отдавая себе отчет в возможном ответе Громыко, мы ограничили наше внимание на нерелигиозных книгах, хотя в царское время мы посылали в лагеря русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии большое количество икон и молитвенников. Теперь мы послали несколько тысяч классиков – книги Тургенева, Достоевского, Лермонтова и Толстого. Мы купили тысячи книг в магазине Four Continent Book Corporation в Нью-Йорке, имевшем лицензию на продажу русских, в том числе и советских книг. Кроме

того, мы напечатали еще много тысяч книг с указанием ХСМЛ как издателя».

Все это верно, только эти книги немцы и их союзники так и не допустили к распространению в лагерях советских военнопленных. Загадкой остается, зачем тогда покупались и даже издавались книги для советских пленных, даже в 1944 и 1945 гг., когда с самого начала было ясно, что немцы не позволят распространять книги ХСМЛ в лагерях советских военнопленных?

Все эти книги, купленные для советских пленных или специально для них напечатанные, после окончания войны распространялись ХСМЛ в ДиПи лагерях в библиотеках ХСМЛ, в лагерных библиотеках и русских учебных заведениях.

Следует упомянуть, что все пленные, кроме советских, могли пользоваться не только книгами из лагерных библиотек, но и заказывать их по почте. В моей коллекции есть открытка для военнопленных, которую можно было послать без оплаты пересылки по адресу War Prisoners' Aid of the Y.M.C.A. 347 Madison Avenue New York 17, N.Y. U.S.A. и заказать желаемую книгу по, вероятно, имевшимся в библиотеках каталогах. Возможно, что каким-то количеством книг на русском языке пользовались русские, взятые немцами в плен в рядах армий союзников.

Считаю своим долгом поблагодарить Н. Занегину, Л. Оболенскую-Флам, Г. Суперфина, К. Рондестведт, Л. Фостер и моего сына Владимира за помощь в работе над этой статьей.

57. Книжный бум в 1945–1948 гг

После окончания Первой мировой войны в Германии собралось много беженцев из России, и хотя в Германии вскоре началась сверхинфляция[238], а может быть, именно благодаря этому, разразился настоящий книжный бум. Свою издательскую деятельность возобновили Отто Кирхнер, И. Ладыжников, и, возможно, еще кто-нибудь из тех, у кого были издательства в России и в предвоенной Германии, но в то же время появилось множество новых. По некоторым подсчетам, их было 82 в одном Берлине[239].

Нечто подобное, только в малом масштабе, произошло и сразу после Второй мировой войны.[240] Старых издательств не оказалось, но в новых недостатка не было. После окончания Второй мировой войны Германию тоже охватила инфляция, но не такая страшная, как в 1922–1923 гг. В 1945 г., после окончания войны, черный рынок преследовался не очень строго, а цены на книги, например, были свободные. Это сыграло главную роль в книжном буме.

Первым русским книгоиздателем в Германии и Австрии оказалась русская фирма «Эрбауер», принадлежавшая НТС, которая еще до 8 мая 1945 г. в Нидерзахсверфене стала выпускать «Лагерную информацию». Продолжением этого листка стала радиосводка «Новости дня», которая с 13 июня 1945 г. стала выходить в Менхегофе, куда переехал из Нидерзахсверфена лагерь фирмы «Эрбауер». «Новости дня» положили начало журналу и книгоиздательству «Посев»[241]. Первый номер журнала «Посев» вышел 11 ноября 1945, а до этого – ряд учебников и небольшая книжка «Две сказки» (тираж 150 экз.). Все это было выпущено до 23 августа 1945 г., и потому не имело полагающегося Approved by UNRRA team 505. Интересно отметить, что «Походный сборник» стихов, выпущенный до того, как лагерь перешел в ведение Унры, но с названием «Посев» и тиражом 250 экз., получил одобрение Унры уже после того, как был напечатан, и одобрение Унры было допечатано на сборниках позднее, ручным способом. Все это и многое другое печаталось на ротаторе, пока «Посев» не приобрел первую русскую послевоенную типографию. Русскую не в смысле русского шрифта, а в смысле русского собственника, каким оказалось издательство «Посев».

В русских ДиПи лагерях возникали начальные школы и гимназии, нуждавшиеся в учебниках. Издание учебников было первой заботой «Посева». Чтобы снабдить гимназию учебником

русской истории в 1945/1946 учебном году, «Посев» печатал его сперва по частям (Б. Т. Кирюшин. Русская история. 7 частей), а перед началом нового учебного года выпустило в 1946 г. с тех же восковок в одной книге (263 с. 29,5 см).

В Менхегофе, а затем в Мюнхене и других лагерях ОРЮР начала выпускать необходимую для работы литературу, но и одно и другое к книжному буму не относятся. Речь будет идти только о книгах для широкого круга читателей.

Первые месяцы после окончания войны немецкая почта принимала только письма и открытки, проверявшиеся американской военной цензурой, и не принимала ни книг, ни газет, ни журналов. Распространение книг «Посев» поручил мне. Я ездил с полным рюкзаком книг поездами, которые ходили не по расписанию, и с многочисленными пересадками. «Посев» был НТСовским издательством и при помощи членов НТС смог сразу создать в разных ДиПи лагерях сеть своих представительств. Спрос превышал предложение. У обитателей ДиПи лагерей, у которых была потребность к чтению, оказалось много свободного времени, так как ДиПи не должны были работать и были на полном иждивении ЮНРРА.

Вторым издателем в Американской зоне Германии стал бывший советский подданный – «новый» эмигрант Вячеслав Клавдиевич Завалишин (псевдонимы В. Озеров и Казанский, 1915–1995), который в конце 1945 г. издал в Мюнхене первую послевоенную книгу, напечатанную типографским способом. Это был «Конек-Горбунок» Ершова с обложкой работы Константина Константиновича Кузнецова (1895–1980), лучшего иллюстратора среди русских ДиПи. Известно, что они были знакомы еще в годы войны, а вот неизвестно, как В. Завалишин нашел в разрушенном Мюнхене типографию с русским шрифтом и где нашел бумагу, чтобы напечатать довольно толстую книгу (86 с., не считая иллюстраций художника П. И. Пузыревского на мелованной бумаге). За этой книгой последовала «Русь» Евгения Замятина (без г. и м.) (Мюнхен, 1946) с рисунками художника Б. М. Кустодиева и брошюры (12 с. с ил. на мелованной бумаге) самого Завалишина «Андрей Рублев» (Мюнхен, 1946). В Ландсгуте в начале 1946 г. В. Завалишин издал на ротаторе «Избранные стихотворения» Есенина (163 с., тир. 100 экз., с обложкой художника П. Пузыревского). Переехав в Регенсбург, В. Завалишин издал в том же 1946 г. в двух томах сборник стихов Есенина и в 1947 г. в четырех томах малого формата (14,3 см) стихи Гумилева. В Мюнхене в 1947 г. издал под псевдонимом В. Озеров собственное сочинение «Да будет мир» (Образы грядущей войны) с иллюстрациями художника Бориса Михайловича

Волкова (1911–1960).

От В. Завалишина мне известно, что он принимал участие в 1944 г. в Риге в издании однотомного сборника стихов Есенина, и при помощи вывезенных из Риги гранок издал регенсбургский сборник.

Очень возможно, что свою издательскую деятельность В. Завалишин начал с издания трех многоцветных репродукций старинных русских икон. На оборотной стороне было сказано, что иконы: Published by the Laboratory for studies of the ancient slav art (to the Metropolitan Ecclesiastical Administration in Germany, the Roman Patriarchie), и что Editor – Viacheslav Savalishin. Репродукции икон в свободную продажу не поступили, но В. Завалишин подарил мне по несколько экземпляров от всех трех икон: Madonna of Vladimir, Ressusscitation of Lazarus и Theodore Stratilate.

Третьим издателем в Американской зоне Германии оказался аноним, выпустивший книгу Ги де Мопассана «Дедушка Амабль и другие рассказы» (Мюнхен; Регенсбург, октябрь 1945 г.).

В Гамбурге, в Британской зоне Германии, приход блаж. Прокопия Любекского при подворье преп. Иова Почаевского в 1945 г. издал первую часть книги «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского), причисленного впоследствии к лику святых. Вторая часть, как мне кажется, не была издана.

Что творилось на русском книжном рынке в Австрии, сказать трудно. В Келлерберге был лагерь бывших чинов Русского охранного корпуса, а в Зальцбурге был большой русский лагерь Парш. Возможно, что и там и там уже в 1945 г. начали издавать листки с радиосводками. Издавались церковные книги и материалы ОРЮР. Печатанием учебников и лекций для гимназии в лагере Парш на ротаторе, принадлежавшем фирме отца, занялся Ярополк Леонидович Михеев. В 1947 г. в Инсбруке был издан ротаторным способом «Русско-испанский словарь» и в том же году в Лиенце в изд. «Начало» типографским способом «Русско-португальский/бразильский словарь».

Инструкторская часть Зальцбургской дружины юных разведчиков в 1945 г. издала на ротаторе небольшой на 5 страницах «Сборник разведческих песен», а в 1946 г. две детские книжки: сказку «Мурикок» (17 с., автор С. Корсунец, рисунки И. Марьянова) и «Приключения Селезня Леки» (14 с., тираж 500 экз., 1 марта 1946) по рисункам Walt Disney – Donald Duck с русским текстом. Обе предназначались не только для членов организации. Возможно, что были и другие.

В лагере Парш издавался в 1946–1948 гг. журнал «Колумб»,

позднее названный «Почта Колумба», в издательстве которого был выпущен толкователь снов и сборник стихов Родиона Михайловича Березова (настоящая фамилия Акульшин, 1896–1988). Его же сборник стихов «Веруй, надейся и жди» был напечатан издательством «Утро» в Зальцбурге в 1948 г. В лагере в Фельдкирх было в 1946 г. издательство «Тизис», выпустившее в 1946 г. на ротаторе книгу В. Гарского «Волчек» (22 с., 29 см) (тут ошибка автора или издателя. Надо не «ВолчЕк», а «ВолчОк». – *Р. П.*) и А. Дялюбде «Серый трус» (19 с., 205 х 138 мм). В общем, в Австрии издавалось мало книг, и в Германию они попадали случайно, так же как и из Германии в Австрию. Помехой была не только закрытая для ДиПи граница, но и невозможность обмена австрийских и немецких денег. Кроме того, в 1945 г. ни австрийская, ни немецкая почты долгое время не принимали не только пакетов или бандеролей, но даже писем для отправки за границу.

Возможно, что в городах Австрии, в местных книжных магазинах, можно было купить русские книги с переводом на немецкий, издававшиеся в 1946–1947 гг. в Вене издательством Verlag I.Leinmüler. Известны «Метель» А. С. Пушкина (1946), «Тамань» Лермонтова и «Муму» Тургенева. Это же издательство издало, или хотело издать, и книги по-английски, и по-французски, с переводом на немецкий.

В крупных городах Германии и Австрии в военные годы были немецкие магазины, продававшие книги на разных языках для иностранных рабочих, но первым русским книжным магазином в послевоенной Германии стал магазин издательства «Посев». Помню, как кто-то из членов НТС случайно нашел в Касселе немецкий магазин с русскими книгами, выпущенными Отделом немецкой пропаганды Центр в Смоленске. Это были книга Гоголя «Миргород» и книга Березова и Широкова «Сердце тоскует». В книге Березов был назван Димитрием. Ни издатель, ни год издания указаны не были, но об их происхождении я узнал от самого Сергея Сергеевича Широкова (он же Сергей Максимов, Тропинин, Пашин, а настоящая фамилия Пасхин, 1916–1967)[242], проживавшего в годы войны в Смоленске, а после войны в Менхегофе.

Последней, вероятно, книгой, изданной в годы войны на русском языке в 1944 г., был сборник, в который вошли роман П. Н. Краснова «Амазонка пустыни» и короткие отрывки других авторов (64 с., 29 см на газетной бумаге) Fremdensprachenverlag G.m.b.H. Versandabteilung Mylau i. Vogtland. Книга появилась в продаже в 1946 г. в Мюнхене. Тогда же появился в продаже и сборник стихов Сергея Сергеевича Бехтеева (1879–1954) «Песни

русской скорби и слез», изданный в Мюнхене в 1923 г. Видимо, какое-то количество сборников хранилось у кого-то в Мюнхене, но не у автора, который сперва жил в Югославии, а затем в Ницце, где и скончался.

Солидным издательством, возникшим в 1946 г., было издательство Николая Елпидифоровича Парамонова (1876–1951), донского казака-старообрядца. До революции он имел в Ростове-на-Дону свое книгоиздательство, но, проживая с 1920 г. в Германии, книгоиздательством не занимался и вернулся к этому делу только в 1946 г. Он не был членом НТС, но принимал какое-то участие в годы нацизма в подпольной работе Союза в Германии. Поэтому, решив заняться книгоиздательством, он обратился в НТС с просьбой помочь ему в распространении книг.

Парамоновы жили в Берлине, но при приближении Красной армии, бросив все, уехали в Баварию. Конец войны застал Парамоновых в Байройте. Там он как немецкий беженец получил квартиру и решил заняться книгоиздательством, чтобы жить от собственного заработка, а не на скудное немецкое беженское пособие. Свои книги, почти только классиков, Парамонов издавал типографским способом и по низким ценам в 6–8 марок. Чтобы перепродавцы не завышали цен, он цену указывал на обложке. Это делали далеко не все издатели. Имя издателя на книгах не значилось, но в те годы, кроме Парамонова, никто в Байройте не издавал русских книг. Разрешение от Унры на издание книг ему было нетрудно получить, так как его сын занимал крупный пост в Унре[243], но продавать в местном украинском лагере ему не разрешила украинская лагерная администрация, а русского лагеря в Байройте не было. К слову сказать, в русских ДиПи лагерях свободно продавались украинские книги и газеты.

В украинском лагере в Новом Ульме проживал Николай Мамонтов, русский, работавший переводчиком в Пятом отделе американского военного управления по гражданским делам, автор книги «Львиный лик» (псевдоним Ник. Майнд, 1946) и «Смех сквозь слезы» (Мюнхен: Медный всадник, 1948), изданной под псевдонимом Евлампий Октябрев. Супруга Н. Мамонтова была из Советского Союза, а сам автор, кажется, был, как тогда говорилось, «старым» эмигрантом… В своем письме он писал: *«Бандеровцы не раз нападали на кольпартеров* (польское слово – распространители литературы.– *Р. П.*), *развозивших по ДиПи лагерям газеты и литературу, отбирали ее, жгли. Причем не только русские или польские, но и украинские, противоречащие идеям Степана Бандеры»*[244].

Анатолий Андреевич Даров (настоящая фамилия Духонин, 1920–1977), не спрашивая ни у кого разрешения и не скрывая

своего советского прошлого, напечатал в Мюнхене в начале 1946 г. «на правах рукописи» в 100 экземплярах первую часть своего романа о Ленинградской блокаде – «Блокада» (126 с., 29 см). Во всяком случае, он был первым, осмелившимся опубликовать свои воспоминания о жизни в СССР. В 1953 г. издательство «Грани» выпустило полностью его роман, который потом переиздавался пять раз и был переведен на французский язык.

«Новый» эмигрант, Константин Коспарук издал под псевдонимом Иво Има роман «Похитители разума» (190 с., 153 мм). Ни год, ни место не указаны, но указано разрешение Унра тим 568, что значит – Мюнхен.

Книгоиздателей можно разделить на три группы. Одни старались дать читателям произведения литературы, русской или иностранной, а другие издавали ходкий товар с целью заработка. В третью группу входили авторы, издававшие свои собственные произведения. С точки зрения истории русской зарубежной литературы они представляют определенный интерес.

Капитан 2-го ранга Максимилиан Оскарович фон Кубе (1885–1955) выпустил «Краткий очерк истории русского флота» в Менхегофе в 1947 г. в количестве 40 экз. для друзей (66 с., 29 см). Книга в продажу не поступала. В Праге в 1932 г. был издан его сборник рассказов «С полуночи случай», а в Шанхае в 1936 г. второй сборник «Дела давно минувших дней»[245]. Приехав в Германию на работы, он бережно хранил свои книги и, оказавшись в Менхегофе, предложил «Посеву» издать свои рассказы. Так появилось два ротаторных сборника «Преданья старины глубокой» (1946, 38 с., 29 см) и «Рассказы моряка» (1946, 31 с., 29 см). Обложки и иллюстрации были сделаны типографским способом с линогравюр работы «Н. Нико» (настоящие имя и фамилия – Николай Федорович Мишаткин, 1911–1973).

В 1949 г. издательство «Посев» выпустило книгу А. Р. Трушновича (Александр Рудольфович, словенец, член НТС, 1883–1954) «Россия и славянство – Пути России – из книги “Россия и СССР”» (47 с., 18,8 см). На моем экземпляре не указано издательство. Полный текст книги «Россия и СССР» был после литературной правки издан «Посевом» в Москве в 2004 г. под названием «Воспоминания корниловца».

Известный поэт и писатель есаул Александр Михайлович Перфильев (1895–1973), первый муж писательницы И. Е. Сабуровой, выпустил в Мюнхене в 1946 г. сборник своих рассказов «Когда горит снег». У этой книги интересная «биография».

Будучи по делам «Посева» в Мюнхене, я случайно

познакомился с А. М. Перфильевым. Новому знакомому я сказал, что знаю его книгу «Человек без воспоминаний».

«Откуда вы ее знаете?» – заметно оживившись, спросил Перфильев.

Я рассказал ему довольно необычную историю, как эта книга оказалась у меня.

В Пскове у меня была ученица Лида Тюнина. В Риге она вступила в подпольную организацию разведчиц и перед эвакуацией Риги получила от меня адрес для связи. Писем от нее не было, но мы неожиданно встретились в лагере Берг около Вены, где я работал в фирме «Эрбауер», а Тюнины, вместе с другими рабочими, остановились там только на ночлег. Я спросил Лиду, почему от нее не было писем, а она сказала мне, что коробка, в которой были ее вещи и мой адрес для связи, потерялась. Вскоре фирма «Эрбауер» отбыла в Нидерзахсверфен в Тюрингию, и вот там уже в начале 1945 г. я вдруг получил сообщение, что моя потерявшаяся коробка прибыла в Нордхаузен на железнодорожную станцию.

Никаких пропавших коробок у меня не было, но я поехал, чтобы выяснить, в чем дело. На станции мне вручили перевязанную веревкой разбитую коробку с сообщением, что она была найдена в таком виде и доставляется мне, так как в ней был найден мой адрес. Из содержимого в коробке осталось только несколько книг, в том числе и книга Перфильева с посвящением: «Поэту Тюнину от автора на добрую память. Александр Перфильев 11 августа 1944 г.».

Книга «Человек без воспоминаний» вышла в издательстве «Культура» в 1944 г. незадолго до эвакуации Риги. Полученные Перфильевым авторские экземпляры пропали, и в моих руках оказался единственный сохранившийся экземпляр. Перфильев просил меня одолжить ему книгу, чтобы ее переиздать. Пришлось согласиться. Назад я получил книгу в ужасном виде. Книга была разорвана на листки, на которых были наклеены новые номера.

Вместо того чтобы выпустить второе издание книги, Перфильев решил издать те же рассказы, но в другом порядке и под новым названием «Когда горит снег». На титульном листе было сказано «Издательство “Космос”, Мюнхен, 1946 г.». Никакого разрешения от Унры на издание не было, да и издательства не было. Не была указана и типография. Книга печаталась с цинковых клише, сделанных фотографическим путем в два раза меньше оригинала.

Перфильев, вероятно, считал, что более престижно, когда книгу издает не сам автор, а какое-то издательство. Так думал не только он, но и другие авторы, выпускавшие свои книги от имени

придуманных ими же издательств.

Как Перфильев, так и его первая супруга Ирина Евгеньевна Сабурова (ур. Кутитонская, 1907–1979) не были новичками в литературе. Ее первый сборник рассказов «Тень синего марта» вышел в Риге в 1938 г., второй и третий сборники в Мюнхене: «Дама треф» в 1946 и «Королевство алых башен» в 1947 г. Для последнего сборника, как мне говорили, она сама нарисовала обложку. Второй раз она вышла замуж за барона фон Розенберга и вместе с ним в 1940 г. покинула Латвию. С Перфильевым у нее остались дружеские отношения, и она в 1976 г. выпустила в Мюхене его посмертный сборник стихов. Свой сборник стихов «Разговор молча» она выпустила в Мюнхене в 1956 г. Ей же принадлежат еще семь книг. Роман «Корабли Старого Города» (1963) был переведен на немецкий (1951) и испанский.

Моего друга детства (не имею права назвать его имени) конец войны застал в Мюнхене, где он имел прописку, снимал комнату и получал немецкие продовольственные карточки. Не знаю, почему он не захотел переезжать в ДиПи лагерь, но, оказавшись без работы, решил заняться издательским делом. Он купил ротатор и русскую пишущую машинку и в 1946 г. начал издавать небольшие сборники стихов (32 с., 14,5 см) в мягких обложках. Начал он с Пушкина, с «Песен западных славян» (в двух частях), затем издал Н. Гумилева (в двух частях), С. Есенина (в двух частях) и других классиков, а потом выпустил и два сборника своих стихов: «Усталое сердце» и «Бродяга» под псевдонимом «Мечтатель». На книгах не было ни названия издательства, ни места издания, ни года. Книги этого издательства можно определить только по обложкам. Сверху или снизу горизонтальное название сборника, а по диагонали имя автора. Исключением был текст оперетты «Иванов Павел», по ошибке приписанный Надеждину. На обложке был глобус и еще что-то. Это было переизданием «Иванова Павла», отпечатанного мною в Менхегофе по просьбе Н. И. Ростовцева.

Из всего изданного мой друг сохранил только два сборника своих стихов и не смог ни подтвердить, ни опровергнуть, он ли, или не он, издал сборник стихов «Искра» одного власовца, по прозвищу Степа-Сибиряк. Надо сказать, что издавать в 1946 г. антисоветские стихи было делом рискованным[246].

Из писателей – «старых» эмигрантов надо упомянуть пражанина Сергея Савинова. Оказавшись в ДиПи лагере в Фюссене, он написал «У подножия. Исторические новеллы» про город Фюссен, от основавших его римлян и до русских ДиПи, устроившихся в казармах немецких альпийских стрелков. Вторая книга «Распятие» была про русских пражан. Обе книги были

написаны в Германии и изданы в Мюнхене в 1946 г.

«Старые» эмигранты из Югославии, супруги Ирина Николаевна и Игорь Александрович Автомоновы (1913–1995) выпустили в Аугсбурге в 1947 г. сборник «Стихи… Сатиры… Поэмы… Рассказы…». Кроме них, третьим автором значился Фома Кузьмич Прутков, вымышленный сын вымышленного Кузьмы Пруткова. В этой книге, изданной, как и все прочие, по новому правописанию, в некоторых местах авторы сохранили букву ять, и слово мір – вселенная – писали через «и десятеричное».

Священник Георгий Строев был, кажется, из Польши. Многие жители приграничных стран эмигрантами не были, а принадлежали к национальным меньшинствам. Таким, кажется, и был о. Георгий Строев, и я его поэтому не называю «старым» эмигрантом, хоть он и не был советским подданным. Он на правах рукописи и без согласия Унры напечатал на ротаторе в 1946 г. малым тиражом книгу «О воспитании и самовоспитании человека и гражданина», а в 1947 г. он же под именем священника Георгия Новгород-Северского выпустил тоже на правах рукописи и ротаторным способом книгу «Чудовищные большевицкие злодеяния в Катынском лесу, под Смоленском и в городе Виннице».

О многих авторах, выпускавших свои произведения, из-за отсутствия сведений трудно сказать, какой они были эмиграции – «старой» или «новой». Казалось бы, автор сборника стихов «Моя муза» (Мюнхен, без г., 68 с. 205 мм) ВЯН принадлежал к «старой» эмиграции. Его книга, единственная среди всех ДиПи изданий, была напечатана по старому правописанию. Каково же было мое удивление, когда имя ВЯН – Вячеслав Яковлевич Нечаев (1905–1960) и его пять стихотворений из сборника я увидел в антологии поэтов «новой» эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992), составленной Валентиной Алексеевной Синкевич (р. 1926). Выдавая себя за «старого» эмигранта, он, как бы в доказательство, выпустил свой сборник по старому правописанию.

К неопознанным относится Никола Рус (в переводе с сербского – Николай Русский. Вероятно, псевдоним), выпустивший в 1948 г. роман «В борьбе за жизнь».

Известный поэт из «новой» эмиграции Иван Елагин (настоящее имя и фамилия Зангвильд Венедиктович Матвеев 1918–1987)[247] выпустил в Мюнхене свой первый сборник стихов «По дороге оттуда», за ним в начале 1948 г. второй сборник «Ты, мое столетие!». Третьим произведением И. Елагина была комедия-шутка в трех картинах «Портрет мадмуазель Таржи» (1949).

Начинающий поэт, из «новых» эмигрантов, Иван Афанасьевич Буркин (р. 1919) свой первый сборник «Только ты» выпустил в 1947 г., а неизвестный поэт «А. А. К-К» выпустил сборник «К свету» (без г. и м., но с указанием придуманного им издательства «Эстет»).

С «новым» эмигрантом, Михаилом Алексеевичем Тамарцевым (он же Борис Башилов, настоящая фамилия Поморцев, 1909–1970) я познакомился в 1944 г., когда его как члена НТС преследовало гестапо, и он какое-то время скрывался в лагере фирмы «Эрбауер» в Берге около Вены. Он таинственно появился и так же таинственно исчез. После окончания войны он появился в Менхегофе, и с октября 1945 г. стал редактировать журнал «Разведчик». Выпустив в июле 1946 г. последний номер журнала, он уехал в Мюнхен, где, поселившись на частной квартире, основал Техническое бюро, «Книга-почтой» и собственное книгоиздательство «Юность». Начал он с издания собственных произведений «Юность Колумба российского» и «В моря и земли неведомые…» под псевдонимом Борис Башилов и без одобрения Унры. Из книг издательства «Юность», сколько мне известно, с разрешения UNRRA Team 568 были выпущены только две книги рассказов Саши Черного «Сумбур-Трава» и «Ослиный тормоз» и «Снежная королева» Г. Андерсена. Все прочие были выпущены без разрешения. К этой категории относится и книга советского писателя Л. Успенского «Двенадцать подвигов Геракла» с иллюстрациями советского художника А. Гусятинского. Повесть была первоначально напечатана в каком-то пионерском журнале.

В Регенсбурге, в издательстве «Глобус», Б. Башилов (Поморцев) выпустил антисоветскую книгу «Первый день в стране Чжан Цзо-Лина», конечно, без разрешения американских властей, которые до раздела Германии в 1948 г. на Западную и Восточную продолжали вести себя вежливо по отношению к СССР.

О хорошем детском поэте Евтихии Евтихиевиче Коваленко известно очень мало. Он проживал в лагере Большой Шлейсгейм[248], и там я с ним познакомился в начале 1950 г. Из передачи В. П. Антоновича (Шульга) по «Радио Свобода» – «По дороге к самому себе – “схидняки” и “захидняки”, № 88» от 14/15 мая 1975[249] известно, что Коваленко был из Ставрополья и что скончался до 1975 г. в Мюнхене. От М. Е. Юппа известно, что он в Пятигорске в 1933 г. выпустил под псевдонимом Ев. Тихий сборник стихов «Друзья», и что писал он и стихи для взрослых и поэмы. У меня есть его небольшая книжка стихов «Новоселье» (16 с., 145×98 мм) и «Царевна-Змея» (16 с., 205 мм), изданные автором, вероятно, в Мюнхене, в 1948 г.

Зато о другом детском поэте, тоже из «новой» эмиграции, об

о. Евгении Лызлове (1901–1982) известно много подробностей. Он был одним из пострадавших во время выдачи советских граждан в Кемптене в «кровавое воскресенье» 12 августа 1945 г. Во время богослужения в лагерную церковь во время литургии ворвалась американская военная полиция – «МР». У о. Евгения они вырвали крест из рук и ударили его крестом по голове[250]. Он был тоже детским поэтом, неплохо рисовал, сам иллюстрировал свои книги и сам их печатал на ротаторе. Первый сборник «Детские стихи» был издан в Фюссене в 1946 г. Им же была издана типографским способом и единственная детская книжка для раскрашивания (10 листов 21,5×15 см). Второй сборник ни у кого не сохранился. Он, кажется, назывался «Пасхальные стихи». У меня был этот сборник, и мне запомнилось одно короткое стихотворение:

В магазин большой, богатый
Раз пришел баран рогатый.
К удивленью многих лиц
Просит крашеных яиц.
Нет яиц, так дайте краски
К празднику Святому Пасхи.

Ему также принадлежит рассказ «Медведи», напечатанный в одной книге вместе с рассказом «Новая кукла» Марии Чечелевой.

К «новым» эмигрантам принадлежал Павел Романович Ваулин (1918 – после 1968), выпустивший под псевдонимом П. Р. Петухов в 1948 г. поэму «Кому живется весело, вольготно в СССР» в придуманном им же издательстве «Эзоп».

Евгений Васильевич Зеленский (1919–2001), власовец, поэт, писавший под псевдонимом Е. Аренский, издавший в 1946 г. альманах «Терем» (первый и последний номер), имел издательство «Терем», в котором было издано около 20 небольших книг, в том числе и его собственное произведение «Весенняя сказка».

К «новым» же принадлежала и Зинаида Орсич (Керша, ур. Дмитриева), выпустившая книгу детских стихов со своими рисунками (1946), и Мизар (псевдоним), выпустивший в Мюнхене типографским способом в 1948 г. книгу «Посмеемся».

Николай Юлианович Пушкарский (1897–1992), проживавший в Кемптене на частной квартире, был тоже «новым» эмигрантом. Он выпустил «Очерки русской истории». Часть 3-я вышла в 1949 г., а 4-я (1894–1920) была приготовлена к печати, но не издана.

«Новый» эмигрант Леонид Пылаев в Мюнхене в 1947 г. издал две небольшие книги. «Шахматы, дружба, любовь!.. (Новелла)» и

«Мой друг. Киноповесть. Литературный сценарий».

Список авторов, выпускавших самостоятельно свои произведения, замыкает Сабик-Вогулов, автор книги «В побежденной Германии», издавший свою книгу в феврале 1947 г. Ни место издания, ни учреждение, давшее разрешение на печатание, не указаны. Предисловие начинается словами: *«Я не журналист. Я только офицер Советской Армии, прошедший боевой путь от Сталинграда до Берлина»*, и кончается: *«Эти непрошенные “благодетели”, эти бесстыдные строители всемирного коммунистического общества поистине ужасны. Трудно сказать, когда уже они досыта напьются человеческой крови. Но какие страны и какие народы у них на очереди – нетрудно догадаться»*. Вторая книга «От Сталинграда до Берлина» вышла в начале 1948 г.

Авторы, не имевшие пишущих машинок и ротаторов или не имевшие денег издать собственное произведение типографским способом, вынуждены были договариваться насчет своих книг с издателями, в которых недостатка не было.

Кроме «Посева», следует отметить еще четыре НТСовских издательства: «Грани» (по имени журнала) в Лимбурге-на-Лане, «Эхо» (по имени газеты) в Регенсбурге[251], издательство Культурно-просветительного отдела лагеря Фишбек «Единение» и издательство Художественной школы в Гамбурге «Родник», два последних в Британской зоне Германии. Кроме НТСовских, к числу общественных издательств принадлежало также издательство общества «Русский Сокол» в Мюнхене-Фельдмохинге, выпустившее в 1950 г. брошюру «Идеология Русского Сокольства». Издательство ВМС – Высшего Монархического Совета на Германию выпустило, кажется, только одну брошюру «Император Николай II (Биографический очерк)», а издательство «Вестника Русской монархической мысли» в Регенсбурге выпустило в 1949 г. на ротаторе брошюру «Святая Плащаница Господня» (13 с. 265 мм). Отдел печати Российского Общенационального Народно-Державного Движения выпустил Каталог марок РОНДД и богато иллюстрированную К. Кузнецовым брошюру «Ледяной поход» (Мюнхен, 1949. 22 с. 27 см). Издательство Дома «Милосердный Самарянин», которое находилось не в ДиПи лагере, а в городе Мюнхене, кроме религиозной литературы и учебников, издавало как типографским, так и ротаторным способом книги для широкого круга читателей.

К общественным издательствам принадлежало и издательство калмыцких студентов «Мана зенге», выпускавшее под этим названием газету на русском языке и выпустившее

книгу В. Соловьева «Монах поневоле», книгу Джека Лондона «Рассказы» и другие книги, не относящиеся к калмыцкой теме.

Судя по названию, к общественным издателям следовало бы отнести издательство «Содружество писателей “Свет”» в Шонбахе (Гессен), но мне кажется, что все содружество состояло из одного-единственного автора, имя которого было написано по-немецки Gr. Al. de – Iwanowsky. Издательство выпустило в 1947 г. книгу «Бессмертие», обещав выпустить и вторую книгу автора «Благодетели по сю сторону», которая, кажется, так и не вышла. Мне кажется, что и «Русское культурное объединение в Висбадене», выпустившее книгу Чуковского «Мойдодыр», тоже состояло из одного человека. Книгу «иллюстрировал и оформил художник Николай Олин» (он же Ирколин, он же Николай Меньчуков). На второй странице обложки было воззвание: «Русские люди, деятели культуры, искусства и музыки! Правление Р.К.О. приглашает Вас обращаться с запросами и практическими предложениями по адресу: Висбаден…» Там же в Висбадене, при участии Н. Меньчукова, в издательстве Дома русской книги вышла книга «Русские сказки Nr. 1». Дом русской книги, конечно, был, и в нем, конечно, проживал кто-то из друзей Н. Олина.

Олин-Меньчуков был хорошим карикатуристом. Он издал сборник карикатур. Запомнилась мне одна. Спрашивалось, как зажечь папиросу, не зажигая спички. На рисунке был изображен человек, который держит за шиворот «схидняка» и «захидняка» и, сшибая их лбами, закуривает папиросу от искр, которые у них летят изо лбов. Во время войны Олин-Меньчуков, кажется, под другой фамилией, был автором карикатур и «стрипов» в газетах РОА. В 1949 г. Олин – Н. Е. Ирколин, оказавшись в Шлейсгейме-Фельдмохинге, стал там известен своими карикатурами и плакатами.

К издательствам, созданным «старыми» эмигрантами, относится издательство «Огни» Николая Николаевича Чухнова (1897–1978). В Мюнхен-Фреймане (СС казармы) в 1946 г. он выпускал также и журнал «Огни». В этом издательстве вышли книги авторов проф. д-ра И. Андреева (наст. фамилия Иван Михайлович Андриевский, 1894– 1976) «Преподобный Серафим Саровский», Наталии Максимовой «Аленький Цветочек. Сказка в стихах» и В. М. П. «Суворов». Книги печатались ротаторным, а обложки – типографским способом.

Эмигрант из Югославии Сергей Владимирович Завалишин (? – 1972), родственник Вячеслава Клавдиевича Завалишина, проживая в Шлейсгейме-Фельдмохинге в 1946–1948 гг., имел издательство «Златоуст». Там вышла многоцветная на

мелованной бумаге «Азбука» для дошкольников, произведения А. Пушкина, П. Краснова, М. Зощенко и менее известных авторов: Евгения Гагарина, Г. Кремлева, Мих. Варенцова, М. Пожаровой и других, а также переводные книжки не очень высокого качества «Новости иностранной литературы». Ни на одной книге нет разрешения Унры.

Другой эмигрант из Югославии, В. Ордовский-Танаевский, издававший журнал для молодежи «Явь и быль», одновременно выпускал и книги. По старой традиции, в качестве бесплатного приложения к журналу, была им выпущена в четырех частях книга М. Загоскина «Юрий Милославский». В издательстве «Явь и быль» было также выпущено 2-е издание книги «Дроздовцы в огне» А. Туркула, книга Вячеслава Шишкова «Таежный волк»[252] и др.

Все издательства религиозной литературы были связаны с Русской Православной Церковью за границей, кроме одного, во главе которого стоял протоиерей Николай Веглайс (1907?–1992), проживавший в 1946 г. в балтийском ДиПи лагере в Амберге, где выпустил «Акафист явлению иконы Пресвятыя Богородицы Тихвинския» с заметкой о прибытии Тихвинской иконы Божией Матери в Ригу. Переехав в том же 1946 г. в Герсбрук (Hersbruck) на частную квартиру, продолжил издательскую деятельность, в том числе «Нотной библиотеки». Он не был единственным священником Латвийской юрисдикции, но единственным, издававшим литературу «По благословению Преосвященного Иоанна, Епископа Рижскаго» (Гарклавса). Эти книги, как и большинство религиозной литературы, издавались по старому правописанию.

Самым крупным издательством был «Посев», выпустивший в 1945–1948 гг., не считая учебников, периодики и календарей, 22 книги, и еще девять книг в 1949–1951 гг. Вторым по количеству книг было издательство Парамонова, выпустившее в 1946–1948 гг. 21 книгу. Третье место формально могла бы занять серия из 12 небольших книжек «Вокруг света» (32 с. каждая при высоте 14,5 см), но все они, вместе взятые, могли бы уместиться в один небольшой том.

Из прочих издательств как пример несоответствия названию можно упомянуть мюнхенское издательство «Родина», выпускавшее книги, не имевшие ничего общего с родиной. Мне известны книги этого издательства, напечатанные типографским способом: Песенки Вертинского (без года, но с одобрения UNRRA Team 108), в котором только первые одиннадцать принадлежат Вертинскому, а девять других почему-то названы «Из репертуара Лещенко». Это же издательство выпустило в 1947 г. и книжку

«Маленькая мисс Маркер» американского автора Д. Реньяна, «Женщина с улицы» Неель Дофф и «Властелин мира» Беляева. Об издательстве «Новости», выпускавшем книги без указания места издательства, известно, что оно было в Мюнхене и принадлежало Н. Н. Фагину.

Одни издательства выпускали две-три книги, другие больше, но не намного. Большинство же книг издавалось анонимно, иногда с указанием места издания, иногда только года издания, а иногда без каких-либо указаний. Как правило, названия типографий не указывались. Немецкие типографии, печатавшие русские книги до денежной реформы, как правило, печатали их не на той бумаге, которая им отпускалась по твердым ценам, а на приобретенной на черном рынке. Это было выгодно и типографам, и издателям. Денежная реформа положила конец книжному буму. После реформы за печатание книг надо было платить новыми марками, а их у ДиПи оказались очень мало.

Надо сказать, что среди нескольких сот книг (может быть около восьмисот)[253], изданных во время книжного бума, того, что называется чернухой, было не так много, а порнухи вообще не было, и это делает честь и авторам и издателям того времени.

Считаю своим долгом поблагодарить Бориса Анатольевича Равдина и Михаила Евсевиевича Юппа, проверивших и дополнивших эту статью.

58. Денежная реформа 1948 г. в Германии

«Береги белые деньги про черный день» – эта народная мудрость была написана крупными буквами в моей сербскохорватской хрестоматии, по которой я готовился дома к поступлению в гимназию.

Будучи уже гимназистом и просматривая старые журналы времени Первой мировой войны, я наткнулся однажды на такой каламбур – «береги черные деньги про белый день». Я не понял смысла этого нового изречения. Вспомнил я про него только 20 июня 1948 г. – в день денежной реформы в Германии.

Проиграв Первую мировую войну, Германия создала комитет по изучению опыта этой войны. Разразившаяся вскоре после окончания войны дикая инфляция нанесла немалый вред германской экономике. Комитет разработал план по борьбе с инфляцией и черным рынком. Подробности, вероятно, были мало кому известны, но, живя в Германии в годы войны и в первые послевоенные годы, можно было кое-что понять и о кое-чем догадаться.

В Берлине мне говорили, что в первый день войны все магазины были закрыты и был составлен полный список товаров, которые со следующего дня можно было получать только по карточкам, продовольственным, табачным или иным, или по особым разрешениям на приобретение тех или иных товаров (Bezugschein), а цены были заморожены. Карточки были заранее отпечатаны и хранились у партийных руководителей в пакетах, которые они должны были вскрыть в первый же день войны. Все было продуманно и организованно.

И не только цены. Журналы и газеты, которые, как известно, существуют не столько за счет продажи, сколько за счет объявлений, получали и дальше платные объявления фирм, которые в них больше не нуждались, но, согласно плану, должны были продолжать давать объявления и платить за них. Журналы должны были выглядеть такими же, какими они были до войны. То же было и с витринами магазинов. Журналы без привычных объявлений или пустые витрины не должны были портить людям настроение.

Карточки выдавались на четыре недели и были полностью обеспечены товарами. Можно было купить любой товар без очередей и на несколько дней сразу. В случае отъезда можно было обменять свои карточки на так называемые «для

отпускников» (Reichskarte für Urlauber).

Было запрещено продавать свежий хлеб, потому что люди съедают его больше, чем вчерашнего. На каждой булке ставился день выпечки. В 1942 г. мне попадались хлеба, выпеченные в 1939 г. и замороженные на случай перебоев с выпечкой. Значит, и это было предусмотрено.

Все было предусмотрено, кроме размеров неприятельских воздушных бомбардировок, капитуляции и оккупации. Однако борьба с инфляцией и черным рынком, твердые цены и карточки были предусмотрены и на первые послевоенные годы.

Даже после окончания войны положение с продовольствием продолжало ухудшаться. Если в конце 1944 г. полагалось в неделю: 2430 г хлеба, 250 г мяса, 220 г жиров, 200 г сахара, 175 г мармелада, 60 г сыра и 150 г крупы, то в январе 1946 г. полагалось: 3000 г хлеба, 200 г мяса, 100 г жиров, 150 г крупы, а сахар, мармелад и сыр выдавались без указания количества, в зависимости от возможностей.

В 1945–1946 гг. мне, как учителю лагерной русской начальной школы, немцы платили, как и немецким учителям, 231 марку в месяц. На эти деньги можно было легко выкупить все товары, полагавшиеся по карточкам, заплатить за квартиру и за все прочее, продававшееся по твердым ценам, и даже купить кое-что на черном рынке или положить на сберегательную книжку.

На некоторые товары, которые не считались первой необходимостью, цены были свободными, а значит, довольно высокими. Если обыкновенная открытка стоила 10 пфеннигов, то раскрашенная вручную продавалась за 2 марки, а какие-то примитивные игрушки стоили 7 марок. Одежды, хороших игрушек, детских книжек с картинками, граммофонных пластинок и многого другого в продаже вообще не было. Но всюду были пункты для обмена, с очень медленной и сложной системой. Помню, как я принес в такой магазин несколько немецких граммофонных пластинок и указал, что хотел бы получить за них куклу или детскую книжку с картинками. Ждал несколько месяцев, но в конце концов получил желанную книжку для дочки.

На наших глазах город Кассель вставал из развалин. Первым делом было восстановлено движение трамваев, но ходили они не везде. Чтобы попасть с железнодорожной станции, которая была в центре города, на окраину в Маттенберг, где был ДиПи лагерь, надо было ехать трамваем сперва до места, где еще не были восстановлены рельсы, потом идти пешком и снова садиться в трамвай.

В здании разрушенного Дрезденского банка силами самих

служащих была оборудована канцелярия, появилась вывеска, и банк возобновил свою работу. Несколько фотографов открыли свои фотоателье. Один фотограф на витрине выставил фотографии Пскова. Я зашел к нему, сказал, что я пскович, и попросил сделать для меня копии. Немец с интересом меня выслушал, вспомнил свою службу в Пскове и охотно согласился отпечатать для меня свои снимки. Я ему предложил свои псковские негативы. Он кое-что отобрал и скопировал для себя. Я спросил, нельзя ли мне достать у него пленку для моего аппарата, и он мне ее продал по твердой цене. Конечно, я ему в следующий приезд привез в подарок банку с мясными консервами.

У меня была фотооткрытка псковского собора. Я ее показал немцу и спросил, не мог ли бы он отпечатать какое-то количество таких же фотооткрыток. Он мне подробно рассказал, что он получает ровно столько фотоматериалов, чтобы как-то удовлетворить нужды клиентов. Поэтому об издании фотооткрыток и думать нельзя, но почему бы мне не издать открытки типографским способом? И он мне дал адрес мастерской, где можно было заказать клише, добавив, чтобы я сослался на него и принес, конечно, подарок.

С заказом клише было несколько сложнее. Мастер принял и заказ, и подарок, но сказал, что надо будет ждать получения новой партии цинка. Он взял мой адрес и обещал сообщить, когда можно будет приехать за заказом.

Ждать пришлось месяц, если не больше, но клише было получено. Адрес типографии в Имменхаузене в ближайшем от Менхегофа городке я получил от немца, работавшего наборщиком в «Посеве». И в этот раз надо было сказать, кто дал адрес, и принести подарок. Я отпечатал 500 открыток. Одни были без надписей, на других было написано на лицевой стороне «Христос Воскресе!» или «С Рождеством Христовым». На обороте по-русски и по-немецки: «Псков. Троицкий собор 1699». В Менхегофе открытки поступили в продажу в начале января 1947 г., продавались по 1 марке и шли неплохо.

Где-то в Касселе был черный рынок. Известно, что среди менхегофских работников ЮНРРА в конце 1945 нашлись жулики, продававшие на черном рынке кое-что из присылавшегося для нас. В своих воспоминаниях К. Болдырев писал: *«23 ноября я подал обстоятельный рапорт региональному директору ЮНРРА Макганигелу с приложением убийственных документов, отражающих все беззакония, злоупотребления, хищения и безобразия, творившиеся группой работников ЮНРРА в лагере Менхегоф»*[254]. Провинившихся убрали, и их дальнейшая судьба

неизвестна.

С черным рынком боролись и американцы, и немцы, но он процветал. У ДиПи в Баварии были связи с черным рынком, и я, бывая в Мюнхене, покупал в магазинчиках ДиПи лагеря Шлейсгейм бумагу для ротатора по завышенной цене.

Однажды, будучи в Мюнхене, я увидел объявление о выставке книг с указанием, что каждый посетитель сможет купить себе две книги на выбор. Я решил пойти на выставку, не ожидая от нее ничего особенного. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Такое качество бумаги и многоцветной печати я увидел впервые. Ни в Югославии до войны, ни в Германии в годы войны я ничего подобного не видел. Было ясно, что на месте разрушенных типографий немцы успели в короткий срок построить новые, с самыми современными машинами. Было ясно, что все делается по какому-то плану и, если судить по книжной продукции, то с большим успехом. Было ясно, почему многие книги были напечатаны по-английски. Они предназначались на продажу за твердую валюту. Но зачем было напечатано немалое количество не поступивших в продажу книг по-немецки? Это мне не было ясно. Я купил для дочки по твердым ценам две замечательные детские книжки, а зачем такие книги печатались не для продажи, я понял потом, после денежной реформы.

Все крупные немецкие города были разрушены. Машины из уцелевших фабрик были вывезены в счет репараций, главным образом в Советский Союз (в США и Великобританию тоже вывозились и техника, и специалисты). Мало того, что надо было все начинать с нуля, нужно было еще и расчищать развалины и вывозить куда-то мусор.

Говорят, что Германию на ноги поставили американцы по плану Джорджа Маршалла. Это не совсем так. План был предусмотрен для всей Европы и одобрен правительством США только 13 июня 1947 г., т. е. через два года после окончания войны. А эти два года немцы работали по своему плану и только в последний год перед денежной реформой почувствовали помощь США.

Доктор Ларри Бленд – историк из фонда Дж. Маршалла однажды сказал: *«Главным стимулом к плану Маршалла был страх перед хаосом. <…> Плюс пугали успехи коммунистических партий во Франции и Италии»*[255].

Сразу после окончания войны мелочь стала заметно исчезать из обращения, хотя в первые четыре месяца 1945 г. было отчеканено около 26 миллионов монет в 1 пф. и около 12 млн монет в 10 пф., а после окончания войны и до денежной реформы в 1948 г. еще около 6 млн в 1 пф., около 25 млн в 5 пф. и около

36 млн в 10 пф. Население все эти миллионы монет прятало «про белый день». В магазинах сдачу давали почтовыми марками, а иногда давали расписки. Частным лицам или городским самоуправлениям выпускать мелкие денежные знаки (Notgeld) было запрещено, так как после окончания Первой мировой войны в Германии нотгельд для спекуляции выпускали все кому не лень.

Немцы помнили денежную реформу 1923–1924 гг., когда обменивалось неограниченное количество старых денег из расчета одна новая марка за один миллиард старых. Черные разменные монеты военных лет, потерявшие всякую ценность из-за инфляции, сохранили после денежной реформы свою номинальную стоимость и выросли в цене в миллиард раз. Немцы надеялись, что то же самое повторится и после 1945 г., но были разочарованы.

Денежная реформа была проведена неожиданно, и днем, когда старые деньги потеряют свою стоимость, было объявлено воскресенье – 20 июня 1948 г.

За несколько дней до 20 июня был проведен обмен старых денег на новые. Обмену подлежало ограниченное количество денег – не больше 400 марок на взрослого из расчета 1:10. Деньги в сберкассах были заморожены и не входили в сумму для обмена. Они были обменены из того же расчета, но значительно позже. Да и обмен 400 марок был сделан не сразу. К 20 июня все жители Германии на руки получали только 20 марок, ровно столько, сколько стоили продукты питания на неделю. Наличные деньги свыше 400 марок не менялись. Тысячи марок, заработанных на черном рынке, пропали. Разменные монеты не сохранили своей нарицательной цены. Единственный выигрыш был в том, что разменные монеты и бумажные деньги в 1 и 2 марки не подлежали обмену, а продолжали хождение, но из того же расчета 1:10. Немцы были возмущены и говорили, что американцы их ограбили, но возмущались только первую неделю, до получения жалования в полноценных марках.

Пустовавшие ранее магазины в понедельник 21 июня ломились от товаров, но первую неделю покупателей было мало. Кое-кто из ДиПи, получавших в лагерях продукты питания бесплатно, могли себе позволить сразу же купить одежду или игрушки для детей. Когда я у кого-то увидел плюшевого мишку, я поспешил в Кассель, но это уже была вторая неделя, и немцы уже успели раскупить всех мишек. Мне любезно предложили записаться в очередь и прийти через неделю. Тут, в детском отделе, я увидел и все те детские книжки, которые я видел в Мюнхене на выставке, и понял, что они печатались именно для послереформенных дней.

Реформа, проведенная в Западной Германии, может служить образцом перехода от плановой военной к свободной рыночной экономике. Все карточки были отменены, все цены отпущены. Она удалась потому, что за три года были накоплены запасы, и новые деньги были обеспечены товаром. К тому же покупательная способность населения в первую неделю была ограничена, и потому неделя переходного периода прошла вполне благополучно.

Денежная реформа была по-разному проведена в Западной и Восточной Германии. В Восточной Германии были обменены у населения все деньги, без ограничения. Коммунисты пробовали использовать это для пропаганды, но вскоре стало ясно, что покупательная способность западной дойчмарки намного превышает таковую восточной дойчмарки. Спор Запада и СССР о том, какую из них вводить в западных секторах Берлина, привел к блокаде этих секторов советскими властями и снабжению города по воздуху американской авиацией в течение 11 месяцев. Берлинский кризис вызывал страх перед Третьей мировой войной, который только усиливал желание ДиПи поскорее из Европы уехать.

Денежная реформа 1948 г. тоже сложилась не в пользу ДиПи. Если для немцев в Западной Германии она обозначила начало экономического расцвета, то для ДиПи она означала конец торговли сигаретами, кофе и консервами, от которой они в основном получали свой денежный доход. Эти товары перестали быть дефицитными, а немецкие зарплаты выросли, по сути дела, в несколько раз. ДиПи же стало нечем платить, в частности, за книги и журналы, и издательский бум затих.

59. Русское Сокольство в Германии 1945–1951 гг

«Правление Союза Русского Сокольства в последний раз было избрано на четырехлетие 1939–1943. Правление находилось в Белграде (Югославия), с занятием которого в апреле 1941 г. германскими войсками работа Сокольства, по требованию оккупационных властей, была прекращена. Однако правление СРС провело секретное заседание, на котором постановило, ввиду исключительных обстоятельств, продлить полномочия членов правления до послевоенного времени»[256].

Как только кончилась война, англичане, американцы и французы стали собирать иностранцев в ДиПи лагеря. Так, в г. Фюссен (Бавария, Американская зона оккупации), в бывших казармах альпийских стрелков был организован ДиПи лагерь с большим количеством русских, как «старых», так и «новых» (советских) эмигрантов. Среди «старых» эмигрантов преобладали русские из Югославии, в числе которых было немало соколов. Таким образом, уже осенью 1945 г. в Фюссене было создано общество «Русский Сокол» во главе со старостой М. К. Шокальским, воспитателем Н. Н. Баташевым, начальником В. Бодиско[257], начальницей Н. Воропоновой (все из Югославии) и секретарем А. Ларионовым из Медона (Франция). Нашлось и помещение, и гимнастические снаряды, и началась работа.

«Образовались мужская и женская группы, в большинстве из подростков, и посещаемость достигла 40 человек. Вскоре Общество уже было в состоянии дать свой новогодний бал с небольшой сокольской программой. <…> К сожалению, летом 1946 г. сокольскую работу опять пришлось прервать по не зависящим от Общества причинам. Два года Общество существовало номинально, собирая своих членов лишь на ежегодные молебствия в лагерную церковь в день св. Георгия Победоносца»[258].

Перерыв произошел из-за ликвидации летом 1946 г. ДиПи лагеря в Фюссене, когда его русские жители были переведены частично в небольшой ДиПи лагерь в Шлейсгейме, частично в большой ДиПи лагерь в Мюнхен-Фельдмохинге, который назывался также и Большим Шлейсгеймом.

В 1947 г. в лагере в Пюртене (Бавария, Американская зона оккупации) из учащихся гимназии учителем гимнастики Сергеем Михайловичем Ольденбургом было основано, главным образом из учащихся, общество «Русский Сокол». Бывший сокольский подросток в Пюртене Юра (Юрий Михайлович) Солдатов писал

мне 30 июля 2004 г. следующее:

«От американской армии были приобретены коричневые рубахи. Для девушек юбки от WAC (женщины в армии). Из одеял нам сшили серого цвета сокольские шапки с малиновым верхом. Спереди были трехцветные розетки с сокольскими знаками (вензель из букв СОКОЛ), сделанными для нас кустарным способом из алюминия. Было сшито знамя с иконой св. Георгия с одной стороны и с летящим соколом на другой, бело-сине-красной стороне. Оно хранилось в канцелярии гимназии рядом с портретом цесаревича Алексея. Там же в углу стоял большой макет летящего сокола и маленькие щитки с лозунгами: “Жизнь – Родине, честь – никому”, «Все за Отечество, всё для Отечества”, “Один ничто – целое всё”, “Ищи чести, а не почести”, “Служи Родине меньше словом, а больше делом”. В классных помещениях висели иконы, фотографии царской семьи, русских генералов и выдающихся деятелей, сокольских парадов в Белграде и сокольского слета в Праге».

«В гимназии, на уроке пения, разучивался гимн “Боже, царя храни”, всеславянский гимн “Гей, славяне”, сокольский гимн “Боже сильный, Боже правый”, сокольская песнь “Бьет светлый час”[259]*, военные и народные песни.*

В ДиПи лагере был и школьный гимнастический зал, и гимнастические снаряды. Сокольские занятия заменяли уроки гимнастики. Кроме спортивных занятий у нас была и сокольская теория, по которой сдавались письменные работы. С. М. Ольденбург говорил, что всем нам предстоит строить сокольскую организацию в будущей Свободной России. Кроме гимнастических занятий, в хорошую погоду мы перед завтраком должны были еще бегать.

Директор гимназии, полковник Карпов, на уроках географии много говорил о России и Югославии, об офицерской чести, о том, что, давши слово, надо его выполнить, как бы это ни было трудно, и говорил про себя, что только гробовая доска освободит его от долга перед Царским престолом.

Некоторые преподаватели, окончившие в Югославии русские кадетские корпуса, в том числе и С. М. Ольденбург, рассказывали нам о кое-каких кадетских проказах. Они помнили, что их когда-то интересовало, и так преподносили учебный материал, что мальчики слушали с большим интересом, а девочкам бывало иногда скучно. Например, на уроках математики нам объясняли полет пуль и снарядов, а на тригонометрии – что расстояние можно определить по телефонным столбам, высота которых в Германии стандартная.

Большое впечатление произвел на нас приезд митрополита Анастасия, сказавшего нам о значении посещения церкви и о роли

церкви в русском государстве. Перед отъездом митрополит принял парад пюртенского общества «Русский Сокол».

Время от времени посещал нас "Дядя Митя"[260]*, возглавлявший в Мюнхене Центр связи русского сокольства. В первый его приезд, после панихиды по имп. Николаю II, югославскому королю Александру и воинам, погибшим за Россию, на который приехало много сербов из соседних лагерей, он принял сокольский парад. На следующий день, после молебна, был снова парад, и новопринятые давали "сокольский завет".*

Не все жители лагеря были согласны с тем, как преподавалось в гимназии, как велась сокольская работа, и с песнями, которые мы распевали. В столовой и других местах оставляли они пропагандные записки республиканского содержания, но они были в меньшинстве».

Общество «Русский Сокол» в Пюртене прекратило свою работу в 1948 г. после отъезда С. М. Ольденбурга в Австралию и разъезда других сокольских деятелей.

С. Маслов основал общество «Русский Сокол» в Эрлангене, которое распалось после его отъезда во Францию, а в Регенсбурге сокольскую группу из учащихся основал директор гимназии Семен Николаевич Боголюбов[261], несмотря на исключительно неблагоприятные условия. В лагере не было ни спортивного зала, ни спортивных снарядов, а в гимназии даже не было учителя гимнастики.

Соколов, переехавших из Фюссена в Мюнхен-Фельдмохинг, возглавил Борис Иордан, который подготовил состоявшийся 6 июня 1948 г. съезд, на который прибыли старые сокольские деятели. На съезде обсуждался вопрос создания высшего органа правления. Таковым мог бы стать Германский край, но для создания краевого правления необходимо было наличие трех обществ, а в Германии их было только два, в Шлейсгейме (вернее, в Мюнхене-Фельдмохинге) и Пюртене. Поэтому съезд решил создать Центр связи Русского Сокольства, в который вошли: председатель Д. И. Камбулин (быв. начальник Союза), управляющий делами Центра Борис Сергеевский (быв. воспитатель Краевого Союза в Югославии), членами В. В. Бальцар (быв. воспитатель Союза Русского Сокольства – Югославия), Нина Владимировна Сукк (1902–1993) (быв. начальница Краевого Союза в Югославии), В. Грабовый (Прага) и кооптированный секретарь А. Ларионов (Медон)[262].

В связи с этим 10 июля 1948 г. были проведены перевыборы правления общества в Мюнхен-Фельдмохинге, в которое вошли: староста Д. Франк, начальник Г. Клещук (Болгария), начальница Н. Воропонова (Югославия), воспитатель В. Грабовый и секретарь

А. Ларионов. Лагерный комитет во всем шел навстречу соколам, которым было выделено самое большое, после театра, помещение для гимнастических упражнений и собраний. Лагерное издательство «Златоуст», хозяином которого был старый сокол из Югославии Сергей Владимирович Завалишин (?–1972), выпустило в 1948 г. типографским способом руководство «Организация общества “Русский Сокол”» и в августе 1949 г. первый и последний номера газеты «Русский Сокол». Кроме того, в феврале 1950 г. обществом была издана ротаторным способом «Идеология русского сокольства».

«В сентябре 1948 г. О-во провело 1-е публичное выступление в гимнастическом зале лагеря с участием сокольской группы подростков из лагеря Пюртен, а в октябре приняло участие на празднике в Пюртене. В декабре отметило сокольский годовой праздник молебствием в своем зале с Торжественным обещанием новых членов, академией[263] *и балом. Затем была елка для детей и семейная вечеринка, новогодняя встреча, а в 1949 г. – гимнастические выступления, балы, вечеринки, парадные участия во всех национальных событиях или прицерковных торжествах не только своего лагеря, но и в масштабе общерусской эмиграции. С марта проводились регулярные открытые литературные собрания под названием «Устный журнал» под руководством бр. С. Калишевского, а на Пасхальной неделе с успехом прошел собственными силами проведенный спектакль «Женитьба» (Гоголя) при руководстве опытной артистки г-жи Т. А. Левицкой; несколько экскурсий на озера, замки и просто вылеты*[264]*, осенняя академия в Пазинге*[265] *и снова годовой сокольский праздник. Летом было общее собрание, после которого начальником стал бр. Д. Андриевич, а воспитателем бр. Б. Сергеевский. Общество заняло достойное положение в жизни лагеря, снискав себе уважение и симпатии русского населения»*[266].

Из участия в общеэмигрантских начинаниях следует отметить участие в октябре 1949 г. в Суворовских торжествах в Вейнгартене (Германия. Французская зона оккупации), участие в лагерной выставке 8 июля 1950 г., организованной YMCA, а также в русском Дне матери, устроенном в сокольском помещении совместно с ОРЮР, YMCA и детским садом.

«Усилившийся отъезд за океан значительно сократил число не только рядовых членов общества, но и состав его правления, так что летом 1950 г. общество пришлось переименовать в гнездо, а знамя и икону св. Георгия Победоносца отправить со старостой общества сестрой Н. Сукк в Америку заместителю Союзного старосты брату В. Петрову.

Весной 1951 г., за отсутствием опытных руководителей и

достаточного числа членов, гнездо было закрыто»[267].

60. Ордовский-Танаевский, ОРЮР и ИМКА в Шлейсгейме-Фельдмохинге 1947–1949 гг

Конец войны застал русских главным образом в Австрии и Баварии. Мюнхен и окрестные ДиПи лагеря стали центром русской культурной и общественной жизни.

Бавария оказалась в Американской зоне оккупации. Военные власти стали собирать иностранцев в ДиПи лагеря, а ЮНРРА взяла на себя все прочие заботы. Во Фрейманне (Freimann), предместье Мюнхена, в бывших казармах СС, которые не пострадали от бомбардировок, разместились поляки, бывшие узники немецких концлагерей. *«С июля 1945 г. СС казармы перестали существовать как чисто польский лагерь, и вскоре в UNRRA Team 107 оказались представители 25 национальностей, <…> некоторые нетерпеливо ждали возможности возвратиться на родину, другие же, в частности, бывшие граждане СССР, <…> изыскивали всевозможные способы, чтобы избежать репатриации»*[268]. Всего в этих казармах разместилось почти 8000 ДиПи[269], из которых русских было менее тысячи. Русские, конечно, первым делом устроили домовую церковь и, хотя было лето, начали занятия со школьниками. Началась и разведческая работа с детьми и юношеством.

В конце 1945 г. лагерь Кемптен был переведен сперва в Фюсен, а затем летом 1946 г. в предместье Мюнхена Фельдмохинг. Русских разместили в пустовавших бараках, примыкавших с юга к полю, служившему в годы войны военным аэродромом. Летом 1947 г. русских из СС казарм перевели туда же, а часть разместили в лагере в небольшом городке Шлейсгейм (Schleissheim). Лагерь в Шлейсгейме стал называться Малым Шлейсгеймом, а лагерь в Фельдмохинге – Большим Шлейсгеймом. Оба лагеря были под руководством UNRRA Team 631.

Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский (1924–1990), будучи членом ОРЮР, выпустил летом 1947 г. типографским способом журнал «Разведчик» № 1 (9). Он не знал, что в Менхегофе вышло 11 номеров журнала, а, имея № 8, полагал, что журнал больше не выходит, и продолжил его издание, указав в скобках номер 9. Встретив критику руководства ОРЮР, В. Н. Ордовский-Танаевский стал выпускать свой, независимый молодежный журнал «Явь и быль». В Зарубежье, кажется, только

парижский журнал «Иллюстрированная Россия» выходил с приложением книг русских классиков. В. Н. Ордовский-Танаевский решил продолжить эту традицию. В качестве бесплатного приложения к журналу в четырех частях был выпущен роман М. Загоскина «Юрий Милославский». Успех журнала с приложением привел к созданию издательства «Явь и быль», выпустившего ряд хороших книг, в том числе и второе издание книги А. В. Туркула «Дроздовцы в огне» в литературной обработке И. Лукаша (1948 г.).

В журнале «Явь и быль» нашлось место и для разведчиков и для Имки. В № 1 за сентябрь 1947 г. в отделе «Деятельность YMCA» была статья «Забота о детях», в которой говорилось о летних лагерях Имки, подписанная «В.О.Т.» (В. Н. Ордовский-Танаевский). В статье ничего не говорилось об участии русских детей в этих лагерях, так как русские ДиПи в Баварии к тому времени еще не были охвачены работой Имки. В следующем номере за октябрь–ноябрь 1947 г. уже сообщалось о проведении Имкой больших спортивных состязаний между командами прилегающих к Мюнхену ДиПи лагерей и об участии шлейсгеймской команды спортклуба «Русь», а в № 4 за апрель–май 1948 г. было сообщение об основании в Шлейсгейме русского клуба YMCA:

«19 мая в лагере Шлейсгейм состоялось первое собрание Инициативной группы Х.С.М., на котором присутствовал представитель от центральной YMCA–YWCA – гн. Яко (гн. – господин. *—Р. П.*) *Были обсуждены вопросы организационного характера и возможности будущей практической работы в лагере. <…> 27 мая на состоявшемся организационном собрании были проведены выборы правления и принято наименование Союза Христианской Молодежи имени св. равноап. кн. Владимира»*.

Инициатором создания Клуба Имки был В. Н. Ордовский-Танаевский, избранный единогласно на должность председателя, о чем он, из скромности, умолчал в им же написанной статье.

Собрание утвердило план летней работы, в который входило проведение лекций религиозно-просветительного характера, подготовка отправки детей в летние лагеря Имки, организация спортивной площадки и создание библиотеки. Основным ядром клуба были члены спортклуба «Русь», которых Имка снабдила кое-каким спортивным инвентарем. Подготовка и отправка детей в летние лагеря Имки были проведены по плану, но устройство лекций и библиотеки не могло осуществиться из-за отсутствия помещения.

Палаточные лагеря для детей от 10 до 15 лет, отдельные для мальчиков и для девочек, были проведены около

Унтершорндорфа (Unterschorndorf) на берегу Аммерзее (Ammersee). Дети жили в больших американских военных палатках по 8 человек при одном старшем той же национальности. На этот раз из Шлейсгейма были приняты 16 русских мальчиков и 16 русских девочек. Около полянки, на которой были разбиты лагеря, были площадки для тенниса, футбола и баскетбола[270].

Старшие в палатках назывались «советниками» (по-немецки – Berater) и для их подготовки Имка организовала специальный курс, о котором в журнале «Явь и быль», № 4 было сказано:

«В лагере, расположенном в чудном горном местечке Графенашау, были проведены 10-дневные курсы для инструкторского персонала в летних лагерях YMCA/YWCA. Ознакомление курсантов с необходимыми знаниями для организации и ведения лагерей проводились высококвалифицированными специалистами, многие из которых были выписаны из других стран. Занятия, продолжавшиеся с утра до вечера, проводились системой чередования лекций и практических занятий. Главное внимание было обращено на ознакомление с психологией детей и юношества, администрацией и лагерной финансовой частью и организацией досуга в будущих лагерях».

В создании собственной имковской библиотеки особой надобности не было, так как в лагере была большая русская библиотека, принадлежавшая вел. кн. Владимиру Кирилловичу, с согласия которого ею пользовались жители лагеря. За пользование взималась небольшая плата.

Устройством лекций в лагере заведовал лагерный Культурно-просветительный отдел. Лекции устраивались в клубном бараке, в котором Имка устраивала показы фильмов и в котором проходили спектакли лагерной театральной группы. Не имея собственного помещения, Имка не могла устраивать свои особые лекции.

В. Н. Ордовский-Танаевский был исключительно энергичным человеком. Не имея помещения, он организовал курсы английского языка, которые вела Марина Туржанская, и шоферские курсы, после чего лагерная администрация была вынуждена выделить помещение для клуба Имки. В «Вестнике органе Р. С. Х. Движения в Германии» об этом событии сказано:

«В начале января (1949 г. – *Р. П.*) *русская ИМКА в Шлейсхайме-Фельдмохинг открыла свое помещение. По случаю торжества был отслужен молебен, после которого прот. М. Помазанский сказал прекрасное слово о хранении чистоты православия. После молебна для многочисленных гостей членами ИМКА была устроена чашка*

чая. Пространный доклад о широкой и разнообразной работе русской ИМКА в Шлейсхайме сделал председатель В. Ардынский. Среди гостей присутствовал епископ Димитрий, председатель русской ИМКА в Германии А. И. Зеленой и многие другие»[271].

С получением собственного помещения В. Н. Ордовский-Танаевский, кроме положенной работы по подготовке участия русских детей в летнем лагере, расширил курсы английского языка. Была создана украинская группа под руководством Всеволода Саленко. Для него и для Марины Туржанской В. Н. Ордовский-Танаевский добился жалования, расширил работу на Малый Шлейсгейм, где руководство работой было поручено члену Союза Людмиле Михайловне Акимовой (1909-2001, в замужестве Нагибиной) приехавшей в апреле после ликвидации лагеря Менхегоф, где она как член YWCA успела себя зарекомендовать хорошим организатором и докладчиком.

Наша семья уехала из Менхегофа в начале апреля 1949 г. незадолго до закрытия лагеря. Мы записались на выезд в Бразилию и уехали в пересыльный лагерь Буцбах (Butzbach). Но в Бразилию мы не попали, так как были сняты с транспорта по ложному доносу. Из Буцбаха нас послали в лагерь Гибельштадт (Giebelstadt) около Аугсбурга, где я связался с Имкой и был направлен на работу в Ганау (Hanau). Дело шло к лету, и мне поручили подготовить и провести летний лагерь для детей. Ганау был балтийским лагерем с небольшой группой украинцев. Нас приписали к украинцам. Мы там не были единственными русскими. В лагере была православная церковь, кажется, латвийской юрисдикции, но священник служил по-церковнославянски.

Осенью 1949 г. началась ликвидация лагеря Ганау, и меня назначили в Шлейсгейм помощником к В. Н. Ордовскому-Танаевскому в связи с его предполагавшимся отъездом в Венесуэлу. После его отъезда я был 30 ноября назначен на его должность[272], а местные, как мы говорили, имкачи избрали меня председателем клуба.

Перед своим отъездом В. Н. Ордовский-Танаеский передал издательство «Явь и быль» своему двоюродному брату Сергею Владимировичу Шаубу, а мне, как начальнику финансового сектора ГК – Главной квартиры ОРЮР[273], передал в пользу ОРЮР все непроданные книги. Их продажа дала ГК хорошую сумму денег. В Венесуэле В. Ордовский-Танаевский вскоре стал одним из руководителей ОРЮР, а в частной жизни – успешным предпринимателем.

С Л. Акимовой мы были старыми сотрудниками по Менхегофу, а с В. Ордовским-Танаевским и М. Туржанской у меня

сразу установились дружеские отношения. И не только с ними, но и с В. Саленко. Он был галичанином, но враждебных чувств к русским не питал. Я с ним говорил по-украински, и это его сразу расположило ко мне. Он, конечно, заинтересовался, где и как я научился говорить по-украински, и когда узнал, что украинскому языку я научился от боснийских галичан, то существование галичан в Боснии для него было откровением. Откровением для него было и то, что среди галичан было много русофилов, что в годы Первой мировой войны многие из них погибли в австрийском концлагере в Таллергофе, а многие ушли в Россию, при отступлении русской армии. Он был человеком любознательным, внимательно слушал и о многом расспрашивал.

Комичный случай произошел у меня в один из первых же дней работы. К концу дня зашел в канцелярию поэт Ваня Елагин. В. Ордовский-Танаевский что-то стал оживленно обсуждать с М. Туржанской. Разговор шел, конечно, по-русски, но оба по привычке вставляли в русскую речь сербские слова. Я заметил, что И. Елагин не все понимает, и позволил себе сказать, что «давайте говорить по-русски, так как не всем понятен русско-сербский язык». Никто на меня не обиделся, а, только извинившись, перешли на чистый русский язык. Все ушли, а я остался убрать вещи и запереть шкафы. Мы не заметили, что, пока мы оживленно говорили, пришла уборщица и услышала мою реплику. Оказавшись без свидетелей, она подошла ко мне и сказала, что я как новый еще не знаю, что собой представляют эти «старые» эмигранты из Югославии, и что я вскоре увижу, что это за люди. Я пытался защитить эмигрантов из Югославии, и уборщица очень смутилась, узнав, что я сам оттуда.

Приехав в Шлейсгейм, нашу семью поместили в Малом Шлейс-гейме. Там, в домах и бараках, примыкавших с севера к аэродрому, в годы войны находилось немецкое воздушное командование, а после войны американское военное учреждение Military Post APO 407. Из городка Шлейсгейм в Малый Шлейсгейм можно было войти только с пропуском через контрольный пункт, который был в руках вспомогательной полиции из бывших сербских военнопленных, отказавшихся возвращаться в коммунистическую Югославию. Нашу семью поместили в ужасной комнате в подземном бункере, обещав дать что-нибудь лучше. Действительно, вскоре мы получили комнату в доме над бункером. Во время войны там находилось командование аэродрома, для которого и был построен бункер. В доме было центральное отопление – небывалая роскошь для ДиПи. К сожалению, нам не пришлось долго наслаждаться плодами цивилизации. Вскоре всех ДиПи из Малого Шлейсгейма перевели

в Большой Шлейсгейм и разместили в освобождавшихся бараках. В 1949–1950 гг. отъезд в заморские страны шел полным ходом.

В план работы Имки входило устройство рождественской елки, одной – по григорианскому календарю для католиков и баптистов, и второй – по юлианскому, для православных и униатов-галичан, которые, признавая Папу Римского, почти ничем не отличались от православных. У галичан была своя церковь, у украинских православных – две, разных юрисдикций (автокефалисты и «липковцы», которых называли еще и «самосвятами»). У русских было тоже две церкви: одна гимназическая, а другая – лагерная, и у будистов-калмыков было два храма, один для донских калмыков и другой для астраханских.

61. Жан-Джон Моннэ и ДиПи скауты 1948–1950

Жан Моннэ (Jean-John Rodolph Monnet, 1913–1998) родился в Лондоне 15 июля 1913 г. Мать скончалась при родах, и тетка-француженка взяла его к себе во Францию. В 1928 г. Моннэ вернулся в Англию и стал называться Джоном. Он поступил в 1930 г. в скаутскую организацию и вскоре стал скаутмастером.

В годы войны по состоянию здоровья Джон Моннэ не был призван в армию, но в 1944 г. поступил добровольцем в созданный британскими скаутами отряд помощи гражданскому населению в освобожденных от нацистов областях – Scout International Relief Service. В скаутском отряде было 11 человек, и он действовал вместе с другими благотворительными организациями в составе и под общим руководством Британского Красного Креста.

Из Лондона группа Красного Креста, в которую входили скауты, двинулась 2 сентября 1944 г. в неназванное место в Нормандии (Франция). Караван сопровождали военные корабли и самолеты на случай нападения немцев. Во всем отряде по-французски говорили только два человека, и одним из них был полуфранцуз Джон Моннэ. К концу войны отряд оказался в Британской зоне Германии и работал в ДиПи лагерях. В составе этого отряда Моннэ оставался до конца деятельности отряда в октябре 1946 г.

Вернувшись в Англию, Джон Моннэ написал несколько статей о скаутизме во Франции для журнала «Jamboree» (Джембори), который был органом BSIB – Boy Scout International Bureau. На статьи Джона Моннэ обратил внимание директор БСИБ полковник Джон Вилсон (John S. Wilson), который, пригласив его к себе на обед, предложил ему организовать из скаутов ДиПи группу для участия на первом послевоенном Всемирном джембори мира (Jamboree Mondial de la Paix) в Муасон (Moisson, Франция), который должен был состояться в августе 1947 г.

Для успешного выполнения этого задания Вилсон снабдил Джона Моннэ удостоверением, в котором он был назван подполковником, хотя он таковым и не был. Эта «липа» и его знание французского языка не раз выручали его в оккупированной союзниками Германии и Австрии. В инструкции было сказано, чтобы он собрал группу из примерно 200 скаутов, но исключительно балтийцев. Было это сделано потому, что Вилсон уже связался с балтийскими руководителями,

окончившими в свое время руководительские курсы в Гилвелле (Великобритания), что в глазах БСИБ было гарантией их подлинной принадлежности к скаутизму. К руководителям других национальностей, которые не были на курсах в Гилвелле, БСИБ относилось с самого начала с некоторой подозрительностью, а то даже с враждебностью.

В знаменитой речи в Фултоне (США) 5 марта 1946 г. Черчилль впервые упомянул «Железный занавес», отделивший свободный мир от коммунистического. После этого Запад начал холодную войну против СССР и его союзников, а БСИБ стало менять свое отношение к скаутам эмигрантам. Приглашение балтийцев было результатом начавшихся перемен, но балтийцы были приглашены как одна делегация, а не как делегации Латвии, Литвы и Эстонии. Видимо, в БСИБ не все были согласны с приглашением балтийцев, и приглашение их как одной делегации было своего рода компромиссом.

Мы, русские, знали, что балтийцы получили приглашение участвовать на джембори, но мы такого приглашения не получили. Правда, на параде среди флагов разных народов был и русский трехцветный флаг, но русской делегации как таковой не было. Русский флаг нес белградский руководитель Толя (Анатолий Михайлович) Жуковский, приехавший на джембори с группой французских скаутов, служащих во французских оккупационных войсках в Германии. Так как русские скауты-разведчики были 15 ноября 1945 г. исключены из БСИБ, то появление Жуковского с русским флагом на параде вызвало протест директора БСИБ Вилсона.

В коммунистической Польше и полукоммунистической Чехословакии скаутские организации в 1944 г. возобновили работу и были приглашены на джембори. Чехи и словаки согласились, а поляки отказались. Балтийцы были приглашены потому, что в связи с новой политикой Запада БСИБ решило больше не считать запрещение коммунистами скаутской работы, как и вообще присоединение Прибалтики к СССР, законным. Однако запрещение нацистами, а затем и коммунистами югославских скаутов оно посчитало почему-то законным и их на джембори не пригласило. О существовании же югославских скаутов Вилсон знал, так как в ДиПи лагерях в Австрии он встречался не только с балтийцами, но и с югославянами. В своем отчете, напечатанном в журнале «Джембори» (1947, № 7), он рассказал о встрече в ДиПи лагере в Шпитале с югославскими скаутами, только назвал их почему-то словенцами.

Начав случайно работу с югославскими скаутами в Маттенберге, я в конце 1947 г. через НТС послал письмо в БСИБ с

просьбой прислать мне для югославских скаутов литературу на сербскохорватском языке. Одновременно НТС внес за меня деньги на подписку на журнал «Джембори». Я знал, что Союз скаутов королевства Югославии посылал по три экземпляра всех своих изданий в БСИБ. Каково же было мое удивление, когда вместо чего-то на сербскохорватском языке я получил книгу «Русским скаутам» О. И. Пантюхова с наклейкой «YU». Надо сказать, что книга была напечатана в Югославии, и это, вероятно, было причиной недоразумения, но меня удивило, что в сопроводительном письме было сказано, что ничего другого не было найдено.

На Всемирной скаутской конференции, состоявшейся сразу после джембори в Шато де Росни (Chateau de Rosny, Франция) 19–22 августа 1947 г. обсуждался вопрос ДиПи скаутов. Было решено, с согласия и при помощи PCIRO, создать при БСИБ «ДиПи отдел» с Джоном Моннэ во главе. Об этом известил меня директор БСИБ Вилсон своим письмом от 11 февраля 1948 г., сообщив, что дал мой адрес Жану Моннэ, чтобы он, приехав в Германию, встретился со мной.

Выбор был удачным. Моннэ проявил себя хорошим организатором и дипломатом. Ему приходилось сталкиваться с шовинизмом и нетерпимостью среди представителей некоторых народов Средней и Восточной Европы, которые в силу исторических причин не чувствовали симпатий друг к другу.

Регистрация групп ДиПи скаутов разных национальностей не давала им членства в БСИБ, а только временное признание их скаутами, защиту и помощь со стороны ДиПи отдела.

К своим обязанностям Моннэ приступил в марте 1948 г., открыв свою канцелярию в здании IRO в Мюнхене (München-Pasing, Bismarckstrasse 20, переименованной американцами в Am Stadtpark 20). Он сразу зарегистрировал латвийских, литовских и эстонских скаутов, знакомых ему с 1947 г. по джембори в Муасоне. Тогда же, в марте, он обратился с письмом к руководителям других национальных групп, в том числе и ко мне, считая меня руководителем югославских скаутов. Он попросил меня сообщить ему адреса отрядов югославских скаутов, чтобы он мог с ними лично познакомиться. Просьба была мною немедленно выполнена, так как в отчете начальника Австрийского отдела ОРЮР Зорана Белика были и списки югославских скаутских отрядов, основанных, а иногда и руководимых русскими руководителями. В апреле Моннэ посетил в Австрии скаутов разных национальностей, в том числе и словенских сепаратистов, с которыми он встретился в ДиПи лагере в Вагна (Wagna), но которые себя югославами не считали.

Это произошло потому, что IRO, создавая лагеря по национальному признаку, и словенских и хорватских сепаратистов называла в документах югославами.

В апреле 1948 г., после поездки по Австрии, Моннэ зарегистрировал русских, белорусских и украинских скаутов и предпринял поездку по Германии. Он прибыл 16 мая в Кассель и в латвийском лагере в Беттенгаузене (Bettenhausen) устроил смотр латвийских, литовских, русских и югославских скаутов и короткую встречу с руководителями.

Польские харцеры (скауты) приглашены не были, так как БСИБ не хотело заострять отношений с полностью контролируемой коммунистами Главной квартирой в Варшаве. Признание польских харцеров-эмигрантов последовало только в декабре 1948 г.

Во время майской встречи Моннэ, считая меня начальником всех югославских скаутов, рассказал мне о своей встрече со словенцами в Вагна, которых он зарегистрировал как югославских скаутов. Моннэ сказал, что словенцы как скауты произвели на него хорошее впечатление, и спросил меня, как ему выйти из создавшегося положения. Я ему сказал, что если он считает их настоящими скаутами, то почему бы их не зарегистрировать как словенских скаутов. Моннэ так и сделал, а начальник словенцев Й. Гус прислал мне в благодарность фотографию дружины с надписью «Братскому Союзу на память. Вагна 12.7.1948».

Югославские скауты тоже произвели на Моннэ хорошее впечатление, и в августе 1948 г. последовало их официальное признание. На 30 сентября 1948 г. Союз Югославских Скаутов насчитывал 13 единиц с 312 членами. Мне пришлось возглавить этот союз, но я считал такое положение временным и стал подыскивать себе замену из числа югославян. Мой выбор пал на Стояна Вуксича, которому я и передал эту должность своим приказом (по-сербски «распис») № 3 от 25 февраля 1949 г.

Первое собрание скаутских начальников состоялось 9 мая 1948 г. в балтийском лагере в Augsburg-Hochfeld. Это собрание было устроено до нашей встречи, и Моннэ меня на него не пригласил. В дальнейшем встречи происходили ежемесячно, и я на них обычно представлял югославян даже и после передачи руководства сербу Стояну Вуксичу, так как ему было трудно приезжать из Лингена (Британская зона) в Мюнхен. Иногда югославян заменял кто-нибудь из русских руководителей, а иногда я отчитывался перед Моннэ и за югославян, и за русских.

После коммунистического переворота в Чехословакии в феврале 1948 г. чешские и словацкие беженцы в Австрии и Германии получили статус ДиПи, и Моннэ признал в ноябре 1948

г. чехословацких скаутов, в декабре 1948 г. были признаны польские харцеры, а венгерские черкесы (разведчики) были признаны только в июне 1949 г.

Признание тех или иных организаций скаутов-эмигрантов было временным только до тех пор, пока австрийские и немецкие пфадфиндеры (Pfadfinder – следопыты) не будут приняты в члены БСИБ. После их принятия, а это случилось летом 1950 г., всем ДиПи было предложено либо стать членами австрийских или немецких пфадфиндеров, либо перестать считать себя скаутами.

Не знаю, искренно или по долгу службы, Моннэ старался убедить всех нас, что наши ребята, уехав в заморские страны, не захотят оставаться русскими, поляками, эстонцами и т. д., а будут мечтать найти себе поскорее новую родину и новую, как он говорил, национальность. Однажды он привел меня в пример, что, будучи русским, я остался верен Югославии и югославскому скаутизму.

В инструкции, которую Моннэ получил от Вилсона, говорилось, что одной из целей работы с ДиПи скаутами должно быть улучшение отношений между ДиПи скаутами. Вилсон, конечно, не имел в виду улучшений отношений к нам, русским, но оно так получилось, и мы, русские, в этом деле проявляли особую старательность.

С целью улучшения отношений между представителями разных национальностей с 22 июля по 2 августа 1948 г. был проведен интернациональный лагерь с участием двух звеньев от каждой национальности. Моннэ внимательно следил в течение 12 дней за поведением скаутов, вожаков и руководителей от подъема до отбоя. В результате этого и подобных же других международных лагерей у Моннэ сложилось очень хорошее впечатление о русских разведчиках. Он как-то в разговоре со мной очень похвально отозвался о русских, которые не только помогали югославянским скаутам, но также положили начало и калмыцкому разведчеству. Зная, что враждебность к русским у некоторых национальностей связывается с действиями советской власти, Моннэ не раз говорил, что все ДиПи в равной мере жертвы коммунизма.

Свое доброе отношение к русским Моннэ проявил тем, что в его канцелярии из трех служащих, получавших жалование, Вова (Владимир Гаевич) Тремль и Андрей Павлович Уртьев (отец Павла) были русскими, а представителем на Французскую зону, и тоже на жаловании, был русский руководитель Георгий Иванович Кишковский.

Но не все и не всегда проявляли терпимость к представителям других национальностей. Помню, как однажды

руководитель украинских пластунов, после того как русские спели у костра украинскую песню, громко выразил свое недовольство. Моннэ тогда сказал, что если кто-то хочет сделать ему приятное, то пусть споет что-нибудь по-английски, и тут же показал как можно «спеть» без слов, одними только жестами, американскую песню My Bunny Is Over The Ocean… (первый куплет с припевом). Это было оригинально, и всем понравилось.

Павел (Андреевич) Уртьев как-то писал мне, что Моннэ в самом начале своей деятельности собрал вокруг себя международное звено Monnet Patrol из шести скаутов, в котором кроме него было еще по одному латышу, литовцу, эстонцу, украинцу и белорусу. Это звено участвовало во всех общих начинаниях, исполняя обязанности переводчиков во время выступлений начальства.

На собрания руководителей я всегда приезжал в югославской скаутской форме, без русского флажка на погоне, с надписью Jugoslavija над карманом и массивным знаком югославского Торжественного обещания на кармане. Многие спрашивали у меня, нельзя ли купить такой знак, но я говорил, что этот знак у меня из Югославии, а новых нет. Я не скрывал, что я русский, и когда Моннэ об этом узнал, он спросил меня, где я родился и кем себя считаю. Я ответил, что родился в России и считаю себя русским. Это его удивило, и он с недоумением спросил меня, почему я работаю с югославскими скаутами. Я старался ему объяснить, что в Югославии я был сперва членом Союза скаутов Королевства Югославии, что вскоре, но не сразу, записался в русскую организацию, не покидая при этом югославскую, и как член югославских скаутов давал Торжественное обещание быть верным Богу, королю и Югославии.

Моннэ был назначен начальником ДиПи отдела БСИБ только потому, что кроме английского знал еще один язык – французский. На собраниях он говорил что-нибудь по-английски, а затем повторял по-французски. Эстонский Ст. скм. Михельсон говорил по-английски, и это его сблизило с Моннэ. Латыш Клетниекс и литовец Чепас говорили по-французски и по-русски. Мы вскоре подружились и между собой говорили по-русски. Кроме английского, французского и русского, руководители пользовались на собраниях также и немецким языком.

Задержка с признанием венгерских черкесов была, как мне доверительно сказал Моннэ, вызвана тем, что Старшим разведчиком у них был генерал Фаркаш, принимавший участие в войне на стороне Германии, и венгров не принимали до тех пор, пока Фаркаш не подал в отставку и новым главой организации не был избран Габор Боднар.

Кроме того, Моннэ должен был следить и за тем, чтобы никто не прикрывал свою политическую деятельность скаутизмом. О двух таких случаях, не называя никого по имени, Моннэ написал в своих воспоминаниях на с. 75. Там же Моннэ упомянул и еще один случай, когда скаутов обучали бомбометанию и обращению с винтовками.

Последнее собрание руководителей ДиПи скаутов состоялось 30 июня 1950 г. Помню, как Моннэ, ни на кого не глядя и покачиваясь в кресле, заявил, что это наше последнее собрание, что он едет назад в Англию, а мы, оставшиеся в Австрии и Германии, если хотим считаться скаутами, то должны вступить в австрийскую или одну из трех немецких организаций пфадфиндеров. Помню, как поляк встал, и, сказав Моннэ, что БСИБ должно будет потом, когда Польша освободится от коммунизма, аннулировать задним числом это несправедливое решение, вышел из комнаты. Большинство, в том числе и я, сухо попрощались с Моннэ и сказали, что решение БСИБ приняли к сведению, а балтийцы, взывая к его старой дружбе, просили повлиять на БСИБ, чтобы оно отменило это ужасное решение.

Покидая собрание, все мы возбужденно обсуждали решение, которое, хоть и не было для нас неожиданным, все же было болезненно воспринято. Тут же в коридоре, не расходясь, мы решили создать Организацию бойскаутов в изгнании (The Conference of Boy Scout Associations in Exile), которая будет бороться за принятие скаутских организаций в изгнании в БСИБ. Среди членов БСИБ у скаутов в изгнании были как сторонники, так и противники.

На VII джембори (Bad Ischl, Австрия) в 1951 г. скауты в изгнании участвовали в особом подлагере как члены Союза немецких следопытов (Bund Deutscher Pfadfinder), но на VIII джембори в 1955 г. в Канаде участвовать не смогли. Зато в 1957 г., когда отмечалось 50-летие скаутизма, скауты в изгнании стараниями друзей – филиппинцев, тайванцев, греков, лихтенштейнцев и других, получили приглашение на IX джембори (Sutton Coldfield, Англия), в 1959 г. на X джембори (Mt.Makiling, Филиппины) и в 1963 г. на XI джембори (Марафон, Греция). На XII джембори, которое состоялось в США в 1967 г., скауты в изгнании приглашения не получили, и с ними международный скаутизм вообще прекратил разговоры.

62. VII Всемирное скаутское джембори Бад-Ишл (Австрия) 3–13 августа 1951 г

В мае 1950 г. Бойскаутское интернациональное бюро в Лондоне приняло в члены австрийских и немецких пфадфиндеров. Одновременно было сказано, что только те, кто вступит в местные скаутские организации, смогут принять участие в очередном Всемирном скаутском джембори, которое состоится в Австрии в 1951 г. В Германии было три организации пфадфиндеров – католическая, протестантская и Союз (Bund Deutscher Pfadfinder), принимавший в члены представителей любых религий. Чтобы принять участие во Всемирном скаутском джембори, ОРЮР решила вступить в Союз немецких пфадфиндеров. Благодаря этому ОРЮР получила редкую возможность заявить представителям молодежи всего мира о своем несогласии с советской властью, запретившей к тому же в СССР скаутскую организацию.

Начались переговоры с немцами, которые, надо отдать им должное, проявили не только радушие, но и полное понимание желаний, как русских, так и других ДиПи. Речь шла об условиях участия на джембори. Всем ДиПи скаутам была обещана полная автономия и отдельный подлагерь, но только один для всех национальностей. На воротах, в середине, был русский флаг с надписью по-английски RUSSIA, справа щит с латвийским флагом и надписью LATVIJA, слева герб Литвы с надписью LIETUVA, а в самом верху герб Венгрии (без надписи).

Вся подготовка делегации ОРЮР была возложена на меня, а Борис Мартино взялся за сбор средств. Из США было получено около 175 долл. (700 марок), что дало возможность обеспечить участие сводного звена из семи человек с одним руководителем. Руководителем я назначил члена НТС, молодого талантливого Эдика (Эдмунда Владимировича) Прибыткина (1930–1986), с которым я познакомился в 1949 г. на Суворовских торжествах.

Я высказался за то, чтобы в сводное звено зачислить обязательно одного или двух калмыков, чтобы этим показать, что в рядах ОРЮР есть место для всех представителей народов России. Звено состояло из вожака Юры (Юрия Михайловича, р. 1932) Воронова (вернувшегося в США к своей настоящей фамилии – Солдатов), Петра Колтыпина, Владимира Волченко, Евгения Чуйкова и двух калмыков Алексея Иванчукова и

Улюмджи Албатаева.

Несмотря на то, что дело с выездом моей семьи в США сдвинулось с места и начались бесконечные проверки, мы с Эдиком Прибыткиным находили время для встреч и обсуждения планов участия. Пользуясь моим опытом участия на подобных слетах в Загребе в 1932 г. и в Белграде в 1935 г., мы решили устроить выставку, выпустить марки Разведческой почты, сделать специальный штемпель для их гашения и приготовить для участников русскую ленточку с надписью «RUSSIA Jamboree 1951» для ношения над левым карманом, а также и некоторое количество для подарков, на память от ОРЮР. Чтобы это выглядело как сувенир, я к слову RUSSIA добавил Jamboree 1951. Кроме того, были отпечатаны и соответствующие листовки. Все типографские работы были сделаны для нас бесплатно в мюнхенской НТСовской типографии Башкирцева.

В журнале «Свисток» (№ 21 от 7 января 1952 г.), переехавшем к тому времени в США, была напечатана неподписанная статья, написанная Э. Прибыткиным, об участии ОРЮР на джембори:

«На эту встречу молодежи собралось 18 000 скаутов. Среди флагов других национальностей был поднят и наш – трехцветный. Его подняли наши разведчики, представлявшие на джембори Россию. Велико было всеобщее изумление, когда во время парада мимо трибуны промаршировала группа российских разведчиков с трехцветным знаменем. Их присутствие было сенсацией – каждый участник съезда старался поговорить со скаутами, носившими над карманом рубахи нашивку с надписью РОССИЯ. Это любопытство было до некоторой степени вызвано смешением понятий “большевик” и “русский”».

Как сказано далее: *«На разъяснение этого рокового недоразумения были направлены все силы наших разведчиков. В нашем подлагере была устроена небольшая выставка и Разведческая почта. Выставка освещала жизнь российского разведчества. В продажу были пущены разведческие марки с надписями по-немецки “СССР не Россия”, “Русские не большевики”. Кроме того, раздавались отпечатанные на немецком, английском и французском языках листовки, имевшие антибольшевистское содержание. Всего было распространено 4000 листовок. Остаток был роздан на железнодорожной станции перед самым разъездом делегаций после закрытия джембори».*

Ю. Воронов-Солдатов в своем дневнике записал: *«Нашу выставку мы поместили в палатке на поставленных нами двух самодельных столах. Наша выставка состояла из коллекции русских денег, марок, включая и марки Разведческой почты со специальной надпечаткой VII Jamboree 1951. Ордена Российской*

императорской армии были на почетном месте в глубине палатки под трехцветным и андреевским флагами. На бортах палатки висели четыре карты, на которых было изображено развитие российского разведчества, и фотографии. Посетителей было всегда так много, что они толпились вокруг палатки, ожидая своей очереди. Мы давали все время объяснения по-немецки, по-французски и по-английски. Успех нашей выставки был громадным, больше чем у богато обставленных выставок других народов. Среди посетителей были и высокопоставленные лица. Американскому Верховному комиссару в Австрии г-ну Доннелю Эдик Прибыткин приколол на пиджак бело-сине-красный флажок, и он с ним ходил по лагерю и говорил всем, что это – флаг будущей свободной России. Были у нас и такие посетители, которые, узнав, что мы – антикоммунисты, выскакивали из палатки-выставки как ошпаренные. Главным образом это были посетители из Советской зоны Австрии. Приходило много австрийцев, бывших в плену в СССР. Они изо всех сил помогали нам объяснить посетителям, как живется в Советском Союзе, что русские люди к ним хорошо относились и что они этого никогда не забудут».

Для русских, приехавших на джембори в составе иностранных делегаций, ДиПи подлагерь имел особую притягательную силу. Они приходили не просто посмотреть выставку и познакомиться с русской делегацией, а приходили, чтобы помочь общерусскому делу. Э. Прибыткин всем им приколол русские флажки, и они таким образом создавали впечатление, что русская делегация куда более многочисленна, чем была на самом деле. Надо сказать, что на джембори была давняя традиция обмена значками, и носить на форме иностранные значки никому не воспрещалось.

Это было первым после окончания Второй мировой войны выступлением российской молодежи на международном форуме. Российские разведчики отказывали себе в развлечениях, которых было очень много на джембори, и были неутомимыми представителями народов России перед свободным миром. Эдик Прибыткин писал: *«Почти никто из иностранцев не знал о том, что где-то за границей есть Свободная Россия, сыны которой борются за торжество правды на их порабощенной родине. Мы всеми силами старались в глазах иностранцев достойно представить нашу великую родину и своим поведением доказать, что не все русские – большевики, и что СССР – не Россия».*

Фотография американского Высокого комиссара в Австрии Доннели с приколотой над карманом ленточкой появилась в прессе, как и другая, с группой наших разведчиков перед воротами подлагеря. Ворота были символически обвиты цепями.

Многочисленные репортеры снимали наших разведчиков. В немецкой кинохронике они появились на экране рядом с американскими и немецкими скаутами. Несмотря на малочисленность, всего семь человек, российские разведчики выступали по местному радио с песнями, за что получили второй приз, и выступили также по радио «Голос Америки».

Э. Прибыткин приводит еще слова одного из участников: *«Лучше всего нас встречали немецкие скауты из Западного Берлина. С ними у нас была сердечная дружба. Они даже утверждали, что им легче понять нас, русских, чем немцев из Баварии. А разведчики-калмыки очень скоро нашли общий язык со своими единоверцами индусами и бирманцами».* Кончается статья мыслями, что *«цель джембори – сближение молодежи всего мира. Отсутствие русской группы разведчиков безусловно укрепило бы распространенное мнение, что русские саботируют международное сотрудничество».*

Старший русский скаут О. И. Пантюхов приехал специально на джембори для встречи с русской делегацией, был очень доволен и благодарил Э. Прибыткина и всех участников за их службу родине. Он не скрывал своей радости, видя ее успех среди иностранцев.

Старший скаутмастер Б. Б. Мартино отметил в своем приказе № 38 от 1 сентября 1951 г. заслуги всей делегации, а особенно Э. Прибыткина, наградив его сразу двумя «Пальмовыми ветками», II и I степени.

63. Когда мы вернемся в Россию

В США я прибыл с семьей 9 октября 1951 г. Еще на корабле всем нам выдали «Зеленые карточки», дающие право на работу. С ними мы пошли куда надо и получили карточки социального страхования, без которых на работу не принимали. И я, и жена пошли на фабрики, на тяжелую физическую работу. Дома с маленьким Мишей оставалась теща. Она вскоре скончалась, и жене пришлось бросить работу, а я продолжал работать в ночной смене на фабрике хлеба, но она в 1964 г. обанкротилась. С 1964 г. я как внештатный сотрудник «Радио Свобода» вел передачи, сперва «Филателия», а потом «Уголок коллекционера», а с 1968 по 1972 г. как штатный служащий вел две передачи, «Уголок коллекционера» и «Духовную музыку». Затем до выхода на пенсию в 1983 г. заведовал музыкальной библиотекой.

С приездом в США, объединив Нью-Йоркское и Калифорнийское представительства ОРЮР в один Северо-Американский отдел, я был назначен его начальником (до 1957 г.) и одновременно начальником Главной квартиры (до 1956 г.).

Хотя у нас, новоприезжих, со старожилами не нашлось общего языка, член НТС Серафим Павлович Мирошниченко основал в Бруклине (часть города Нью-Йорка) 27 августа 1947 г. ОНРИА – Общество новых российских иммигрантов в Америке, и вошел в связь с РООВА – Русским объединенным обществом взаимопомощи, основанным в Филадельфии в 1926 г. Эта попытка успехом не увенчалась, и новых попыток не было.

Северо-Американская Митрополия тоже не смогла договориться с новоприехавшей в США РЦПЗ – Русской Православной Церковью за границей. Обамериканившиеся старожилы еще как-то объяснялись по-русски, но их дети по-русски не говорили. Были близкие к истине анекдоты: на вопрос, где мама, дочка отвечает – «пошла на апстерс дресироваться» т. е. пошла наверх, одеваться, или «закрой виндовсы, а то чилдренята засикинеют», т. е. закрой окна, а то дети простудятся.

Церковные школы с преподаванием Закона Божия, русского языка, русской истории и географии создавались только при церквах РЦПЗ. Вскоре после приезда в Бруклин (часть города Нью-Йорка) я стал преподавать в одной из таких школ русскую историю и географию. Жили мы тогда в той части города, которая среди русских называлась Русским Иерусалимом, так как там жили говорящие по-русски евреи. С названием был связан другой анекдот: Какая разница между Русским Иерусалимом и Иерусалимом в Израиле? Ответ – в Русском Иерусалиме меньше

арабов.

Преподавал я в церковных школах с 1951 по 1957 г. в Бруклине, Флашинге и Глен-Кове. С 1972 по 1977 г. был членом Епархиального школьного совета и заместителем Синодального школьного инспектора РПЦЗ.

С 1959 и до 1989 г., когда Горбачев разрешил доступ эмигрантской литературы в СССР, участвовал в «зарубежной оперативке» НТС. «Оперативкой» в НТС назывались контакты с советскими гражданами, а зарубежными были те, что велись не с территории СССР: встречи с туристами, моряками, почтовые акции. Я начал самостоятельно переписку с коллекционерами в СССР, а затем включился в союзную переписку с соотечественниками. Принял участие в посылке «Стрел» – отправке специальной союзной литературы по случайно выбранным адресам. «Стрелы» я посылал, как было принято, за свой счет. Когда Глеб Александрович Рар (1922–2006) от имени «Православного дела» с помощью НТС организовал такую же отправку религиозных материалов, то я был среди первых, кто это поддержал.

В связи с перестройкой в «Комсомольской правде» от 6 декабря 1988 г. была напечатана статья «Мы соскучились по разнообразию», в которой говорилось о возрождении скаутизма в Советской Литве. Это возрождение стихийно началось в Прибалтике в 1988 г. Я предложил Старшему скаутмастеру Михаилу Александровичу Данилевскому составить обращение от ОРЮР для отправки в Советскую Россию тем, кого бы оно могло заинтересовать, но Данилевский высказался против. Тогда я, будучи начальником Разведческого Пресс-бюро, выпустил 15 марта 1989 г. очередной номер – «Разведческое Пресс-бюро. Издание Главной квартиры ОРЮР» о 80-летии ОРЮР, якобы как «Сообщение для печати», но с соответствующим для посылки в СССР содержанием и начал посылать его по разным адресам с моим обратным адресом. Этот номер был послан и литовским скаутам, которые прислали через меня свое поздравление с юбилеем русским скаутам. Это приветствие было напечатано в «Вестнике руководителя» и прочитано на юбилейном слете в Новом Павловске. Таким именем – в честь Павловска как колыбели российского разведчества– я в 1989 г. предложил назвать купленное разведческими руководителями еще в 1959 г. место для лагерей (более 400 га), расположенное на севере штата Нью-Йорк в Адирондакских горах у водохранилища Сакандага. Там ежегодно проводятся палаточные лагеря, построена постоянная часовня, дом и складские помещения.

Экземпляр «Разведческого Пресс-бюро» от 15 марта 1989 г.,

посланный директору одного из НИИ проф. В. В. Аристову в подмосковный академгородок Черноголовка по адресу, полученному от Ю. Лукьянова, попал в хорошие руки. Профессор Аристов решил начать в Черноголовке разведческую работу, и я ему послал несколько пакетов литературы. На слете в Новом Павловске Г. Лукьянов из Нью-Йорка, Л. Гижицкий из Калифорнии и я предложили создать в Секторе внутренней работы Главной квартиры ОРЮР отдел «Лицом к России», что и было утверждено в приказе Старшего скаутмастера от 26 декабря 1989 г. О необходимости стать «Лицом к России» я впервые написал в 1953 г. в стенгазете дружины «Нижний Новгород» (Лос-Анджелес, США) и то же повторил в журнале «Опыт» № 18 за 1955 г.

Посылал я в в СССР и сокольский листок «Пути Русского Сокольства», который издавал вместе с Андреем Борисовичем Сергеевским. Листок попал в руки Николая Александровича Джанумова, основавшего в апреле 1991 г. в Москве общество «Русский Сокол» и поехавшего во главе группы русских соколов на первый после падения коммунизма Всесокольский слет в Праге в 1994 г. После смерти Н. А. Джанумова в 2001 г. старостой Русского Сокольства был выбран Владимир Владимирович Морозов, а в 2007 г. новым старостой стал Андрей Александрович Цыплаков. Ныне в России пять сокольских клубов.

В начале 1990 г. в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк, США) было напечатано обращение Ю. Изюмова помочь устройству в России организованной обществом «Родина», Историко-культурным центром «Российское Зарубежье» и Культурным центом «На Таганке» выставки «Эмиграция: история и современность». Я откликнулся, послав для этой выставки 659 экспонатов. Выставка проходила в Москве с 25 по 27 мая в рамках фестиваля «Русская Америка». Моя дочь Людмила Селинская поехала на этот фестиваль и выставила еще около 250 фотографий, плакатов и листовок, главным образом разведческих. Участие ОРЮР на выставке «Русская Америка» было первым публичным выступлением скаутов-разведчиков в России после 19 мая 1922 г., когда была создана пионерская организация, и скауты были вынуждены уйти в подполье.

В июне 1990 г. состоялось организованное А. Захарьиным паломничество в Россию и встреча в Черноголовке с первой группой ОРЮР в России.

С 11 по 29 августа 1990 г. в деревне Горелец Костромской области под руководством члена НТС и скаутского руководителя Юрия Васильевича Лукьянова был проведен первый лагерь ОРЮР в России. Группу ОРЮР из Черноголовки в этом лагере

возглавлял Юрий Свободный. Ему, в знак преемственности, Ю. Лукьянов передал знамя зарубежного отряда св. кн. Александра Невского. Фотография Ю. Лукьянова и Ю. Свободного была помещена в статье «Сохранив любовь к России» в «Литературной газете» от 31 августа. В лагере в Горельце был поднят тогда еще редкий в России трехцветный флаг (впервые в СССР он был поднят членами НТС в Ленинграде в 1988 г., хотя было несколько случаев его подъема на оккупированной территории во время войны). Лагерь в Горельце прошел с небывалым подъемом. Л. Селинская и Ю. Лукьянов разучили с ребятами песню на слова Б. Б. Мартино, написанные им в Варшаве в 1942 г. Она поется на мотив «Давно, при царе Алексее…» – песни 12-го гусарского Ахтырского полка:

Давно еще в Павловском парке
Ребята в разведку пошли,
Костер разожгли они яркий
Разведчиков русской земли.

И в годы борьбы и лишений
Он в юных сердцах запылал.
Террор всех советских гонений
Разведчиков дух не сломал.

Костер погасили страданья,
Залила расстрелянных кровь,
Но русский разведчик в изгнанье
Повсюду зажег его вновь.

И вот в нищете и в неволе,
Где часто унынье царит,
В лесах, на горах и на поле
Костер за Россию горит.

Его берегли как святыню,
Хранили под каждым дождем.
Когда мы покинем чужбину,
Костры по России зажжем.

И тут же, экспромтом, Л. Селинская и Ю. Лукьянов добавили:

И годы прошли, мы вернулись,
Костры по России зажгли,
Знамена опять развернулись

Конечно, трехцветный флаг над лагерем советской молодежи не мог понравиться местным партийцам. На следующий день после закрытия лагеря в газете «Красное знамя», издающейся в селе Парфеньево, появилась статья К. Волковой «Незанятых позиций не бывает», в которой автор с возмущением спрашивала читателей, что «*ведь не до такой же степени сменилась наша идеология и политика в последние годы, чтобы встречать белоэмигрантов хлебом-солью?*»

В «Комсомольской правде» от 2 сентября 1990 г. появилось интервью Б. Минаева с Вячеславом Черных под названием «На зорьке пионерской шел скаутский отряд». В этом интервью В. Черных был назван координатором группы «Возрождения российского скаутинга» и была упомянута крошечная заметка об Учредительном съезде российских скаутов, напечатанная ранее в «Комсомолке».

В. Черных, получив мой адрес от латышских скаутов, обратился ко мне с просьбой прислать скаутские материалы на русском языке. Его особенно интересовала история российского разведчества-скаутизма, и я ему послал выпущенный 15 февраля 1990 г. листок «Страницы истории», № 10 с кратким перечнем событий из истории зарубежных и русских молодежных движений с 1809 по 1979 г.

В. Черных прислал мне приглашение участвовать в учредительном съезде. Вместо меня на съезд поехала моя дочь Людмила Селинская, которая пригласила поехать с ней и Олега Олеговича, сына основателя российского разведчества Олега Ивановича Пантюхова. К ним присоединился и бывавший уже в Советском Союзе А. Захарьин.

Против участия ОРЮР на учредительном съезде возражал Г. Скворцов, помощник депутата Верховного Совета СССР по делам молодежи Светланы Ботраченко. Съезд состоялся в Москве с 15 по 17 ноября 1990 г. На съезд были приглашены представители ВОСД – Всемирной организации скаутского движения, которые прибыли в Москву за несколько дней до начала и вели переговоры на государственном уровне о создании Союза советских скаутов. Представители ВОСД хотели распространить на советскую молодежь свое влияние и свою идеологию, и потому с самого начала враждебно отнеслись к ОРЮР, у которой была своя идеология, вызревшая за 70 лет работы в Зарубежье. Сегодня в России только ОРЮР считает себя преемнницей организации, основанной О. И. Пантюховым в России и возглавлявшейся им же

в Зарубежье. На 2009 год – год столетия российского разведчества – в ОРЮР в России состояли около 2000 человек в 150 отрядах.

Летом 1993 г. Родион Фаясович Вильданов начал выпускать в Перми скаутскую газету «К свету, к солнцу!» и основал скаутский музей. Получив мой адрес, он обратился ко мне за помощью, и я ему послал довольно много материалов. От него я получил статью о скаутской периодике из журнала «Библиография» и послал в редакцию дополнения к ней. Мои дополнения были напечатаны в «Библиографии» № 6 за 1994 г., но о моей статье еще до публикации узнали работники московского ЦХДМО – Центра хранения документов молодежных организаций, и зам. директора В. Костыков 10 августа 1994 г. обратился ко мне с просьбой о сотрудничестве. Так началось мое сотрудничество с ЦХДМО, а также с ГАРФ – Государственным архивом РФ (Л. И. Петрушева), с РГБ – Российской государственной библиотекой (Н. В. Рыжак), Музеем детской открытки в Гатчине (Виталий Петрович Третьяков), Псковской краеведческой библиотекой (Елена Григорьевна Киселева), благодаря которой мне удалось списаться с моей бывшей псковской ученицей Мирой Федоровной Яковлевой, университетами в Нижнем Новгороде (Александр Алексеевич Корнилов), Ростове-на-Дону (Марина Николаевна Тарасова) и Орле (Тюрин Геннадий Анатольевич) и московской Библиотекой-фондом (ныне Дом «Русское Зарубежье» им. А. И. Солженицына) и американским комитетом «Книги в Россию», который возглавляет Людмила Сергеевна Оболенская-Флам (ур. Чернова). Я больше не чувствую себя за границей, а чувствую жителем России в заграничной командировке по сбору и отправке в Россию архивных материалов. Уже отправлены тысячи единиц хранения, и конца работы не видно. Переписываюсь с историками русской эмиграции (А. Арсеньевым, О. Бакич, П. Базановым, М. Близнюком, Р. Гэрра, С. Исаковым, И. Качаки, В. Косиком, В. Леонидовым, И. Лукшич, К. Махровым, Н. Мельниковой, В. Никоновым, К. Обозным, В. Петраковым, Р. Пулко, Б. Равдиным, Т. Рыбкиной-Пушкадией, Г. Солдатовым, Г. Суперфином, Л. Фостер, К. Хохульниковым, Е. Чавчавадзе, А. Шмелевым, и стараюсь всем, чем могу, помочь.

Коротко об авторе

Ростислав Владимирович Полчанинов родился в Новочеркасске 27 января 1919 г. Отец полковник Владимир Павлович, служивший в Ставке Верховного главнокомандующего при императоре Николае II, при ген. Деникине и ген. Врангеле. Мать Людмила Михайловна (ур. Новгородская). Эвакуировался с родителями из Севастополя через Константинополь в Королевство СХС – сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). В Сараеве ходил в русский детский сад и окончил 4 класса русской начальной школы. Дальше учился в местной гимназии и заочно в Белградском университете на юридическом факультете.

В 1931 г. поступил в югославские скауты, и в том же году в русские одиночные скауты. В 1934 г. записался подростком в сараевское общество «Русский Сокол», а в 1936 г. в НТСНП – Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (ныне НТС). В годы войны был одним из руководителей подпольной скаутской-разведческой работы и участвовал в подпольной работе НТС.

Из Германии прибыл с семьей в США 9 октября 1951 г. Работал в ночной смене на фабрике хлеба. С 1966 и до выхода не пенсию в 1983 г. работал на «Радио Свобода», где вел передачи «Уголок коллекционера» и другие, а с 1972 г. заведовал Музыкальной библиотекой.

Первым начал посылать в СССР информацию о скаутской и сокольской организациях, в результате чего была основана дружина ОРЮР в Черноголовке и общество «Русский Сокол» в Москве.

Выпускает электронные листки «Страницы истории разведчества-скаутизма» (ОРЮР), «За Свободную Россию» (НТС) и от случая к случаю несколько других листков. Автор более 2000 статей на разные темы, учебников для церковных школ, сборника «Заметки коллекционера», «По русским улицам Парижа, памятные места и путеводители» и других. Сотрудничает со многими авторами научных работ.

В Пскове в 1943 г. женился на Валентине Петровне (ур. Наумовой), имеет троих детей: Людмилу, Михаила и Владимира и двух внуков: Георгия Селинского и Николая Полчанинова.

Список сокращений

IRO – International Refugee Organization – Международная беженская организация

PCIRO – Подготовительныйо комитет ИРО

UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА – Управление Объединенных Наций по помощи и восстановлению, в просторечии Унра

YWCA – Young Women's Christian Association – Христианский Союз Молодых Женщин

YMCA – Young Men's Christian Association – ХСМЛ – Христианский Союз Молодых Людей

бр., с. – брат, сестра (сокола и соколки считаются братьями и сестрами)

БРП – Братство русской правды

БСИБ – Бойскаутское интернациональное бюро, сейчас Всемирная организация скаутского движения

ВОСД – Всемирная организация скаутского движения

ГК – Главная квартира

ДиПи (DP – Displaced Persons – перемещенные лица)

д-р – доктор

ИЧ – Инструкторская часть

КДВ – Курс для вожаков

КДР – Курс для руководителей

КНО – Курс начальников отрядов

КОНР – Комите́т освобожде́ния наро́дов Росси́и

Королевство СХС (сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославия)

КПО – Культурно-просветительный отдел

НДХ – Независимая Держава Хорватии

НОВ – Национальная Организации Витязей

НОРР – Национальная Организация Русских Разведчиков

НОРС – Национальная Организация Русских Скаутов

НОРС-Р – Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков

НПП – Национально-политическая подготовка

НСНП – Национальный Союз Нового Поколения (ныне НТС)

НСРМ – Национальный Союз Русской Молодежи, впоследствии Национально-Трудовой Союз (позже НСНП и НТСНП, ныне НТС)

НТСНП – Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, ныне НТС или просто Союз о. – отец

ОНРИА – Общество новых российских иммигрантов в

Америке

ОР – Организация разведчиков

ОРС – Объединение русских студентов

ОРЮР – Организация Российских Юных Разведчиков

проф. – профессор

пскм. – помощник скаутмастера

РНА – Русская Народная Армия

РОА – Русская освободительная армия

РОВС – Русский общевоинский союз

РООВА – Русское объединенное общество взаимопомощи в США

РСХД – Русское Студенческое Христианское Движение

СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России

СД (SD – Sicherheitsdienst) – служба безопасности национал-социалистической Германии

ски. – скаутинструктор

скм. – скаутмастер (старшее звание скаутского руководителя)

СРК – Старший руководительский курс

СРНМ – Союз Русской Национальной Молодежи

СРС – Союз русского сокольства

Ст.р.ск. – Старший русский скаут

ТО – Торжественное обещание

ЦХДМО – Центр хранения документов молодежных организаций

Ростислав Владимирович Полчанинов

Проф. М.В. Агапов (слева) и Б.Б. Мартино. Белград. Лето 1938 г. *Фото Р. Полчанинов*

А.М. Шатерник и сараевцы. Белград. Лето 1935 г. В первом ряду слева направо Р.В. Полчанинов, А.М. Шатерник, М.И. Мулич. Второй ряд Б.Б. Мартино

Загреб. Прогулка с младшими. Осень 1941 г. На доме нацарапано: Živio SSSR (да здравствует СССР). Слева одна руководительница. Правее (спиной) Н. Зарахович. *Фото Р. Полчанинов*

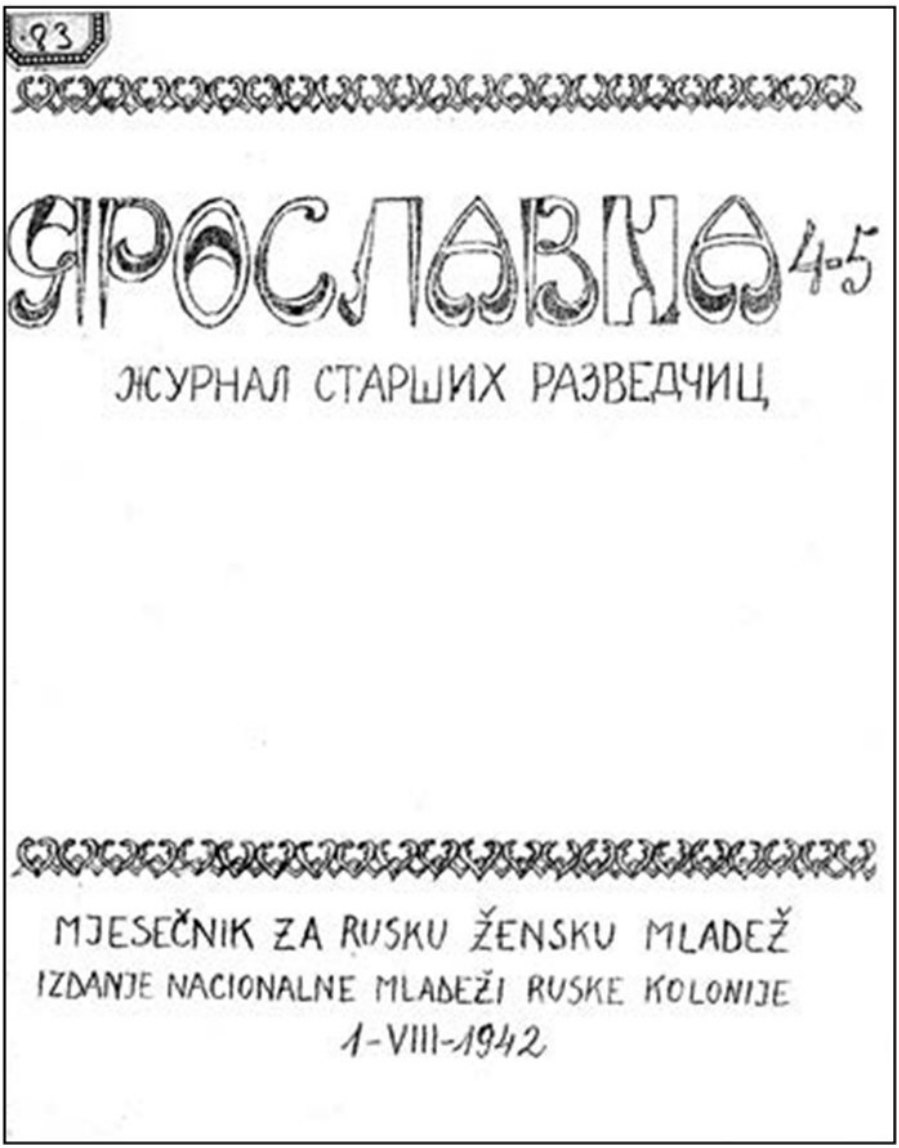
Загреб. Перед Русским домом (бывшая тюрьма). Осень 1941 г. Слева направо Н. Зарахович, Г. Седыгин, А. Павловский, Р. Полчанинов, Т. Щербец, В. Зарахович

Лагерь в Свидере. Лето 1942 г. Р.В. Полчанинов. Занятия по разрядам

Лагерь в Свидере. Лето 1942 г. Богослужение. Совершает о. Серафим Баторевич

о. Алексей Крыжко. Настоятель русского прихода в Сараеве 1930-е и 1940-е гг.

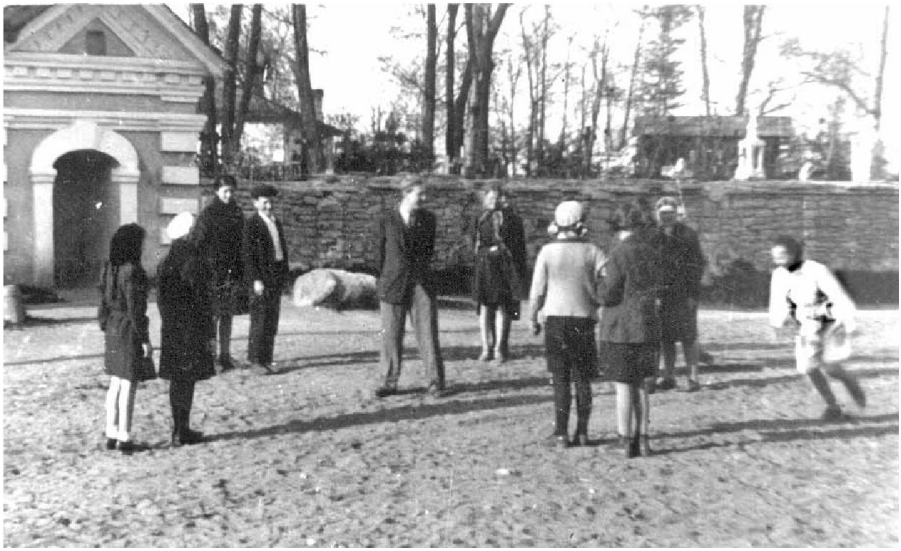
Берлин. Февраль 1942 г. Начальник НОРМ И. Мелких



Подпольный разведческий журнал «Ярославна». Редактор Надя Зарахович

Б.С. Коверда на базаре во Пскове. Осень 1943 г. *Фото Р. Полчанинов*

Псков. Лето 1943 г. Печатание разведческой литературы во дворе Св. Дмитриевского прихода. Печатает Петя. *Фото Р. Полчанинов*

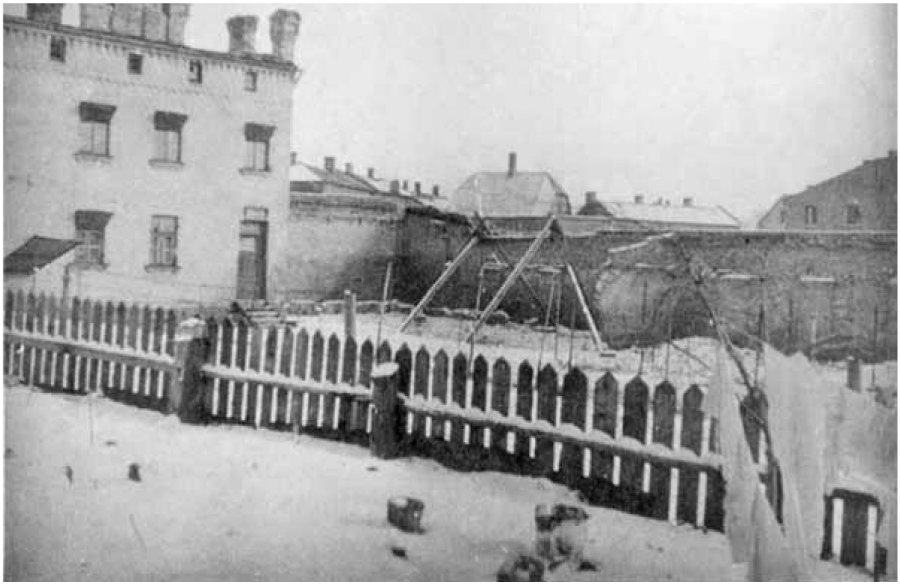


Псков. Лето 1943 г. Курсанты КДВ – Курса для вожаков. Практические занятия. Игра «третий лишний» на улице перед Св. Дмитриевским приходским домом. В середине Р. Полчанинов. *Фото о. Георгий Бенигсен*

Город Остров. Лето 1943 г. Надпись сделанная немцем-переводчиком: «Durchgang verboten! – Движение при смерти запрещено». *Фото Р. Полчанинов*

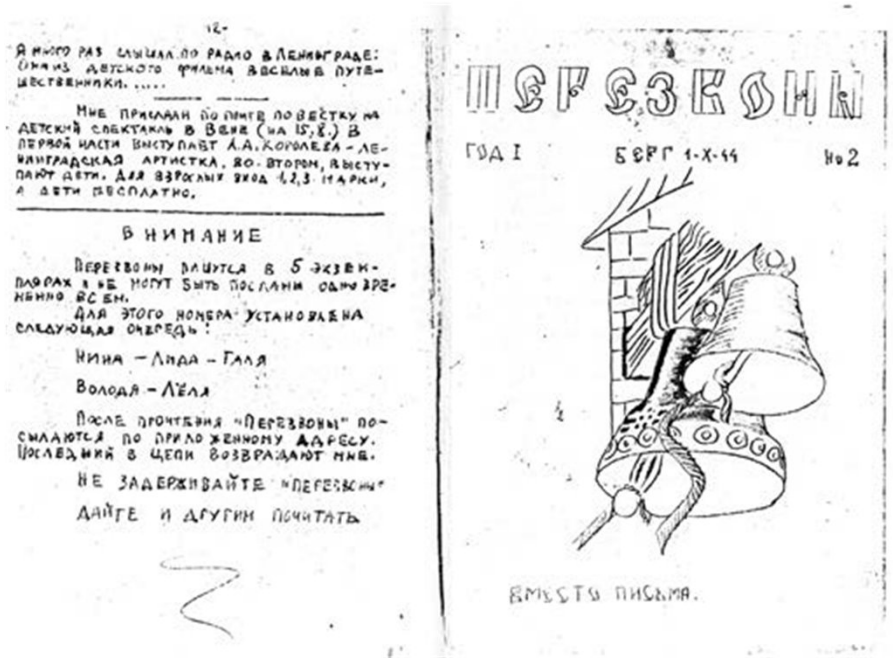
Парад РОА во Пскове 22 июня 1943 г. Слева, в белой гимнастерке полковник И.К. Сахаров. *Фото Р. Полчанинов*

Рига. 6 мая 1944 г. День Св. Георгия – праздник подпольных разведчиков и разведчиц из числа вывезенных из России. В заднем ряду гости – трое местных рижских русских скаутов. Крайний справа вожак звена разведчиков Петя. *Фото Р. Полчанинов*



Рига. Февраль 1944 г. Одно из арестантских помещений (с козырьками на окнах) в части гетто для евреев из Европы на ул. Саркана 3. Виселица. *Фото Р. Полчанинов*

Лагерь Берг около Вены. Жительницы за стиркой белья. Крайняя справа Анна Наумова, теща Р. Полчанинова. *Фото Р. Полчанинов*



Я много раз слышал по радио в Ленинграде: сейчас из детского филиала вас ведут в путешественники. ....

Мне прислали по почте по повестку на детский спектакль в Вене (на 15.X.) В первой части выступает А.А. Королева - ленинградская артистка, во втором, выступают дети. Для взрослых вход 2,3 марки, а дети бесплатно.

ВНИМАНИЕ

Перезвоны пишутся в 5 экземплярах и не могут быть посланы одновременно всем.

Для этого номера установлена следующая очередь:

Нина – Лида – Галя

Володя – Лёля

После прочтения "Перезвоны" посылаются по приложенному адресу. Последний в цепи возвращают мне.

НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕ "ПЕРЕЗВОНЫ"

ДАЙТЕ И ДРУГИМ ПОЧИТАТЬ

ПЕРЕЗВОНЫ

ГОД I БЕРГ 1-X-44 №2

ВМЕСТО ПИСЬМА.

Лагерь Берг около Вены. 1 октября 1044 г. Рукописный журнал «Перезвоны», орган связи подпольных псковских разведчиц. Редактор Р. Полчанинов

Лагерь «Родина». Август 1945 г. Общий вид

Гости в лагере «Байкал». Август 1948 г. Первый ряд, в середине девочка с бантом – Мила Полчанинова. Второй ряд слева направо А. Наумова (теща Р. Полчанинова), ?, Людмила Олейник (мать Р. Полчанинова), Н. Доннер, ?, ?, Валентина Полчанинов (жена Р. Полчанинова)

Менхегоф (Германия). Осень 1946 г. Курсы геодезистов в клубе УМСА. В первом ряду, первый слева председатель клуба В. Смирнов. Справа стоит о. Митрофан Зноско. *Фото Р. Полчанинов*

Менхегоф около Касселя (Германия) 17-21 февраля 1946 г. Участники. Слева направо. Первый ряд: Д. Порхаев, ?, В. Лейдениус, В. Гальской. Второй ряд: ?, Л. Гижицкий, ?, О. Безрадецкая?, М. Сагайаковская, ?, о. Г. Бенигсен, Р. Полчанинов. Стоят: Б. Лузин, под ним Ю. Месснер, ?, С. Пелипец?, И. Халафова, Ю. Амосов, ?, Н. Доннер, Б. Мартино, ?, С. Шауб, А. Короленко, А. Поремский, ?, Е. Поздеев, В. Кейзеров

Слет ОРЮР. Фельдмохинг около Мюнхена (Германия) 6-8 мая 1949 г. Парад

Слет ОРЮР. Фельдмохинг около Мюнхена (Германия) 6-8 мая 1949 г. Разведчицы после богослужения подходят под благословение Митрополита Анастасия (Грибановского)

Суворовские торжества. Вейнгартен (Германия) 9 октября 1949 г. Освящение памятника

Эдерзее (Германия) Август 1947 г. Лагерь УМСА. Раздача обеда. Первый ряд слева В. Быкадоров, начальник русской группы

Ганау (Германия) Лето 1949 г. ДиПи лагерь в бывших немецких казармах. Уголок где жили Полчаниновы. Слева направо В. Полчанинова и ее мать А. Наумова

ДиПи лагерь Германия. Конец 1940-х гг. Встреча руководителей у костра. Сидят слева направо: венгр, (видны только ноги?), Р. Полчанинов, латыш Клетниекс (?), литовец Чепас, Ж. Моннэ и украинец

Джембори Бад-Ишл (Австрия) 3-13 августа 1951 г. Американский Верховный комиссар для Австрии Донели с русской ленточкой

Джембори Бад-Ишл (Австрия) 3-13 августа 1951 г. Ворота ДиПи скаутов. Слева направо Э. Прибыткин, ?, П. Колтыпин, американский Верховный комиссар для Австрии Донели

notes

1

Манохин Н. В. Краткая история русского сокольства. Прага, 1924. С. 12.

2

Летопись Союза Русских Соколов. М., 2001. С. 1.

Манохин Н. В. Указ. соч., с. 26.

4

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Д/II. 1906, с. 153.

5

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Д/II. 1906, с. 153.

6

Организация общества «Русский Сокол», изд. «Златоуст», [Шлейсгейм, 1948]. С. 7.

Халафова И. Русские скауты на острове Проти – 1919–1920 годы //Новый журнал. Нью-Йорк, 1984. № 156. С. 200–207.

8

988–1988 г. Празднование Тысячелетия Крещения Руси русской эмиграцией в Западной Европе. Париж, 1989. С. 117.

Основы Русского Сокольства. Белград, 1935. С. 24.

10

Там же, с. 73.

11

Пряншников Б. Новопоколенцы. Силвер-Спринг, США, 1986. С. 6.

Арсеньев А. У излучины Дуная. М., 1999. С. 142, 152.

Пряншников. Б. Указ. соч., с. 8.

Там же, с. 9.

15

Пантюхов О. И. Русским скаутам. Белград, 1929. С. 90–92, 135.

Полчанинов Р. Скаутизм-разведчество и НТС // Страницы истории разведчества-скаутизма. Нью Хайд-Парк, США, №. 18 (75). С. 2.

17

Там же, с. 3.

Монтвилов В. Русская гимназия в Бресте на Буге 1919–1939. М., 1998. С. 113.

19

Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции 1917–1988. СПб., 2008. С. 205.

НТС. Мысль и дело 1930–2000. С. 20–21.

21

Столыпин А. П. На службе России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. С. 51.

Полчанинов Р. Русские Сокола, БРП и НТСНП в Режице // Новый журнал. 2002. № 227. С. 268–275.

23

Равдин Б. Борис Голубев. Дневник. 1940 //Даугава. 1996. № 1. С. 122–152.

24

Рар Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). М.: Посев, 2003. С. 123.

Полчанинов Р. «Јован Качаки. Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920–1944», рецензия // Новый журнал. 2004. № 235. С. 332.

26

Выдержка из письма Б. Солоневича, опубликованная О. И. Пантюховым 15 окт. 1934 г.

«Меч» от 5 марта 1939 г., Варшава.

Маевский В. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 254.

29

Мальчевский А. Ступенями в прошлое. Сан-Франциско, 1979. С. 69.

Там же, с. 70.

Andrija Mirkovic. Unerforschte Gebiete der jugoslawischen Philatelie und Postgeschichte. Selbstverlag, Koln, 1988.

32

Новое время. Белград. 1922. № 392.

33

Солдатский университет // Новое русское слово. Нью-Йорк. 6, 7 и 8 сент. 1967.

34

Redarstvena oblast za grad Zagreb. Prs.broj 32.423-41. Zagreb, 22.prosinca 1941. Poziv. Pozivaju se članovi bivšeg Jugoslavenskog sokola sa područja grada Zagreba, da u neprekoračivom roku od 8 (osam) dana predaju svoje sokolske odore ili njihove dijelove Redarstvenoj oblasti za grad Zagreb (Dordićeva ulica broj 2 I kat) za vrijeme uredovnih sati od 8 do 13 h. O predaji odore izdavat će se uredovne potvrde. Napominje se, da će se o predaji odora voditi najstrožiji nadzor, te će se protiv onih, koji predaju odora ili njihovih dijelova ne izvrše u određenom roku najstrožije postupati, t.j. biti će upućeni u koncentracioni logor, a u slučaju većeg propusta, odnosno protuslovlja ovoj naredbi – stavljeni pod prieki sud. Redarstvena oblast za grad Zagreb. (Hrvatski državni arhiv, Zagreb. Zbirka štampata, 104/55) размер 95 × 63 см.

35

Александров К. М. Примечания к статье Я. А. Трушновича «Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг.» // Новый часовой. СПб., 1994. № 2. С. 159.

«Большей частью сербы» (Босния и Герцеговина) // МСЭ. 1934. Т. 2. С. 3.

Александров К. М. Трагедия русского казачества: 1943–1944 гг. // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 108–109.

В статье сказано: *Чины 1-го полка Корпуса в конце апреля 1942 г., занимая высокий правый берег р. Дрины у села Луговица, открыли огонь по усташам, которые готовились уничтожить огромную массу несчастных сербских беженцев, бежавших из Боснии. Обстреляв хорватов, русские перевезли на сербский берег Дрины более 2500 человек, а также их домашний скарб и скот. Позднее, летом 1942 г. корпусники спасли более 1000 сербов, в том числе несколько сот детей-сирот. (Полковник М. Т.* Русский корпус в Сербии во время 2-й мировой войны // Под Белым Крестом. Апрель 1955. № 4. С. 19–20).

Не оставалась в стороне и дивизия Паннвица. В районе села Джаково (Босния) ночью 3 января 1944 г. усташи собирались живьем сжечь около 200 сербов, загнав их в печи бывшего кирпичного завода. Узнав об этом, казаки 1-го дивизиона 1-го Донского полка вместе с командиром дивизиона майором вермахта Максом примчались на место происшествия и стали насильно освобождать сербов. Около роты усташей открыли огонь, а казаки начали им отвечать. 17 казаков и 2 офицера были убиты, хорваты потеряли более 30 человек. Оставшихся донцы взяли в плен и отпустили, перепоров плетьми. Обреченных сербов спасли. В апреле 1944 г. в районе г. Петриня казаки 3-й сотни 1-го дивизиона 5-го Донского полка спасли от взрыва православный храм. Опять между усташами и казаками вспыхнула короткая перестрелка, в которой погибли 1 казак и 2 усташа. Традиционно выпоров хорватов, кононовцы их отпустили. (*Черкасов К.* Генерал Кононов. Т. 2. Мюнхен, 1965. С. 24–26).

Например, О. И. Пантюхов опубликовал 15 октября 1934 г. «Выдержки из письма бежавшего из советской тюрьмы Бориса Солоневича “Все ждут гибели этой власти и жаждут войны”» («Приказы, инструкции и беседы Ст.р.ск. 1921–1939», Санта-Роза (США). 1996. С. 156). Подобные высказывания встречались и в других статьях и выступлениях Б. Солоневича.

39

Рыбкина-Пушкадия Т. Русско-православные церкви в Земуне и Сараеве. Рукопись (по-хорватски).

40

Политика. Белград. 2 и 10 декабря 1949 г. (а также 18, 14, 16 ноября, 3, 4 и 5 декабря 1949 г.)

41

Новое русское слово // Спектатор: Новая высылка русских эмигрантов из Югославии. Нью-Йорк. 3 февраля 1956 г.

42

Политика. Белград. 7 декабря 1949 г.

43

«Supplement of Additional Entries»: S-3096 laroslavna; zhurnal razvedchits / Underground publication of NORS / Published by the Molodezh' russkoi kolonii Zagreb. Ed / N.Zarakhovich, Zagreb (Croatia) / German-occupied territory of Yugoslavia / /1942/ 1942–3; no. 1–8.

44

Полчанинов Р. В. «Старые» и «новые» берлинцы // Единение. Сидней. № 2262, 3.6.1994 (со слов «старого» берлинца Олега Геннадиевича Сампсидиса).

Гессен И. В. Годы изгнания. Париж: ИМКА-Пресс, 1979. С. 242.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. С. 147.

Гессен И. В. Указ. соч., с. 134–135.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. С. 137.

Полчанинов Р. В. История разведчества. Нью Хайд-Парк (США), 1977. С. 15.

50

Письмо Зинаиды Моисеевны Федяй (р. 1922) от 10 февр. и 29 апр. 2004 г. в архиве автора.

51

Полчанинов Р. В. История разведчества. Нью Хайд-Парк (США), 1977. С. 15.

Полчанинов Р. В. История разведчества. С. 23–24. Эта статья была проверена и дополнена Ольгой Сергеевной Астромовой (ур. Безрадецкой), Михаилом Викторовичем Монтвиловым и Зинаидой Моисеевной Федяй (ур. Дудниковой), за что им автор приносит глубокую благодарность.

53

Приказ по ИЧ № 6, параграф 3 от 15 июня 1942 г.

54

Войцеховский С. Л. Варшава – июль 1944 года // Возрождение. Париж, февраль 1970. С. 91; Эпизоды. Лондон (Канада): Заря, 1978. С. 58).

Войцеховский. С. Л. Эпизоды. Изд. «Заря». С. 58.

56

Письмо О. Астромовой (ур. Безрадецкой) от 21.11.2003 в архиве автора.

57

Письмо Д. Скоробогач от 25.11.2003 в архиве автора.

Ионцев В. А. и др. Эмиграция и репатриация в России. М.: изд. Попечительства о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 70.

Encyclopaedia Britannica. Chicago: London: Toronto, 1960. V. 18. P. 519 B.

Ионцев В. А. и др. Эмиграция и репатриация в России. С. 71.

61

Письмо Д. Левицкого от 16.04.1992 в архиве автора.

Псковские хроники. Псков: Стерх, 2004. Вып. 4: К 60-летию освобождения Пскова. Подготовлено П. Гусевым на основании информации, собранной в трехмесячный срок для секретаря Псковского обкома ВКП(б) Л. М. Антюфеева, о структуре и личном составе разведывательных и контрразведывательных органов и политико-экономическом положении Пскова в период оккупации. С. 203–243.

63

В газете «За Родину» (1943. 28 окт.) было сказано, что библиотека на Гоголевской (имелась в виду Солодёжня, постройка XVII в.) работает уже девятый месяц. Там же было сказано, что работает и недавно открытая библиотека в Успенской церкви. Эта библиотека была в бывшей Успенской церкви, превращенной большевиками в Спецхран. Долго она не проработала. В ноябре или декабре 1943 г. она была вывезена в Ригу и поступила в распоряжение Einsatzstab Rosenberg.

64

В псковской историко-краеведческой газете «Псковский хронограф» (2001. № 6, 21 июля) в отделе «После освобождения» было напечатано секретное распоряжение нач. Серёдкинского РО НКГБ капитана госбезопасности Мальцева от 4 октября 1944 г.: *«Секретарю Серёдкинского РК ВКП(б) тов. Дианову. В некоторых районах, в частности, в гор. Пскове, иногда проскальзывают случаи, и в нашем районе, за неимением бумаги отдельные руководители организаций, председатели сельсоветов и колхозов для разных служебных записок используют разные немецкие бланки, а подчас и контрреволюционные листовки, чем способствуют распространению германофашистской антисоветской агитации.<…> Прошу при очередной отправке уполномоченных в сельские советы дать наказ провести разъяснение в колхозах о снятии со стен всех изданий немецких оккупантов, ни в коем случае не применять для записок немецкие бланки и контрреволюционные листовки, предупредив их, что виновники будут наказываться. А также поставить вопрос о сдаче всякого рода книг, журналов, газет и пр. немецкого издательства в РО НКГБ».*

65

За Родину. 1943. 18 марта.

Глазунов И. Россия распятая. М.: ООО «Агентство “КРПА” Олимп», 2004. С. 415–416.

Сказочная библиотечка / Под ред. В. В. Гладилина // Бр. Гримм. Еж и заяц. Издатель и год издания не указаны.

Глазунов И. Указ. соч, с. 416–417.

69

Средние специальные учебные заведения Пскова в 1920–30 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 18. С. 248.

70

Беседа псковского историка Константина Петровича Обозного с ученицей и сотрудницей д-ра Горицкого Ксенией Ивановной Жемчужиной.

71

Письма К. П. Обозного от 8.07.2003 и 1.04.2004 в архиве автора.

Краткий «Третий разряд», пособие для вступительного экзамена в организацию скаутов-разведчиков, был нелегально издан мною в Пскове в начале 1943 г., с адресом берлинской НОРМ в конце, на всякий случай. Там были жития св. Ольги и св. Владимира, были приведены 12 законов разведчиков, слова гимна разведчиков: «Будь готов, разведчик…» и сказано, что этот гимн написан еще в России в царское время и что тогда же в России были организации молодежи, называвшиеся «юными разведчиками». Тогда же был отдельно издан и сборник песен.

73

О моей работе в фирме «Эрбауер» я впервые написал в статье «Из дневника военных лет» в «Новом русском слове» (Нью-Йорк, 19.07 и 15.08.1985). До этого никто об «Эрбауере» не писал. О духовном окормлении православных рабочих фирмы «Лейхтметалл» в Берге, в число которых входили и работники «Эрбауэра», не упоминая этого названия, писал епископ Митрофан (Зноско) в «Хронике одной жизни» (М., 1995) на с. 137, 141 и 143. Недостаток достоверных сведений вызвал появление неверных, а то и клеветнических описаний событий.

В московском журнале «Вопросы истории» (1998. № 7) была помещена статья К. Болдырева «Менхегоф – лагерь перемещенных лиц», присланная его дочкой Еленой Землер с предисловием от редакции, в котором говорится, что Болдырев *«через подставных лиц получил от фашистских оккупационных властей разрешение открыть в Минске контору, получавшую подряды на фиктивное строительство»*. Откуда у редакции такая информация, сказать трудно, но здесь нет ни слова правды, а между строк можно прочитать что угодно. Подряды фирма получала вполне реальные, но некоторые члены НТС в ней состояли фиктивно, чтобы юридически оправдать свое пребывание на оккупированной территории.

Е. Романов, председатель НТС с 1984 по 1995 г., в своих воспоминаниях «В борьбе за Россию» (М., 1999), в которых много неточностей, в сноске на с. 286–287 допустил особенно крупную неточность, сказав, что Болдырев будто бы *«после нападения Германии на СССР создал в Германии полуфиктивную строительную фирму»*. Ее название написано неграмотно. Всех превзошел доктор исторических наук А. Окороков, бездоказательно заявивший в своей книге «Фашизм и русская эмиграция (1920–1945)» (М., 2002) на с. 483, что Ермолов, будучи организатором русско-немецкой строительной фирмы «Эрбауер», *«поддерживал тесное сотрудничество с местными органами СД»*.

Все это вынудило меня, как бывшего сотрудника Болдырева, обратиться за помощью к сооснователю фирмы «Эрбауер» инженеру Михаилу Викторовичу Монтвилову (р. 1914), с помощью которого я смог восстановить настоящую историю фирмы.

Епископ Митрофан. Хроника одной жизни. М.: изд. Св.-Владимирского Братства, 1995. С. 144.

75

Письмо Г. Сазоновой (ур. Геккер) от 4.02.2004 в архиве автора.

76

Письмо Г. Сазоновой (ур. Геккер) от 4.02.2004 в архиве автора.

Рар Л. и Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). М.: Посев, 2003. С. 159.

78

Письмо Г. Сазоновой (ур. Геккер) от 4.02.2004 в архиве автора.

79

Трибух С. В. Менхегоф – лагерь русских ДиПи. 1945–1949. Рукопись. 1988. С. 10.

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 119–120.

81

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 119–120.

Трибух С. В. Указ. соч., с. 6.

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 117.

Там же, с. 118–119.

Там же, с.119.

Там же, с. 118.

87

Там же, с. 118.

Трибух С. В. «Менхегоф – лагерь русских ДиПи». Рукопись. С. 23.

89

Там же, с. 22.

Болдырев К. В. Указ. соч., с. 119.

91

Там же, с. 120.

Там же, с. 120.

Там же, с. 120–121.

Encyclopaedia Britannica. 1960. V. 19. P. 59.

95

S.H.A.E.F. Parachute Edition, No. 27 May 11. 1945. The Daily Organ of Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force. Листок на четырех языках: английском, французском, польском и немецком. В немецком тексте было сказано: «Das Oberkommando gibt volgende Spezialanweisungen für alle russischen Staatsangehorigen: Alle Russen, die sich in dem vom Oberkommando kontrolierten Gebieten befinden, werden so schnell wie möglich zu den russischen Behörden gebracht werden. <…> Befreite Polen, die sich in den Gebieten Deutschlands befinden, die vom Allierten Oberkommando kontrolliert werden haben Gelegenheit, ihre Wünsche zu aussern, ob sie nach Polen zurückkehren wollen oder nicht. Jeder Fall wird individuel behandelt warden». Это же было сказано и по-французски, только вместо «русские подданные» было сказано «советские подданные». Польский текст о праве выбора для поляков был подписан Эйзенхауэром, а про русских в польском тексте ничего не было сказано. По-английски ни про русских, ни про поляков ничего не было сказано.

Беттел Николас (Bethell Nicholas). Последняя тайна. Лондон, 1977.

97

Вербицкий Г. Г. Корни предательства: выдача россиян Советам. 1944–1947 гг. // Литературный европеец. Франкфурт-на-Майне. № 100, июнь 2006. С. 70–71.

Александров К. М. Армия генерала А. А. Власова. 1944–1945 / 2-е изд. М.: Яуза, 2006. С. 419–420.

Столыпин А. Жертвы Ялты // Посев. 1951. № 25. Цит. по: Посев. 2005. № 5. С. 38.

Там же. С. 38.

101

Тарасова Н. Несмываемая кровь // Посев. № 32 (483) 7 августа 1955. С. 8.

102

Цит. по: Проблемы войны и мира в XX веке. Хрестоматия. Т. III // сост. О. А. Колобов, А. А. Корнилов и И. В. Шамин. Нижний Новгород: изд. Нижегородского университета, 1998. С. 69–70.

103

Конгрессмен Бош за расследование о насильственной репатриации // Новое русское слово. Нью-Йорк, 3 марта 1955. С. 2.

Проблемы войны и мира. С. 153–154.

105

Вербицкий Г. Г Упомянутая статья в «Дит. европейце». // Военный вестник. Ч. I. Нью-Йорк, 1956. 125 с.; ч.II, 1958. 125 с.

Вейнбаум М. «Операция килевание» Новое русское слово 11 марта 1970 г. С. 2.

107

«Writer Julius Epstein Dies. San Francisco Chronicle 4 July 1975».

Кузнецов Б. В угоду Сталину. // Военный вестник. Ч. I. Нью-Йорк, 1956. 125 с.; ч.II, 1958. 125 с.

109

Там же ч. 2. С. 98.

Александров К.М. Указ. соч. С. 449.

111

Цит. по кн.: Pawns of Yalta / Пер. Г. Г. Вербицкого в статье «Американец и выдачи россиян в СССР» (Русская жизнь. Сан-Франциско, 6 мая 2006; За Свободную Россию. № 76. С. 14.

112

По данным USA National Archives, полученым А. М. Афанасьевым.

113

Эпштейн Ю. Как мы были участниками чистки // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1985. 11 мая. С. 6 (пер. из Журнала Американского Легиона за декабрь 1954 г.).

114

Коряков М. М. Листки из блокнота. Когда отзвонили колокола… // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1970. 24 мая. С. 4.

115

Сречинский Ю. С. Прошло тридцать лет… // Новое русское слово. 5 июня 1975.

Александров К. События и комментарии (20–27 октября) // Русская жизнь. Сан-Франциско. 2008. 1 ноября.

117

Александров К. М. Армия генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944–1945: Материалы к истории Вооруженных Сил КОНР. СПб., 2004., С. 148.

118

Арзамаскин Ю. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М. 2001. С. 101–102.

119

Алехин Г. В. Генерал Хольмстон-Смысловский и Русское освободительное движение // Наши Вести. Санта-Роза (США). 1994. Июнь. № 435. С. 9–10.

Александров К. М. Указ. соч. С. 418.

121

Вербицкий Г. Г. Почта остарбайтеров Второй мировой войны // Hermitage Publishers (USA). 1996. С. 172–181 (репродукции открыток, посланных из Бельгии и Франции).

Elliot Mark R. Pawns of Yalta. Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation. Urbana: Chicago: London: University of Illinois Press, 1982. P. 114.

123

Там же. P. 174.

Столыпин А. Жертвы Ялты. С. 39.

125

Цит. по: Церковь и советские военнопленные // У нас. Мельбурн, 2005. № 6 (126). Июнь. С. 10.

126

Чухнов Н. В смятенные годы: Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1967. С. 113–114.

127

Фостер Л. А. Русская диаспора. Святыни Русского зарубежья. М.: Изд. Правительства Москвы, Департамента международных связей города Москвы и Московского дома соотечественников, 2006. С. 48.

Фесенко Т. П. Повесть кривых лет. Изд. НРС, 1963. С. 178.

129

Самарин В. Д. Подвиг духа и воли // Православная Русь. Джорданвилл (США), 1976. № 18. С. 12.

Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 96–99.

131

Цуриков Н. А. «Кровавое воскресенье» в Кемптене – Ужас насильственной репатриации // Единение. Сидней (Австралия), 1989. 2 июня. № 22 (2002). С. 8.

132

Аристова А. А. (ур. Терских). Что сохранила память. Санта-Роза, США. 2001. С. 110–114.

133

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 122.

134

Там же, с. 121.

135

Там же, с. 130.

136

Там же, с. 130–131.

137

Там же, с. 132–133.

138

Там же, с. 133.

139

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 121.

140

Там же, с. 123.

141

Там же, с. 121.

142

Там же, с. 136.

143

Там же, с. 138.

Епископ Митрофан. Хроника одной жизни. М., 1995. С. 147.

145

Там же, с. 155.

Подробнее в кн.: Свободное слово «Посева». 1945–1995. М., 1995.

147

О «Букваре» сказано в упомянутом сочинении на с. 10, но в списке на с. 155 не значится.

148

Письмо О. Астромовой от 06.09.2006 в архиве автора.

149

В «Свободном слове “Посева”. 1945–1995» на с. 155 значатся только 3 выпуска.

Знаю точно, что менхегофскими учебниками пользовалась гимназия при Доме «Милосердный Самарянин» в Мюнхене.

Подробнее в «Матурантском вестнике», 1965 (редактор О. Астромова) и в брошюре «Гимназия им. М. В. Ломоносова (при лагере «Менхегоф»). 1945– 1947 гг.». Санта-Роза (США), 2000. Составитель В. Быкадоров.

152

Трибух С. Менхегоф – лагерь русских ДиПи (рукопись хранится в Библ.-Фонде Русское Зарубежье). С. 53.

153

Седьмая кадетская памятка юбилейная. Нью-Йорк, 1997. С. 228.

Рукопись в архиве автора.

Трибух С. Менхегоф – лагерь русских ДиПи. С. 60.

Столыпин А. П. На службе России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. С. 139.

Пряншников Б. Новопоколенцы. Силвер-Спринг (США), 1986. С. 244.

Артемовы А. Н. и А. Н. Издательство «Посев». 1945–1985. Франкфурт-на-Майне (Германия), 1985. С. 12.

159

Полчанинов Р. «Ладонка» – Второе издание // НРС 16 окт.1977. С. 6.

160

Освящение штаб-квартиры Менхегофской дружины // Разведчик. 1945. № 1. С. 24–25.

161

Р. П. Разведчество в Менхегофе // Разведчик. 1947. № 1 (11). С. 11.

162

Вестник Гросс-Гессенского отдела. 1946. № 5. С. 1.

163

Опыт. 1949. № 10. С. 6.

Одиночка. 1946.№ 10. № 5. С. 6.

165

Середа Р. Интернациональный слет скаутских звеньев 1948-го года в Wellerode (Германия) // Вестник руководителя. 2006. № 537. С. 10–11.

166

Краткий отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин». Мюнхен, 1947 г. Цит. по статье: 50-летие Дома «Милосердный Самарянин» // Русское возрождение. Нью-Йорк–Москва–Париж, 2002. № 81. С. 121.

167

Холодная Милица Александровна (ур. Киселева). Сорокалетие Свято-Серафимовского фонда // Русское возрождение. Нью-Йорк–Москва–Париж, 1990. № 50. С. 75.

Краткий отчет… С. 127.

169

Там же, с. 136.

Раевская-Хьюз О. Что мне дал Дом Милосердного Самарянина (1945–1949) // Русское возрождение. Нью-Йорк–Москва–Париж. 1995. № 63. С. 34–42.

171

Письмо Маргариты Романовны Гизетти от 2 августа 2005 г. в архиве автора.

Цит. по тексту устава 1924 г.

173

Журнал «Мы». Зальцбург. № 4 (конец декабря 1945 или январь 1946 г.).

Цит. по отчету Съезда руководителей юных разведчиков.

175

Киселева Каллиста Ивановна.

176

Не «Ел. Александровна», а Елена Алексеевна Лопухина, в замужестве Слободская.

177

Письмо В. Г. Тремль от 29.11.2005 г. в архиве автора.

Письмо М. Р. Гизетти от 26 окт. 2005 г. в архиве автора.

179

Вестник. Орган Р. С. Х. Движения в Германии. 1949. № 1. Январь.

50-летие Дома «Милосердный Самарянин» // Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва – Париж, № 81. 2002. С. 128–130.

181

Вестник. Орган Р.С.Х. Движения в Германии. 1949. № 11–12.

182

Письмо Г. Вербицкого от 13.11.2005 в архиве автора.

183

Раевская-Хьюз О. Что мне дал Дом Милосердного Самарянина (1945–1949). Рукопись. С. 3.

Письмо М. Р. Гизетти от 2.12.2005 в архиве автора.

185

Письмо графа Георгия Всеволодовича Александровича от 26.11.2005 в архиве автора.

186

В Пюртене в конце 1948 и первой половине 1949 г. работал 23-й сводный отряд ОРЮР, основанный в 1946 г. в Эльзенфельде и затем переехавший в Майнлеус после перевода лагеря в Пюртен в 1949 г. В том же году лагерь был переведен из Пюртена в Гибельштадт, где от отряда из-за отъезда из Германии осталось только одиночное звено.

Кудряшов Ю. Российское скаутское движение. Архангельск: изд. Поморского университета, 2005. С. 558.

188

Цитируется по упомянутой книге Ю. Кудряшова. С. 140.

189

Разведчик. Менхегоф. 1946. № 2. С. 32–33.

Там же, с. 34.

191

Там же, с. 36–37.

Там же, с. 34–35.

Кудряшов Ю. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 283.

194

Рядовой Тенгинского полка Архип Осипов 22 марта 1840 г., во время Кавказской войны, когда мюриды ворвались в Михайловское укрепление на Черноморском побережье, совершил подвиг. Он взорвал пороховой погреб и погиб вместе с сотнями врагов под обломками уничтоженного взрывом форта.

195

Рукопись Ю. Кудряшова. Ч. 3. С. 18.

196

Там же, ч. 3, с. 18

197

Юбилейный слет. Неподписанная статья // Свисток. Мюнхен-Фельдмохинг, 1949. № 5. С. 2–3.

198

С юбилейного слета. Обо всем понемногу. «Старый Волк» // Свисток. Мюнхен-Фельдмохинг, 1949. № 6. С. 3–6.

199

Опыт. Мюнхен, 1946. № 1. С. 17. В оригинале было написано «Саджа Цагайдинов».

200

Опыт. Мюнхен, 1946. № 1. С. 17. В оригинале было написано «Саджа Цагайдинов».

201

Опыт. Мюнхен, 1947. № 3. С. 21. В оригинале было написано «Дяче Тенгер», но, как объяснила Е. С. Ремилева в письме от 3 апреля 2006 г., надо было написать: «Дээчи Тенгр – святой воин, покровитель войны и воинов, помощник в сражениях и победах».

202

Хромой Комар. Между нами, бэкаэсовцами // Опыт. Мюнхен, 1958. № 31. С. 34.

203

История калмыцкого народа // Свисток. Сан-Франциско, 1952. № 2. С. 13.

Письмо Е. С. Ремилевой от 3 апреля 2006 г. в архиве автора.

205

Письмо Е. С. Ремилевой от 3 апреля 2006 г. в архиве автора.

206

«Памятка 50-летия Суворовского кад. корпуса. С. 38. Буквы В. К. означают: Владимир Крейтер. Цит. по: Перекличка. Нью-Йорк, 1955. № 44 (12). Июнь.

Свитич А. К. Суворовские торжества в Германии // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1952. С. 139–140.

Там же, с. 140–141.

209

Там же, с. 142.

210

Там же, с. 145.

211

Там же, с. 146.

Encyclopaedia Britannica. Chicago, USA. 1960. V. 23. P. 905–906.

213

Сербский текст на пластинке: Одељење за Помоћ Ратним Заробљеницима ХСМЉ Хришћанске Заједнице Младих Људи Свира оркестар избеглих ратних заробљеника у Швајцарској. На сохранившейся у меня пластинке на одной стороне сказано 269 «Србијо» – потпури 9, а на другой – 273 «Врањанка – коло 9.

214

В упомянутой Encyclopaedia Britannica, v.19, P. 59 сказано, что к лету 1946 г. было более миллиона не желавших возвращаться, в том числе: поляков – 600 тыс., югославян 75–100 тыс., балтийцев 250 тыс. и украинцев 50 тыс. человек. Количество бесподданных не указано, а советских летом 1946 г. не должно было быть.

215

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Т. Д/II. С. 158.

216

Russian Education in Harbin, 1898–1962 by Olga Bakich – Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1994. т. XXVI. С. 287.

217

История русских в Австралии. Сидней, 2004. Т. К. Суслова. Харбин. С. 60.

Olga Bakich. Указ. соч., с. 288.

219

Цит. по ст.: Донской кадетский корпус в Египте // Электронный Бюллетень. Венесуэла. Январь, 2005. С. 37–40.

220

Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова, Т. Шор. Общественная жизнь. Тарту: Санкт-Петербург, 2001. С. 142.

221

В русском отделе ХСМЖ // Наша газета. 1930. 2 апреля. Цит. по: *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. С. 224.

Единство. Менхегоф (Германия). 1946. № 1. С. 40.

Русские общественные и культурные деятели в Эстонии // Сост. проф. С. Г. Исаков. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 56.

224

Резолюция 27.09.1948.

225

Корнилов А. А., проф. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек. Нижний Новгород, 2004. С. 17–18.

226

Резолюция 31.08.1949.

227

Слово церкви: Приложение к Русской мысли. Париж. 5 окт.1949. № 177.

Церковная жизнь. Мюнхен, 1949. № 7–8–9. С. 3–4.

229

Там же, с. 4.

Там же, с. 4–5.

231

В кн.: *Гурвич А. Л.* История издательства YMCA-Press (с приложением подробной библиографии книг, опубликованных издательством). М.: Спутник +, 2004 дан также исключительно полный список книг, изданных ХСМЛ в Женеве в 1944–1945 гг. В списке 11 названий, к которому я могу прибавить только «Бедные люди» Ф. М. Достоевского (1945, 143 с).

232

Гурвич А. Л. Указ. соч. В списке 12 названий, к которому я могу прибавить только «Комедии» Н. В. Гоголя (год не указан, 63 с.).

233

Письмо А. Шмелева от 6 августа 2007 г. в архиве автора.

234

Le livre du prisonnier. Ed.: Comité consultatif pour la lecture des prisonniers et internés de guerre – Rapport sur son activité Genève 1951, 17 страниц, библиография.

Упомянутая Le livre du prisonnier, с. 13.

236

Письмо Г. Суперфина от 30 июля 2008 г. в архиве автора.

Paul B. Anderson. No East or West. YMCA-Press/ Paris, 1985. C. 82.

238

Инфляция в Германии почувствовалась, когда в 1918 г. из обращения стала исчезать мелочь, но сверхинфляция началась только в 1922 г. В конце 1923 г. были выпущены денежные знаки в 100 миллиардов марок (100 000 000 000). Новая марка равнялась 1 миллиарду старых.

Письмо Людмилы Фостер в архиве автора.

240

Далеко не все книги в 1945–1948 гг. издавались в ДиПи лагерях, как некоторые думают. К русской печати ДиПи лагерей относятся только имеющие надпись Aprproved by UNRRA Team… или адрес ДиПи лагеря. Около половины издателей проживали на частных квартирах и до ноября 1946 издавали книги, ни у кого не спрашивая разрешения. Американцы потребовали, начиная с ноября 1946 г., прекратить иностранную книгоиздательскую деятельность, а после мая 1947 г. стали давать разрешения и одним и другим, что и указывалось на книгах: Permitted by Military Government for… или Information Control Division APO… и т. д. Известны дававшие разрешения на издание русских книг UNRRA Team: 1, 108, 120, 568 – Мюнхен, 52 – Штутгарт, 107 – Мюнхен-Фрейман, 186 – Байройт, 505 – Менхегоф, 631 – Шлейсгейм-Фельдмохинг. Был еще и неизвестно где находившийся UNRRA Team 164.

241

Подробнее в главе: «“Посев” и издания НТС в 1945–1951 гг.» и в книге «Свободное слово “Посева”. 1945–1995». М.: Посев, 1995.

Любимов. А. К 40-летию со дня смерти Сергея Максимова // Новый журнал. 2007. № 246.

243

Подробнее в кн.: *Кошеварова С. В. и Тарасова М. Н.* Каталог издательства «Донская речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону / 2-е изд., испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Эверест, 2006. С. 42–49 и 252–263.

244

Письмо Н. Мамонтова от 13.12.1985 в архиве автора.

Фостер Людмила. Библиография русской зарубежной литературы 1918– 1968. Бостон, 1970. Т. 1. С. 668.

246

Аноним. «Искра» сборник стихов // Вестник РОВС. СПб. 2001. № 1–2. С. 28–30.

247

Имя и годы взяты из книги*: Юпп М.* Роспись книг поэзии Российского Зарубежья XX века (1917–2000). Филадельфия: Пространство, 2004. С. 55.

248

ДиПи лагерь Большой Шлейсгейм находился в черте Мюнхенского предместья Фельдмохинга, а не городка Шлейсгейм, который, судя по почтовому штемпелю, не считался предместьем Мюнхена. Там находился ДиПи лагерь Малый Шлейсгейм, где не было ни издательств, ни издателей.

249

Западные украинцы (галичане) назывались по-украински «захидняками», а восточные – «схидняками».

250

Подробнее в главе «Выдачи» и у проф. А. А. Корнилова в книгах: «Риза Светлая. Жизнь и служение протоиерея о. Евгения Лызлова. Материалы к 50-летию основания храма во имя иконы Божией Матери “Всех Скорбящих Радосте” в г. Филадельфия, США» (Нижний Новгород: Нижегородское отделение Императорского Православного Палестинского Общества, 1998. 56 с.) и «Пропавшие без вести. Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери “Всех Скорбящих Радосте” г. Филадельфия. США» (Нижний Новгород: Нижегородское отделение Императорского Православного Палестинского Общества, 1999. 96 с.).

251

Подробнее в книге Б. Прянишникова «Новопоколенцы» в главе: Газета «Эхо».

252

Книга «Таежный волк» интересна тем, что она вышла в 1948 г., но вместо полагающегося разрешения оккупационных властей имеет надпись: Published under Authority of IRO Team 7 – Munich. Думаю, что издатель выпустил кигу, ни у кого не спрашивая разрешения, и допустил ошибку. UNRRA делилась на команды – Team, в каждом лагере своя, а IRO делилась на области – Area, охватывающие десятки беженских лагерей. Об издательстве «Явь и быль» подробнее в главе: «В. Н. Ордовский-Танаевский, ОРЮР и Имка в Шлейсгейме-Фельдмохинге».

253

Составитель Библиографического указателя дипийских книг и брошюр (1945–1951 гг.) П. Базанов включил в него 678 названий // Диаспора VIII. Париж; Санкт-Петербург, 2007. С. 689–739.

Болдырев К. В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 135.

Поздняк В. Юбилей плана Маршалла // Новое русское слово. Нью-Йорк, 2007. 6 июня. С. 3.

256

Сокольская страница. 1952. № 5, май. С. 1.

257

Владимир Васильевич Бодиско (1912–1998) // Кадетская перекличка. 1998. № 64–65. С. 217–219.

258

Русский Сокол. Юбилейное издание гимнастического общества «Русский Сокол» в Медоне 1927–1951. С. 19–20. Принятые сокращения: «бр.» – брат, «с.» – сестра.

259

Песня «Бьет светлый час» была написана русским соколом Гнилорыбовым, членом в то же время и НТСНП (ныне НТС), которую также пели и скауты-разведчики.

260

«Дядя Митя» – Дмитрий Ильич Камбулин (1879–1959), оренбургский казак, офицер царской и белой армий, во Вторую мировую войну служил в Русском охранном корпусе.

261

Русский Сокол, с. 20. Сергей Гаврилович Маслов скончался во Франции в ноябре 1962 г. (Незабытые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 431).

Там же, с. 20.

263

«Академией» у соколов называется любое крупное выступление с докладами и гимнастическими упражнениями, устраиваемыми раз или два в году. Заимствовано из сербского языка.

«Вылетом», как положено птицам, сокола называют небольшие экскурсии или прогулки.

265

Пазинг – предместье Мюнхена, где был ДиПи госпиталь.

Русский Сокол, с. 20–21.

267

Там же, с. 21. «Гнездом» в сокольской организации называются небольшие группы, менее 20 членов.

Фесенко Татьяна. Повесть кривых лет. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1963. С. 179.

269

Фесенко Татьяна. Повесть кривых лет. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1963. С. 179.

Явь и быль. Мюнхен, 1948. № 4, апрель–май. С. 43.

271

В «Вестнике органе Р. С. Х. Движения в Германии» (Мюнхен, № 3 за март 1949 г.), в заметке на с. 32 председатель Имки в Шлейсгейме В. Ордовский-Танаевский, которого часто называли просто Ордовским, был по ошибке назван В. Ардынским.

“Sie ab 1.12.1949 offiziell als YMCA field worker supervisor in den DP Lagern Műnchen-Feldmoching und Schleissheim-Flugplatz arbeiten werden”. Письмо от 30.11.1949.

273

Приказ Ст. скм. № 30, параграф 6 от 1 октября 1949 г.